ХРИСТИНА Д. СЕМИНА

ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ АРМИИ

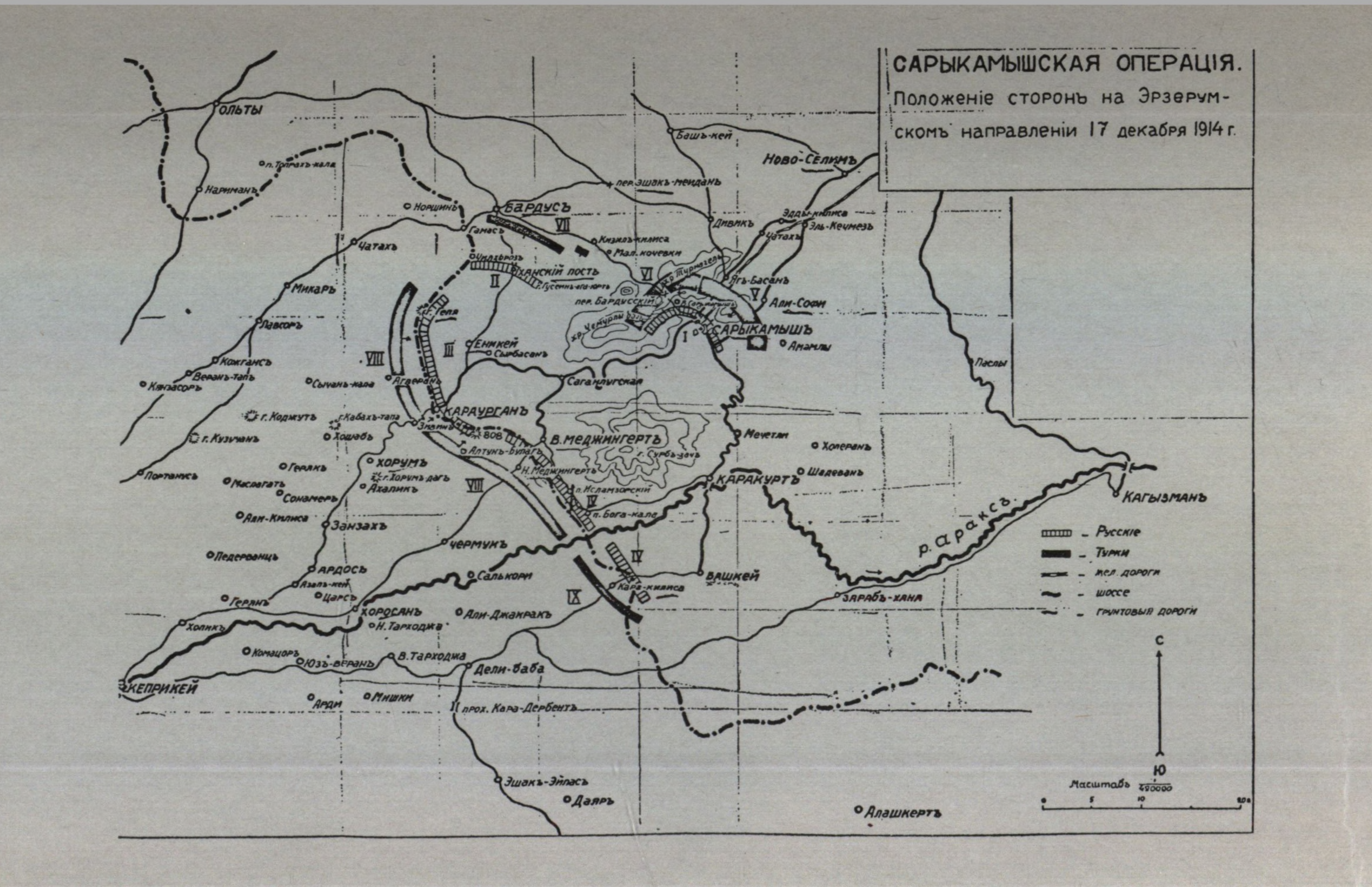
Первой Великой Войны 1914–1918 г.г.

ЗАПИСКИ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ КАВКАЗСКОГО ФРОНТА

Книга первая

•

НЬЮ МЕКСИКО
1963

САРЫКАМЫШСКАЯ ОПЕРАЦІЯ.
Положеніе сторонъ на Эрзерумскомъ направленіи 17 декабря 1914 г.
Русские
Турки
жел. дороги
шоссе
грунтовыя дороги
С
Ю
Масштабъ
Ольты
Нариманъ
Норшинъ
Бардусъ
Гамесъ
Чатахъ
Микаръ
Лавсоръ
Кожгансъ
Кензасоръ
г. Коджутъ
г. Кузичанъ
Портанисъ
Хошабъ
Хорумъ
Ахаликъ
Занзахъ
Ардосъ
Царсъ
Героянъ
Холикъ
Хоросанъ
Н. Тарходжа
Кеприкей
Комацоръ
Юзъ-веранъ
В. Тарходжа
Дели-баба
Арди
Мишки
прох. Кара-Дербентъ
Эшакъ-Элясъ
Даяръ
Алашкертъ
Ханскій постъ
Енмкей
Сарыкамышъ
Али-Софи
Амамлы
Ягъ-Басанъ
Дивикъ
Башъ-кей
Ново-Селимъ
Эль-Кечмезъ
пер. Эшакъ-мейданъ
пер. Бардусскій
Мал. кочевки
Саганлугская
Караурганъ
В. Меджингертъ
Н. Меджингертъ
п. Исламзорскій
п. Бога-кале
Алтунъ-булагъ
Меджетли
Хоперанъ
Шадеванъ
Каракуртъ
Вашкей
Кара-килиса
Чермукъ
Салькори
Али-Джакракъ
Зарабъ-хана
р. Араксъ
Кагызманъ
Паслы
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX

ХРИСТИНА Д. СЕМИНА

ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ АРМИИ

Первой Великой Войны 1914–1918 г.г.

ЗАПИСКИ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ КАВКАЗСКОГО ФРОНТА

Книга первая

•

НЬЮ МЕКСИКО
1963

THE TRAGEDY OF THE RUSSIAN ARMY
DURING THE WAR 1914—1918

by

CHRISTINE D. SEMINE

Printed by Rausen Bros. 142 E. 32nd St., N.Y. 16, N.Y. 149

Посвящается памяти моего мужа доктора Ивана Семеновича Семина

НАКАНУНЕ НАДВИГАВШЕЙСЯ КАТАСТРОФЫ, НЕ ТОЛЬКО МОЕЙ ЖИЗНИ, НО И МОЕЙ РОДИНЫ

Глава 1

После окончания университета, муж поступил младшим врачем в Кабардинский полк, который стоял в Карсе. Но, несмотря на то, что кабардинцы мужу очень нравились и жить в Карсе было не плохо, муж хотел домой, — в родной город — Баку. Три с половиной года он ждал освобождения вакансии в Сальянском полку, который стоял в Баку. В Баку он родился, кончил гимназию и уехал оттуда только учиться в университете. За эти годы умер его отец, а за две недели до сдачи последнего государственного экзамена умерла и мать.

Отец оставил своим детям несколько больших доходных домов, нефтяные земли и порядочный капитал наличными деньгами. В течение семи лет всем этим имуществом управлял старший брат Алексей. Его кутежи были известны всем в городе. А столько лет бесконтрольного хозяйствования Алексея, сильно сократили доходы моего мужа. Младший брат Яша был под опекой Алексея. Он знал все проделки Алексея и незаконные траты им денег и пользуясь этим сам требовал от опекуна большие суммы и тоже прокучивал их. Яша просидел несколько лет во втором классе, а когда умер отец он бросил совсем гимназию.

Алексей был офицером Сальянского полка и сейчас же после смерти отца женился на хорошенькой гимназистке. Он не дал ей даже кончить гимназию. Хотя и она сама не настаивала на этом. Идилия их любви продолжалась не долго. Скоро пошли ссоры и какие-то счеты, которые однако не помешали им иметь четырех дочерей: Надю, Таню, Мару и Ольгу. Я очень любила эти девочек; да и муж мой — тоже.

Я познакомилась с моим (будущим) мужем, когда мне не было еще полных пятнадцати лет. Два с половиной года ждал

молодой студент, чтобы его невеста подросла. Он был студентом медицинского факультета Казанского университета. Мы поженились и сейчас же поехали в Баку, чтобы познакомить меня с семьей мужа.

Наконец желанная вакансия освободилась. Мы переехали в родной город мужа, устроились в собственном доме, — заняли большую квартиру, нашли хорошую кухарку, горничную. И кроме них еще был у нас денщик мужа, да прачка Аннушка.

— Ну, теперь устроились на всю жизнь! Никуда я из Баку не поеду! — говорил муж, прохаживаясь по комнатам. — Посмотри как все красиво и уютно!—И правда у нас все было очень хорошо: чудная мебель, великолепные персидские ковры; комнаты светлые, высокие, — такие строют только у нас на Кавказе.

Весна. Тринадцатый год. Сальянский полк ушел на маневры, а с ними и мой муж, и Алексей. Мы с Ниной и детьми поехали в Пятигорск; у нас там была дача. Осенью, когда мы вернулись в Баку, узнали, что один батальон Сальянского полка посылают в Персию, а с ним едет и мой муж. Только к весне четырнадцатого года муж вернулся домой, но не надолго.

Около Баку появилась чума и туда послали солдат для карантина. Всю подозрительную по чуме местность окружили солдатами. И с этим батальоном опять послали моего мужа. Сидел он в этой голой и пыльной степи больше трех недель, но ни одного чумного не было. И несмотря на это, никто не мог ни войти в этот заколдованный круг, — ни выйти из него. Я с моим мужем разговаривала каждый день по телефону. Только один раз мне удалось поехать на лодке, которая везла продукты для солдат и офицеров. Из полковой канцелярии заранее дали знать об этой поездке всем дамам, мужья которых находились на карантине. Я приехала на набережную и там увидала несколько полковых дам. Одна из них, — Мончинская, — была с маленьким сыном Мишей.

Мы все сели в лодку и поехали. Лодка была большая и нагруженная мешками, ящиками и овощами. Легкая зыбь на море скоро всех нас сделала больными, кроме трехлетнего Миши. Он все время приставал к матери, которая лежала на скамейке и которую тошнило. — Мама! А что папа делает с чумой? А она большая? А она страшная? А мы можем ее повезти домой? — бесконечно задавал он вопросы, заглядывая в лицо матери.

Наконец лодка подошла близко к берегу, но не пристала. Солдаты, засучив штаны выше колен, подошли к лодке и стали выгружать привезенные продукты. Сейчас же на берегу кто-то

закричал: — лодка пришла! лодка пришла! — Из палатки, которая стояла недалеко от берега, вышли офицеры, а с ними и мой муж. Все бросились к берегу. Некоторые даже вошли в воду, но к лодке не подходили близко (точно сами они были зачумленные). Ваня мой тоже вошел в воду.

— Что Тинушка, укачало? Я знаю что ты не выносишь морской воды. Поцеловал бы я тебя, да вода мешает!

— Родной Ваничка, скоро ли ты вернешься домой?

— Да, — ужасно надоело сидеть здесь без дела на положении отверженных.

А мужья кричали с берега своим женам: Валичка, Соня, да подними хоть голову — покажись! Маленький Миша тоже кричал с лодки своему отцу: А она... А она большая?

— Скорее бы домой-обратно. Я тоже так плохо чувствую себя. Я лучше с тобой по телефону поговорю!

Наконец лодку выгрузили и мы поехали обратно. Вышли на набережную; все больные, зеленые.

Наконец карантин сняли! Муж вернулся домой. А через две недели получил новое предписание, — немедленно выехать в Шемаху и принять местный госпиталь, в котором старший врач только что застрелился.

Опять укладываю для мужа чемоданы. — Послушай Ваня! Да что же это такое? Ведь ты совсем не живешь дома. Я не могу так жить. За эти годы как мы женаты, мы и половины не жили вместе. Ты все время в разъездах! Уходи в отставку! Слава Богу не нуждаемся в твоем жаловании!

— Хорошо. Но уходить так сразу нельзя! Мне самому надоело мотаться повсюду. Мне жалко, что я забросил работу в детской лечебнице. Вот, подожди! Как только вернусь из этой командировки, — сейчас же подам в отставку...

Опять осталась одна.

Сегодня получила письмо от мужа: — «Приезжай сюда, я может быть задержусь здесь надолго. Возьми Гайдамакина. От станции до города тебе придется ехать на фаэтоне десять верст. Это не очень то безопасно, особенно одной женщине».

Я позвала Гайдамакина и сказала ему, что он поедет со мной в Шемаху к барину. Затем я быстро уложилась и мы поехали.

Шемаха маленький, уездный городишко. Население полутатарское, полу-армянское. Там стояла какая то воинская часть; был там и гарнизонный госпиталь. Был там и начальник гарнизона, — когда то блестящий офицер, служивший в Варшаве, но за какие то дела, — переведенный в эту глушь.

Муж жил в маленьком флигеле, принадлежавшем госпиталю. Флигель этот стоял на пустыре около проезжей дороги и госпитального сада, но сам не был ничем огорожен. Мимо флигеля дорога шла к станции. Было в домике четыре комнаты почти без мебели, но светлые и приветливые. Три из них были жилые, а четвертая служила госпитальной лабораторией. Вход в нее был отдельный с улицы.

— Я не хотел селиться в бывшей квартире старшего врача. Она большая, мрачная, хотя там и есть все удобства.

Муж рассказал, кто из местных жителей был интересен и с кем нужно познакомиться.

— Самая интересная семья, это начальника гарнизона. Я с ним встречаюсь довольно часто. Был и у них в доме, — познакомился с его женой. Тоже очень милая. Я уверен она понравится и тебе. У них есть сынишка — Саша. Оба влюблены в него страшно...

Дни шли. Мы с Гайдамакиным, когда муж утром уходил в госпиталь, стали наводить красоту и чистоту в комнатах. В домике давно никто не жил. Кухня была отдельно от дома и стояла прямо посреди пустыря, заросшего ежевикой, но к ней шла кирпичная дорожка и был проведен звонок.

Скоро нас пригласили на ужин к начальнику гарнизона. Как-то неудобно было идти на ужин в семью, где никого не знаешь. Визита я сделать не успела. Целый день занята: то переставляю кое-какую мебель из комнаты в комнату; то собираю ежевику, которую, кстати, никак не могу сама достать. Обычно Гайдамакин брал кочергу и подтягивал мне ветки, а я рвала ягоды.

— Пойдем, пойдем! Полковник очень просил. Неудобно тянуть дальше и отказываться.

— Почему ты Ваня не отказался от ужина? В воскресенье мы бы к ним пошли с визитом. А то идем прямо на ужин!

— Ну, теперь поздно уже отказываться. Да, я ведь и отказывался. Но полковник и слышать не хотел. Он сказал: Мы будем считать, что вы уже у нас были с визитом.

Дом начальника гарнизона был недалеко от нас, — только пройти пустырь. Это был великолепный казенный дом! При нем большой сад с фруктовыми деревьями и массой цветов. Когда мы пришли и познакомились, то хозяйка повела меня показать сад, цветы и розы. Я всем любовалась и восхищалась, особенно после Баку, где каждая розочка привозилась для продажи издалека.

— Но это все пустяки в сравнении с тем, что вы увидите дальше, — сказала хозяйка. — Пойдемте! Я вам покажу моего сына Сашу!.. Он лучше всех цветов!..

Позднее она рассказала мне (в первый же вечер), что она немка и что с мужем своим познакомилась в поезде, когда он ехал в Шемаху.

— Он был так красив!.. От него шли лучи любви!... Он только что дрался на дуэли из-за чужой жены... И был сослан в Шемаху. А какое мне дело, что он много любил? Теперь он любит только меня и Сашу. Мы с ним вышли на какой-то станции и повенчались!.. И приехали сюда мужем и женой. Я все время чувствую себя счастливой. А у него, — да я вам покажу, — целый альбом карточек девушек и женщин которых он любил до меня. Я здесь с ним спокойна! Тут нет красивых женщин. Я и сама ведь еще очень красива!

Правда она была очень красива. Блондинка; с пышными волосами; большие голубые глаза; маленький рот с красными чувственными губами; тонкий красивый нос и нежный овал лица.

Мы вернулись в дом и она показала мне детскую. Саша был уже в постели, — но еще не спал. Мы с ним познакомились. Оба, — и муж и жена были очень красивы. Но мальчик был прямо красавец! Потом она повела меня на кухню и показала посуду и плиту, на которой готовили только для Саши.

— У вас мне все нравится, — сказала я. — Уютно! Чувствуется, что этот уют создавался годами...

— Нет, мы здесь живем только четыре года. Правда до нас здесь жила семья прежнего начальника гарнизона.

Когда мы вошли в гостиную, там был еще новый гость. Нас познакомили. Это был заведующий канцелярией начальника гарнизона.

Ужин был простой, но вина были разнообразные и мужчины наливали себе не пропуская ни одной бутылки. И, ужин затянулся до двух часов ночи. Когда я стала звать мужа домой, то хозяева уговаривали нас посидеть еще.

— Что вы Тина Дмитриевна беспокоитесь? Ведь это нам — мужьям завтра надо рано вставать! А вам ведь можно спать сколько угодно! — говорил полковник.

Наконец, — около двух часов ночи мы попрощались и ушли. Пошел с нами и чиновник. Но он скоро попрощался и пошел к городу.

Когда мы остались одни, — муж спросил меня: — Ну, как тебе понравились новые знакомые? Правда оба симпатичные? А мальчик понравился?..

— Да, да! Вся семья понравилась. Она просила меня заходить к ним почаще...

Мы пришли домой и сейчас же легли спать. Я так быстро заснула, что не помню сколько минут, или часов я спала, когда услышала стук в дверь. Я открыла глаза. Было уже светло.

— Кто там? — спросила я. — Вот опять постучали и голос Гайдамакина: — телеграмма! Спешная! — Муж проснулся тоже и сказал: — войди Гайдамакин. — Он вошел и подал телеграмму. Я собралась опять заснуть. Вдруг слышу голос мужа: — что это?! Война?!

Я быстро откинула одеяло и села на кровати. Муж сидел на своей кровати и молчал.

— Что ты сказал?! Прочти еще!.. — Он прочел: — «Германия объявила войну России»!!

* * *

Было три часа утра, и было уже совершенно светло, когда муж получил эту роковую и страшную телеграмму! Мы оба были подавлены этим известием. У меня внутри била мелкая, холодная дрожь. Зубы стучали, хотя челюсти были сжаты до боли.

Муж заговорил первый: — успокойся пожалуйста! Мне, как врачу, не грозит личная опасность на войне. Разлука, конечно, может быть долгая! — Ну, да будем писать друг другу часто... Ты любишь помогать людям! — Теперь, во время войны, — в этом надобность будет огромная! Сколько останется вдов! Сколько сирот! — Бесприютных! Без всяких средств к жизни! Вот и работа для тебя: кормить их; — помогать пережить минуты отчаяния и безнадежности; помочь устроить и начать новую жизнь! Я оставлю тебе Гайдамакина. Он в доме свой человек, — предан нам, любит нас.

Он крикнул: — Гайдамакин иди сюда! — Тот вошел: — Ты знаешь, что Германия объявила войну России. Война значит! — повторил муж.

— Так точно, — тихо произнес солдат. — Ну что ж! будем воевать! А теперь хорошо бы выпить горячего чаю!

Гайдамакин вышел. Муж говорит — я спать не могу. А ты спи. — Сейчас ведь только четвертый час. Но спать не могла и я... Солнышко уже осветило комнату и как-то легче стало на душе.

Гайдамакин постучал в дверь: чай подан. Я надела халатик и пошла за мужем в столовую. За столом мы говорили о том, как я останусь одна, что буду делать...

— А что если я пойду на курсы сестер милосердия? — сказала я.

— Пожалуйста не делай этого! — Это занятие не для тебя. Это очень тяжелая работа. Для нее нужны крепкие нервы. Возиться с кровью и с кусками человеческого мяса — страшное дело! А там неизбежно появится и тиф! Будет косить всех, и врачей, и сестер, и санитаров! Нет! — Пожалуйста сиди дома. Я буду много спокойнее, если буду знать, что тебе ничего не угрожает. Оставь в доме всю прислугу. А я тебе оставлю еще и Гайдамакина. Гайдамакин! — Когда он вошел муж сказал ему — ты со мной на фронт не поедешь! Я поручаю тебе барыню. Смотри за ней, слушайся ее, так же как меня!

В это время пришел вестовой и принес записку: «доктору Семину немедленно прибыть на приемный пункт для освидетельствования прибывающих запасных».

Муж ушел и вернулся только в 9 часов вечера, страшно уставший и расстроенный. В Шемахе население татарско-армянское. У армян вся семья живет только трудом мужа. Женщины очень мало способны вести самостоятельно дом и хозяйство. Поэтому, когда потребовали их мужей, отцов и братьев на приемный пункт и сказали, что это война, — то поднялся такой плачь и вой женщин и детей, что прямо жутко стало. Гул этого плача стоял во всем городе день и ночь. — А партии призывных на войну запасных с утра уже шли мимо нашего домика на станцию для отправки в полки... Я не могла оторваться от окна и смотрела на людей в разной одежде, совсем не похожих на солдат, шедших беспрерывной лентой к вокзалу. Иные пели, другие громко разговаривали... Многие утирали глаза и сморкались; — плакали... Женщины шля рядом с ними, держась обеими руками за руку мужа, отца или брата. Многие дальше моего домика не шли, а как подкошенные падали на пыльную дорогу и выли и причитали так жалобно, что не было сил слышать этот плачь.

У меня слезы катились из глаз. Сердце больно сжималось. Я не находила себе места, — не знала что делать!.. Чувствовала только, что пришло что-то страшное и непоправимое; что нет никакой возможности остановить это страшное... Когда муж пришел домой и рассказал ужасные картины, которые он видел весь день на приемном пункте, — еще страшнее стало... А плачь на улицах и на дорогах к станции и с наступлением ночи не прекратился и не уменьшился...

Все следующие дни муж уходил на приемный пункт на весь день! Возвращался поздно, усталый и расстроенный. И я не находила себе ни дела, ни места! Целый день бродила по комна-

там. Часами стояла у окна и смотрела на дорогу «слез», по которой, как и в первый день тянулась бесконечная лента «уходящих» и провожающих... Так же женщины держались за своих мужей, братьев и отцов... Так же с плачем и стоном они падали на дорогу и долго и жалобно плакали.

Сегодня муж вернулся не один. Привел гостя — молодого драгунского офицера, который приехал сюда для покупки лошадей (его отец служит в Кабардинском полку). За ужином молодой корнет все время беспокоился, что может задержаться с приемом лошадей и не попасть на фронт ко времени боев...

— Война ведь не может продлиться больше двух-трех месяцев! А я непременно хочу повоевать с моим полком и показать немцам, что такое драгуны! (Бедный мальчик! Под Варшавой в первых же боях был убит, но желание его исполнилось: Русская кавалерия нагнала на немцев страху порядочно и задержала немецкий напор первого наступления на Варшаву).

Утром следующего дня муж получил срочную телеграмму, немедленно прибыть к месту нового назначения по мобилизации. Он назначался старшим врачом отдельного санитарного транспорта и должен был немедленно ехать в Тифлис. Муж пошел на приемный пункт, чтобы сказать, что он должен ехать к месту нового назначения. А нам с Гайдамакиным сказал, чтобы мы укладывались. Однако он вернулся с приемного пункта только вечером, и сказал, что весь день осматривал запасных.

Рано утром на следующий день мы выехали на станцию железной дороги. Когда подъехали к ней то просто узнать не могли всегда тихую, безлюдную маленькую платформу. Она была полна народу, — исключительно мужчинами. Мне показалось, что их тысячи; с узлами, корзинками, чемоданами; многие в грязной одежде прямо с работы, — не успевшие даже переменить одежды. Теперь все ждут поезда. Скоро он пришел. Это был не поезд, а сплошная людская масса наполнившая вагоны и даже облепившая их снаружи. Не было никакой возможности, казалось, не только попасть в вагон, но даже добраться до него... Но почти без всяких усилий с моей стороны, человеческая волна сама продвинула меня и прижала к самым дверям вагона. Ну, дальше то мне уже ни за что не пробраться! подумала я. На подножках вагонов на каждой ступеньке сидело по несколько человек, держась за поручни; двери в вагон были открыты и на площадках люди стояли так густо и тесно, что и думать нельзя чтобы хоть одному еще человеку пробраться внутрь вагона. Все вагоны первого, второго и третьего класса одинаково были набиты людской массой.

Как только поезд остановился муж подтолкнул меня к ступенькам, крепко держа за руку. Моментально сидевшие на ступеньках соскочили на платформу и стали помогать втискивать меня в вагон. — Эй, ребята! Помогите! Дайте дорогу доктору, нужный нам человек, скоро перевязывать наши дырочки будет! — кричал кто-то позади меня. И не успела я опомниться и попрощаться с мужем, как я уже была в вагоне и поезд тронулся...

Я не знала, что мне делать? — Вперед ли пробираться, или спрыгнуть назад на платформу? — Но там, где минуту тому назад было свободное место, — оно уже закрылось плотной человеческой массой и не было никакой возможности не только пройти куда-нибудь, но и руку просунуть. Какой-то молодой человек стал меня подталкивать вперед в вагон: — Земляки посторонитесь! Пропустите даму! — Он и усадил меня в первое же купэ. В нем было полно народу, но нашлось место и для меня. И только тогда я заметила, что поезд уже идет полным ходом.

Муж остался на станции и будет ждать поезда, который пойдет в Тифлис. А я и не попрощалась с ним почти! И это меня мучило ужасно. — Ведь война! Может быть навеки расстались! А я и не взглянула на него в последний раз, так быстро чьи-то руки втолкнули меня в вагон. Но, тут я стала припоминать и мне кажется, что это были руки Вани. Стало легче на сердце.

Только теперь я хорошо разглядела сколько тут сидело публики. Все разговаривали друг с другом. Рядом со мной, какой то молодой человек, рассказывал своему соседу: — Понимаете!? — Жена у меня осталась с двумя ребятами! А денег у них ни копейки... — Слушатель успокаивал его. — Не волнуйтесь! Сейчас же воинский начальник будет выдавать ей ваше жалованье. Это ведь закон такой: если муж, или отец уходит на войну, то всегда семья получает его жалованье. Вы не беспокойтесь: голодными ваши дети не останутся... — Сидевший на против меня на другом диване весело рассказывал: — Влетает, это в мастерскую заведующий: Ребята война! Кто первоочередники — все на сборный пункт!.. Мы прямо обалдели. Побросали работу и гурьбой пошли в город на пункт. Ни одной капли вина не выпили! — торжественно заявил рассказчик своему слушателю. — Забежал домой, попрощался с матерью и был готов! Я не женат! Сборы мои коротки! Другое дело кто имеет семью, плохо тому теперь! Слез этих не оберешься! А помочь ничем не можешь! Посмотрите вон на того, — рассказчик показал головой на противоположную сторону, — я ви-

дел его, когда он утром садился на какой-то станции в наш вагон. Жена провожала его; похоже, что и мать... Так жена-то схватила его за руку и не дает ступить на подножку вагона. Кричит: родной мой! Не оставляй меня с малыми детьми! Едва старуха ее оттащила! Да и поезд ходу прибавил... Вон, видите сидит; свет ему поди не мил. Все видно думает о семье... А что? Думай, — не думай, а все равно повезут на фронт...

— Да, что вы! Война теперь кончится в два-три месяца, — говорил кто-то в коридоре. — Техника теперь большая! Пушки стреляют на двадцать пять верст! И что такое Германия?! Русские войска видали и не таких, как немец! Дрались и с туркой, и с япошкой...

— Так япошка-то наклал нашим ведь! — сказал мой сосед вмешиваясь в общий разговор... Поезд вдруг стал сильно тормозить. Показалась какая-то станция; но поезд не остановился, а опять прибавил ходу и проскочил мимо. На платформе станции стояла большая толпа с узлами, с корзинками в руках.

С нашего поезда им кричали: — нету «местов». Подождите другого поезда! — А другие кричали: — до скорого свидания, земляки!

Когда я вышла из вагона на бакинском вокзале, Гайдамакин сейчас же подошел ко мне. — Я ехал в этом же поезде, только в другом вагоне. Барин помогли мне вскочить на подножку.

Я вышла с вокзала на улицу, взяла фаэтон и поехала домой. Гайдамакин остался получать багаж. Как странно! На улицах полно народу, — точно праздник.

Как только фаэтон подъехал к подъезду, Тимофей, старший дворник, увидав меня бросился к парадной двери моей квартиры, позвонил и подбежал ко мне: — с приездом барыня! Вот какие дела-то! Война! Что народу-то угнали на фронт, — страсть! — говорит Тимофей, беря мои вещи. Дверь открылась и Маша, горничная, с испугом смотрит на меня; — «барыня приехала»! — чуть слышно произнесла она. Только я вошла в подъезд, — кухарка Авдотья кубарем скатилась с лестницы. — Барыня! барыня, а у нас война!! Пойди, барина-то уже забрали? — со слезами в голосе говорит она. — Не видишь разве одна барыня-то вернулась. Видать всех мужчин забрали: и барина, и Гайдамакина, — тихо говорит Авдотья дворнику.

— А мы, барыня, не знали что нам делать? — Война, а вас нету! — сказала Маша, идя за мной.

Как странно я себя чувствую! — Точно вернулась с кладбища после похорон дорогого и близкого человека!.. Слишком

большой и неуютной показалась мне квартира, которая недавно еще казалась такой нарядной и уютной. Вот и кабинет Вани. Все на своих местах, но что-то не так... Тоска и боль сжимают сердце. Сейчас же пришли Нина и Яша. Нина стала рассказывать новости: Сальянский полк ушел на западный фронт; весь город провожал полк; плакали все ужасно; было трогательно и грустно!

— А я только что получил телеграмму от Вани и собирался ехать на вокзал встречать тебя. Да дворник прибежал и сказал, что ты уже приехала! — сказал Яша, как бы оправдываясь, что не встретил меня на вокзале.

— Приходи ко мне обедать. Дети не дождутся когда ты придешь, — сказала Нина. Когда я пришла к ней, дети облепили меня и все говорили только о войне.

— Дети, пора вам идти спать! — сказала Нина. Няня их увела, но предварительно каждая из них попросила меня перекрестить их по несколько раз и поцеловать.

Когда мы с Ниной остались одни, она сказала: — Я как-то все еще не могу поверить, что Алексея нет и что я на положении соломенной вдовы!

— Тебе тяжело переживать разлуку с ним?

— Послушай! — Ведь вы все отлично знали, как мы жили! Папа тоже стал было утешать меня, но сразу понял, что это ни к чему! Я не хочу его смерти! Но так же — не хочу и его скорого возвращения... Хотя все говорят, что война скоро кончится...

Как-то утром, когда я встала и взяла утреннюю газету, то первое, что я в ней увидела, — это то, что при городских больницах открываются курсы сестер милосердия. Записываться можно в Коммерческом училище, на Биржевой улице. Сейчас же пойду туда! — решила я. Это от нашего дома всего три квартала и по нашей же улице. Только я собралась уходить, пришел Гайдамакин.

— Барыня, я пойду на вокзал; вчера не могли найти ваш багаж. — Видя, что я собралась выходить, он добавляет: — «наперед я сбегаю пригоню для вас фаэтон».

— Не нужно. Я пешком пойду.

— Так я пойду с вами...

— Нет, здесь близко, — я одна пойду.

— Так барин приказали мне оберегать вас?!..

Коммерческое училище — великолепное новое здание, выстроенное всего несколько лет тому назад и занимающее целый огромный квартал. Один фасад выходит на нашу Биржевую

улицу, а другой к морю! В большой, светлой комнате — канцелярии, сидел врач в военной форме и записывал желающих слушать курсы. Когда я назвала свою фамилию, он поднял голову и посмотрел на меня.

— Вы жена доктора Семина?

— Да!

— Как же, я знаю его, — наш бакинец! Хорошо! Мы вас зачислим слушательницей первых курсов. Только ведь тяжелая эта работа! Справитесь ли вы барынька? — да там видно будет! Вот вам расписание лекций. А здесь в этом здании мы открываем военно-хирургический госпиталь. Как только все будет готово к приему раненых, лекции будем читать здесь. Мы можем принять в этот госпиталь до тысячи раненых солдат и офицеров.

Он дал мне печатное расписание лекций и я ушла.

Первая лекция была по уходу за больными. И все мне показалось очень торжественно и как-то жутко. Об уходе за больными читал доктор Газабеков. Курсантки в первый же день узнали, что он чахоточный, придирчивый и строгий. Во вступительном слове он сказал, что самое главное для сестры милосердия, — хорошо знать уход за больными.

— Вы все должны знать мой предмет очень хорошо. На экзаменах я буду спрашивать вас на сколько вы усвоили мои слова и действительно ли поняли их.

После лекции будущие сестры со страхом спрашивали друг друга: правда какой страшный? — сказала хорошенькая армяночка Мариям.

— Вы слышали, он сказал, что мы должны приносить еду для больного на подносе и на чистой салфетке, чтобы вызвать у больного аппетит? — сказала другая девушка.

— Да что мы, — горничные, что ли? — возмутилась бойкая Машукова.

Следующая лекция была по анатомии. Ее читал доктор Захарьян, который с первого же дня сделался любимцем всего курса.

Неделя промелькнула совершенно незаметно. «Курсантки» уже считали себя опытными сестрами. После лекции все собирались в дежурке и проверяли и обсуждали усвоенные знания друг друга.

Как-то я пришла домой, и нашла письмо от Вани. «Тиночка, приезжай сюда. Пока я здесь мы будем вместе. Я очень скучаю по тебе. Не знаю сколько еще пробуду в Тифлисе, так как тот транспорт, в который я был назначен по мобилизации уже

сформирован другим врачем, который и ведет его на западный фронт. А мне дали его транспорт, для формирования. Но в первый же день моего знакомства с обстановкой, в которой приходится формировать транспорты (кроме моего еще три: 84, 85, 86, это номер моего транспорта, и 87), я узнал, что для них ничего еще нет! Только ходят толпы каких-то оборванцев, которых называют солдатами для команд (конюхи и санитары). А больше ничего нет! В санитарном управлении обещают дать для формирования лошадей и хозяйственные двуколки. Я же должен сам набрать для себя из этого сброда команду. Все это займет у меня много времени! И мы можем жить пока вместе; мне очень скучно без тебя...»

Родной мой, мне без тебя тоже очень скучно. Но как же быть теперь с курсами? Ведь я записалась и хожу уже на лекции! Боюсь и писать Ване об этом! Пойду к доктору Захарьяну, посоветуюсь с ним. — После лекции подошла к нему и все рассказала.

— Доктор, муж мой все еще в Тифлисе. Он хочет, чтобы я приехала к нему. Он сам не знает сколько времени пробудет там, и хочет быть со мной. Как мне быть с курсами? Посоветуйте пожалуйста!

— Самое главное, милая барыня, это муж! Остальное все — только приложение! Поэтому, собирайтесь и с вечерним поездом езжайте прямо к мужу! А насчет курсов не беспокойтесь! Их вы и в Тифлисе можете слушать, если захотите. И если будет у вас на это довольно времени...

— Спасибо доктор, за такие хорошие слова. Я иду домой и сегодня же еду в Тифлис!

— Билет будете покупать? — спросил носильщик беря мои вещи.

— Да, я послала солдата, думаю получит билет?

— Получит раз стоит в очереди, а какой класс?

— Первый!

— Слушаюсь; но этот поезд без плацкарт.

— Да — я знаю. — Я пошла к кассе посмотреть, что там делается и где мой Гайдамакин. Но, Боже мой, что я увидела там! Сотни людей стояли у каждой кассы в две линии. В одной линии стояли штатские; мужчины, дамы, носильщики. А в другой военные: офицеры, солдаты и тоже носильщики, но с удостоверениями в руках. Гайдамакин стоял третьим от кассы. Я подошла к нему.

— Ну, как дела? Получишь билет?

— Не беспокойтесь, барыня, — билет будет.

— А у тебя билет есть?

— Нету еще; но я получу! Ведь солдатам тоже без очереди выдают.

Но для этого ему нужно было идти в другой зал и становиться в другую очередь — солдатскую.

— Гайдамакин, я пришлю своего носильщика, ты отдай ему деньги и свою очередь, а сам иди добывай себе билет. Иначе ты не попадешь на поезд.

— Да ведь у меня, барыня, сто рублей ваших денег! А, как же я-то дам все сто рублей этому то носильщику?!

— О, ты не беспокойся о них. Я знаю носильщика, — деньги не пропадут...

Не легко было разыскать, в этой снующей толпе моего носильщика. Я пошла к швейцару, стоящему у дверей входа на подъезд. — Пожалуйста, мне нужно найти моего носильщика №7! — Слушаюсь!

И швейцар прокричал всего три раза «№7, №7, №7!» И носильщик №7 подошел к швейцару и, увидев меня, сразу догадался, что это я его вызываю. Я его повела к кассе и указала моего солдата.

Через час поезд пришел. Место для меня на нижнем диване уже было занято и вещи были на месте. В купэ сидели трое: дама и два офицера. Дама была мать одного из офицеров. Я позвонила. Пришел проводник вагона, которого я попросила сделать для меня постель. Он принес чистые простыни и подушку; офицеров попросил пересесть на другой диван напротив. Но они оба вышли из купэ, чтобы, я думаю, дать мне возможность лечь в постель. Дама спросила меня, куда я еду? — В Тифлис к мужу, — ответила я, — он скоро уезжает на фронт. Мне было приятно говорить, что мой муж тоже на войне, как и другие.

— На какой фронт едет ваш муж? — спросила дама.

— На Кавказский.

— Мой сын тоже на Кавказском фронте. Вон мой сын, который повыше. — Она указала на одного из вышедших из купэ офицеров.

Было уже двенадцать часов ночи. Я укрылась и скоро заснула. Весь следующий день в вагоне только и рассказывали о войне, о героях, которые уже успели отличиться и получить Георгиевские кресты. А вечером муж уже встретил меня на вокзале и мы поехали на его квартиру, на Михайловской улице.

Весь вечер муж рассказывал свои огорчения и о том, что формировать транспорт невероятно трудно!

— Ничего нет: ни настоящих людей, ни лошадей, ни обоза... Что хочешь, то и делай. Приходится ходить каждый день в санитарное управление и приставать и выпрашивать каждую вещь. Хорошо еще, что пока нет войны с Турцией, — по крайней мере официально... А то ведь не на чем было бы перевозить раненых! На днях встретил на Головинском проспекте кабардинца, капитана Строева. Говорил, что полк стоит еще в своих казармах, но все готово к выступлению в каждую минуту. Семьи кабардинцев, как только будет объявлена война с Турцией, выедут из Карса в Тифлис. А имущество, как полковое, так и офицерское перевезут в крепостной склад.

Впоследствии все богатство полковое и офицерское досталось туркам, так как большевики Карс отдали им. Сотни пудов полкового серебра, персидские ковры, картины, не говоря уже об офицерском имуществе, все попало в руки турок. Многие офицерские семьи уехали в Тифлис только с чемоданами, оставив все, что имели в складах полка. Да и не одно только имущество Кабардинского полка там было сложено, — а и всего гарнизона Карской крепости.

На другой день, когда муж уехал в Навтлуг, где формировался его транспорт, я сейчас же пошла в общину Красного Креста узнать могу ли я слушать лекции для сестер милосердия.

— Курсы у нас уже начались; но, если вы хотите слушать для того, чтобы у вас не пропало даром время, — приходите, — сказали мне в канцелярии.

Все сложилось очень удобно; — муж уезжал с утра и возвращался только вечером. А я могла весь день проводить на лекциях. Бедный мой Ваня, каждый день возвращался расстроенный.

—Я никогда не думал, что в окружном медицинском управлении — такой кабак! Что не спросишь, — нет, нету. Вот уже сколько недель мы здесь околачиваемся и до сих пор ничего не можем добиться. Только из этой подозрительной банды я должен набрать себе команду. Вид у всех, точно у бежавших с каторги. А, главное, — нет инвентаря. Но сегодня в управлении сказали, что скоро нас отсюда пошлют в Карс. Очевидно надоели, хотят чтобы с глаз долой убрать!

Вот уже две недели прошло, как я приехала сюда. День разлуки приближается. Сегодня муж вернулся и сказал, что дня через два транспорт будет готов к выступлению, хотя у него нет ни санитарных двуколок, ни полного комплекта лошадей. Ни даже младшего врача, — помощника ему. Но в канцелярии управления сказали: можете грузиться и выступать в Карс, а

недостающее имущество мы вам вышлем позже... — Просто хотят избавиться от надоедания и бесконечных просьб! — сказал муж.

—Мы, все четверо старших врача, кажется больше всех надоедаем там в канцелярии. Едва людей набрали; да и то очень подозрительных. Вчера пришел бойкий-такой, человечек; просится на должность заведывающего хозяйственной частью. Показал свидетельство, что он имеет на эту должность законное право. Я взял его. Но он очень подозрительный тип! Не нравится он мне, но ничего не поделаешь. Пришлось взять. А сегодня еще хуже того! Он привел и помощника себе! Этот уже совсем с разбойничьей рожей! Да вдобавок еще оказался его родной брат. По закону я не имею права брать двух братьев на такие должности. Но, черт с ними! Они оба так просили, — даже плакали, — что я согласился! Других людей у меня все равно нет!..

Вот эти-то два брата-жулика (муж правильно определил их по первому же взгляду!) и погубили моего мужа, — доброго, но бесхарактерного. Они за самый короткий срок совершенно споили его, добывая для него ящиками запрещенные на фронте напитки, спаивали его и грабили все, что только попадалось им под руки. Фабриковали фальшивые счета, которые подавали мужу для подписи, когда он бывал невменяем. Они так изучили его и так научились пользоваться слабыми сторонами его характера, что в конце концов он поверил в их преданность делу и ему лично, что и в трезвом виде он не проверял счетов, веря в безусловную честность их автора...

— А ты, Тиночка моя любимая, поезжай домой! Пиши мне чаще и не забывай меня. Это все, о чем я прошу тебя. У тебя есть все: дом, деньги, прислуга. Это мне дает большое душевное спокойствие. Если же хочешь работать, — то помогай бедным! Их ты найдешь в городе сколько угодно!

Не решилась я сказать ему, что приеду к нему скоро, — как только кончу курсы.

Сегодня с утра мы оба и Гайдамакин с вещами поехали на станцию Навтлуг. Там я в первый раз увидела транспорт мужа. Увидела и длинный состав товарного поезда, который стоял уже готовый для погрузки его. Отсюда же отходили и бесконечные воинские поезда, которые увозили на фронт тысячи молодых, сильных мужчин, полных желания жить и имеющих права на эту жизнь... Многие из них не вернулись домой! Или вернулись без рук, без ног, изможденные ранами и болезнями, — почти старики...

В составе поезда мужа, посреди товарных вагонов, был один вагон третьего класса. Мы вошли в него. Муж со всеми бывшими там поздоровался. Были там и оба брата-жулика! На плечах у них красовались новенькие погоны чиновников. С ними муж не познакомил меня! Мы заняли скамейку для него и вышли из вагона.

— Пойдем смотреть как грузят лошадей, — сказал он.

Мы подошли к вагону, в который по крутым деревянным сходням солдаты заводили лошадь; один тянул за повод, а трое толкали ее сзади. Лошадь упиралась всеми четырьмя ногами, ни за что не хотела идти по скользким доскам в полутемный вагон!

— Надо завязать ей глаза! Так пойдет лучше, — сказал солдат, который тянул ее за повод. Кто-то накинул ей на голову шинель, и дело пошло гораздо спорнее. Погрузка лошадей и всякого хозяйства транспорта заняла весь день и только к вечеру было все закончено. Погрузкой распоряжался подпрапорщик из запаса. Очень милым показался он мне с первого взгляда и таким и остался всю войну. Мы подошли близко и муж поздоровался с подпрапорщиком.

— Ну, как погрузка?

— Да все благополучно! Только очень медленно, раньше вечера не кончим.

— Я вам не нужен? — спросил муж.

— Нет, мы управимся сами.

Мы уехали обратно в город, пообедали и вернулись незадолго до отхода поезда. На дворе было сыро и туманно. Быстро стало темнеть. Поезд Вани не был освещен.

Наконец пришли сказать, что все готово к отходу. — Мы только успели выйти из вагона, как уже раздался свисток кондуктора... Паровоз ответил свистком и рванул застучавшие друг о друга вагоны...

Ваня что то говорил из двери неосвещенного вагона, но я уже не видела его.

А через несколько минут от всего остался только дальний шум ушедшего поезда...

Глава 2

Опять дома. Как грустно возвращаться домой, зная, что дорогой мне человек едет теперь все дальше и дальше от меня...

Не отдыхая, переоделась с дороги и сейчас же пошла на курсы. Там меня радостно встретили подруги по курсу. Они рассказывали мне, перебивая друг друга, все курсовые новости и делились научными знаниями.

— А, этот, Семочка, доктор Газабеков, прежде чем сказать хоть одно слово, смотрит на нас «злобным» взглядом; мы думаем, что он считает все ли мы пришли на его лекцию и тогда только «проскрипит». Он сразу заметил, что вас не было на лекции.

— Спросил?

— Конечно спросил!

— Ну, и что же?

— Мы сказали что вы уехали к мужу в Тифлис. И ни одного раза больше не спрашивал про вас.

Только я спустилась по лестнице в нижний этаж как сразу увидела доктора Газабекова. Он шел опустив голову, суровый и неприветливый. Но увидел меня и сказал: — А! вы вернулись опять? — И не отвечая на мое приветствие «проскрипел»: — А мы курс уже заканчиваем! За вами нет ни одной практической работы. Я думаю, что вам лучше подождать открытия следующих курсов, чем уходить разочарованной с экзаменов... Ведь я буду беспощадно спрашивать все. Знайте это! и не надейтесь ни на какую протекцию. Я хочу выпустить сестер знающих свое дело. Я, как директор курсов, отвечаю за это. — И, не сказав ни одного слова больше, пошел дальше...

У меня красные круги пошли перед глазами. Я догнала его: — Доктор! Я ездила к мужу! Но я хочу работать серьезно и кончить со знаниями! У меня нет никакой протекции здесь! — Я готова была заплакать, так мне было обидно и тяжело.

— К мужу ездили? Да? А где он теперь? — быстро спросил он.

— Уехал на фронт! Старшим врачом санитарного транспорта. И мне необходимо продолжать мое учение, потому что я хочу поехать тоже на фронт к мужу.

В это время к нам подошел доктор Захарьян.

— А! вернулись? Ну как ваш муж? Куда вы его проводили? Да что вы такая грустная? Что нибудь случилось, или это он вас донял? — показывая на доктора Газабекова, сказал доктор Захарьян.

Я хотела повторить весь разговор, который только что произошел, но не успела сказать ничего... Доктор перебил меня:

— Ну, теперь за дело! Сегодня последняя группа едет в тифозный барак. Там их двенадцать сестер. Вы будете тринадцатая...

Дни и ночи мелькают. Прихожу домой; немного ем; немного сплю; получаю от Вани письма. Он пишет: «сижу попрежнему в Карсе! Так надоела комната, в которой я живу, — ни воды, ни уборной, как следует нет; кровать с клопами. Прямо насмешка над людьми, — эта первоклассная гостиница «Люкс»! Хотя я очень скучаю по тебе, но сознание, что ты живешь в привычной для тебя обстановке, — меня очень утешает. Здесь я много встретил кабардинцев. Кажется на днях их куда-то посылают. В Карс прибывают все новые и новые войсковые части. Уже нет места для стоянок. Вокруг города — лагери. Благодаря большому скоплению войск неизбежно и большое количество заболеваний в частях. Ко мне стали обращаться за перевозочными средствами для больных. Но у меня до сих пор нет санитарных двуколок, — не на чем перевозить больных. Крепостной медицинский инспектор дал разрешение на реквизицию молоканских фургонов. В них наложили толстый слой сена и таким образом мой транспорт может действовать. Пишу каждый день в Тифлис в окружное управление, но безуспешно. Вместо нужных санитарных двуколок мне прислали младшего врача! Штровман. Кажется симпатичный; только что кончил в Германии университет, приехал в Россию, женился и попал на войну. В одном из корпусов казарм Кабардинского полка развернулся полевой запасный госпиталь, в него мы и доставляем больных солдат. К некоторым из врачей приехали жены. И я очень хотел бы, чтобы и ты приехала сюда. Но теперь уже не стоит. Я каждую минуту жду приказа о выступлении. Береги себя, пиши мне чаще. Как ты проводишь время? Что делаешь? Твое желание поступить на курсы сестер милосердия, я думаю совершенно вещь невозможная. Во-первых, тебя могут, по

окончании курсов, послать на Западный фронт, что недопустимо ни в коем случае; а если даже пошлют в любой здешний полевой госпиталь, то куда-нибудь около самой позиции, где нельзя достать ничего. И тебе придется есть черный хлеб! А с твоим здоровьем это невозможно совсем! Получил от тебя посылку. Спасибо! Икрой угостил своих коллег. Один из старших врачей (здесь стоит четыре санитарных транспорта и все без санитарных двуколок) пригласил меня к себе: к нему приехала жена. Ну, я захватил икру; а там оказались еще несколько врачей. Икру съели с удовольствием и хвалили».

Я очень рада за мужа! Хоть у него есть немного развлечений.

А у меня на курсах чередуются лекции с практическими работами, день с ночными дежурствами. И мне кажется иногда, что я уже все знаю и понимаю, но когда вспомню про экзамены — становится страшно!.. Больше всего боятся все курсантки доктора Газабекова; он гроза наших курсов; всякий раз, заканчивая свою лекцию говорит: «Помните, что самое важное, для сестер милосердия — это уход за больными! И кто этого не усвоит — тот может не приходить на экзамены — не пропущу!»

Только кончилась лекция по анатомии, мы все идем в дежурку, ложимся поперек кровати и начинается разбор и проверка слышанной лекции... Сегодня их было три: анатомия, хирургия и рецептура.

— Семочка! Семочка! Да Семочка же! Ну что вы, право орете сестры, ничего не слышно! Семочка, расскажите пожалуйста, сегодняшнюю лекцию по анатомии, — приставала с настойчивостью старой нищенки, Ольга Бакланова. Ей не легко все давалось, но она говорила, что после окончания войны можно поступить на медицинские курсы без экзаменов, — так как эти наши «знания» достаточны для поступления в университет.

— Ну же, Семочка, рассказывайте. Значит печень и желудок лежат... начала повторять Зина Байкова, но ее перебивают несколько голосов сразу, — стой, стой, никто не лежит... — остановили ее подруги.

— Ну, хорошо, слушайте! — и я стала повторять слышанную сегодня лекцию.

Анатомия мне дается легко. А сестры думают, раз я жена доктора, так безусловно должна знать лучше чем другие. Конечно я с ними очень не спорила! И только я забралась во внутренности не существующего трупа, вошла дежурная фельдшерица с листом бумаги и стала читать фамилии дежурных на се-

годня сестер: — Сестра Байкова, сестра Семина, сестра Калабина. — И прикрепив лист с фамилиями на стенку, фельдшерица вышла из дежурки.

Лекция моя прекратилась. Я пошла к телефону и позвонила домой: — Гайдамакин, я дежурная и обедать не приеду. Если есть письма от барина — принеси сюда...

Скоро все мы разошлись по своим палатам и стали мерять температуру, давать лекарства, а в шесть часов обед для больных.

Больные в городских больницах производят особенно тяжелое впечатление, а хирургические — просто сплошной ужас. Сегодня привезли одного разбитого вдребезги. Упал со строющегося дома — у него перебиты, кажется, все кости... Ему делали операцию черепа. Жутко ужасно! Как еще он дышет до сих пор! И все это в мое дежурство... Вечером привезли восмидесятилетнего старика-татарина с огромной грыжей. Он совершенно посинел и едва дышал. Я сейчас же позвала дежурного доктора. Доктор осмотрел больного, расспросил его и сказал: сестра сейчас же посадите его в ванну и приготовьте все к операции. Я его усадила в ванну с помощью служителя. — Смотри за ним, чтобы не утонул, — а сама пошла в операционную комнату зажгла спиртовку под ванночкой с инструментами. Потом стала приготовлять стол и халаты. Потом пришли и другие дежурные сестры и фельдшерица. Пришел и доктор.

— Ну, что? Больной жив еще? — спросил доктор. — Давайте его сюда.

Я пошла в ванную за ним. Старик сидел все такой же синий, держась руками за края ванны. — Степан, позови кого нибудь еще, нужно взять его в операционную.

Пришли еще два служителя и мы стали поднимать старика из ванной. Это было очень трудно. У него был так велик живот, что он не мог согнуть ноги. Служители, здоровые мужики, с трудом вытащили его и положили на носилки. Старик страшно стонал и тяжело дышал. Я думала, что его не довезут до операционной. Наконец, он уже на столе; надета маска, капает хлороформ на маску; больной делает невероятные усилия вдохнуть воздуху, его грудь и живот высоко поднимаются и от маски идет пар.

Я держу его голову и скоро начинаю сама чувствовать сладковатый запах; меня тошнит, кружится голова и руки слабо сжимают голову больного? Доктор что-то говорит, но где-то далеко, далеко — сестра поднимите свою голову! — Какая-то

из сестер подошла и похлопала меня по спине: — Сестра, сестра, операция кончена...

Фельдшерица сняла маску с больного. Он дышал медленно и спокойно. Доктор кончил зашивать рану: одна из сестер держала в руке вату и бинты, чтобы подать их доктору, который не отрываясь от раны и не поднимая головы сказал: — сестра Семина выйдите в коридор и подышите чистым воздухом.

Я с трудом оторвалась от края стола у головы старика и и шатаясь вышла в коридор. Там я открыла окно, втянула свежий воздух и быстро стала приходить в себя. Открылась дверь из операционной и оттуда выкатили носилки с больным. Слава Богу его повезли не в мою палату. Вот вышел и доктор и сестры.

— Сестра Семина поезжайте домой, за вас посмотрят вашу палату другие сестры, — сказал доктор. — Вы выглядите не совсем здоровой — ласково добавил он.

— Что вы доктор! Я чувствую себя хорошо, и могу продолжать свое дежурство. Мне было не хорошо от хлороформа, но теперь все прошло.

— Ну вот и молодец! Тогда идите в дежурную и отдыхайте. Я больного положил в палату к сестре Байковой. Она посмотрит за ним; операция прошла вполне благополучно.

Я поднялась на второй этаж в нашу общую дежурную комнату и прилегла; сейчас же пришли и другие сестры. Мы, курсантки, дежурили в городской больнице не совсем самостоятельно; с нами еще дежурили старшая сестра, или фельдшерица, или старик фельдшер, очень милый, смотревший на нас как на барышень, которым нужно помочь и всегда помогал. Но фельдшерица, тоже служившая много лет в больнице, нас подтягивала: не позволяла в дежурке спать укрывшись с головой одеялом, и тушить электричество. Сделаешь обход больных и если все благополучно сейчас же бежишь в дежурку и на постель. И только ляжешь, согреешься (некоторые сестры даже тушили электричество), вдруг яркий свет в глаза; фельдшерица, тут-как тут!

— Звонка вы сестры не слышали? — Соскакиваешь. — Нет Мария Ивановна, мы ничего не слыхали.

— Да! Трудно услышать, когда человек спит закрывшись с головой!

Потом на стене в дежурной комнате был повешен большой лист бумаги, на котором крупным почерком самой Марьи Ивановны было выведено: во-время дежурства сестрам спать воспрещается! и тушить электричество!

А раздача обеда больным тоже большая работа для сестер: многие больные сами не могут есть! Одних нужно поднять и посадить, обложить подушками, других нужно кормить с ложки; да и то больной, двигается и захлебывается. Тогда ему нужно одной рукой приподнять голову, а другой вливать жидкий суп в рот... А глаза у такого больного печальные, беспомощные, и он всегда смотрит в глаза сестре; и смотреть в такие глаза прямо тяжело: все время стараешься глядеть в сторону. А вот еще больной, которого пою из чайника с длинным рожком теплым молоком, с чуть прибавленным сахаром. Этого и приподнимать нельзя, он весь забинтован; голова, как снежный ком — только отверстие для рта и щелочки глаза. Я подношу ко рту рожек чайника и чуть, чуть нагибаю его внутрь рта и чувствую, как он потянул молоко и глотнул. — Ну что, сестра, он пил немного? — спрашивает доктор, проходя мимо меня. — Хорошо, хорошо давайте чаще пить. Хоть по капле, но чаще, — он нуждается в этом. Он много потерял крови.

Да, много разных больных. Обо всех и не расскажешь. А ночью, когда зайдешь в палату! Жутко! Один стонет, другой бредит, третий силится приподняться, сбросил одеяло, одна нога свисла с кровати. И вдруг затихнет... Заснул? — В бреду ведь тоже можно заснуть? Поправишь ногу, укроешь одеялом; а больной обессилил, не чувствует моего прикосновения; бледный, тяжело дышет, но спит. Тихонько, чтобы никого не потревожить, выхожу из палаты. Но не успела закрыть дверь, слышу — пить, пить, сестра, сестра, пить!

Возвращаюсь, иду по тому направлению откуда слышен голос, даю пить. Больной сам приподнявшись для питья, снова тяжело падает на подушку и затихает... Я вышла на крыльцо ведущее в сад и дышу чистым и свежим воздухом. Ночь тихая, теплая, пахнет цветами, или какой-то душистой травой. Хотя теперь осень, но у нас на Кавказе тепло. Некоторые из деревьев стоят еще зеленые, а около домов цветут розы. Письмо, которое принес Гайдамакин, я еще не успела как следует прочесть; пойду почитаю пока все тихо: Ваня описывал, как уходил Кабардинский полк из Карса на позиции.

«Они шли точно на маневры! В мирное время! Все были веселы; в стройном порядке шли рота за ротой; впереди всех шел оркестр. Как и полагается шестнадцатая рота замыкала шествие. Капитан Ваксман вел свою роту в образцовом порядке. Я подошел к нему и мы с ним расцеловались. — Эх, доктор, Иван Семенович, почему вы не с нами? Ведь вы наш — сказал он. Я прошел с ним два квартала. — Вот убьют, семья останется без копейки! А ведь не шутка: шесть человек детей! Жена, да

мать старуха еще живет с нами. Как ни как, а всех кормил на капитанское жалованье. Мальчишки учатся в кадетском корпусе. Двое должны бы скоро кончить, да нельзя же от них ждать помощи — самим нужно жить. Жена с ребятами и матерью поедут во Владикавказ. Там у матери есть домишко, хоть за квартиру платить не нужно. Ну, да что заранее плакать, еще жив! — Просил передать тебе привет и за одно целует тебе ручку. Я спросил его куда идет полк? — Сами еще не знаем куда идем. Секретный пакет вскроет командир полка только через несколько верст от Карса. Мы попрощались с ним и он зашагал дальше. А позади полка ехали санитарные линейки и полковые обозы в таком же образцовом порядке, как и весь полк. Смотрю я на проходящий полк и чувствую, какая это могучая сила и мне самому хочется идти с ними... Точно я первый раз вижу Русский полк в таком порядке! Ведь я сам бывал с ним на маневрах несколько раз. Но сегодня он совсем выглядел по другому: все молодые, стройные, веселые! Офицеры проходя мимо меня кричат мне: Доктор, с нами идемте, вы ведь наш! Правду сказать тебе, — грустно мне стало когда прошел полк! Мне показалось, что вместе с полком ушла сама Россия? А с ней что-то кончилось и ушло красивое неповторимое!?»

В другом письме он пишет: «Получил предписание выступить в Сарыкамыш, а санитарных двуколок, для перевозки раненых все еще не прислали. Поеду с молоканскими фургонами, но они для раненых прямо ужасны». В конце письма приписка: «Ура! Тиночка! Сегодня получил двадцать пять, долгожданных двуколок. Это прекрасные экипажи; страшно легкие и удобные. В каждой можно поместить пять лежачих (тяжело раненых) и три сидячих, легко раненых. Двуколок прислали сто, но здесь стоят четыре санитарных транспорта и каждому дали по двадцать пять. Остальные двадцать пять пришлют потом. Завтра в шесть часов утра выступаем в Сарыкамыш».

* * *

Ночь кончилась. Шестой час утра. Особенно тяжелое время для сестры, проведшей бессонную ночь. Несмотря на молодость чувствуешь себя разбитой и усталой. Идешь в палату мерять температуру; больные, плохо спавшие ночь, теперь спят. Тихо ставишь термометр под мышку, а больной и не пошевелится, измученный бессонной ночью. Но сон их недолог; не успеешь обойти всю палату, а больные начинают уже просыпаться. Но короткий сон не освежил и не подбодрил несчастных... Все бледные; глаза загноились, губы сухие, потрескались.

* * *

Наконец курс закончен, экзамены сданы! На прощание доктор Газабеков прочел нам наставление: — Помните, что вы сделались сестрами не только на время войны, а на всю жизнь. И вы взяли на себя обязанность помогать и оказывать помощь, как государству, так и каждому человеку, если вы увидите, что он нуждается в вашей помощи.

Мы, сестры, вышли в широкий коридор, и стали поздравлять друг друга.

— Семочка, Семочка, поздравляю — говорит сестра Машукова, обнимая меня и целуя.

И другие сестры тоже стали поздравлять. — Подождите еще поздравлять! Нужно сначала узнать выдержали ли мы экзамены? Может быть неудовлетворительно? И свидетельства нам не выдадут?

— Нет, нет! Быть этого не может. По-моему все мы отвечали хорошо, — заявила Катя Валькова.

— По-твоему может быть — хорошо, а вот по мнению доктора Газабекова, может быть и нет!?

— Ну, если нет, то что с нами будет? — не унималась Катя.

— Заставят прослушать еще раз весь курс, — сказала сестра Маруся.

— Это невозможно! Это такой позор! Я ни за что не останусь на вторичный курс! — сказала сестра Бодалова.

— Мне стыдно будет идти домой! — сказала хорошенькая Мариям. — Моя мама сказала мне, когда я решила пойти на курсы: Мариям учись! Когда кончишь — пойдешь помогать армянскому народу. Армяне все пойдут на войну и будут драться с турками! Они враги армянского народа! И вдруг вместо окончания еще раз слушать лекции?! Ни за что, я так пойду на фронт и буду работать, как простая сиделка!

Волнение росло среди сестер. Они были так возбуждены, что готовы были плакать. А в это время в большом зале, где только что нас экзаменовали, шло совещание врачей экзаменаторов... Вдруг открылась дверь в широкий коридор, где мы, все сестры, волновались и из зала вышел доктор Захарьян с сияющим лицом. — Сестры! Поздравляю! Все окончили отлично! «Аттестаты» будут выданы через несколько дней! У нас получен список куда спешно требуется больше сестер. Выбор большой, можете выбирать!

Боже мой! Что тут поднялось! Прежде всего все сестры бросились к доктору Захарьяну и стали его благодарить. А кто посмелее — целовал его в щеку. По разному радовались сестры окончанию курсов...

Чувствовалось, что с получением сестринского диплома, начинается новая жизнь, не похожая на ту, которая осталась позади... Нужно покидать родной дом, мать, привычную обстановку, чистую кровать, собственную комнату...

Чистые, молодые, жизнерадостные уезжали девушки из дому, а через год это были бледные, нервные женщины. Многие стали курить, чтобы не заснуть стоя. Сплошь, да рядом по две, по три ночи не спали, когда шли бои и раненых везли беспрерывным потоком в госпиталь. Уже и мест нет, не только на кроватях, но и на полу. А раненых все несут и несут, без конца... Только и слышишь: — сестра! сестра! — несется со всех сторон... Не знаешь куда идти, кому первому оказать помощь! Ноги едва двигаются. Голова кружится. Спина болит... Но нельзя ни сесть, ни отдохнуть. Нужно идти и помогать страдающим.

— Сестра, запишите вот этого раненого на операцию, — говорит врач. Сестра, вон тот умирает; нужно записать фамилию и какой он части. — Нагибаюсь над раненым, записываю, а рядом другой просит пить. — Сестра, дайте бинт и ножницы, — просит доктор, нагнувшись над раненым, которому делает перевязку...

— Сестричка, пить пожалуйста дайте, — слабо просит раненый, лежавший прямо на голом полу. — Сестра, раненый вас зовет! Кажись помирает, — говорит санитар; — вон, около стены... Подхожу, нагибаюсь близко к лицу раненого. Совсем еще молодой! Говорит едва слышно: — Сестра, напишите моей матери, когда я помру. Все так и отпишите, — помер, мол, от ран и кланяется вам, матушка.

— Хорошо, а как твоя фамилия? Адрес какой?.. — Слышишь!? Какой адрес матери? — Но раненый израсходовал все свои силы и потерял сознание. Хочется хоть на минуту еще привести его в сознание, чтобы записать адрес матери...

— Покарауль его, а я принесу вина немного, — обращается сестра к стоящему санитару. — Может быть он еще придет в себя... Сестра бежит в другой конец госпиталя. А по дороге ее останавливают и просят помощи другие, — сестра помогите поднять раненого; его нужно в перевязочную скорее: у него кровотечение! — говорит доктор, показывая на истекающего кровью раненого... Сестра помогает поднять и уложить раненого на носилки. Потом идет дальше за вином. Но, когда возвращается назад с вином, — раненый уже умер... Часто случается даже, что и трупа уже не найти, — вынесли... Сестра в отчаянии! Невыносимо сознавать, что уже ничего нельзя сделать!.. Часто без слез душат рыдания... Но долго предаваться горю нет времени! Опять ведь зовут! — Сестра, идите в перевязочную скорее,

доктор вас просит, — раздается над ухом голос санитара... Идешь в перевязочную. Там полно раненых! Один лежит на столе; другие сидят на стульях, третьи лежат на полу и ждут своей очереди...

— Сестра помогите наложить лубки, у него кость перебита, — говорит доктор. Раненый забинтован. Сестра идет с ним, помогает санитарам уложить его на койку. Осторожно перекладывает на постель. Под раненую ногу подкладывает подушку или вату... — Сестра, неудобно мне, — говорит раненый. Кладешь еще ваты. — Ну, что, лучше? — Нет! больно! — Снова осторожно поправляешь положение ноги, еще подкладываешь ваты... — Пить! дайте попить сестра! — Раненые много пьют! — Гораздо больше, чем обыкновенные больные...

Слава Богу, наконец все понемногу успокоилось. Сестра тихонько выходит из перевязочной. Голова кружится, во рту сухо, в ногах слабость. Хочется сесть, а еще лучше, если бы можно было лечь хоть на пять минут!.. Если проходящий доктор заметит такое состояние сестры, непременно скажет: — Сестра, нате вот папиросу, курите!..

Прежде я не курила никогда. Но однажды мы целые сутки не выходили из госпиталя! Не успевали всех раненых перевязывать... Где-то, недалеко от нашего полевого госпиталя, шли бои и транспорт моего мужа все время привозил оттуда раненых. Я присела на пол около раненого, чтобы записать фамилию (раненые лежали рядами на сене прямо на полу), а подняться уже и не могу. Такая слабость. Санитар увидал это, помог мне подняться и вывел меня на двор. Я прислонилась к перилам и закрыла глаза. Кто-то сунул мне в рот папиросу... — Кури! Я потянула, — закашлялась. Но потянула еще и еще... И как-то стало легче. Я открыла глаза... Передо мной стоял мой муж!.. Я положила голову ему на грудь и мне хотелось плакать от радости... Родной мой Ванечка! В самую тяжелую минуту ты оказался около меня. Слезы радости и успокоения текли по моим щекам и капали ему на тужурку...

— Кури, кури! — Легче станет! — сказал он.

* * *

После бурных приветствий и поздравлений друг друга, сестры шумной толпой пошли в огромный вестибюль, где многих из них ждали с нетерпением родственники и матери. Я вышла тоже со всеми и только хотела пробираться к вешалке за моим манто, вдруг слышу: — Барыня кончили учение? Поздравляю! — Гайдамакин! Ты зачем здесь? Кончила! Кончила, спасибо...

Верный солдат был тут же среди матерей и родственников окончивших сестер и первый поздравил меня из всей семьи моего мужа. Нина и Яша относились безразлично к моим курсам и считали, что это блажь, — никому не нужная. И всегда с насмешкой и издевательством расспрашивали меня о работе в госпитале: «Ну, что ходишь с ваткой и носики вытираешь бедным больным»? — Что же? — когда нужно, и носы вытираю! «Я представляю себе! Когда кончится война ты вернешься домой, — вся грудь увешана медалями за подвиги сестры на поле брани!» сказала Нина.

Гайдамакин подал мне манто и мы вышли на подъезд, сели в файэтон и поехали домой. — Письма есть от барина? Я ушла утром раньше, чем пришел почтальон.

— Есть одно, я захватил с собой; вот оно.

Я вскрыла и стала читать.

«Тиночка любимая, настроение у меня препоганое! Я чувствую, что эта должность не для меня. — Никакой работы медицинской я не несу! А должность старшего врача в транспорте — это должность чиновника, для которого я совершенно не гожусь. Нужно ругаться, бить всех за грабежи и воровство, которое, мне кажется, идет у меня в хозяйстве! Но я не умею ни бить людей, ни ловить воров! А если я не умею этого делать, значит я не гожусь для этой должности! Чувствую, что лучше бы мне сейчас же уйти из транспорта, хотя бы младшим врачем в госпиталь, но работать бы по моей специальности. Здесь я только подписываю бумаги и счета, которые мне кажутся все фальшивыми и в которых я просто не могу разобраться, так они запутаны... А что я могу сделать? Каждый день делаю осмотр всего хозяйства; смотрю лошадей и не знаю — сыты они или голодны? Тиночка милая, ты же знаешь отлично, что я никогда в жизни ничего общего не имел с лошадьми! Как-то нарочно спросил дневального: — как по твоему, — лошади сыты? Не нужно ли им увеличить «дачу»? — Не могу знать! — Вот и весь ответ на мои сомнения! К кому я могу обратиться! Все смотрят на меня только как на начальника и просто не могут понять, что мне нужна их помощь. Я чувствую и убежден, что эти братья Костины по хозяйственной части, работают в свою пользу, но я не умею и не знаю, как их поймать и остановить их мошенничества. Сегодня ходил осматривал фураж по записям в отчетных листах! Ну, вижу мешки с ячменем, стог сена и немного подстилочной соломы для лошадей... Меня сопровождают Костин и подпрапорщик Галкин. А сколько пудов ячменя в этих мешках, сколько пудов сена в стоге? Разве я знаю? Костин

лебезит, показывает на мешки, на стог сена: — Вот тут 300 пудов ячменя, 600 пудов сена, 150 пудов подстилочной соломы...

Я обратился к подпрапорщику Галкину: — Сколько пудов ячменя по вашему?

— Так что не могу знать ваше высокоблагородие! Трудно сказать точно.

— А сколько пудов соломы?

— Так что я думаю, пудов двадцать, — едва выговорил он.

— А у тебя Костин, в ведомостях значится сто пятьдесят пудов? — Он нагло отвечает — ведомости составлены вчера, а сегодня солому брали уже для подстилки лошадям.

Я иду в конюшню, хотя в конюшнях не все лошади стояли, — не хватает места, половина лошадей стояла на дворе. Обошел все конюшни, все коновязи... Нигде под ногами у лошадей не было ни одной соломинки! Просто всюду была ужасная грязь! И сами лошади были тоже грязные, мохнатые...

— Где же солома? — спрашиваю Костина.

— Да они ее съели! — нагло отвечает он.

Я обратился к Галкину: — почему в такой грязи стоят лошади?

— Так что подстилки нету!..

Тина! родная моя! что делать?! Я едва владею собой. В один ужасный день я изобью всех. И это будет ужасно для меня самого. Я так верил русскому солдату!..»

Господи! что же это такое! Сижу точно провалилась в глубокую, темную яму...

— Барыня, приехали! — голос Гайдамакина привел меня в себя.

Я поднялась по лестнице и прошла в кабинет Вани. Я люблю эту комнату. В ней все по старому: большой письменный стол, лампа с зеленым абажуром, мраморный письменный прибор, стетоскоп; много книг, — некоторые из них открыты на тех страницах, которые он читал перед тем, как уехал в Шемаху... Большой книжный шкап, полон медицинских книг и журналов.

Я села в кресло, в котором он сидел долго по ночам читая свои любимые книги. Сколько времени я плакала не знаю, кто-то погладил меня по голове...

Я подняла голову и увидела Нину. Она была встревожена.

— Тина, что случилось? Ты получила неприятное письмо от Ивана Семеновича? Случилось с ним что-нибудь?

Я не могу сказать случилось ли что-нибудь? Но что то действительно случилось ужасное! А рассказать нечего...

— Нет, — ничего особенного! Ваня чувствует себя не особенно здоровым. Я рада, что курсы мои кончены! Теперь я смогу скоро выехать к нему...

— Ты получила письмо от Вани? Что с ним? — спрашивает вошедший Яша. — Да! Кстати! Поздравляю, — кончила! Ну, теперь можешь и на фронт ехать, — флиртовать!

— Яша! О морали у тебя понятие смутное! Я давно это знала. Но не меряй все на свой аршин!

— Ну Тина, не сердись! Я ведь пошутил! А все-таки, что случилось? Гайдамакин прибежал ко мне, говорит, барыня получили письмо от барина, прочитали его, а теперь плачут...

Этот солдат действительно друг наш, подумала я. Три года он живет у нас в доме. И этой осенью должен был бы уходить домой, к себе в деревню, но война задержала его.

Он очень преданный и честный человек и любит мужа. Когда Гайдамакин пришел к нам в дом муж сказал ему — Смотри за всем, чтобы было все в порядке, отвечать будешь за все ты. — И он исполнял все с величайшей ревностью. Если горничная разобьет стакан или рюмку, — он не устает донимать ее упреками:

— «Для тебя что бакара, что простой хрусталь, все едино! Разве ты понять можешь? А мне отвечать за вас!» Или — Барыня, у «нас» очень много зря покупается провизии, вдруг объявляет он за завтраком...

— Как много? Откуда ты взял это, — говорю я. — Да я вижу сколько Аннушка уносит домой каждый вечер всякой всячины. — Муж смотрит на меня с гордостью: вот мол какой мой Гайдамакин! Все видит! Все знает, что делается в доме... А тот стоит, мрачно смотрит в пол. Оба правы! А женщины — обе виноваты: — одна — ротозейка, не умеет распорядиться домашним хозяйством! А другая просто воровка, — растаскивает добро «моего» барина...

— Правда она уносит остатки, но я сама ей разрешила это: у нее трое ребят сидят дома голодные, а у ее мужа оторвало руку на пожаре, когда он служил в пожарной команде, — пытаюсь я объяснить...

— Ну вот видишь! пускай берет эту маленькую помощь, — сказал муж.

Боже мой! Что тут сталось с Гайдамакиным! Он просто позеленел и его маленькие калмыцкие глазки совсем ушли в глубь орбит, как бы не желая смотреть на такую глупую хозяйку! (есть такое выражение: и глаза бы мои на тебя не смотрели).

Сначала он молчал. Потом точно поперхнулся: — Ох! Так это ж она морочит вам голову! Никаких нет у ней детей! И никакого мужа! — прорвался он наконец. — Она носит все это пожарному, а не мужу!

Муж строго посмотрел на него. Он моментально замолчал и вышел из столовой. Муж долго хохотал, но я была обижена.

Кухарке я сделала выговор. И в доме наступил мир. До первой разбитой вещи, конечно... И опять тогда все сначала, «а мне за вас отвечать!» и тому подобное.

А вот сейчас мои слезы его расстроили совсем и он сразу пошел за помощью.

Когда Нина и Яша ушли — он пришел ко мне. — Барыня! я хочу дом привести в порядок!

— Что ты хочешь делать?

— Да надо уложить ковры, серебро, дорогую посуду. Чехлы опять надену на мебель. Вы ведь долго здесь не пробудете? А мне бы поехать к барину: может они в чем нуждаются? Тоже ведь один там... Кругом чужие люди! За одеждой присмотреть нужно, а чем он там кормится? Я так думаю, барыня: я все приберу, уложу в сундуки и поеду, а вы пока обойдетесь с Машей, да с Аннушкой?

Я молчала и думала, какую пользу принесет мужу приезд Гайдамакина? Не проще ли мне самой поехать туда?!..

Я позвала Аннушку и Машу и сказала им, что я уезжаю на фронт к мужу, а дом закрою. А когда война кончится и если мы будем живы, приходите! возьму опять! Каждая из них получила за месяц вперед жалование. Они обе горько плакали.

Свидетельство об окончании сестринских курсов мне привез сам доктор Захарьян. Он расспрашивал о муже, которого знал очень хорошо.

— А вы куда думаете ехать? На какой фронт? — спросил он меня. — Если хотите оставайтесь в нашем хирургическом, место за вами!

— Нет, доктор, спасибо. Я не знаю еще где я буду работать, но я сейчас еду к мужу в Сарыкамыш. Хотя он и не ждет меня. Для него мой приезд будет полным сюрпризом. А там видно будет. Может быть устроюсь в каком-нибудь из госпиталей стоящих в Сарыкамыше.

— Я бы и сам не прочь поехать поработать под огнем неприятельских пуль, бодрящее чувство! А что тут? Залечивать дырки, да читать, новым курсанткам анатомию... Между прочим, у нас через неделю опять новый прием на курс сестер.

Я вспомнила письмо мужа: как он завидует тому, кто остался и продолжает нести обязанности в больницах и госпиталях.

— Нет, вы счастливый, что остались дома и продолжаете работать в своей области: лекции, анатомия, дело врача. А вот если бы вам пришлось считать пуды сена, как моему мужу, смотреть рваные сапоги и рубахи солдат, чтобы их сдать, а взамен получить столько же новых, и вечно подписывать счета, в которых ничего нельзя понять. Это ужасно для врача!

— Да, это верно, я ничего тоже не понимаю в этом деле, да и скучно это для врача. Меня всякий дурак надует, да еще меня же будет считать дураком...

— Вот видите! Значит нечего вам жалеть, что вы заняты своей нормальной работой.

Доктор ушел, а мы принялись за укладку. У меня масса еще было и других дел, кроме укладки вещей. Я сказала Маше какие беру с собой вещи и поручила ей самой уложить все. Мне нужно поехать к портнихе, в банк свезти бумаги, лишние деньги и разные ценные вещи. Вот этот пакет с завещанием Вани. Он сказал мне, что в нем он все свое имущество оставляет мне в случае его смерти. — Да никого другого у него и нет! Детей у нас нет! Братья сами имеют столько же. Несмотря на все кутежи как Алексея, так и Яши, все же и они не могли тратить всего дохода, который приносило наше имущество. Я никогда не обращала на деньги никакого внимания; они приходили в мой дом без ведома и усилий с моей стороны. Их было много, — больше чем мы могли тратить при всей нашей безхозяйственности и безалаберности с моей стороны.

Деньги я клала прямо в мою зеркальную шифоньерку. Когда наберется толстая пачка кремовых кредиток с головой Екатерины Второй — тогда я несу их в банк. Муж к деньгам относился совсем безразлично. Когда Яша приносил деньги муж кричал мне — Тина, Яша принес деньги, возьми их.

Яша заведывал всем: сдавал квартиры, получал деньги, имел дело с подрядчиками, — десятки лет одни и те же вели все работы в наших домах, — платил налоги, страховки, нанимал дворников; их у нас было двое: один назывался «старший дворник», другой — его помощник, исполнял только приказания своего прямого начальника — старшего дворника — Тимофея. Иногда денщики, наш или старшего брата Алексея, попросят помочь вынести ковры, чтобы почистить — эй, слышь, — Миколай! приходи, помоги мне вынести ковры. — Не могу! Я занят! Тимофей сказал, чтобы вымыть отхожие места; може опосля, как управлюсь.

На Кавказе за несколько лет перед войной введено было ночное дежурство дворников. Тимофей дежурил сам. Он был официальное лицо; ему в участке дали свисток и бляху с номером и его паспорт держали тоже в участке до тех пор, пока он служил у нас в доме. Дежурный дворник, когда выходил на дежурство, надевал белый фартук, белые нитяные перчатки, на шее на шнурке полицейский свисток, бляха с номером, а в руках дубинка. Мы выдавали холщевые фартуки; для лета и осени — брезентовое пальто, а зимой ватное пальто, кожаную фуражку и высокие сапоги, на случай дождя или снега. Дворнику полагалась квартира, — комната с кухней, если дворник был холостой. А если с «бабой», как обычно они называли женатых, то — две комнаты и кухня. Помощнику полагалась одна комната, если оба дворника без «баб» — то обычно они жили вместе, — дешевле «харчиться», говорили они. Зимой обязательно выдавались дрова, а керосин все равно летом и зимой полагался.

Вот пакет с завещанием мужа. Но я его не открою! Когда Ваня передавал мне его, то сказал, — Тина, если я живым не вернусь, это все твое! Ты богата! У тебя столько, что можешь жить, как только захочешь. Тебе хватит на все... — Он замолчал. Потом взял мою руку, прижал к губам крепко, крепко. И произнес чуть слышно. — Не выходи больше замуж! Я так тебя люблю!

— Родной мой, любимый! Что ты говоришь! Если тебя убьют я не хочу жить без тебя ни одного дня!..

Да, я так думала тогда: без него нет жизни, ничего мне не нужно: ни денег, ни домов! Сердце вдруг так больно сжалось... — Тебе ведь ничего не угрожает, — ты врач! Мне тяжело думать, что мы растанемся хотя бы на время... Я хочу всегда, всегда быть с тобой... При всех обстоятельствах!.. До конца дней наших...

Но судьба оказалась сильнее меня и все случилось по другому... Жизнь переломилась! По одну сторону перелома осталось и ушло все красивое, а по другую оказалась кровь, слезы и сплошное несчастие. Всякая ценность потеряла значение... Сколько я видела молодых, красивых, а может быть и богатых — бездыханных трупов?.. Они так же лежали на земле рядами, как и самый бедный солдат...

Ну вот, — все кончилось и осталось позади и может быть навсегда!..

Я на вокзале. Уезжаю к Ване! Гайдамакин едет со мной, — мрачный, угрюмый!..

Масса знакомых пришли проводить меня. Натащили цветов, конфет. Болтают всякую ерунду, смеются. В сотый раз повторяют одно и тоже. — Передайте Ивану Семеновичу привет! Скажите, чтобы берегся! Сами берегитесь тоже... Скорее возвращайтесь домой! Мы вас ждем обоих. — И так далее...

— Яша, а что ты думаешь делать? — спросила я его.

— Продолжать все ту же жизнь: пить, играть в карты; ухаживать за хорошенькими женщинами, проводить бессонные ночи!.. Нет!.. Ну их всех, женщин!.. Надоели. В конце концов сбегу на фронт...

— А ты не беги от кого-нибудь. Просто иди сам добровольно, с чувством долга... Ведь теперь нужны РОССИИ все, и каждому найдется дело!

— Ну, и пусть их идут! Вот ты пошла тоже, — ну и отлично! Да наконец у меня два брата на войне, — помогают России, как ты говоришь. — Надо же кому-нибудь и здесь остаться!

— Вот бы мне скинуть десятка два годков, так я бы пошел с удовольствием на войну, — сказал отец Нины.

— Да ты и теперь еще годен копать братские могилы, — сказал Яша, и добавил, — а мне и дома хорошо! Да наконец, если все мужчины уйдут на войну, кто будет развлекать женщин?! Ведь они, — милые, умрут от тоски! А, если у кого убьют мужа, брата или отца, кто будет утешать, вытирать слезы?! Нужно непременно держать в тылу некоторое количество опытных мужчин для утешения плачущих!

— Ну, понес! как тебе не стыдно? Я все расскажу Ване...

— Нет! пожалуйста ты ему не говори этого. Напротив скажи, что Яшка, мол, собирается ехать на фронт добровольцем...

— Ну, нет, я его обманывать не буду. Ты сам ему напиши это.

— Послушай! Да я не имею права никуда уезжать из дому. Кто будет вести дела здесь: ты уезжаешь за наградами, Нина с ребятами.

— Ты Яша ходи на вокзал когда приходят санитарные поезда и раздавай папироски, да яблочки раненым солдатикам! — сказала Маня.

— Это тоже весьма полезное дело! — сказала я.

— А вот действительно, почему бы тебе не ходить на товарный вокзал к приходу санитарного поезда и помогал бы выгружать раненых. Или ходи по утрам в госпиталь и помогай санитарам убирать палаты!

— Ты с ума сошла! Я буду убирать палаты, — что ты говоришь!

А, что! делают же другие. Теперь много пошло на эту работу студентов.

— Ну и пускай идут и работают.

— Второй звонок — Тифлис! — кричит швейцар. Мы стали прощаться.

— Пишите пожалуйста ваша адрес! — сказала Марья Яковлевна.

— Всю жизнь прожила в России, а двух слов правильно, сказать по-русски не может — с неприязнью обрывает Нина свою мачеху!

— Да что вы! На войне нет никакого адреса, пишите прямо: Действующая армия...

— Третий звонок — Тифлис, — я захожу в вагон и из окна кричу всем, — до свидания, до свидания...

С этим первым моим отъездом из дома кончилось благополучие всей моей жизни, и всей нашей семьи...

Я стояла у окна и смотрела, как уплывала платформа, потом сотни товарных вагонов вперемешку с классными вагонами, стоящими на запасных путях. А вон там, недалеко совсем, видна огромная труба, это у нашего соседа-татарина Алиева, рисоочистительная фабрика. А напротив, через улицу, — Молоканскую, наш дом... А если пройти двор, там моя квартира, которая выходит на Биржевую улицу. Знакомый покойного отца, — как то был у нас и сказал, — разве можно в центре города держать столько свободной, незастроенной земли? Точно хутор какой-то! Ведь посреди этого двора можно еще выстроить пятьдесят квартир.

Никому не хотелось возиться с подрядчиками; муж служил, старший брат тоже служил, а Яша терпеть не мог что-либо создавать. — Для чего я буду возиться с разными подрядчиками? Хватит и того, что есть!..

Скрылась труба, а с ней и наш дом; потянулись нефтяные вышки в «черном городе».

Я оторвалась от окна, хотела сесть и только теперь увидела сколько цветов в купэ; точно новобрачную провожали, или театральную примадонну. Мне стало стыдно перед другими пассажирами: героиня какая! еду к мужу!

На какой-то станции зашел ко мне Гайдамакин, узнать хорошо ли мне, не нужно ли чего-нибудь? Я отдала ему цветы и некоторое количество конфет; стало свободнее в купэ.

Сколько народа едет! Военные и штатские! Все говорят только о войне. Часто слышится: — ранен, убит, — хуже всякой эпидемии...

Ведь убит непременно молодой, сильный, жизнерадостный, у которого, наверное осталась жена, или невеста или просто любимая женщина, все равно... Его сердце любило и хотело жить! А теперь свалят в общую яму и никогда никто не узнает даже где эта яма. Сколько останется женщин, горе которых, только долгие годы притупят, но не излечат?!

Я вспомнила с отвращением слова Яши: — А утешать кто будет, если все мужчины уйдут на войну?

А ведь правда! Сколько плачут теперь! Матерей, вообще женщин! Но утешить их нельзя! Их горе беспредельное! Только слезы облегчат немного сердце женское!

Как хорошо, что я еду к мужу! — Через несколько часов я увижу его, какая я эгоистка, даже в несчастии я счастлива? Услышу живой голос его! А те, кто получил страшное письмо «убит»: никогда не увидят и не услышат родного голоса!

Но вот и Тифлис, — главный центр тыла Кавказской армии!

Боже мой, сколько народу! На перроне едва можно пройти; повсюду эти серые шинели, и не разберешь, — кто солдат, кто офицер, погоны у всех суконные, серые; не видно ни звездочек, ни полосок. Мне придется ждать поезда на Карс несколько часов.

Я прошла в зал первого класса, но не нашла ни одного свободного места, где бы можно было сесть... Гайдамакин сложил вещи прямо на пол и я стала около них...

— Ты карауль поезд и постарайся занять мне место.

Как невыносимо тяжело стоять на одном месте! Сесть не на что и уйти от сложенных на пол вещей не могу, а Гайдамакина нет. Вдруг слышу: — первый звонок — Баку — Ростов! — В публике движение; многие встали и пошли к выходу. Недалеко от меня освободилось место, — краешек дивана. Я села на него.

— Сказали, сейчас подадут поезд! — запыхавшись сказал Гайдамакин. — Скорее барыня идемте! Место занять бы! Страсть сколько едет военных!

Мы стали протискиваться к выходу на перрон. Но на перроне кажется еще больше стало народу, чем было когда мы приехали, а ведь недавно ушел поезд на Баку. Мы потихоньку двигаемся ближе к краю платформы, но толпа все время перемещается как морская волна: то нас придвинет к самым рельсам, то отодвинет вглубь платформы. Наконец я очутилась среди серых шинелей и стиснутая крепко со всех сторон остановилась и стала ждать поезда. Холодно, сыро. А поезда все еще нет.

Наконец, что-то черное, безглазое выползло из темноты к платформе... Ни в одном окне не было света. Толпа сразу густой массой придвинулась к двигающемуся поезду. Но кондукторы никого не пускали в вагоны. У каждого кондуктора был в руках фонарь. Кондуктор открыл дверь своим ключем, вошел в вагон и стал зажигать свечи в фонарях, которые были в каждом купэ. А мы стоим и ждем...

Наконец звонок! Дверь в вагон открыта! Все сразу бросаются в узкую дверь, получается «затор», злятся, тяжело дышут, толкают локтями! Меня охватывает ужас. Я хочу вырваться и убежать дальше от вагона, но толпа еще сильнее меня прижимает к вагону... — Барыня, давайте руку! — вдруг слышу я голос Гайдамакина.

— Где ты, Гайдамакин?

— Я здеся, барыня! Дайте вашу руку!

Но я ничего не вижу, меня совсем затолкали, десятки рук тянутся через мою голову, чтобы схватиться за поручни и подняться в вагон. Гайдамакин поймал мою руку и втянул меня на площадку.

— Место я нашел для вас; вот здесь, в купэ. Народу много, но я положил ваш чемоданчик и место ваше будет!

Народа столько, что только бы втиснуться между каких-то серых шинелей! А обо сне и думать нечего... В купэ темно, сыро и пахнет солдатским сукном. Какой ужас! Как я доеду в такой обстановке до Сарыкамыша?

Когда я вошла в купэ, несколько человек, не то солдат, не то офицеров соскочили со своих мест и сказали: — Садитесь сестра, «в тесноте, да не в обиде», потеснимся и места всем хватит.

Я села на краешек дивана. Всех ненавижу! И чего это столько народу набилось в этот вагон? Могли бы и в другой пойти! Так нет, всегда так: — куда один, туда и все, — стадо, со злобой думала я. Но когда поезд отошел, как-то сразу стало свободнее. Было уже поздно и все стали укладываться спать. На диване, напротив, расположились две женщины и ребенок, повидимому армянская семья, а мужчина — армянин стоял в дверях.

— Сестра! Ложитесь на верхний диван; а мы вчетвером устроимся на нижнем! — вдруг предложил один из моих соседей.

— У вас есть подушка и одеяло?

— Спасибо, да, у меня есть все. — И вдруг в купэ стало светлее и теплее и эти «ненавистные серые шинели» показались близкими, точно мы ехали одна семья! Они быстро и ловко подняли верхний диван, развернули мой дорожный мешок, выта-

щили оттуда подушку и одеяло, и помогли подняться наверх. На противоположном диване уже спали двое, головами в разные стороны; накрывшись шинелями.

Я легла, укрылась одеялом и скоро заснула. Проснулась я от сильного толчка и скрипа тормозов и поезд остановился. В нашем купэ была полная тишина. Я заглянула под диван, где спали четыре офицера: крайние двое спали откинув голову в самый угол и закрыв лицо фуражкой; один, посредине, положил свою голову на плечо соседу и вытянул ноги; четвертый спал сидя. Весь согнулся; голова его почти касалась колен; одна нога подвернулась под себя, другая вытянута. Просто ужасно было смотреть на этих спящих людей!

Мне стало совестно, что я на них злилась, что они занимамают в купэ много места! А они ведь отдали свои места и удобства мне и вот теперь сами спят сидя...

Я посмотрела на противоположный диван, где спали двое, все так же крепко. У одного под головой лежала фуражка, — у другого папаха.

Было еще темно, когда поезд пришел в Александрополь. Армянская семья вышла и освободила целый диван. Двое из четырех пересели туда и легли так же головами в разные стороны и спали чуть не до самого Карса.

Спутники мои сошли в Карсе. В вагон село несколько новых, таких же серых пассажиров. Но в моем купэ кроме меня никого больше не было. За окном все покрыто снегом и слышно, как он скрипит под ногами. Мне выходить на вокзал не хотелось; пришел Гайдамакин, я его послала отправить телеграмму мужу и принести мне стакан чаю.

Здесь уже война чувствуется! Кругом только военные! Чувствуется, что здесь они на месте и делают дело. Лица у офицеров и солдат озабоченные, шинели помятые... Особенно много солдат, офицеров и военных чиновников на перроне вокзала. Они то группами, то в одиночку, ходят, говорят, куда-то показывают руками, часто заходят во внутрь вокзала. А когда открывают дверь в вокзал, оттуда вырывается белый пар большими клубами.

Я подошла к окну на противоположной стороне. Там стояли товарные вагоны и в щель сдвинутых дверей виднелся свет: не то везут солдат, не то лошадей? Не слышно ни пения, ни смеха, как обычно бывает когда встречаешь эшелон. Должно быть мороз так действует?

Получит ли Ваня мою телеграмму и приедет ли на вокзал встретить меня? Поезд придет в Сарыкамыш около двенадцати

часов ночи. Хотя от Карса до Сарыкамыша и недалеко, но дорога идет все время в гору и поезд идет черепашьим шагом.

Почему мне как-то жутко? Чем ближе к фронту, — тем тоскливее! Или еще что-нибудь другое? Чувствую как будто назад нет возврата, точно что-то затягивает, какая-то тина... Вот так бывает, когда идешь по болоту, — ступишь осторожно и кажется видишь дорожку, а оглянешься назад — ничего нет, кочки зыбучие, да черная вода... Что за ерунда! Захочу, — могу сейчас же вернуться назад домой! И никто ничего мне сказать не может! Еду я по собственной доброй воле и желанию. Это темнота и холод так на меня действуют, — подумала я. Вон одна свеча только горит! В вагоне полумрак и сильно холодно... Вспомнила я, как несколько лет тому назад с этого же вокзала в Карсе, когда снег и морозы надоедали мне, я уезжала в Баку погреться на теплом солнышке. Всегда в вагонах было пусто; в первом классе два-три человека! Вон, там, за этими эшелонами — офицерский поселок Кабардинского полка... Там и наш флигель, где мы прожили несколько счастливых лет с Ваней... А теперь еду мимо, куда-то в холод и темноту...

Приеду в этот Сарыкамыш, — а вдруг муж не встретит меня?! Куда мы пойдем ночью? Кругом чужие люди; все заняты может быть еще больше, чем здесь, никому нет дела до меня хоть замерзни до смерти на улице...

Как хорошо теперь было бы очутиться дома, — в своей спальне, в чистой постели! Тепло, светло, сухо!..

— Барыня, вот чай принес, — вдруг раздался голос Гайдамакина около меня.

Ох! Слава Богу, хоть он пришел! — Послал телеграмму? — После выпитого чая стало легче и теплее на душе...

— А что если барин не получит телеграмму и не приедет встретить нас на вокзал?

— Да не беспокойтесь, барыня! Вы посидите на вокзале, а я пойду пешком искать квартиру; а как только найду, — барин приедут за вами. Найти не трудно! Спрошу кого, — все пойди знают нашего барина! Найду не беспокойтесь!

Скорее бы шел поезд! А то стоит, стоит, а для чего неизвестно? И народа-то совсем мало...

— Декабрь на дворе, Рождество скоро! Никому не охота ехать на фронт, все наровят больше в тыл — до дому! — говорит Гайдамакин. — А мы вот поехали из дому от Рождества на фронт!

Сильный толчек! Паровоз прицепили! На платформе появились люди, начальник станции, в военной фуражке, машет ру-

кой. Свисток! И колеса заскрипели на обледенелых рельсах. Поезд сделал толчек и тронулся. Станция медленно стала уходить назад. Стало сразу темно...

Я прильнула лицом к стеклу: где-то здесь совсем близко от станции казармы Кабардинского полка, в которых теперь госпиталь, писал Ваня мне.

Темно! Вот что-то темное большое обрисовывается! А это и есть казармы! В первом корпусе первого батальона чуть желтеют окна! Нельзя сказать, что там госпиталь... А другие корпуса, мимо которых теперь шел поезд, совсем выглядели черной громадой, — ни где ни одного огонька...

Как странно все это для меня! Сколько лет приходилось проезжать по вечерам мимо этих зданий, полных жизни, света и движения! Песни, гармошка слышны были в каждом корпусе. У каждого подъезда стоял дневальный и у проходных ворот тоже дневальный: частную публику не разрешалось пропускать через дворы; — иди кругом по дороге, — говорил дневальный. А теперь ни души! Война! Все сидят в холодных окопах! А офицерских флигелей совсем не видно. Да и смотреть не стоит! Все равно никого там уже и нет!

Кое-где мелькнет огонек в крошечном оконце армянского домика и сейчас же пропадет на веки. Темно! Поезд вышел из города...

Сажусь на диван. В моем купэ сидят двое военных. Они тихо разговаривают о своих военных делах. В коридоре стоят маленькими группами, курят и тоже разговаривают. Тихо...

В общем народу едет мало! Куда же это ехало столько военных из Баку? Поезд был ведь переполнен? Да и из Тифлиса тоже ехало много! А вот теперь, когда фронт совсем близко, народу меньше, и как-то тише, спокойнее.

Когда поезд подошел к Сарыкамышскому вокзалу, я совсем была смущена — на станции никого! Ни души! Один фонарь слабо горел у дверей здания. На платформе никто никого не ждет! Не видно носильщиков. Да и здание вокзала, показалось мне «крошечной избушкой», а поезд тихонько все ползет, и ползет и, наконец, тихо незаметно остановился!

Дверь станции открылась. Оттуда вышло несколько человек. Все серые однообразные... Но кто это?! Вон, один! Да это Ваня! Мой родной Ваня!.. Ну, конечно это он! — У него шуба, хотя и серого сукна, но воротник кенгуровый и серая каракулевая папаха.

Он! Он! — Мой муж, — мой любимый! Господи! Как я его люблю! Как я счастлива, что вижу его! Смотрю и не могу ото-

рваться от окна. — Вот он увидел Гайдамакина, поздоровался с ним; идут к моему вагону; вот и голос его, — низкий, мягкий.

— Тиночка! Тинушка родная моя! Да как же ты это решилась приехать сюда? — говорит он целуя и прижимая меня крепко к себе, а я — плачу, не могу удержаться: слишком большое счастье и огромная радость!..

Вот он! Живой, теплый. И голос его, и глаза его! Весь мой, Богом данный мне муж...

— Ну, идем! Дай сначала я вытру слезки твои, да застегнись хорошенько, — очень сильный мороз, — говорит он и сам застегивает мою меховую шубу.

— Мне не холодно, — в этой шубе на Камчатку могу ехать.

— Здесь и есть вроде Камчатки! — Высунешь руку в дверь и она отмерзнет моментально, — шутит муж.

Он тоже счастлив, — весь сама ласка и радость. Мы вышли на платформу, — ни души! Я оглядываюсь кругом и говорю: — Никого нет! Ни одного человека! Вот так война!..

— Да, кому охота мерзнуть понапрасну? На вокзале народу много, — спят в тепле. Там устроен питательный пункт; стоят длинные столы и скамейки, топится печь все время, тепло... Но там только все военные, которые проездом задержались на день или на два пока подвернется попутчик который подвезет до его части! А частной публики здесь нет и быть не полагается никому! Я получил твою телеграмму; сначала глазам своим не поверил! Но, смотрю, уже поздно, — скоро должен прийти поезд. Поехал! Но до прихода поезда оказалось еще целый час оставался. Я сказал Ткаченке, чтобы он укрыл лошадей попоной, а сам бы шел внутрь вокзала, — в тепло. Морозы здесь такие, что дух захватывает!

Мы подошли к экипажу, который я видела первый раз в жизни.

— Вот моя двуколка! В ней езжу только я один... — сказал муж.

Двуколка — это экипаж на двух больших колесах: бока и верх покрыты брезентом. На обеих сторонах экипажа большие красные кресты. На переднем месте помещается возница и рядом с ним два, или три сидячих легко раненых. Задняя стенка открывается и туда кладут во всю длину четырех раненых. Везет такой экипаж пара лошадей. В двуколке мужа посредине было сидение со спинкой.

— Вот это мой возница, Ткаченко, — показывая на солдата сидевшего на двуколке

— Здравствуй Ткаченко, — поздоровалась я с ним.

— Здравия желаю! С приездом! — по военному ответил он.

Мы с мужем сели на внутреннюю скамейку.

— Ну! Можно ехать! А то барыня замерзнет. Гайдамакин как получишь багаж приедешь с Клюкиным, на его двуколке.

Мы поехали!

— Тебе хорошо? — обнимая меня спросил муж.

— Очень.

— Двуколка эта совершенно новая, и очень удобная, закрывается со всех сторон. Я сплю в ней, когда езжу за ранеными на позицию.

— А разве есть раненые?

— Понемногу привозим каждый день! Но позиции отсюда далеко и каждая поездка берет сутки. Это хорошо, что ты надела форму сестры, меньше обращаешь на себя внимания. Здесь нет женщин! Не полагается! Война, — нечего смущать воинов...

Я слушала его и удивлялась, что он все время говорит. Вообще он не разговорчив, а пустую болтовню совсем не выносил, и не любил мужчин, которые стараются занимать дам. — Ну, это пустой болтун, — говорил он когда я спрашивала его о каком-нибудь знакомом мужчине, который нравился дамам...

— Старается занять позицию на всякий случай, — говорил он о таких мужчинах.

Женщин вообще не любил. Всегда говорил, что: — если бы не встретил тебя — никогда бы не женился ни на ком...

Когда он был еще студентом Харьковского университета, хозяйская дочь, (где он снимал комнату) влюбилась в него. Ничего не подозревая, он принимал приглашения: то на чай, то на ужин, хотя и тяготился этим. Вообще изредка заходил, когда не находил предлога отказаться от настойчивых приглашений. Но и только. Но однажды дочь хозяев сама ему написала, что любит его и готова быть его женой. Пришел он поздно с лекции, увидел на полу под дверью письмо; положил его на стол, думая — из дому. И решил прочесть его позже. Через несколько минут стук в дверь! Открывает: она, хозяйская дочь...

— Вы, Иван Семенович, письмо видели? подняли его?

— Да, видел, поднял!

— Прочли?

— Нет еще!

— Прочтите скорее, пожалуйста! — и ушла.

Взял он письмо, вскрыл, прочел... Уложил вещи, а утром позвал извозчика и переехал в гостиницу.

Весной же, когда закончился семестр, перевелся в Казанский университет. И никогда больше не видел, и не вспоминал об этой девушке.

А в Казани встретил меня, — четырнадцати с половиной лет маленькую, худенькую девочку. Полюбил. Два с лишним года ждал, чтобы подросла его невеста и будущая жена. И когда мне исполнилось шестнадцать с половиной лет — женился на мне.

— Что дома все благополучно? Алексей что пишет? Яшка все пьянствует?

— Алеша пишет, что хоронят то одного, то другого убитого сальянца. Много уже убито офицеров! Убит Гриша Офонасенсенко; убит капитан Федоров! Жена его поступила на службу. У них ведь никаких средств не было, кроме его жалования.

— Разве не дают пенсию семьям?

— В конце концов дадут маленькую, конечно! Но когда это еще будет?! Здесь как-то ничего не знаешь! А сколько знакомых уже убито наверно. В городе на каждом шагу встречаются женщины в трауре. — Потери на западном фронте очень велики!..

— А вот и моя штаб-квартира! — сказал муж, показывая на крошечный домик, как мне показалось в темноте.

Двуколка подъехала к деревянному забору и остановилась! А я и не заметила как мы доехали! Муж соскочил с двуколки взял меня на свои сильные руки и поставил на снег.

— Ну идем!

Мы вошли в калитку и по деревянным мостикам дошли до крыльца. В сенях было совсем темно! Солдат лег вероятно спать и потушил лампочку... Вот дурак!!

Но в эту минуту открылась дверь в освещенную комнату; посреди комнаты стоял грубый деревянный стол, выкрашенный черной краской; над столом висела керосиновая лампа; вокруг стола стояли несколько некрашенных стульев.

— Это наша общая столовая. А там моя спальня, — он показал на открытую дверь.

— У тебя очень хорошо!

— Тебе нравится?

— Я так рада видеть тебя, что мне все нравится, что окружает тебя. — А вот и Гайдамакин приехал с багажом!..

— Ваше высокоблагородие, куда сундуки нести?

— Да у меня одна только комната! Вон та, где я спал до сих пор. Если поместятся все сундуки и чемоданы, — несите туда! Другого места нет, — сказал муж.

Я пошла в его спальню. — Здесь темно! Зажгите лампу пожалуйста!

—Да лампа то только одна в столовой! Я зажигаю свечу, когда прихожу спать ложиться. Клюкин, принеси из кухни свечу.

Когда принесли свечу и зажгли, я увидела маленькую комнату, с двумя ничем незавешанными окнами. В углу, у стены, стояла узкая железная, солдатская кровать. Почти посреди комнаты, стоял раскрытый чемодан мужа. Тут же валялись сапоги, носки и другие вещи мужа. Около кровати на пустом ящике стояло блюдце с куском догоревшей свечи. Кровать не была сделана: подушка свернута валиком, простыня скручена жгутом, а стеганное шелковое одеяло валялось на полу. И ничего больше, — ни стола, ни стула, — ничего решительно! Одна узкая железная кровать, и несколько гвоздей вбитых в стену, на которых висели вещи мужа, да полотенце.

Все стояли молча, разглядывая комнату, точно первый раз видели ее... Молчала и я...

Прерывая молчание муж сказал: — Видишь ли, здесь ничего достать нельзя! Да и телеграмма твоя получилась поздно. Но завтра я пошлю разыскать какую-нибудь мебель. Этот дом был пустой, но там выше, где штаб, были дома с мебелью. Сегодня как-нибудь устроимся; переспим, только ведь одну ночь...

Я ни слова не сказала. Но он видел, что я подавлена обстановкой...

— Конечно устроимся! На то и война. — Только и могла я ответить...

— Несите вещи! Вот ставьте их здесь! На двух сундуках можно устроить постель для меня, ты еще не видел что я привезла.

— Боже мой! Да ты полдома привезла!.. — сказал он увидев сколько сундуков внесли в комнату.

— Постели для барыни на моей кровати, а мне на полу. А мы пойдем ужинать! Ты голодна?

На столе кипел самовар, стояло жаренное мясо, хлеб... Но есть не хотелось...

— Как это ты решилась пойти на курсы? И мне ни слова не писала об этом!

—Хотела, во-первых, быть с тобой, или хотя бы поближе к тебе! А во-вторых, должна же я хоть чем-нибудь помочь Родине!

— Попробуй, если сумеешь! Да, что ты так смотришь на меня?

— Смотрю! Соскучилась по тебе. Но ты как-то странно изменился?

— Я и сам знаю, что изменился. Поживешь здесь — и ты изменишься... Но я бы не хотел, чтобы ты долго оставалась здесь! Здесь обстановка тяжелая, грубая. Никаких удобств, — даже самых минимальных, человеческих.

— Ты не рад, что я приехала к тебе?

— Тиночка, родная, любимая, ты для меня больше жизни! И видеть тебя для меня большое счастье! Я так рад, что ты опять со мной! Но ты же знаешь, что я не умею высказать все, что я чувствую и думаю! Но я был бы спокойнее, если бы ты жила дома! Пока здесь ничего не угрожает. Позиции далеко... А раз ты уже здесь, то поживи до Рождества! А после Рождества уезжай домой... И если уж очень хочешь помогать Родине, работай в каком-нибудь из госпиталей, — там наверно много запасных госпиталей стоит! Ну, а теперь пора спать! Два часа уже!..

Когда я проснулась на другое утро, то мужа в комнате уже не было. Я встала, надела халатик, пошла к окну и сняла простыни, которыми мы вчера завесили окна. Стекла были все в узорах от мороза, сквозь которые ничего нельзя было увидеть... Я подошла к дверям, позвала Гайдамакина, и попросила горячей воды. Он принес большой кувшин теплой воды, таз и ведро для грязной воды... Когда я оделась и вышла в столовую, — там уже никого не было. На столе кипел самовар, огромный кусок сыра, копченая колбаса, открытая коробка сардин, и мешечная икра. — Это уже из моего запаса, — подумала я. Большой кусок хлеба, три стакана (чашек должно быть не было), один стакан чая, на половину отпитый. В комнате было тепло. Я взглянула в окно. О! как все блестит! Сколько снега! Все засыпано им! Всюду сугробы! Вон дорожка разметена! Куда это она ведет? А! — К маленькой деревянной будочке...

И дорожка чисто разметена значит по случаю моего приезда! — И это все заботы Вани обо мне. — Милый, родной, человек! — обо всем подумал...

Но, как тут тихо и мирно! Вон солдаты ходят, разметают дорожки; один несет охапку дров, должно быть на кухню? Совсем, как в прежнее время, когдад мы жили в Карсе.

А солнце-то какое яркое! Снег блестит! Вон у солдата изо рта пар идет... Мороз должно быть сильный. Но жизнь кажется совершенно мирной, точно где-то в глуши в центре России! Позиции далеко отсюда, говорил Ваня, а здесь — тыл, штаб армии, госпиталя, хлебо-пекарни. А вот и Ваня!

— Здравствуй Тиночка! давно встала?

— Нет. А ты уже осмотрел свое хозяйство, а я все спала! Мне совестно...

— Ну, что ты! На то я и муж! Тинушка, многого я не могу сделать для тебя, — такая уж здесь обстановка... Но я должен показать тебе некоторые необходимые вещи...

Он подвел меня к окну, из которого я видела дорожку ведущую к будочке; — вот это все удобства, и тебе придется ими пользоваться; другого я ничего не могу тебе предоставить...

— Знаю, знаю! Давай пить чай! — перебила я его.

— Хорошо. Но, пожалуйста, подождем минутку. Сейчас придет младший врач. Когда я вчера получил твою телеграмму и сказал ему, что ты приезжаешь, он очень обрадовался и рассказал мне, что у него жена сейчас живет в Тифлисе, чтобы быть поближе к нему. Они из Елизаветграда. Оказывается они недавно поженились, но он не смел просить разрешения приехать ей сюда. Сегодня утром, когда мы с ним ходили вместе, делая осмотр хозяйства, он спросил меня можно ли его жене приехать сюда... Конечно я разрешил. Я думаю тебе будет даже лучше. Мало ли, что может случиться? Я с транспортом могу уехать на позицию; а так же и доктор Штровман. Вас будет две женщины тут, ты не будешь одна!

— Ванечка! Я приехала не сидеть, а работать! Я пойду в какой-нибудь госпиталь и предложу свои услуги. Ведь не за деньги же я иду работать, а без жалования. А иметь лишние руки всякий, я думаю, согласится?

— А вот и доктор Штровман! Моя жена, познакомьтесь, — сказал муж знакомя нас.

Мы познакомились. Он был небольшого роста, круглые толстые щеки, черная курчавая шевелюра; на носу пенсне; мягкая толстая рука с короткими пальцами, рейтузы обтягивали короткие жирные ноги... Он сразу заговорил о будущем приезде жены.

— Какая здесь война! Я сижу тут, ничего не делаю; она сидит в Тифлисе — скучает. Гораздо лучше будет если она тоже приедет сюда, как и вы...

— А она тоже сестра милосердия? кончила курсы?

— Нет! Она курсов не кончала. Она не может делать такую работу; тяжело это для нее, — она нервная.

— Да? А я вот хочу работать, а муж говорит, что раненых мало; что и для постоянного персонала работы мало, — и моя помощь никому не нужна!

После чая мы с мужем пошли осматривать достопримечательности Сарыкамыша.

— Одевайся теплее, — сказал муж, — мороз сегодня необычайно сильный.

Ах! Какое яркое солнце! А снег так блестит, что больно смотреть. А как легко дышется! Мы идем немного все в гору по нашей улице.

— Вон большой дом, это штаб. А вон на горе, большое здание, — это и есть хирургический госпиталь. Он и был все время госпиталь для стоящих здесь в мирное время войск. Оборудован по последнему слову науки. Огромный, чистота идеальная. Мой транспорт доставляет сюда раненых (больных не принимают здесь, а только хирургических).

Мы дошли до самого здания. И остановились. И залюбовались. Отсюда с высокой точки открывался великолепный вид на весь Сарыкамыш и окрестности.

— Вон, под горой, небольшое здание. Это вокзал, где я тебя вчера встретил. А вон бывшие казармы Елизаветпольского полка. Собственно этот госпиталь — тоже бывший Елизаветпольского полка. Только его расширили, да персонал другой. А все эти домики нарядные, чистенькие, собственность офицеров; семьи уехали кто куда, некоторые взяли вещи, мебель, а большинство все оставили в домиках. Хочешь, зайдем в госпиталь?

— Хорошо: — только дай мне еще полюбоваться.

Госпиталь стоял на возвышенности почти около самой дороги на Кагызман. Вокруг госпиталя были цветники, теперь покрытые толстым слоем снега, и сейчас же за госпиталем начинался сосновый лес. Одиночные старые, огромные сосны стояли совсем близко вокруг госпиталя.

— Летом здесь великолепно! Помнишь я с Кабардинским полком был здесь на маневрах два лета подряд. Город ведь там, внизу. Там вон другие госпиталя, в тех кирпичных двухэтажных домах, а ниже, еще правее, длинное, низкое здание — это склады продовольствия и там же хлебопекарни недалеко. Вон военная церковь. Между вокзалом и городом видишь какая выемка? сейчас плохо видно — все снегом покрыто; а весной это пространство все покрыто водой, целая большая река! Вон, где едут двуколки — это дамба, единственная дорога соединяющая город с вокзалом; дальше она идет к Караургану и к нашим позициям.

—Очень мне все нравится! А жить здесь летом, прямо великолепно! Грибы можно собирать. Рыжики я думаю есть в сосновом лесу и боровики! Всюду куда ни взглянешь эти гиганты сосны.

— Да летом здесь чудесно! Но сейчас ты замерзла. Идем теперь в госпиталь! Там ты согреешься. А то и мне холодно стало.

Мы вошли в подъезд. Солдат открыл двойные стеклянные двери. В огромном вестибюле была идеальная чистота.

— Где доктор Платовский? — спросил муж у дневального. — Скажи, что доктор Семин хочет видеть его.

Сейчас же к нам вышел доктор Платовский. Он был не молодой, подтянутый щеголь, все на нем было ловко пригнано. Да и весь он казался каким то выхоленным...

— Здравствуйте, коллега! Позвольте познакомить: моя жена, — только вчера приехала и хочет непременно сейчас-же работать. Только что кончила курсы.

— Очень приятно. Но у меня полный штат сестер, а вы сами знаете, ваш же транспорт доставляет в мой госпиталь раненых, что раненых еще мало. Но, если нам навезут раненых столько, что мы не сможем управиться, — я сейчас же дам вам знать. А пока нам самим делать нечего! У меня госпиталь на семьсот человек и даже можем поместить больше, если будет в том нужда; полный штат врачей и сестер, а на довольствии только сто двадцать три человека числится, да и тех все время отправляем в Тифлис! Приходите! Всегда рады будем вашей помощи. Только до весны, я думаю, никаких боев не будет. Турки сидят около мангалов и греются. Где им наступать в такую стужу, без одежды, без обуви и без провианта! Весной — другое дело! Обуви и одежды никакой не нужно! Еда подножная! Самый раз для турецкой армии.

— Будем устраивать елку с подарками и танцами и костюмированный бал, если других занятий нет! — сказал он нам на прощание.

Мы вышли из госпиталя.

— Ну и отлично. Я очень рад, что твое желание работать не осуществилось; будешь сидеть дома, а после Рождества поедешь домой. Я не люблю этого Платовского! Какой-то хлыщь! Всегда прилизанный, затянутый! И о себе большого мнения. Хорошо ему быть чистеньким! — занимает квартиру, как в мирное время, в пять комнат с ванной! Пожил бы он в пустом домишке, да походил бы на мороз в будочку. Хочешь пойдем я покажу тебе главную улицу и лавочки? Там внизу есть. Торгуют папиросами, спичками и всякой солдатской мелочью.

Мы спустились обратно по нашей же улице, прошли мимо нашего дома и дошли до главной улицы, где был поворот с дамбы к центру города. Улица была широкая, но снег лежал на ней толстым слоем не счищенный; по бокам улицы стояли деревянные лавочки — ларьки. На их прилавках лежали пакетики

махорки, спички и грубая белая бумага вчетверо сложенная, для «цыгарок» и даже банки с монпансье.

— Вот и все достопримечательности военного Сарыкамыша! Там есть еще госпитали — но я думаю довольно с тебя на сегодня! Холодно, ты замерзла совсем. Идем теперь домой, сказал муж.

Мы пошли обратно. Когда мы подошли уже к дому муж предложил: — хочешь посмотреть лошадей? И я тебя познакомлю с командой.

— Хорошо! но мне очень холодно. Твое солнце светит ярко, но не греет!

Но транспорт стоит вот, напротив, тут же и команда живет, тут же и канцелярия. Я увидела такой же деревянный дом стоящий внутри двора, а двор был обнесен деревянным забором, к которому были привязаны лошади. Лошади были привязаны вдоль всего забора: некоторые были накрыты попонами из солдатского сукна.

— О! Как много у тебя лошадей? Но почему они грызут забор? Они его съедят весь! Посмотри! Сколько они выгрызли уже его!

— Знаю, меня самого это занимает страшно! Но никто не знает почему они грызут забор. Я спрашивал моего ветеринарного фельдшера, но и он тоже не знает... Может быть зубы у них чешутся, как у детей когда режутся новые?

— Не знаю! Лошади все старые. Сена у тебя целый стог?

— Да, запаслись, пока нет большой работы. Я приказал сделать запасы теперь. А когда будет много работы по перевозке раненых и больных, лошади будут все заняты и за фуражем ездить будет некогда и не на чем. Тиночка, в команду не пойдем; двенадцать часов уже, они теперь обедают,

Мы пошли домой; я сильно замерзла.

Через четыре дня после моего приезда в Сарыкамыш и с тем же поездом приехала жена младшего врача Штровмана. Она молодая еще, и так же как и ее муж в пенсне, сутулая, с некрасивыми руками, но выхоленными. Мы встречаемся с ними только за едой. Они целый день ходят по городу и осматривают, или сидят у себя в комнате.

С тех пор, как я приехала, муж не пил вина совсем. Но вчера за обедом опять появилось вино на столе.

— Гайдамакин! Открой вон тот ящик и достань бутылку коньяку.

Ящик, который стоял в углу, — оказался полон бутылками с коньяком и вином.

— Откуда у тебя столько напитков? Ведь запрещено продавать?

— О! Это у меня достает Костин, — заведующий хозяйством. Он все знает где, что можно купить. Правда, страшно дорого платит, но зато в неограниченном количестве может достать.

— Зачем тебе столько напитков? Этого на год хватит!

Но я стала замечать, что с каждой едой, он порцию вина все увеличивал. А вскоре начал пить и между едой; — так от нечего делать... А делать правда было нечего: сходит утром в транспорт, выслушает рапорт, который докладывал ему каждый день подпрапорщик Галкин — в транспорте все благополучно, подпишет ведомости и идет домой. Я привезла ему несколько медицинских книг и журналов, которые пришли уже после его отъезда из дому. Он посмотрел, поперелистывал их и сказал: «ни к чему ненужный груз»!

Конец мирного житья на фронте.

Прошло еще несколько дней ничего неделания и вот, както поздно ночью, я уже давно спала, муж разбудил меня и сказал: — Тиночка, я только что получил телефонограмму. Требуют двуколки за ранеными. Хочешь поехать, если я сам поеду за ранеными?

— Да теперь ведь ночь?!

— Да, — второй час ночи.

Он был возбужден, но не телеграммой, а выпитым вином.

— Никуда я не поеду, я спать хочу! А ты не ложился еще спать?

— Нет еще.

— Хорошо! Я сейчас оденусь и поеду с тобой.

— Одевайся теплее; мороз чертовски сильный, а я скажу Гайдамакину, чтобы ставил самовар.

Я оделась и вышла в столовую. Муж отдавал распоряжения стоявшему перед ним подпрапорщику Галкину: — пятнадцать двуколок, фуражу на сутки и команде продовольствия тоже на сутки! Скажите Ткаченке, что я сам поеду; — чтобы подавал мою двуколку. Идите и будите команду. Время еще есть, пускай попьют чай. — Подпрапорщик ушел. — Гайдамакин! Успеет у тебя самовар закипеть, пока транспорт будет готов?

— Сейчас будет готов. А какой еды положить вам в дорогу?

— Я сама приготовлю, а ты скорее самовар давай.

— Много не бери еды; команда берет мясо и будут варить суп, так мы у них возьмем по тарелке супа.

Самовар подан, мы наскоро выпили по стакану горячего чая, оделись и вышли на этот сорокаградусный ночной мороз. Сразу дыхание захватило; ресницы стали слипаться от инея, который образовался на них. Но когда мы сели в двуколку и укрыли ноги одеялом, — стало теплее.

— Галкин! ну что все готово?

— Так точно, готовы!

— Ткаченко, трогай!

И режуще заскрипел, скованный морозом снег под колесами двуколки.

Мы быстро спустились по нашей улице на главную, повернули влево и выехали на дамбу.

Тишина! Ни одного звука и ни одного нигде не светится огонька! Даже не слышно цоканья лошадиных подков по обледенелому снегу... Только один режущий звук колес!

Вот вокзал, мимо которого мы едем. И здесь полная тишина. Ни души не видно. Так же горит у дверей фонарь, как и в ту ночь моего приезда.

Когда мы отъехали от вокзала и глаза привыкли к темноте, ночь показалась совсем не такой темной. Я обратила внимание, что мы едем вдоль той самой горы, которую мне показывал муж. Она была над самым вокзалом и тянулась еще долго вдоль дороги по которой мы ехали.

— Тина, ты не замерзла?

— Нет! мне тепло

— Я очень рад, что мы с тобой поехали за ранеными. А то я не знал, что с собой делать? Я очень тебя, Тиночка, люблю, но все же мне нужна работа, — думать, двигаться! — Когда ты ушла спать, я остался, сидел и пил... И думал, что если буду продолжать и дальше так же, то я сопьюсь совсем... И вдруг эта телеграмма. Откровеннно говоря я очень обрадовался ей. Часов в восемь, или в девять мы будем на месте. — Лошади отдохнут, команда сварит обед, поест. Потом будем нагружать раненых и в обратный путь. Вечером, часов в десять, будем дома. Обратно тихо поедем — с ранеными не погонишь!

День давно наступил, солнце взошло яркое, но холодное и уже было довольно высоко на небе, когда наш транспорт остановился. Сейчас же подошел к нашей двуколке старший по транспорту и спросил мужа: — Можно здесь остановиться и распрягать лошадей?

— Хорошо! Я думаю тут нас никто не побеспокоит! Распрягайте.

— Почему мы тут остановились?

— Мы приехали. Вот здесь и будем брать раненых.

— Где же? Тут ничего нет!

— А вон там! Муж показал куда-то, но я ничего не видела, кроме каких-то не то развалин, не то холмов...

— Все турецкие городишки такие! Вон смотри белый флаг! Видишь? Там перевязочный пункт, куда сносят раненых из полков. Помещение ужасное, я был уже здесь. Просто сарай какой-то, но большой, да все равно лучшего ничего здесь не найдешь! Я пойду узнаю сколько раненых и когда они будут готовы к погрузке.

Муж ушел, а Ткаченко распряг лошадей, укрыл их попонами и пошел к кострам. Костров было много и около каждого грелись санитары. А у лошадей на головах висели торбы с кормом. Когда муж вернулся то сказал: — Как только пообедает команда и если лошади отдохнули — запрягайте и будем грузить раненых. Раненых оказалось больше, чем было сообщено в телеграмме. Идут бои и раненых все время подносят...

Ну вот обед съеден, лошади запряжены и двуколки одна за другой стали выезжать на дорогу и подъезжать к перевязочному пункту. Муж опять пошел туда, чтобы наблюдать за погрузкой. Я с Ткаченко осталась в самом хвосте транспорта. Но сидеть неподвижно в такой мороз, долго не усидишь. Я пошла к пункту, где уже выносили раненых и укладывали их в двуколки; некоторые шли сами и садились на указанное им место. Каждого раненого укрывали тоненьким, из солдатского сукна одеялом. Как они доедут в такой мороз под такими одеялами?! Погрузили по шести человек в двуколку... Наконец погрузка кончилась, последняя двуколка отъехала. Муж вышел из перевязочного пункта, неся в руках пачку списков раненых.

— Всех забрали, Ваня, раненых?

— Всех, но долго задержались. Поздно приедем в Сарыкамыш! Никогда нельзя рассчитать и всегда выходят задержки! Ну-ка, Ткаченко, перегони транспорт, я поеду впереди! Скоро ночь, будет дорогу плохо видно, так мы будем показывать ее.

Ткаченко свернул на твердый, как лед снег и наша двуколка стала обгонять транспорт. Короткий зимний день. Не прошло и часа, как мы выехали из Кеприкея и уже темнеет. Лошади сами мерзнут и, желая согреться, бегут шибко, но частые остановки сильно задерживают. Пока было светло — еще ничего. Но, когда совсем стемнело и мороз усилился, остановки становились все чаще...

— Почему опять остановились? — спрашивает муж санитара.

— Раненые плачут! Мерзнут! — сказал санитар.

Муж сошел с двуколки и пошел вдоль транспорта; вышла и я и тоже пошла за ним. И сейчас же услышала: — Санитар! — судно! — Ох, замерзаем совсем!

— Дайте одеяло! — Санитар! Санитар! — несется из другой двуколки, — здесь помер один!.. — кричит кто-то.

— Эй, Клюкин! Собери все попоны и накройте раненых, которые больше мерзнут... — отдает распоряжение муж.

Опять едем дальше. Но чем ближе ночь, тем мороз сильнее и тем чаще остановки, тем больше слышны стоны, плачь и крики: — ох, замерзаю, замерзаю!

Вот опять стоим!.. — Есть еще умершие, — докладывает подпрапорщик.

— Если будем останавливаться часто, то мы и половины живых не довезем до Сарыкамыша! — говорит муж. — Нужно гнать без остановок, а то все померзнут!

Когда приехали в Сарыкамыш я прямо поехала домой, а муж поехал с ранеными в госпиталь. Вернулся он страшно уставшим.

— Ну как, все благополучно?

— Если не считать умерших и обмороженных, то все благополучно, — сказал он грустно. Но если бы ездил доктор Штровман, то у него покойников было бы больше половины! А ты, как чувствуешь себя?

— Отошла! А когда пришла в тепло не могла растегнуть шубу, пальцы мои так болели, что Гайдамакин оттирал их снегом. Но, Ваня, разве нельзя потребовать больше одеял, шуб! И вообще принять всяческие меры, чтобы не страдали так раненые!!

— А какие бы ты приняла меры? Ты сама сегодня ездила и видела все... Что можно сделать? И здоровому трудно переносить такой мороз! А человеку раненому, лежащему неподвижно, да еще потерявшему много крови, значит слабому — крышка!

Он заходил по комнате, засунув обе руки за пояс и дымя нервно папиросой! Вот это и есть война!

Прошло два дня и опять телефонограмма: прислать двуколки за ранеными в Караурган!

— Хочешь поедем опят? Это ближе, чем Кеприкей. Мы выедем завтра в пять часов утра и к ночи вернемся обратно. Днем не так холодно, как ночью и раненые не так будут страдать от холода. Возьму походную кухню. Дорогой будем кормить обедом раненых. Вот тебе будет много работы: — будешь кормить слабых и тяжело раненых...

Опять мы встали ночью, напились чаю, оделись и вышли на мороз. В пять часов, еще совершенно темно, мы выехали из дому и поехали по той же дороге мимо вокзала, и, только когда стало светло, транспорт свернул вправо и около восьми часов были в Караургане, маленьком турецком городке.

Муж ушел на перевязочный пункт узнать сколько раненых и когда можно их грузить. Когда он вернулся, то сказал подпрапорщику: — Раненых много и они еще все время прибывают с позиций. Погрузку можно начинать, как только отдохнут лошади. Кормить обедом раненых будем мы.

Сегодня солнца нет. Падают редкие снежинки, и много теплее, чем прошлый раз, когда мы ездили в Кеприкей.

— Сегодня, слава Богу теплее, — говорю я мужу.

— Да! но еще неизвестно, что будет дальше... Как повалит снег, занесет дорогу и вместо четырех часов будем ехать десять, — сказал он. — Это прямо будет ужасно для раненых!

Так и случилось: снег все усиливался; хлопья его становились все крупнее... Мы с мужем сидели в нашей двуколке.

— Посмотри, горы уже совсем затянуло! Там снег еще сильнее... Как мы проедем с ранеными?!

— Это так кажется, потому что далеко. Однако, нужно запрягать, забирать раненых, да ехать скорее.

— Подпрапорщик Галкин! Если лошади отдохнули прикажите запрягать и подавать к перевязочному пункту.

— Два часа только стоят...

— Я боюсь, если снег будет идти все время, то нам будет трудно проехать. Дорога узкая, обрывистая; зенесет ее и мы задержимся в пути на много лишних часов, — если совсем не застрянем...

— А как с обедом?

— Суп почти готов. — Галкин ушел, и скоро все пришло в движение...

Двуколки одна за другой вытянулись вдоль улицы до самого перевязочного пункта.

Муж ушел, чтобы смотреть как будут укладывать раненых. Мы остались с Ткаченко опять в самом хвосте транспорта.

— Вот ведь грех какой! Погода-то «спортилась»! Теперь снегу навалит столько, что не проедешь! Хорошо еще тихо, — ветру нет, а то придется дорогу расчищать!

Долго мы стояли, пока всех раненых уложили и наконец последняя двуколка отъехала от перевязочного пункта. Ткаченко подъехал и муж сел в нашу двуколку.

— Ткаченко! Мы поедем впереди, чтобы найти место для остановки обедать.

Мы обогнали транспорт. И я не слышала, ни стонов, ни криков раненых...

— Почему сегодня все так спокойны? Нет тяжело раненых? — спросила я мужа.

— Конечно есть! Вот погоди, после обеда начнется другое, — ответил он.

Мы довольно далеко отъехали от транспорта и муж все время смотрел где бы найти подходящее место для остановки.

— Вот здесь остановимся. Все равно лучшего места не найдем. Стой Ткаченко!

Сейчас же стали подъезжать и другие двуколки. Подошел Галкин.

— Здесь будем кормить обедом раненых. Если сможете, съезжайте с дороги. Но, я думаю, что это опасно; снегу много, застрянем... — сказал муж.

Транспорт остановился. Кухня, ехавшая в хвосте, теперь въехала в середину транспорта. Конюхи навесили на головы лошадям торбы с кормом. Я вышла из двуколки и пошла к кухне. Около нее собрались санитары; подошел муж с подпрапорщиком Галкиным.

— Ну как? Суп готов, Какошвили? — спросил муж у кашевара.

-- Так точно, — готов.

— Ну, давай пробу.

Кашевар зачерпнул снизу, стараясь дать пробу старшему врачу погуще.

Муж попробовал суп. — Молодец Какошвили, суп отличный. Раздавайте, — сказал он.

Запах супа дошел и до меня и раздражающе щекотал мои ноздри. Под ложечкой даже заныло от голода. Но я не посмела попросить у мужа его пробу, которую он возвратил кашевару недоеденной. — Вот бы съесть горячего супа, подумала я! В это время Галкин, идя вдоль рядов двуколок кричал: — Кто может ходить, у кого руки здоровы, идите за супом! Санитары идите за супом для лежачих и слабых!

Около кухни быстро образовалась очередь: два санитара раздавали нарезанный ломтями черный хлеб и тарелки, а потом раненые подходили к кухне подставляли тарелку, а кашевар, стоя на оглобле, запускал черпак до самого дна и зачерпнув полный черпак выливал суп в протянутую тарелку. Получивший суп отходил, а на его месте уже новый протягивал свою тарелку.

Когда все получили суп и отошли от кухни, я взяла тарелку, попросила супа и понесла его к первой попавшейся двуколке, в которой лежали двое.

— Вот суп, можете сами есть? Или я покормлю вас?

— Спасибо сестра, я сам могу есть, а вот земляк ранен в грудь, ему трудно.

— Хорошо! На ешь, а я еще принесу и покормлю его.

Я принесла суп, влезла в двуколку и стала кормить, приподняв голову и осторожно вливая суп в рот... Раненый тяжело дышал и задыхался.. Все это брало много времени, так что, когда я опять пришла с пустыми тарелками к кухне, то все уже получили еду, ушли к двуколкам и жадно ели горячий суп.

— Налей мне еще супа.

Я пошла к следующей двуколке. Около нее стояли раненые и ели.

— Отчего вы не лезете внутрь? — Снег падает в ваши тарелки.

— Ничего, сестра! Больше супа будет, — сказал раненый, у которого была забинтована голова.

— Где твое место?

— Я на передней скамейке сижу. Я не могу лежать, — голове больно!

Я залезла внутрь двуколки и стала кормить раненого.

— Сестра! Дайте и мне поесть! — сказал другой, лежавший рядом с ним. — Двое суток ничего не ел! Всех кормят, а мне не дают! Я так ослаб — едва жив...

— Куда ранен?

— В живот.

— Вот потому тебе и не дают есть! Еда-то тяжелая для тебя! Вот приедем в Сарыкамыш, в госпитале и накормят тебя. А этот суп с крупой и картошкой, — нельзя давать тебе.

— Господи! Все равно пропадать, а тут еще голодом морят! — заплакал он.

Мне стало невыносимо тяжело видеть его страдание и слезы.

— Подожди! Вот он поест, — я пойду спрошу доктора. Если он разрешит, то принесу тебе супа тоже!

Я вылезла из двуколки и стала искать мужа: но его нигде не было видно.

— Санитар! Где старший врач?

— А вон, в той двуколке, кормят раненого. — Я пошла туда и увидела, что муж стоял на одном колене и подносил ложку с супом ко рту раненого.

— А, сестра. Иди корми вот этого, — увидев меня сказал муж.

— Я пришла спросить, у меня там есть раненый в живот; — плачет, просит есть, двое суток не ел.

Муж положил ложку в тарелку, и смотрит на меня...

— Дай ему немного самого бульона, без крупы и картошки: две-три ложки, не больше...

Я пошла к кухне. Кашевар скреб черпаком по дну пустого котла. Народу около кухни уже никого не было.

— Можно мне немного супу? — протягивая тарелку говорю я.

— Нету! Суп кончился! Есть малость самая жижа, но ни картошки, ни крупы нету больше.

— Вот и хорошо! Дай немного! — Когда я пришла к двуколке с супом, она была уже полна ранеными.

— Ну-ка, выйдите кто-нибудь, кто поближе: я покормлю голодного.

Двое сейчас же слезли и освободили мне дорогу к раненому.

— Видишь! Принесла и тебе супа?

— Спасибо сестра, я думал вы забыли обо мне...

— Нет! Я ходила спрашивать доктора, и он разрешил жиденького супа немного. А как приедешь в Сарыкамыш, в госпитале накормят лучше. Но это что?! У тебя хлебные крошки?! Ты ел хлеб!

— Маленько съел! — земляки дали...

Я дала ему бульона, вылезла из двуколки, отдала тарелку санитару и пошла совершенно расстроенная и страшно уставшая.

— Два часа ушло на обед, — говорит муж, влезая в двуколку. — А ты что сидишь, согнулась? Устала? Да! Это не легкая работа. — Потому сестер в транспорт и не назначают, совершенно не женское дело. А ты ела что-нибудь?

— Нет. Но я не хочу есть...

— Ну нет, так нельзя! У нас есть еда, нужно поесть. Я очень доволен, что всем хватило супу. Вот только погода отвратительная! Часа через два будет совсем темно. Вон сколько снегу навалило! Хоть бы добраться благополучно до Сарыкамыша... — озабоченно сказал муж.

— Ткаченко, обгони транспорт: — мы опять поедем впереди.

Муж ел копченую колбасу с черным хлебом и запивал вином. Но мне ничего не шло в горло. Да и как можно есть сухую колбасу с черным хлебом, или с икрой?

Сначала ехали спокойно. Но потом начались остановки «до ветру»; иногда кто-то кричал — «санитар судно»! А снег все шел и шел сплошной стеной белых хлопьев.... Стемнело. Дороги совершенно не было видно; лошадиные головы пропадали в непроницаемой снежной пыли. Тишина! Не слышно ни скрипа колес, ни цоканья лошадиных копыт. Точно в заколдованном царстве...

— Транспорт стой-й, — донеслось до нас. Ткаченко остановил своих лошадей.

Подошел Галкин: — Один там раненый помирает! — сказал он.

Муж моментально соскочил с двуколки и ушел вместе с Галкиным. Вернулся мрачный.

— Ты кормила раненого в живот?

— Да, немного, бульоном, как ты мне сам разрешил.

— Умирает!.. Я сделал ему впрыскивание; хоть бы до госпиталя довести его...

— Он наелся черного хлеба. Земляки дали, жалеючи его, что он голодный...

Муж ничего больше не сказал... Транспорт все также шел в полной темноте...

— Да скоро ли Сарыкамыш? — с досадой вырвалось у него.

— Должно бы уж скоро, да не видно ничего! — отвечал Ткаченко.

— Вон, вон огоньки... Сарыкамыш! — сказала я. Но, огоньки пропали так же быстро, как и появились. Вот опять снова мелькнул красненький глазок!..

— Да это-ж вокзал! — сказал Ткаченко. Мы проехали все такой же молчаливый вокзал и опять полная темнота... Потянулось шоссе вдоль срезанной горы. Потом мы свернули на дамбу, проехали ее и выехали на главную улицу, где было еще темнее, чем в поле. Мы остановились около нашего дома. Я слезла, а муж поехал с транспортом в госпиталь.

После темноты и стужи даже эти убогие две комнаты показались мне уютными. А яркий свет керосиновой лампы ослепил меня...

Печка была жарко натоплена. Гайдамакин помог мне снять шубу... Пришли Штровманы.

— Ну, здравствуйте! Как съездили? — Мы за вас беспокоились. Ведь снег не переставая шел весь день...

— Он идет и сейчас. И еще больше, чем днем.

— Мы ждали вас и не обедали еще, — сказала мадам Штровман.

— Спасибо! Это очень приятно. Мы страшно голодны...

Пришел Гайдамакин и стал накрывать на стол. Когда муж вернулся я уже отогрелась вполне.

— В транспорте все благополучно? — здороваясь с Штровманами спросил муж...

— Да, все хорошо. А как у вас?

— Один помер... — сказал муж.

После обеда я сейчас же пошла спать... На другой день погода была прекрасная. Солнце, мороз. Снег блестел как осыпанный бриллиантами. Но, когда муж вернулся из транспорта, то сказал:

— Вот морозище сегодня чертовский! Хорошо, что сегодня нам никуда не ехать. В такой мороз не довезешь ни одного раненого до госпиталя!

Наступил вечер, казалось мира и покоя. К нам пришли гости из двух других транспортов: оба старших врача и один младший. После ужина пили чай и мирно разговаривали. Вспомнили все. — Свои студенческие годы; квартирных хозяек и их дочек; государственные экзамены и первое впечатление, когда надели военную форму врача; недолгую службу в полках, госпиталях и дни мобилизаций.

В это время кто-то постучал в дверь.

— Войди! — сказал муж.

Телефонограмма, — сказал вошедший санитар, протягивая бумажку.

— Ну, это уж чересчур! — сказал муж, прочитав телеграмму. — Мой транспорт только вчера ездил за ранеными и вот опять посылают. Да еще куда! К черту на кулички! В Зивин! Я думаю, господа, у вас в штабе большая протекция! Поэтому вы сидите дома, а нас гоняют, — шутя сказал муж...

— Да, что вы, коллега! Нас тоже все время гоняют! Правда, посылают по частям, — не требуют всего транспорта. Но мы работаем все время! — сказал один из старших врачей.

— Это самая дальняя поездка. Зивинские позиции занимают кабардинцы. Да я ничего! Я сам езжу с удовольствием. Да еще и с сестрой милосердия! — показывая на меня сказал Ваня.

— Неужели вы ездите в такой мороз, Тина Дмитриевна? Это прямо подвиг для сестры милосердия, — сказал доктор Хлебников.

— Да! Мы вам Иван Семенович завидуем. Что вам война, раз вы оба вместе! А у нас, у всех жены остались дома. У меня двое детей, да жена ждет еще маленького.

Наконец гости ушли, пожелав полного успеха в поездке за ранеными. Как только мы остались одни муж сказал Гайдамакину:

— Пойди в команду у позови сюда подпрапорщика Галкина.

— Вы знаете, что требуют в Зивин транспорт? — сказал муж, когда тот пришел.

— Так точно, знаю!

— Я думаю выступим часов в шесть утра завтра. Я поеду сам с транспортом. У вас все в порядке?

— Люди здоровы, лошади тоже здоровы, — как будто все в порядке.

— Ну, хорошо! Идите и отдыхайте. Вы поедете тоже.

Подпрапорщик ушел.

— Ваня, я тоже поеду с тобой, если ты едешь!

— Нет! На этот раз ты оставайся дома. Это очень далеко; дорога опасная, в горах. И целые сутки на морозе ты не выдержишь. Да и не безопасно на счет турок, или курдов! Может случиться обстреляют транспорт.

— Ну, так что! Я не боюсь...

— Вот уж никогда я не думал, что ты такая воинственная! Давай ложиться спать, а завтра видно будет...

На другое утро муж встал еще затемно; оделся и вышел в столовую. Сейчас же я услышала, как Гайдамакин принес самовар. Я быстро встала, оделась и вышла.

— Ты зачем встала? — сказал муж.

— Я еду с тобой.

— Напрасно! Я предупреждаю тебя, что поездка эта очень тяжелая. Я лучше возьму младшего врача с собой.

— Я буду полезна в транспорте не меньше, чем доктор Штровман!

Муж посмотрел на меня... — Хорошо! Одевайся теплее!

Когда мы вышли на улицу, начинало уже светать. По обыкновению, наша двуколка ехала впереди транспорта. Когда мы выехали на дамбу я увидела ярко красную полосу, где-то еще далеко поднимающегося солнца. Мы проехали по шоссе, обогнули вокзал и выехали в широкую долину, вдоль русла реки, на другой стороне которой в морозной мгле виднелись большие кирпичные здания Елизаветпольского полка. Становилось все светлее; чувствовалось, что солнце, вот-вот, покажется из-за, пока еще черного, соснового леса. Тишина была какая-то торжественная и могучая. Все было покрыто белым инеем: лес, кусты и каждая травинка! Лошади тоже все в инее. Голова Ткаченки стала большая, точно отороченная мехом-инеем.

Я посмотрела на мужа, — его поднятый воротник вокруг лица — весь белый; на ресницах и усах целые сугробы пушистого инея. Он заметил, что я смотрю на него и спросил меня:

— Ты не замерзла? Когда взойдет солнце, станет теплее!..

Мы все время ехали по возвышенной стороне реки, вдоль гор. Дорога была страшно извилистая: то мы ехали прямо на восходящее солнце, то поворачивались к нему спиной и тогда становилось еще холоднее! Русло то суживалось так, что каждое дерево было видно на противоположной стороне, — то расходилось чуть не на версту. Солнце давно взошло и поднялось высоко. А мы все едем и едем. И нигде не видно ни селений, ни домов; только горы, блестевшие на солнце, да сосны, которые и при солнце кажутся черными.

Приехали мы в Зивин после двух часов пополудни. Наш транспорт остановился не доезжая до селения, под очень крутой горой, около дороги. Санитары распрягли лошадей, укрыли их попонами и навесили торбы с кормом. Команда развела костры; что-то варили в котелках и грелись. Муж ушел на перевязочный пункт.

— Барыня! Идите погрейтесь у костра; вы тут замерзнете... — сказал Ткаченко.

Костров было несколько, я подошла к ближайшему. Солдаты сидели на корточках вокруг костра; кто пек картошку, кто жарил мясо, а кто варил что-то в котелке, помешивая деревянной ложкой. А некоторые уже пили чай с хлебом. Я так же присела на корточки и протянула замерзшие руки к огню.

— Если не побрезгуете чаем из котелка, то вот, пожалуйста, — предложил один из санитаров.

— Спасибо! Я с удовольствием выпью. Ткаченко, принеси стакан из двуколки...

Пришел муж и сказал, что раненых будем грузить после того, как их там накормят ужином. — Много тяжело раненых в этой партии, — сказали мне на пункте.

Мы сидели около костра; декабрьский день кончался. Солнце, хотя и яркое, прошло по краю неба и теперь уже зашло за верхушку горы... Только видны его лучи! Точно протянутые красные нити.

Ткаченко вскипятил чайник, разогрел мясо, которое мы взяли из дома, и мы стали обедать. Темнело очень быстро.

— Лицо жжет, а спине холодно, — сказал муж и повернулся спиной к костру.

И вдруг резкий звук выстрела! Пуля со свистом пролетела над нашим костром.

Санитары моментально бросились врассыпную от костров....

— Тушите костры! У кого есть винтовки — приготовьтесь стрелять! — сказал муж.

Солдаты бросились к двуколкам и вытащили несколько винтовок... Но все было тихо...

— Разрешите пойти в горы и поискать курдов. — Это они — курды стреляли, — говорят санитары с винтовками.

— Нет, не надо. Пора запрягать...

Все разошлись и стали запрягать лошадей. Ткаченко запряг своих и мы поехали к перевязочному пункту. Здание было низкое, длинное с маленькими оконцами. Бывший пограничный турецкий пост. Над дверями, на шесте висел белый флаг с красным крестом. Стали подъезжать двуколки, санитары выносили тяжело раненых и укладывали их. Легко раненые шли сами и садились на указанные места. Когда транспорт был готов и тронулся в обратный путь, была уже полная ночь. Но недолго шел транспорт, скоро начались остановки: — то «холодно, дайте одеяло»; то «доветру хочу», то «санитар судно». А мороз такой, что дух захватывает. У меня по спине бегали мурашки. Ресницы слипались, на ногах пальцы болели.

Транспорт остановился... Муж пошел узнать в чем дело.

— Слезай! Походи, согрейся! — сказал он.

Я с трудом вылезла из двуколки и пошла за мужем. Из двуколок слышны стоны и плачь... — В чем дело? Что случилось?.. — спрашивал муж останавливаясь там, откуда слышны были стоны и плачь...

— Совсем замерзаем..., — говорят раненые.

— Ноги обморозили!.. Дайте одеяла, — кричат со всех двуколок...

— Просят одеяла... А где их взять?! — говорит Галкин.

— Соберите все попоны и накройте раненых, — сказал муж.

— Да лошади накрыты попонами! Они тоже мерзнут.

— Лошади согреются! Нужно гнать! Иначе мы привезем в Сарыкамыш одни трупы...

Я пошла к двуколке, залезла и укрылась одеялом. Я еще больше замерзла, когда походила. У меня даже внутри мелкая дрожь. Муж пришел и мы опять едем! Ночь темная, несмотря на снег, в двух шагах ничего не видно...

— Транспорт остановился! — оборачиваясь к нам говорит Траченко.

— Стой! — Муж вылез из двуколки и пошел к транспорту.

— Слышите, как кричат раненые?! — говорит Ткаченко.

— Замерзают, бедняги. Да в такой мороз ни одни раненые померзнуть могут! Теперь и в окопах замерзнет немало народу! Вишь какой мороз! Дух захватывает! Но! Стой! Что мерзнешь? — поправляя попону на лошади, говорит он. — Я своих коняк, добре укрыл попонами! И то, гляди мерзнут, не хотят стоять...

— Ткаченко! Ведь старший врач приказал все попоны снять с лошадей и отдать раненым.

— Да, нехай их! Там хватит!

— Ну, нет! Снимай и неси сейчас же. Давай я снесу сама лучше...

— Да, что вы! Я сам снесу... Но и попоны-то мои не очень теплые... Для лошадей они ничего! А што раненому пользы в них?!..

Он долго возился, отвязывая попоны и наконец понес их к двуколкам. Я пошла тоже. И сейчас же услыхала «судно, санитар, судно сюда дайте»! — несется из двуколки.

— Да какое в такой мороз судно! Обморозишь, только об него!.. — говорит санитар, подавая судно во внуть двуколки.

Я пошла обратно. Этот мороз парализует не только руки и ноги, но и мозг! Не хочется ни думать, ни делать ничего. Я залезла, укрылась и старалась не думать ни о чем. Пришел муж и мы поехали дальше.

— Прямо ужасно! Все раненые перемерзнут! И попоны не спасут... — сказал он.

Мы едем все время впереди транспорта. Ткаченко мрачный, беспокоится за своих лошадей.

— Ткаченко, езжай скорей! — сказал муж.

— Темно! Дороги не видно; да и лошадям холодно, не хотят бежать... — тихо говорит он.

— Там люди замерзают, а он о лошадях заботится! Дай им кнута! Небось они у тебя под попонами?..

— Снял. Барыня приказали снять. Отнес раненым...

— Вот и хорошо!..

— Стой! Стой Ткаченко; что это там?

— Да похоже курдская сакля. Она пустая.

— А ну-ка, крикни Галкина.

— Подпрапорщик Галкин! К старшему врачу! — изгибаясь в сторону, закричал Ткаченко.

Пришел Галкин. — Вы видите эту саклю? Возьмите несколько человек команды и осмотрите ее. Если она незагажена — доложите мне...

— Там тепло, костер горит! — сказал Галкин, когда вернулся через несколько минут.

— Кем занята?..

— Никого нет. Мы все кругом осмотрели, никого не нашли.

— Идемте; я сам посмотрю.

Ушли! Наступила мертвая тишина. Вдруг кричит кто-то, — везите раненых сюда!

Мимо нас проехала двуколка.

— Ты что стоишь, дорогу загораживаешь, съезжай в сторону, видишь нельзя проехать? — кричит санитар с двуколки.

— Ткаченко, сверни, дай им проехать.

— Да, куда я сверну? Тут канава, снегу полно, лошадей загублю! — ворчит он и нехотя сворачивает с дороги.

Мимо нас проезжали двуколки из которых неслись стоны... Проехали все, на дороге остались только две хозяйственных двуколки, да мы с Ткаченко. Лошади переступали ногами, стряхивались и фыркали. Ткаченко слез, ходил вокруг лошадей и оглаживал их.

— О нас забыли Ткаченко!

— Дайте я сбегаю, узнаю «шо там дилают»?

— Ну, беги...

— Барыня, старший врач просят вас идти туда, там тепло, большой костер горит! — сказал возвращаясь Ткаченко. — Всех тяжелых и обмороженных вносят в саклю; большая сакля-то.

Я пошла туда. Около сакли полное оживление; дверь открыта и оттуда шел свет. Я подошла к дверям и заглянула внутрь. Недалеко от дверей в круглой яме пылал костер, распространяя жар. Сакля была длинная, как сарай, с низким потолком, без окон, только отверстие в потолке для выхода дыма. Половина этого сарая была отгорожена жердями для скота, но теперь там никого не было. На глиняном полу лежала солома, на нее и клали раненых. Три стены этой сакли-землянки были вкопаны в невысокий холм и только одна стена выходила наружу. От костра и множества людей в сакле стало жарко, хотя дверь не была закрыта.

— Галкин, вы останетесь с тяжело ранеными здесь; с вами останется фельдшер. А я возьму легко раненых и поеду в Сарыкамыш. Но непременно выставьте часовых, а то курды вернутся и всех вас перережут. Топлива хватит на ночь? Завтра, как потеплеет, так и выезжайте.

— Топлива хватит, вон какие балки толстые! — сказал Галкин, показывая на балки в потолке.

— Выходите все и занимайте места в двуколках: останутся только слабые, да обмороженные.

Неохотно стали выходить опять на мороз. — Вышли и мы и сели.

— Ну все сели? Можно трогаться? — сказал муж.

Мы опять ехали впереди транспорта, но теперь не было ни одной остановки до самого Сарыкамыша.

Только в пять часов утра мы были дома. А в двенадцать часов подпрапорщик Галкин пришел и отрапортовал мужу:

— Транспорт благополучно прибыл и сдали раненых в госпиталь.

— Есть умершие? — спросил муж.

— Никак нет, только обмороженные!

За обедом муж сказал доктору Штровману: — Ну с меня довольно, теперь ваша очередь ездить за ранеными.

Мы отогрелись, отдохнули и забыли о морозе.

— Тина, скоро ведь Рождество! Нужно подумать, что нам выписать из Баку. Давай составим список и сегодня же напишем Яше.

Только мы расположились к составлению списка — пришел рассыльный; принес пакет из штаба армии. Муж прочел и сказал:

— Государь приезжает в Сарыкамыш.

— Вот радость!

— Да! Нужно наводить порядок. — В приказе требовалось, чтобы вдоль следования Государя никто бы не сидел на заборах и сказано, что начальники отдельных частей отвечают за порядок в участках расположения этих частей.

Муж потребовал подпрапорщика Галкина и после совещания с ним началась чистка не только дворов, но и помещений. Солдаты выносили свои сенники, протирали окна, мыли полы и стирали белье. Муж целый день проводил в команде, отдавая приказания и обо всем советовался с Галкиным. Вечером жена доктора Штровмана пристала к мужу:

— Иван Семенович, разрешите мне, хоть из окна смотреть. (Частной публике быть на фронте не полагалось).

— Хорошо. Только не открывайте его.

— А если я надену форму сестры милосердия, могу я выйти на улицу и смотреть?

— Вы не сестра и формы у вас нет.

— Я возьму у Тины Дмитриевны!

— Тогда я буду вдвойне отвечать и за жену, которая сделала подлог и за то, что вам разрешил незаконную вещь. Это все не шутки, а очень серьезные преступления... — ответил муж.

Глава 3

Но не суждено было мужу увидеть Государя! Когда все было уже приготовлено к Его приезду, поздно ночью когда мы уже спали, постучали к нам в дверь и сонным голосом Гайдамакин сказал: — «Ваше высокоблагородие, тут принесли телеграмму».

Муж быстро оделся и вышел в столовую.

— Сколько двуколок требуют? — спросил муж.

«Присылайте все, что можете», — прочел писарь.

— Хорошо, пришлите подпрапорщика Галкина. Гайдамакин, разбуди доктора Штровмана, скажи, что я его прошу прийти сюда немедленно.

Я оделась и вышла к мужу. Он ходил по комнате засунув обе руки за ременный пояс. — Ваня! Что случилось? Опять требуют транспорт?

— Да, и опять в Зивин, и опять кабардинцы — это от них. Что-то там случилось...

Пришел Галкин.

— Распорядитесь, чтобы весь транспорт был готов к выступлению, канцелярия тоже. Оставьте больных лошадей и несколько человек для охраны помещений, имущества и кормежки лошадей. Команда пускай пьет чай. Когда все будет готово, доложите мне. Я еду сам тоже с транспортом.

Пришел доктор Штровман — заспанный и недовольный.

— Яков Исакович, мы выступаем за ранеными, требуется весь транспорт. Я еду с вами. Собирайтесь и приходите пить чай. Я думаю команда будет готова не раньше, чем часа через два.

— Надолго ты уезжаешь? Дать тебе закуски?

— Не больше двух, трех дней. Там кабардинцы нас накормят. Ты положи лучше несколько бутылок коньяку, я их угощу. В окопах это очень ценно.

Наконец выпили по стакану «пустого» чаю и стали одеваться.

— Транспорт готов: — сказал вошедший Галкин.

— Хорошо, я сейчас выхожу.

Мы вышли на улицу. Было еще совершенно темно и стояла жуткая тишина. Силуэты двуколок и лошадей были точно неживые; ни одного человека не было видно; только Галкин находился около двуколки мужа, которая стояла у самой калитки. Предрассветный мороз захватывал дыхание.

— Ваня, застегни шубу...

— Мне тепло; а ты можешь простудиться, иди в дом.

— Галкин, если все готово пускай транспорт выезжает...

Подпрапорщик ушел, и сейчас же стали выезжать двуколки одна за другой и вытягиваться вдоль улицы. Когда выехала последняя — муж попрощался со мной и стал догонять транспорт, который уже спускался к главной улице. Если бы я успела дойти до церковной площади, то снова увидела бы весь транспорт, который долго будет ехать, как раз напротив этой площади, по ту сторону долины.

Сразу стало скучно, и я только теперь почувствовала холод...

— Барыня! Идемте в комнату, вон какой мороз!.. — говорит Гайдамакин.

Вернулась в комнату, из которой только что вышел и уехал родной мой Ваня. — Только два дня, сказал он, проездят! Ну! Да два дня, не Бог знает, как долго. Приедет, привезет раненых, расскажет, как у кабардинцев... Пойду опять в госпиталь. Может быть я теперь им уже нужна? Вон сколько мы им уже привезли раненых?.. Я выпила стакан остывшего чаю и легла в постель. Когда я встала утром и вышла на двор, солнце показалось мне еще холоднее, а тишина подавляющей: не видно ни санитаров, привязывающих лошадей к забору, ни двуколок. Както все замерло, притихло, точно перед грозой... Я вернулась в дом и решила сейчас же идти в госпиталь.

— Барыня! Сейчас приходил казак из штаба, спрашивал барина, я сказал, что их нету — уехали на позицию за ранеными. Государь Император приезжает сегодня в три часа! Государь будет ехать по нашей улице. Так чтобы на заборе не висело солдатское белье, сказал казак.

Бедный мой Ваня! Только нескольких часов не дождался, чтобы посмотреть на Государя! Мне хотелось плакать от обиды, что его нет здесь. Такая великая радость увидеть живого, не на портрете, вот здесь, в глуши, на краю великой России, нашего Государя!.. Мне хотелось с кем-нибудь поделиться таким вели-

ким событием, говорить о Нем! Я пошла и постучала в дверь к Штровманам.

— Мадам Штровман, Государь приезжает в три часа.

Она открыла дверь и сейчас же спросила: — Вы думаете я могу стоять на улице?..

— Я не знаю!

— Дайте мне вашу форму, чтобы я могла стоять поближе к Нему!

— Вон, посмотрите, солдаты пришли. Идемте, я дам вам косынку.

Потом я надела шубу и вышла на улицу. Она была полна солдат. Они становились по два в ряд вдоль всей улицы от поворота с главной и до самого госпиталя.

Никогда еще, кажется, у меня не было такого чувства радости и каких-то сладких слез!.. Я радуюсь такому счастливому дню. Может быть единственному дню моей жизни? И почему-то хочется плакать! Слезы сами катятся из глаз... В носу мурашки, губы дрожат, не могу слова выговорить...

Солдаты стоят веселые, здороваются со мной, а я плачу...

— Здравствуйте, сестрица! Радость-то какая — сам Государь приезжает к нам!

— Да! Большая радость! — едва выговариваю я, а слезы ручьем льются из моих глаз.

Солдаты тоже, как-то присмирели.

— Да! Это не каждому доводится видеть-то Государя Императора, — говорит солдат.

— Погодка-то какая стоит! Только для парада Государева! — говорит другой.

Они поближе придвинулись ко мне, чтобы вести общий разговор.

— Прямо, значит, с поезда и в церковь, а оттедова, по этой самой улице, в штаб и в госпиталь. Поздоровается с ранеными, поздравит! Кому Егория повесит... Ну, потом, конешно, и по другим, прочим делам поедет...

— Я, так думаю, что Государь по другим улицам обратно поедет, чтобы, значит, все могли его видеть, — сказал бородатый солдат.

— А вы весь день будете стоять, пока Государь не уедет?

— Нет, сменят. Как обратно проедет — так и уйдем! Мороз сегодня шипко крепкий, — говорит солдат, постукивая нога об ногу.

Я только сейчас обратила внимание на их шапки, на которых вместо кокарды были крестики. Да и сами они все какие-то бородатые и совсем не молодые!

— Почему у вас на шапках крестики?

— Мы второочередники! Здесь фронт спокойный, как раз для таких, как мы-старики. А вы сестрица из каких краев будете? — спросил солдат.

— Я здешняя, кавказская, — из Баку.

Вышла мадам Штровман, в моей белой косынке.

— Можно мне стать впереди вас, солдаты?

Все сразу обернулись.

— Впереди стоять нельзя! Но тут стойте, нам не помешаете! Места хватит, только долго не простоите на таком морозе! Еще рано! Поди в церкви сейчас!

Я пошла в комнату, чтобы согреться, замерзла стоять, но в комнате еще тоскливее стало...

— Барыня! Едет, едет! — кричит Гайдамакин

— Я выбежала на улицу и сразу точно горячей волной обдало меня! — Ура! Ура! Урааа! неслось снизу улицы. Солдат узнать нельзя было: лица строго-суровые. Стоят как по ниточке: по два в ряд, держа ружья перед собой. Офицеры чуть впереди солдат, вытянув шеи туда, откуда несется все громче и громче урааа! Вдруг снизу точно волна поднимается: ширится в громком ура!.. И дошла до нас. Я хотела тоже кричать ура, — раскрыла рот, но спазма сжала мне горло и вместо ура вырвались рыдания.

А ура неслось все громче и громче! Показались какие-то автомобили — один, другой. Я протираю глаза, хочу лучше видеть, а слезы снова ручьями бегут. А солдаты так радостно, так могуче кричали приветствие своему Государю!

Вот! Вот Он! Кланяется на обе стороны. — Какое грустное лицо! Почему так Ему грустно?..

Вот и проехал! Скрылось светлое видение...

Я оглянулась. Мадам Штровман сидела на дощатом заборе и счастливо улыбалась...

— Слава Тебе Господи! Удостоились увидать Государя! Теперь и умирать не страшно! — оборачиваясь ко мне, говорит солдат, утирая рукой слезы.

И не один он плакал. Плакали и другие; вытирали глаза кулаком.

— Не поедет больше по этой улице Государь, говорит солдат, сморкаясь прямо рукой и сбрасывая на снег.

— Ну вот, теперь пойдем обедать. Прощайте сестрица.

— С Богом! — говорю я и тоже иду домой. Сейчас же пришла Штровман.

— Знаете, я думала, Он — что-нибудь совсем особенное! А Он такой же как и все офицеры!

— Мне все равно, что вы думали, но это Россия, это моя родина, это все, все чем мы русские люди живем... — Я ушла в свою спальню и долго еще там плакала. О чем? И сама не знаю! Что со мной? Весь день плачу: и от радости и от какого-то неизвестного мне горя, — предчувствия? Ничего не случилось; все тоже самое, как и каждый день. Правда Вани нет, не вернулся еще, но никакой опасности и беспокойства в этом нет! Мало ли что может задержать... — война ведь!..

Глава 4

А Вани все нет! Сегодня ходила в госпиталь. У них опять почти нет раненых: отправили в Тифлис, чтобы освободить места для новых, все ждут с минуты на минуту. А муж все не едет! Я со всеми перезнакомилась в госпитале...

— Сестра Семина, да ваш муж может быть останется на позиции до Рождества Христова... — шутит молодой доктор.

— Он ждет когда настреляют наших солдатиков, — говорит другой доктор.

— До Зивинских позиций расстояние не близкое! В такой мороз с ранеными не поскачешь скоро! На ночь останавливаются в курдских аулах и отогревают раненых. А это много ведь берет времени! Перенести сто-двести тяжело раненых и больных, а через несколько часов снова столько же вынести и уложить в двуколки. На каждую двуколку только всего два санитара. — Стараюсь оправдать долгое отсутствие мужа.

— По случаю безработицы еду в отпуск в Тифлис! — говорит доктор Кручинин. — Все равно работы мало, и без меня обойдутся.

— Доктор! Устройте и мне отпуск! У меня кузен раненый приехал с западного фронта в Тифлис, — просит хорошенькая сестра.

— Ну, знаем мы этих кузенов!..

Я попрощалась и вышла из госпиталя. Как красиво освещено там внизу! Гора и сосновый лес над вокзалом освещены в розовый цвет, а ниже и дальше дорога, по которой должен приехать Ваня... Вот-вот покажется вереница двуколок! Быстро доедут до вокзала, а тут уже и дома! Я смотрю вдоль всей дороги насколько хватает глаз, но ничего не вижу. Все только белый снег без черных точек...

Стоять долго нельзя; ноги моментально примерзают к снегу. Пошла домой, и до вечера просидела в своей комнате...

— Барыня! Самовар подан. Ужинать будете? — спросил Гайдамакин.

— Скажи мадам Штровман, что самовар на столе.

Пришла мадам Штровман и мы с ней весь вечер говорили о приезде Государя и о том, что наших мужей здесь нет...

— Может быть они завтра приедут, — на прощание сказала она.

Утром я проснулась от какого-то стука; точно — далеко кто-то выбивал ковры! Когда я вышла к чаю, Гайдамакин, не глядя на меня, а куда-то в бок, глухим голосом сказал:

— Турки пришли...

— Что?! Какие турки?! — Но сейчас же подумала об этом стуке.

— Турки?! Куда пришли?!

— Сюда! Вон, слышите, стреляют?..

— Да, я слышу теперь ясно стрельбу. Но я не думала, что так стреляют... Это они стреляют? Гайдамакин, а барин? Что с ним? Где он?

Сразу такая безумная тревога сжала сердце... Неужели он попал в плен к туркам?!

Я не могла больше оставаться в комнате! Надела шубу и вышла во двор...

Тук-тук-тук... Откуда этот звук несется? И сразу слух уловил направление. Вон там, — на горе, за вокзалом. Все забыла на свете! Не могу глаз оторвать от того места, откуда несется — тук-тук-тук-тук... Я напрягаю зрение, но ничего не вижу на белом снегу — ни одной черной точки! Все такой же снег — чистый, ровный, как был и вчера...

— Где же турки? — спрашиваю я у собравшихся санитаров, которые вышли тоже на улицу, когда увидели меня.

Что-то нужно делать! У кого спросить? Где мой муж и что с ним? Внутри у меня дрожь; зубы стучат, не попадают один на другой...

— Вишь, здесь нет войск, сказывал утром казак. Говорил, будто всех нестроевых вооружат и пошлют на защиту Сарыкамыша. Спрашивал сколько человек у нас в команде. Я сказал, что старший врач уехали, а народу всего семь человек осталось, «охранять имущество казенное, да медицинское»...

Гайдамакин считал себя образованным и любил употреблять слова непонятные не только для слушателя, но и для него самого...

— Знает ли мадам Шровман? Говорили ей, что турки близко? — спросила я.

— Да, их денщик говорил ей. Она и чай пила в своей комнате. Шибко испугалась... Я так думаю, что барин наш каждую минуту подъехать могут. Что там больше делать?

— Если придут за санитарами и возьмут их на защиту Сарыкамыша, — мы сами будем караулить помещение и кормить лошадей.

— Что вы, барыня! Разве это ваше дело? Подождем! Когда опять придут, — я вам скажу.

А там все стучат!.. И, как мне теперь кажется — стучат чаще... Я пошла к мадам Штровман.

— Вы слышите стрельбу? Турки гораздо ближе, чем наши мужья. — Но она совершенно спокойна, (а я думала она плачет).

— Слышу, конечно слышу! Нужно же когда-нибудь им придти сюда, чтобы стрелять...

— Что вы! Зачем им приходить сюда?! Ведь наши позиции очень далеко отсюда!

— Я ничего не понимаю в этих делах!..

Не могу сидеть в комнате! Надела шубу и опять пошла на улицу. Никого! Ни души! Точно и не стреляют! Пошла в команду посмотреть лошадей; они подкормились на хорошем корму и хорошо отдохнули.

— Что будем делать барыня? Турки пришли! Вон над самым вокзалом! — сказал санитар Акопянц, — а старший врач не едет! — Он был очень взволнован приходом турок. Каждый армянин, хорошо знал, что пощады от турок ему не будет! Почему нам из штаба ничего не дают знать? Что нам делать? Может быть люди уж уехали из города? Но еще никто не уезжает (я так думала).

— Да по нашей улице кто поедет!? — сказал санитар.

Приближался вечер, я пошла домой. Но когда стемнело мне стало жутко сидеть одной в комнате: вдруг турки уже окружили город и теперь где-нибудь совсем близко, крадутся к моей двери?! Нет, я не могу сидеть, я должна все видеть и слышать. Почему я не сходила сама в штаб, и не спросила, что мне делать? Стреляют, кажется, еще сильнее!

— Гайдамакин! Где ты?

— Здесь я, здесь, барыня! — он вошел в столовую.

— Почему ты в шинели? Где ты был?

— Да мы за воротами стояли, там все видно, как турки стреляют. Костры зажгли; видать мерзнут.

Турки жестоко страдали от мороза и не скрывались от русских, развели огромные костры и всю ночь, а может быть и днем тоже жгли костры, вдоль всей линии на верхушке горы, над вокзалом. Ночью ясно было видно, как они обступали костры черной каймой, от которой огонь становился слабым, ма-

леньким, а когда они отходили, чтобы стрелять, огромное пламя освещало черное небо и на фоне его было ясно видно каждую фигуру.

— А народ есть на улице?

— Какой народ! Да никого нету.

Я оделась и вышла на улицу, Гайдамакин шел за мной. Ночь была черная. Сначала не было видно ничего. Но глаза скоро привыкли к темноте и на небе засверкали крошечные огоньки.

— Смотрите, барыня сколько турок! — сказал Гайдамакин, показывая на гору над вокзалом.

Я увидела точно по ниточке ровно вспыхивали, зеленовато-красные огоньки; то сразу несколько, то врассыпную, то опять все сразу, по всей горе... Точь в точь, как на электрической вывеске гигантского магазина. Звук выстрелов я сейчас слышу меньше, чем днем. Это может быть оттого, что днем я не видела огоньков, а сейчас я только их и вижу. Где-то воет брошенная хозяевами собака. Видно и ей страшно.

Вдруг за моей спиной заскрипел снег под чьими-то ногами. Я быстро повернулась и увидела, что сверху по улице спускается группа мужчин с ружьями. Мысль, как молния мелькает: — Турки!!..

— Вон наши идут на позицию! — говорит Гайдамакин.

Слава Богу, свои! Мы не одни! Еще есть люди на этой улице. Подходят, здороваются...

— Здравствуйте, солдаты, вы куда идете? — спросила я.

— А вон турку бить, на вокзал идем! Слышите, как стреляют? — Они остановились около меня.

— Боятся, потому и стреляют! — говорит один из пришедших.

Я прислушалась! Правда я слышу теперь много выстрелов, а огоньков стало еще больше. — Страшно!.. И снова я вижу гигантскую вывеску с освещением, которое то тухнет, то снова загорается.

— Вон сколько огоньков! Столько и винтовок, столько и пуль! — снова кто-то говорит из солдат.

— Сила их должно быть большая! Вон какие костры распалили! Не боятся нас. И откуда их принесло?! Позиции далеко! Там и войско наше. А здесь никто и не ждал турка! Здесь и солдат-то настоящих нету! Мы только, — охранники! Все старики...

— Слышь? Замолчал!?

Сразу потухла «гигантская вывеска»! Стало темно и до жуткости тихо.

— Почему замолчал?

— А, кто его знает, — говорит бородатый солдат, стоящий рядом со мной.

На нем был полушубок; шея замотана красным шарфом до самых ушей; на руках варешки; винтовки у всех на ремне, руки они все прятали в рукава и поминутно стучали нога об ногу.

— Экий, морозище! Ну и морозу Бог послал! Вон и турка мерзнет, видать. Не даром костры распалил. Может пошел в обход? Тепереча самое время.

— Когда стреляют, это лучше. А как замолчал, так значит, что-то затеял! Кажись, только-что стрелял, а пойди за ним, он уж где-нибудь, вот здесь! Вон, пойди, крадется, высматривает! Тоже ведь и он боится шипко. А теперь самый раз идти в обход! — говорит бородатый мужик, который стоял рядом со мной.

— Ночь темная! Вот угляди его! — он протягивает руку за мою спину... Я в ужасе отскочила и повернулась лицом туда, по тому направлению, куда он показывал. Но, заметив мой испуг, он успокаивающе говорит: — Кажись, я вас напужал — смотри.

— Не беспокойтесь, сестрица! — Мы за вас постоим! Спите спокойно! Хотя и не наша очередь идти в бой, но мы здесь на охрану присланы! Вот и будем вас охранять пока живы, а вы спите!

— Но, что поделаешь, когда нет войска здесь, настоящего? — говорит кто-то.

— Куда вы идете сейчас?

— Мы? А на вокзал! Вот только подойдет наш начальник... А вон кто-то идет!

— Ну, пойдемте, земляки! Покурили, и ладно! Идем! До свидания сестрица! Счастливо оставаться. А если кого из нас завтра принесут к вам в госпиталь — уж перевязывайте нас! — Что уж поделаешь!?

— С Богом! Христос с вами! — едва выговорила я... Хотелось много сказать ласковых, ободряющих слов этим безответным людям, идущим не в очередь на смерть! Но слезы душат меня! А, когда я смогла выговорить слова ласки и любви, они уже шагали вниз по улице, к месту смерти и страданий. Оттуда, с вокзала, мало кто в эту ночь ушел сам: одних увезли в госпиталь, — других в общую могилу... А я перевязывала раны, хотя, может быть и не этим, идущим охранять меня ратникам, а тысячам таких же русских безответных солдат...

Долго я еще стояла у калитки... Ноги мои точно примерзли, стали тяжелые, никак не оторвешь их от снега.

А на горе опять стучат по-прежнему. — Тук-тук-тук-тук... И огоньки все так же вспыхивают зелено-красные.

На улице опять ни души. Только по-прежнему воет собака... Странно! Ведь сотни винтовок стреляют и звук выстрелов ясно слышен, но чувствуется жуткая тишина... Неужели все эти дома пустые?! Ведь два дня тому назад у каждого дома были солдаты-денщики; то несли какие-то покупки, то разметали снег с тропинок... А теперь нигде никого... Только все «стучит» там, на горе...

— Барыня! Идемте в комнату, согрейтесь. Если турки осилят наших, то они только через мое тело перейдут к вам.

Я пошла в свою комнату и легла не раздеваясь. Но сейчас же вспомнила: Господи! — Да ведь мадам Штровман одна сидит в комнате! Вероятно боится страшно? И я постучала к ней в стенку. — Мадам Штровман, как вы себя чувствуете, боитесь?

— Я уже совсем легла спать... — ответила она сонным голосом.

Я замолчала! Какие крепкие нервы у нее! — подумала я и больше не сказала ничего...

— Да! Может быть она права. Что, правда, беспокоиться?.. Ну, придут турки; возьмут Кавказ; разорят и разграбят наши дома; нас отправят в рабство в Турцию... Вот и все!

О, нет, нет! Это невозможно! Сколько смертей, сколько горя бесконечного будет, пока это случится. Сколько народу перебьют. Да, разве Россия уступит, примирится с этим? — НИКОГДА!

Я соскочила с постели! Не могу лежать! На улице легче. Пойду опять туда. Я вышла в сени... Оба денщика сидели на ящике с ружьями в руках.

— Не могу заснуть! Пойду на улицу, — сказала я. Гайдамакин встал и открыл мне дверь:

— Самый теперь лютый мороз — два часа ночи, — говорит он.

— А как же они теперь там, которую ночь уже на снегу спят? Поди и еда кончилась...

— Что ж поделаешь! Мы ни чем помочь не можем. А если вы простудитесь, тогда что?

Он видимо хотел урезонить меня и вернуть обратно в комнату.

— Может быть согреть самовар? — предложил он.

— Хорошо, согрейте. И сами тоже выпейте чаю...

— Максимов! Ну-ка разогрей маленький самовар! А я выйду послушаю, как, что там...

Я вернулась в столовую. Там по-прежнему горела лампа, но окна были завешаны солдатскими одеялами, чтобы не пропускать света наружу. Скоро принесли кипящий самовар.

— Налейте себе чаю, Максимов, согрейтесь.

Он налил два стакана и понес их в сени.

— Пейте здесь!

— Нет, мы караулим в сенях. Он вышел и закрыл за собой дверь.

Наступила тишина. Вот теперь должно быть как раз время для обхода наших позиций: два часа ночи, наши устали и заснули; а ОНИ крадутся, ползут, чтобы перерезать всякому «неверному» горло... Я оглядываюсь; смотрю на завешанное окно: вот сейчас зашевелится сукно и появится в нем страшная турецкая рожа!.. Вот он шагнул. Ближе и ближе... Кинжал держит прямо острием ко мне! Не могу пошевелиться, не могу крикнуть, чтобы позвать Гайдамакина на помощь... Слышу, что-то тяжелое упало в сенях! А! Кончили их! Теперь за меня примутся! Сейчас зверски убьют, все разграбят... Бедный мой Ваня вернется и увидит только изуродованные трупы, а имущество растащено.

— Ох! — вскрикнула я в ужасе... И проснулась...

— Вы заснули, ох, а я вас разбудил. Мы еще нальем по стакану чая, — говорит Максимов.

Слава Богу, что это был сон, и Максимов, а не турки!

Вошел Гайдамакин, без ружья.

— Что это упало в сенях?

— Да, мое ружье; я задремал, а винтовка и выпала из рук.

— Пейте чай; он еще горячий. А я пойду лягу. — Я легла не раздеваясь, накрылась своей шубой. То-ли теплый мех моей шубки согрел меня, то-ли волнение переутомило меня — я заснула. А, когда я открыла глаза, был яркий день. Окна совершенно были белые от мороза. В доме была полная тишина.

Почему никого нет? Может быть все уже бежали из города, а с ними и наши денщики? Только по-прежнему стучало тук-тук-тук-тук, но чаще и как-то слышнее... Я вышла в столовую. Никого! Самовар и посуда так же стояли на столе, как я оставила ночью, уходя спать. Где же Гайдамакин?! Может быть их погнали на позицию; а может быть турки их убили здесь в сенях?

Я тихонько открыла дверь в сени. Никого! Ящик свободный, никто на нем не сидит! В сенях темно. Я открыла дверь на

двор, заглянула — и там ни души!.. Вернулась в сени, открыла дверь в кухню: вот где лежат трупы!!..

На полу, закрытые с головой шинелями, лежали оба солдата! Только ноги в сапогах торчали из-под шинелей...

— Гайдамакин! Хорош телохранитель!! Кажется в городе никого уже нет наших, одни турки!

Под шинелями зашевелились; сначала пропала одна нога, но сейчас же появились обе сразу и налицо все четыре ноги обоих солдат...

— Гайдамакин, я иду сейчас в штаб. — Выйдя из калитки я посмотрела на гору за вокзалом, откуда стреляют турки. Сначала ничего не видела... Снег и снег, все бело. Но скоро увидела, как маленькие человечки суетились как муравьи; что-то тащили к самому краю горы. Сидят еще! не ушли в обход? Пойду в штаб.

Я поднялась по нашей улице до первого переулка, свернула в него и, пройдя немного, вышла на площадь, на которой стояла полковая церковь. С площади открывался чудный вид на все горы. Снег розовато-синий, огромные сосны кажутся черными. Утро было великолепное. Ослепительно яркое солнце, синее небо и ни малейшего ветерка! Какая красота — Божий мир! Я забыла турок и не слышала выстрелов... Вон, что это над казармами Елизаветпольского полка? Какие-то круглые облачка?

Вот опять, сразу два, вон еще и еще! Что же это такое? А, турки как суетятся, сколько наставили пушек! Куда они стреляют и в кого? Снег от пушек и до самого вокзала, совершенно чистый, не примятый; и около вокзала не видно никого... Где же наши защитники?

Вон дорога по которой должен приехать транспорт и мой Ваня... Но и на дороге никого нет; ни одного человека, ни одной двуколки! Пусто! Только снег блестит так, что глазам больно. Вон опять высоко в небе белые курчавые облачки!.. Но они быстро таяли, а на их место появлялись новые.

Снова смотрю на дорогу. Хоть бы одна двуколка показалась с красным крестом на боках! Где они теперь!.. Господи сохрани ИХ всех! Как хорошо видны турки! Вон пушка, другая, третья, четвертая. И все дулами смотрят на меня?.. Вон перебегают от одной пушки к другой. И между пушками еще много людей!.. А! Это цепь называется! Вон дымки; стреляют... В кого же они стреляют? Наших не видно: бедные! Если они ползут на гору, то их турки перебьют всех. По дамбе тоже никто не идет и не едет.

— Что вы здесь делаете? — слышу вдруг мужской голос...

Оборачиваюсь. Вижу стоит молодой офицер в бурке; на голове папаха. Под буркой вижу аксельбанты.

— Что вы делаете здесь? повторил он, злобно глядя на меня в упор.

— Смотрю, как турки стреляют!

— Что тут хорошего?! Смотрите как людей убивают?

— Я никого не видела, кого они убивают! Я только вижу, как они вон бегают, как муравьи. — Он передергивает плечами.

— Здесь стоять опасно.

— В меня они не стреляли...

— Вы своей фигурой привлекаете внимание турок. Они могут начать обстреливать церковь и весь город.

— Неужели они по одной женщине будут стрелять?!

— Вы даете им повод к этому; сейчас они обстреливают вон казармы, а если обратят внимание на вас, то следующий выстрел будет прямо сюда. Вы что, — сестра?

— Да.

— Из какого госпиталя?

— Я собственно нигде еще не работала.

— Ага!.. — протянул он подозрительно. — Нигде не работаете; и сестра на фронте? Он оглядел меня с ног до головы, как бы ища за что уцепиться.

— Давно вы здесь живете?

— Нет, три недели.

— Все сестры приезжают сюда в определенные госпитали и не могут разгуливать по городу ища работы. У вас документы есть?

— Какие документы?

— Ну, диплом, свидетельство, что вы сестра и что вас прислали сюда.

— Я сама приехала сюда; меня никто не присылал.

— Но позвольте!..

— Я ходила в хирургический госпиталь, но там пока, нечего делать.

— Но, мадам, не здесь ищут работу! Здесь фронт! Вы не можете жить в Сарыкамыше! Потрудитесь немедленно покинуть город.

Стыд и обида парализовали мой язык.

— Но, я не могу уехать! Я не знаю где мой муж, и что с ним:

— Муж? У вас здесь муж есть?! Кто он?

— Старший врач 86-го санитарного транспорта, Семин.

— Успокойтесь! Я могу сказать, что с ним ничего не случилось, но транспорт его задержали. Идемте, пожалуйста, отсю-

да, здесь опасно, — вдруг заговорил он совершенно другим тоном.

— Что со мной случится? Мой муж больше подвергается опасности!

— Вы собой привлекаете внимание турок. Они начнут обстреливать церковь, и весь Сарыкамыш. Пострадают и люди. Вон, видете, как они обстреливают казармы? Думают, что там есть солдаты... Вам нужно немедленно уезжать из Сарыкамыша. Есть у вас лошади?

— Да. Муж оставил несколько лошадей и санитаров. Но я не хочу уезжать! Может быть муж скоро приедет?

— Но, госпожа Семина, это необходимо! И как можно скорее! Если турки ворвутся в город, то женщине здесь — не место!

— Нас две женщины: я и жена младшего врача.

— Ну вот! Тем более! Уезжайте вместе, и скорее! А то будет поздно! Почти все уже выехали. Сейчас обозы уходят. Вы с ними и уезжайте! Все, что есть ценного берите с собой...

Он проводил меня до моей улицы и сказал на прощание:

— Я пришлю казака помочь вам. А о муже не беспокойтесь. Я его увижу и передам ему все...

Боже! Улицу узнать нельзя, вся оказалась запруженной подводами. А когда я шла по ней час тому назад, она была совершенно пустая и тихая.

В два ряда ехали по ней хозяйственные двуколки и фургоны, на которых горой лежали мешки, ящики, тюки. Я едва добралась до дому.

— Гайдамакин! Скорее укладывайся. Нужно уезжать! — У калитки стояли все санитары и Гайдамакин.

— В штабе сказали,чтобы мы немедленно уезжали в Карс. Запрягайте лошадей и грузите все, что ценное. Ящики с неприкосновенным имуществом — в первую голову.

Но дисциплина и муштровка мужа сказались сразу. На мой приказ запрягать немедленно лошадей, санитары стояли и переминались с ноги на ногу, но никто не шел.

— Как же мы можем уехать, когда старший врач нас оставил охранять имущество! — говорит санитар, который оставлен за старшего.

— Так вы это имущество и возьмете с собой, чтобы оно не пропало!

— А сено? Его много, мы не можем ведь увезти?

— Нет, конечно! Но сено — не дорогая вещь.

А обозы идут, идут, идут... Улица так густо запружена, что только шагом по ней можно двигаться. А санитары мои все

стоят, смотрят на бесконечную вереницу подвод, но не идут запрягать...

Я пошла в дом и стала помогать укладывать вещи.

— Гайдамакин, ты сказал мадам Штровман, что мы уезжаем?

— Да, она знает.

Вещи мы бросали в сандук, как попало. — Гайдамакин, всякую еду складывай в ящик. Мы все оставим здесь! Когда барин вернется, у него хоть еда будет!

Прибежал санитар:

— Казак пришел из штаба; сказал, чтобы мы уезжали! Мы уж запрягли лошадей.

— Вот хорошо. Выносите все и укладывайте на двуколки.

Гайдамакин позвал двух санитаров, подняли половицы и туда спустили ящики; один с напитками, другой со съедобными вещами; туда же спрятали самовары и всю посуду; доски опять положили на место, а щели замели, чтобы не было заметно...

Догадается ли только муж, что у него под полом масса вкусных и нужных для него вещей? Прятали мы не только от турок, которые может быть и не дойдут до нашего дома, а свои то уж наверное разграбят дочиста. Хотела я написать мужу записку, чтобы знал, что под полом есть все, но страшно — свои прочтут!..

— Скажи, Гайдамакин, мадам, что сейчас мы уезжаем.

— Да она уж давно сидит на двуколке!

Я последний раз обвела взглядом пустую, разоренную комнату. Никаких признаков, что недавно еще в ней было сравнительно уютно, что столько народу в ней сидели мирно; пили, ели, разговаривали. Все кончилось! Ничего не осталось от этого маленького мира!

— Пора ехать! А то все уедут; мы дороги не знаем! — говорит санитар.

— Хорошо! Идемте. Двери оставьте открытыми. — Так лучше, чтобы не привлекать внимания любопытных! Калитку тоже не закрывайте...

Солнце было уже высоко, когда мы тронулись в путь. Несмотря на яркий его свет, мороз сразу щиплет нос и щеки. Я села на первую двуколку рядом с санитаром; Гайдамакин укрыл меня одеялом. Мадам Штровман сидела позади меня.

Я так же, как мой муж оглянулась на выстроившихся семь двуколок, которые до верху были нагружены всякой всячиной, и спросила: — «Ну, что все готово? — Трогайтесь!» Мы тронулись медленно, стараясь попасть в линию с другими. Но не так то легко это было сделать! Никто не хотел уступить своей очереди в линии. Каждому хотелось, как можно скорее выбраться

подальше отсюда! Только хочет возница мой вклиниться в общую линию, а с чужой подводы кричат: «Куда рыло-то суешь! Постой! Дай я наперед проеду!» А следующий хлещет своих лошадей так, что их морды почти лежат на передней повозке... При чем, по нашему адресу слышны со всех сторон крепкие словечки.

— Не спеши! Не спеши! Все равно от своей пули не уйдешь, — догонит...

Но на повороте с нашей улицы в какой-то узкий переулок, о существовании которого я даже не подозревала и в который все желающие сразу не могли въехать, получился затор... Тут послышались слова убеждения, сначала, более мягкого тона, вроде того: «Осторожно — черт! Куды ты воротишь — дьявол лохматый! Не видишь штоль, за колесо зацепился! Ни мне проехать, ни тебе»! Спереди и сзади нас неслась ругань, одна мудренее другой. Слава Богу, откуда то появился молодой прапорщик, с нагайкой в руках. Он стал наводить порядок. Но он стал кричать и ругаться еще, кажется, ужаснее, чем солдаты. Я спрятала лицо в меховой воротник и ничего больше не видела и не слышала. Но скоро почувствовала толчек и моя двуколка тронулась с места.

Уезжаем все дальше и дальше от нашего домика. А в это время, может быть, Ваня только что приехал домой и видит все раскрыто, никого нет... «Бежали! Струсили!» — подумает он...

Вернуться, посмотреть? Все равно умирать, так хоть вместе!.. Милый, родной мой Ванечка! Что он теперь переживает?! А вдруг он знает, что все пропало. Что турки отрезали армию от тыла, перебьют всех, уничтожат, угонят в плен, заморят голодом... А вдруг он ранен! — Лежит где-нибудь на снегу, истекает кровью и замерзает?!

— Послушай! Поверни обратно! Можешь повернуть?! Мы только съездим, посмотрим, не вернулся ли старший врач.... — Санитар сразу остановил лошадь. Но кругом раздались крики и ругань: «Вперед! Вперед! Что стал — рот разинул!..»

— Эй, дурья голова, задерживаешь других! Аль живот заболел!..

Но видя, что сидит сестра милосердия, более крупных слов не отпускали... Да и свернуть-то все равно было некуда! Изо всех улиц и переулков выезжали все новые подводы и, не задерживаясь на поворотах и не смотря ни на кого, прямо на всем ходу въезжали в нашу линию, и прямо оглоблями в морду нашей лошади. Нам невольно приходилось уступать место более наглым и сильным... Мимо нас мчались подвода за подводой.

Нахлестывая лошадей солдаты кричали нам: «Не отставайте! Не отставайте! Турки! Турки!..» Они показывали руками на гору. И уезжали не оглядываясь больше...

Когда мы выбрались из узких улиц на дорогу, ведущую к Карсу, по обеим сторонам ее валялись тюки сена, мешки с ячменем, ящики... Все бросили, чтобы облегчить повозку и ехать скорее...

Я оглянулась назад. Позади нас никого больше не было! Только наши семь двуколок. Старые, слабые лошади — трусили рысцой. Я посмотрела на гору позади и слева от нас... Теперь ясно было видно, что турецкие пушки были направлены прямо на нас!

— Смотрите! Пушки! Сейчас будут стрелять по нас! — крикнула я. — Скорее гони лошадей!

Санитар хлестнул раза два свою лошадь, но она не прибавила ходу ни на вершок... Видно было, как заряжали пушки... Вот и дымок выстрела!.. Но снаряды к нам не прилетели. И мы продолжали двигаться, но теперь еще медленнее, потому, что мы догнали пеших армянских беженцев, которые занимали всю дорогу. Чтобы дать проехать обозу, этим несчастным надо было сойти с дороги. Дорога была узкая, но гладкая, накатанная. А по сторонам дороги снег лежал глубокий, чистый.

Армяне шли вдоль всего нашего пути, как только мы выехали из Сарыкамыша; то группами, то в одиночку, неся все свое имущество на себе. Женщины несли привязанных на спине детей, других вели за руку. Вот женщина идет с ребенком на спине и тянет за веревку тощую коровенку. Корова так медленно идет, что веревка перекинутая через плечо, мимо головенки ребенка натянулась... В руках у женщины большой узел... Женщина сошла с дороги в глубокий снег. Не глядя на нас остановилась и стала ждать, когда проедет весь обоз. А вон мужчина несет на себе весь свой дом: мешок с зерном, или с мукой, узел, плетеную корзинку из которой торчит медный казан, деревянная чашка и какие-то красные тряпки; поверх всего две курицы, связанные за лапки. Другой гонит двух баранов, а на плечах сундучек; сверху стеганное одеяло... У всех шедших армян были толстые, стеганные шерстяные одеяла. Эти одеяла делались из лучшей бараньей шерсти и в каждой семье они служили им как дом: они толстые, мягкие, и очень теплые, Только у одного армянина была лошадь, да и то маленькая, заморенная, нагруженная до отказу, — она едва переступала слабыми ногами. Да и сам армянин, который вел эту лошадь, был нагружен выше головы.

Много их шло по обе стороны дороги, по колено в снегу — мужчин, женщин, и детей и голодных, заморенных животных.

— Хоть бы детей взять подвезти! Замерзнут ведь! — сказала я.

— Нет! Не дадут! Вместе все ночью померзнут! Но детей не дадут! — сказал мой возница, армянин. — Да и невозможно было бы их подвозить! Как их разъединишь, когда идет целая семья и каждый член помогает что нибудь нести?!..

Горы с турками остались далеко позади... И мой Ваня там!.. Сразу почувствовала холод! — Да и не так уж светит ярко солнце.

— Далеко еще до Владикарса?

— Да, еще далеко!

— Засветло доедем?

— Да кто его знает? Лошади-то устали! Да и не кормлены весь день!

— У вас корм есть для них?

— Как же! Захватили достаточно.

— Хотите, остановимся, покормим?

— Нет! Это никак нельзя. А турки? Кто их знает, что они делают? Да и дорогу мы не очень знаем. Нет потихоньку, да уж лучше ехать, пока светло! А ночью опасно!

Солнце совсем низко! Мороз стал сильнее чувствоваться.

— Стой! Стой! Что это там лежит! Человек?.. — Санитар остановил лошадь; прибежал Гайдамакин.

— Гайдамакин, посмотри, что это там? Он пошел к тому месту за дорогой, где в снегу видно было очертание человека. — Ну, что это?

— Ребенок мертвый. Должно замерз; родители и бросили его, — сказал он и пошел к своей двуколке.

— Не огорчайтесь, барыня. Война только начинается! Много еще придется повидать страшных вещей! — сказал мой санитар. — Дай Бог самим бы добраться благополучно. — Мы поехали дальше...

— Барыня, поешьте! У меня есть хлеб и мясо, — предложил мой возница.

— Нет, спасибо, не хочу...

Как быстро стало темнеть! С заходом солнца все затянуло морозной мглой. Теперь мы ехали едва различая дорогу.

— Сколько еще верст до Владикарса?

— Да кто его знает? Нигде не написано. Надо думать, не очень уж далеко...

Ночь быстро наступила, а с ней туман и такой холод, что, несмотря на мою шубу и теплое одеяло, я начинала стынуть. Мгла все больше и больше сгущалась. Скоро мы не видели впереди себя даже дорогу. Мне приходилось уже ездить в такой мороз за ранеными, но тогда, как-то было теплее и уютнее... А мы все едем и едем! И кажется никогда, никуда не приедем. Мороз совсем сковал мое тело; мне безразлично, что будет дальше. Хочется только лечь и заснуть... Я начала дремать...

— Стой! Стой! — кричит кто-то вдруг.

Открываю глаза, — наша лошадь уперлась в задок какой-то повозки и стала. Что за чудо? Впереди нас ведь не было никого. А теперь справа и слева стояли лошади и фургоны... В тумане, слабо светятся где-то огоньки окон.

— Куда мы приехали? Что это Владикарс?

Позади нас кто-то кричал: Сюда, сюда! У кого есть винтовки?..

Кто-то пробежал мимо нас, крича придушенным голосом: — Ставьте фургоны и двуколки поперек улицы! Да ближе друг к другу! А у кого есть ружья — идите на дорогу!

— Ты, что сидишь, с.... с! — вдруг заскрипел он около меня. — Слезай сейчас же! Бери винтовку и иди на дорогу! — Санитар мой слез с сиденья.

— А кто это еще сидит? — показывая на меня, спросил человек с охрипшим голосом. — А! Сестра! Сестра, бегите скорее в избу, турки идут! Вот, в двухстах шагах по дороге за селением. — Он показал рукой туда, откуда мы только что приехали...

— Мы делаем баррикаду, будем защищаться.

— Где турки? На какой дороге?!

— Да вот тут, за этими подводами! — он показал на наши двуколки.

— Есть у тебя ружье? — обратился он к санитару.

— Есть!

— Бери его, иди скорее на дорогу! — И он скрылся, точно провалился сквозь густой белый морозный туман.

— Барыня, идите в помещение, — сказал санитар и ушел.

Мимо меня бегут серые фигуры, кто с винтовкой, а кто и без винтовки. Наступила полная тишина... Вдруг вынырнула

фигура Гайдамакина: — Идет их видимо-невидимо! — зашептал он, точно в комнате больного... — Приказано соблюдать тишину. Там наши устроили засаду. Всех, у кого есть ружья, собрали и послали туда. Это тут, сейчас за нашими двуколками.

— Откуда они взялись? Ведь мы только что проехали по этой дороге?

— Ох, да если бы не туман, турки нас увидели бы и забрали в плен! Идут прямо на станцию, сюда не сворачивают.

В это время впереди нас слышно кто-то кричит опять: — Стой! Стой! Назад! Стрелять буду! — Потом, в избе говорили, что кое-кто из обозных, стоящих поблизости к выезду из Владикарса, потихоньку удирали в Карс. Кто-то заметил бегство и хотел остановить, но те только прибавляли ходу. Однако немногие бросили и удрали! — Большинство остались на месте и приготовились к защите; в том числе и мои санитары. Все они были взяты на учет и посланы на околицу.

После того, как ушли мои санитары, наступила тишина. Точно все утонуло в этой морозной мгле. Только лошади переступали с ноги на ногу, стуча металлическими частями, да изредка вынырнет серая фигура солдата и также быстро и незаметно пропадет...

Я опять стала замерзать. Сон стал меня одолевать... Я втянула голову в воротник, одеяло натянула до самой груди и как могла укрылась. Но холод всюду забирался... Мне не хотелось ни двигаться, ни думать ни о чем. Мне хотелось только спать...

— Барыня, идите в помещение; вы здесь замерзнете! — говорит Гайдамакин стаскивая с меня одеяло и тормоша...

— Но мне хорошо здесь! Оставь меня, я спать хочу!..

Он насильно стащил меня с двуколки. Когда я стала на снег, то не могла сделать ни шагу: ноги, как деревянные, не слушались меня. Нужно было большое усилие, чтобы двигаться. А когда я пришла в комнату, в которой топилась железная, до красна раскаленная печь, то пальцы на руках и ногах страшно разболелись...

Изба была полна народа! Большинство толпились около печки, протягивая к огню красные, распухшие руки. Вдоль стен стояли лавки, как и в русских деревнях. На них тесно сидели женщины и мужчины. Некоторые положили головы на узлы и дремали. На полу сложены груды чемоданов, узлов и корзинок всех размеров. В углу, на непокрытом столе кипел ведерный самовар; на столе стояли мутные захватанные стаканы и чашки с обломанными ручками. Огромный чайник все время переходил из рук в руки. Все наливали себе жидкий чай пили и согревали о чашки и стаканы руки... За столом сидели только жен-

щины. Тут же была и раскрасневшаяся мадам Штровман. Мужчины подходили к столу, наливали чай и отходили, уступая очередь другому. Из крана капала вода и струйкой стекала под сахар, рассыпанный по столу. На это никто не обращал внимания... Над столом горела висячая лампа с жестяным абажуром. В другом углу, около русской печи, сидели бабы в широких пестрых ситцевых юбках. На головах у них были шали. У одной на руках спал ребенок. Это были, повидимому, хозяйки дома. Мужиков в избе не было.

Дверь поминутно открывалась и входили все новые люди с посиневшими от холода щеками и носом. В комнате стоял гул многочисленных голосов. Все рассказывали и каждый по-своему, как он увидал первого турка...

— Если бы не я — никто бы и не заметил, что турки перед самым носом идут! — говорит, какой-то нарядный чиновник.

— Ну, что вы! Откуда вы могли их видеть, когда в десяти шагах ничего не видно.

— Кто-то из обозных солдат обратил внимание на черную полосу, которая двигалась в тумане. Прибежал и сказал! Мы пошли на дорогу, смотрим едут наши двуколки, но сейчас же за ними увидали двигающуюся колонну турок. Они пересекли шоссе и прямо шли к станции железной дороги, — говорит старик прапорщик, которому оттирали уши снегом, когда он вошел в избу...

Как-то совершенно незаметно изба стала пустеть. За столом и на лавках освободились места. Теперь и я села. Мадам Штровман с кем-то уехала. Пришли и мои санитары.

— Согрелись барыня, так поедем... — говорит санитар.

— Я-то согрелась! А вот вы погрейтесь тогда и поедем. — Как-то не хочется выходить на мороз из теплой избы! Сразу опять охватит все тело ледяной холод...

Выходим. Улица совершенно пуста. Ни одной подводы не видно, кроме наших семи двуколок, ни людей. Как могли так скоро все выбраться из такой запутанной массы повозок, лошадей? Я думала, что мы здесь простоим до утра!..

— Ну, теперь недалеко; скоро будем в Карсе, — говорит мой возница.

— Сколько верст отсюда до Карса?

— Да верст, поди, двенадцать будет!

— А сколько времени мы будем ехать?

— Да, часа два!

— За это время я успею замерзнуть!

— Не дадим! Раз турки в плен не взяли, так замерзнуть не дадим. А, ведь на волоске висели от турецкого плена! — говорит санитар.

— Многих бы перебили, а вас бы увезли непременно в Турцию. И как это мы их не видели?

— Да и они нас тоже не видели, — сказал Гайдамакин, сидевший позади меня. — Бог напустил туману с морозом и нас закрыл.

— А что сказал бы старший врач, когда узнал бы, что мы попали в плен, и барыню не уберегли! Вот была бы беда! — как бы вслух думая говорил санитар.

— Главное, — лошади, двуколки и весь «неприкосновенный» запас! — Все досталось бы туркам!

Я слушаю спокойно об опасности, которая уже миновала и осталась далеко позади. А солдаты мои продолжали разговаривать:

— Они теперь заняли нашу железную дорогу и ни один поезд не пройдет в Сарыкамыш! — Да, отрезали Сарыкамыш от тыла, чтобы не было помощи нашим войскам...

Сердце мое снова заныло: Ведь Ваня там! Если что нибудь случится с ним — ранят, заболеет чем нибудь, а меня около него не будет — умрет один! Сердце сразу холодеет. Зачем я послушалась этого офицера и уехала?! Все равно чуть не попала в плен! А там с ним вместе умирать было бы легче! Бежала, бросила в первую же минуту опасности! Но ведь его там не было! Может быть Сарыкамыш уже турки взяли теперь! С ним взяли бы и меня в плен! Хоть бы скорее доехать до Карса... Может быть там что нибудь узнаю.

— Скоро Карс? — спросила я своих примолкших спутников.

— Должно скоро! Вот, как проедем селение, так тут «всево» две версты.

— А где же селение?

— Да, тут должно быть скоро! А, что — холодно? Замерзли? Вы шевелитесь, а то замерзнете...

— Куда мы денемся в Карсе? Ночь! Все спят...

— Вы, не беспокойтесь. Я знаю одного армянина. Заедем к нему. У него дом большой; может найдется место для вас...

Вот и Карс! Мы въехали в город. Тишина! Ни души не видно! Никто нас ни где не остановил, не спросил: кто мы и откуда. Никаких солдат на улице тоже не было. Полная тишина! Неужели спокойно все спят! Но ведь в двенадцати верстах турки заняли нашу железнодорожную станцию и через несколько минут могут быть здесь!! Только около гостиницы «ЛЮКС», где ог-

ромный электрический фонарь горевший в подъезде не был потушен, мы встретили вышедших из подъезда нескольких мужчин в военной форме. Они громко разговаривали и пошли вниз, к вокзалу.

— Гайдамакин, пойди спроси для меня комнату...

— Нету! Везде сидят и лежат люди! В ресторане на столах спят... — сказал он.

— Ну, ничего не поделаешь! Вези теперь меня к своему другу-армянину!

Мы по дороге еще спрашивали в нескольких домах о ночлеге, но всюду было полно.

— Я поеду теперь прямо к моему армянину. У него непременно место есть. Дом большой; и он меня знает... — сказал санитар.

— Хорошо! Вези, вези! Мне все равно. Лишь бы в тепло! Я совсем замерзла.

И горе мое кажется мне не таким уже острым... Ну что же! Все спят! Ну, и пускай спят; придут турки и захватят и их всех, и крепость! Пускай!.. А бедный мой муж, больше недели спит на снегу в сорок градусов мороза... И все там так мерзнут; даже не могут иметь достаточно костров...

— Да где ж его дом? Тут вот где-то должен бы быть? — ворчит санитар. Темно! Не разберу, который его-то!

Мы кружились по узким улочкам, где-то далеко от центра города. Здесь были все бедные маленькие глинобитные домишки, похожие один на другой так, что и днем их не отличишь один от другого...

— Вот, кажись, этот, — сказал санитар и остановился. Санитар соскочил с двуколки и пошел к калитке, которая оказалась незапертой. Скоро он вернулся.

— Барыня пожалуйте! Место для вас найдется! Он хороший человек, — «рад, говорит, оказать приют». — Но, только у них много уж народу — беженцы, спят; — тесно!

— Хорошо. Лишь бы было тепло! А для вас всех найдется там место?

— Нет. Да мы устроимся! Вы не беспокойтесь о нас. Он повел меня, показывая дорогу и дверь в дом.

Я вошла в большую комнату, но темную и сразу почувствовала приятное тепло. На полу, на большом железном листе стоял мангал полный горячих углей, от которых распространялось тепло и свет. В комнате другого света не было. Я заметила фигуры сидящих на полу женщин, хотя в комнате была мебель. На полу лежал большой персидский ковер. У стены стояла

широкая тахта с валиками по бокам! Было еще несколько кресел, низенькие столики и пуфы. Но ни одна женщина не сидела ни на креслах, ни на пуфах. Все они сидели на полу, вытянув ноги, или подобрав их под себя (по-турецки), а головы положили, кто на край кресла, кто на мягкие пуфы. Около тахты сидели женщины опираясь на нее спиной и, опустив головы, дремали. На тахте лежала очень толстая и, как мне показалось, старая женщина. Большинство женщин сидели так, чтобы быть поближе к огню (к мангалу).

Я оглядела всю комнату. Ни одного места поближе к теплу не было. Только у самых дверей, в которые я вошла, стоял стул. Я на него и села, не снимая шубы. Мне было еще очень холодно. Согреюсь, тогда и сниму, — подумала я.

— На мой приход никто не обратил внимания, хотя не все женщины еще спали. Вон сидят и разговаривают три армянки. Одна, кажется, плачет?.. (они говорили по-армянски). У всех женщин на головы были, по их национальному обычаю, накинуты шелковые шали, концы которых закинуты назад. На лбу ряд золотых монет; от висков, по обе стороны лица спускались локоны. Все женщины были одеты в шелковую, преимущественно черную, одежду.

Моя надежда согреться и снять шубу не оправдалась. У дверей, где я сидела, было холодно; от дверей сильно дуло. На пол мне не хотелось садиться; да и лучшие, теплые места были заняты. А сидеть на полу, около дверей, еще хуже, чем на стуле. И я сидела не меняя позы и не шевелясь до тех пор пока не стало светать. Молодые армянки умолкли и заснули, положив головы друг другу на колени.

Первый раз в жизни мне некому положить головы хотя бы так, как эти женщины... Я чувствую, страшное одиночество и заброшенность. Почему я одна, ночью, среди незнакомых людей, которые даже не интересуются, кто я такая!? Почему я вошла в их дом! Я здесь одна! Всем чужая! Те молодые женщины разговаривали и плакали о своем горе. Но чужое горе их не интересует? Им нет дела до меня, хоть умри я тут, на этом стуле! До их сердца не достучишься. Они даже не повернули головы, когда я вошла в комнату! Точно меня и нет здесь. Скорее бы рассветало! Все было бы легче.

Вот! Бросила дом, уют, комфорт и сижу у чужой двери, как нищая, никому ненужная и всем чужая. Слезы текут по моим щекам. Ваня! Родной мой! Где ты! Нет больше сил сдерживать слезы! И я рыдаю, зажимая рукой рот, чтобы не вырвались громкие рыдания... Долго я плакала, но облегчение не приходило.

Казалось мне, что что-то непоправимое, ужасное произошло в моей жизни... И никогда я не вернусь больше к той, прежней жизни, которую оставила сама добровольно, в которой я жила с любимым мужем. Сейчас я так сильно, так остро чувствую, что потеряла его навсегда! Я одинока среди людей, ради которых я бросила все, и сижу среди них совершенно ненужная им.

Господи, да что случилось! Почему мне так тяжело!? Жив ли ты, родной мой? Зачем я уехала оттуда! Там бы я скорее узнала все! А здесь люди спят так беззаботно в эту страшную ночь...

Вон, кажется, светает... Теперь я уже ясно вижу спящих женщин! Видно им жить легче: поплакали и теперь вон как крепко спят. Встанут; будут есть жирный плов; может быть еще поплачут при встрече с родственницей или подругой...

Тихо открыв дверь из соседней комнаты вошел мужчина. Он взял почти потухший мангал и вышел. Через несколько минут вернулся, неся мангал полный горячих углей. Бесшумно поставил его на прежнее место и также тихо вышел, затворив за собой дверь...

Вот! Заботится, чтобы спящим не было холодно! Чуть свет встал; разжег угли и когда они разгорелись, насыпал их в мангал, чтобы поддерживать ровное тепло в комнате...

Светло! Слава Богу день! Кончилась эта страшная НОЧЬ!.. Кто-то пробует открыть двер, около которой я сижу. Видно как повернулась ручка и дверь тихо стала открываться больше и больше... И вдруг открылась широко, и какой-то солдат, вытянув шею, заглянул в комнату. Потом шагнул внутрь и, закрыв дверь, смотрит на меня...

— Барыня! Так вы и не спали! И не раздевались? Так все время и сидели на этом стуле? Ах, он — «соленая душа»!!.. — Это был Гайдамакин.

— Тише, тише! Видишь женщины спят.

— Так, ведь он мне сказал, что вам есть постель, у этого «хорошего армянина»!

— Кто тебе сказал это?

— Да наш санитар, который устроил вас здесь. Мы уехали в другой двор, недалеко отсюда. Я думал, что вы спите, а вы еще хуже нас, всю ночь просидели на стуле!..

— Ну так что, все-таки в комнате сидела, а не на дворе! А где вы спали?

— Да! Ну и народ! Мы ездили, ездили — никто не пущает, хоть замерзай на улице! Лошади устали, и тоже замерзли! Стучимся к одному, дом видать маленький, но двор большой —

пусти покормить лошадей! — говорим мы через окно. А он, должно с кровати кричит нам: — Нету места! Все занято...

— Тут мы вспомнили нашего барина! Он бы ему показал, как все занято! — А мы уж просто из сил выбились! Хоть ложись прямо на снег, посреди улицы. — Этот, что вас сюда завел санитар говорит: — Ах, он с.... с...! Врет он что у него все занято! Ломай ворота! Не погибать же нам тут! Ну, мы открыли ворота. А во дворе-то пусто! Ни одной подводы! Заехали. Лошадей распрягли. Под навес поставили. Видим конюшня! Открыли дверь. Тепло! Лошадь стоит; в другом углу корова... Ну мы выгнали и лошадь и корову; принесли сена — под навесом его было много — и легли... — Ничего! Выспались хорошо!

— А, что хозяин не скандалил?

— Куда там! — И не показывается... Я пойду в гостиницу и потребую для вас комнату. Скажу, что для старшего врача санитарного транспорта. Дадут!.. У них половина гостиницы отведена для военных. А мы ведь военные!..

— Хорошо, иди. — Гайдамакин ушел. Часы в соседней комнате пробили восемь. Армянки стали просыпаться. Первой проснулась, толстая старуха, спавшая на тахте. Она разбудила тех трех женщин, которые спали около ее тахты. Все они сразу заговорили, показывая на других спящих. Лица у всех были распухшие и помятые...

— Барыня, идемте! Достал комнату, — входя сказал Гайдамакин.

— Где? В гостинице дали?

— Как не дадут! Я пришел и говорю: комнату для старшего врача, доктора Семина! Хозяин моментально бросился кверху, а через минуту вернулся и говорит: Скажи доктору, что та же самая комната приготовлена для него, где он жил раньше.

— Ну хорошо. Бери чемоданчик. Но я хочу поблагодарить хозяина и заплатить ему за ночлег...

— Да какой это ночлег — всю ночь просидели у дверей на стуле! — сердито говорит Гайдамакин.

Мы вышли на двор. День был ясный, солнечный, но такой же морозный как и вчера. Ты ничего не слышал нового там в гостинице?..

— Слышал! Говорят, что турки заняли станцию Ново-Селим. Да мы это и без них лучше знаем, что турки заняли станцию. А нового ничего сказать не могут...

Улицы, по которым мы шли, были совершенно пусты; мороз такой, что трудно было дышать. Хорошо, что мы скоро пришли

в гостиницу. В гостинице за конторкой стоял толстый армянин. Я подошла к нему и попросила: — покажите мне мою комнату.

— Комнат свободных нету.

— Как нет?! Час тому назад вы сказали, что комната для доктора Семина готова!

— Мы для доктора Семина и держим комнату.

— Я — жена доктора. Его пока нет здесь, но он скоро приедет, а пока я буду жить в ней. Да вот дайте солдату место, где бы он мог спать.

Хозяин взял ключ и пошел сам показывать мне комнату. Мы поднялись на второй этаж, хозяин открыл дверь. Комната оказалась довольно большая; два окна выходили на главную улицу.

— Вот здесь и жил доктор. «Хароший человек, доктор»; а вы приехали из Баку? Доктор, когда жил здесь, всегда спрашивали письма: как только входит в двери «письма мне есть?», — ну я отдаю письмо, а он, увидит, доволен очень и говорит: от жены из Баку. Я очень жалею, что ночью здесь не был. Я вас устроил бы где-нибудь! А насчет солдата не беспокойтесь; место найдется и для него. Ну, если что нужно, звоните! Все будет исполнено. — Он вышел.

Лечь бы теперь и заснуть скорее. Но я не могу! Я должна узнать, что делается в Сарыкамыше! Сейчас привезут мои вещи, я переоденусь и поеду! Но куда ехать? Где и что я могу узнать?! Что они здесь знают, когда всю ночь спали! — со злобой думаю я. — А что, если позвонить к коменданту Зубову? Ведь мы знакомы и когда-то жена его очень хорошо ко мне относилась! Да и он тоже... И знают моего Ваню...

В коридоре висел телефон. Я пошла и позвонила. Вызвала квартиру генерала Зубова. — Екатерина Михайловна! С вами говорит Тина Дмитриевна Семина... — Нет, я не из Баку, а из Сарыкамыша... Хорошо, я сейчас приеду...

— Гайдамакин! Скорей раскрой чемодан; да найди извозчика. Я еду в крепость...

Я надела коричневое платье, белый фартук с красным крестом на груди, и белую косынку... Когда я вышла, извозчик меня уже ждал у подъезда...

— В крепость! Комендантскую квартиру знаешь?

— Как не знать! Знаю...

Карские фаэтоны раньше не уступали и бакинским: широкие, мягкие, на резиновом ходу, запряжены парой прекрасных лошадей... Как и всюду в Закавказье, все фаэтонщики были молокане; но в Карсе и армяне тоже держали шикарные фаэтоны.

Мой извозчик живо домчал меня до крепости... Когда мы въезжали в аллею, (дом коменданта стоял в глубине сада) на подъезде уже стоял сам генерал, ожидая меня. Как только извозчик остановился, генерал сошел со ступенек протягивая мне руки. — Здравствуйте! Здравствуйте! Не поверил своим ушам! Мне сказали, что вы приехали сегодня ночью из Сарыкамыша!! Ведь это не может быть! Объясните! Но нет! Раньше идемте в комнаты! Екатерина Михайловна ждет вас с нетерпением! — Он помог мне выйти из фаэтона и, когда мы подошли к передней и солдат распахнул дверь, то генеральша так же, как и генерал, протянула ко мне руки. — Она обняла меня и мы расцеловались...

— Жива! Здорова! И все такая же! — рассматривая меня сказала она.

— Идемте в гостиную и рассказывайте все подробно; я умираю от нетерпения узнать все. Я думала, что вы в Баку! Как-то я встретила, еще осенью, доктора и он сказал мне, что вы дома, — в Баку...

Я сняла шубу и мы прошли в гостиную. Я села в мягкое и глубокое кресло... Ах, как хорошо сидеть в таком кресле! Я и забыла, что они существуют на свете!

Екатерина Михайловна села недалеко от меня, а генерал ходил по комнате...

— Ну, рассказывайте!..

И я им рассказала все от Сарыкамыша и до Карса...

— Но, если бы вместо нас, — меня и моих семи санитаров, пришли турки, то они заняли бы город без выстрела... Мы не встретили ни одного солдата! Все улицы были совершенно пусты! Но, хуже всего было то, что я не могла достать свободную комнату, или хотя бы угол, где я могла бы лечь и согреться...

— Как, разве вы не в гостинице остановились!? — спросил удивленный генерал.

— Только сегодня утром нашлась свободная комната. А ночь я просидела у дверей на стуле в армянском доме. Да и за то спасибо, что пустили! Иначе я замерзла бы на улице!

Генерал сильно разволновался: — Почему же вы не позвонили нам?! Я сам приехал бы за вами. — Он подошел ко мне, взял мою руку и приложил ее к своим губам.

— Так нельзя! Если вы считаете нас своими друзьями, вы должны были позвонить нам, как только приехали в город!!..

— Пожалуйста, успокойтесь! Ночь прошла! Я здорова! Ничего со мной не случилось. Я очень беспокоюсь, что делается в Сарыкамыше!?

— Ничего не знаю сам! Утром только узнал, что турки заняли Ново-Селим, и, что всякое сообщение с Сарыкамышем прервано. Поезда не ходят! Телефон и телеграф не действуют! — Армия отрезана от нас!

— Самые последние новости мы узнали только от вас!.. — сказала генеральша. — Вы останетесь с нами завтракать! А теперь, если хотите отдохнуть, идемте в мою комнату и полежите до завтрака.

— Спасибо, Екатерина Михайловна! С удовольствием принимаю и то и другое...

Генерал ушел в канцелярию, а мы пошли в комнату генеральши, где было очень уютно, и я легла на тахту, а она рассказывала мне новости.

— К завтраку пришло несколько крепостных офицеров. Разговор шел только о войне и действиях армии...

После завтрака Екатерина Михайловна сама поехала проводить меня до гостиницы, а генерал мне сказал на прощание:

— Как только получу, хоть какие нибудь сведения, немедленно дам вам знать; сам приеду к вам!

Одно только было известно, что на Ольтинском направлении идут сильные бои.

Я попрощалась с генеральшей, поблагодарила ее за все и вошла в гостиницу.

У дверей стоял Гайдамакин.

— Что барыня! Какие известия о Сарыкамыше?

— Никаких! Сами они ничего не знают! Все сообщения прерваны... Я завтракала у генерала. Теперь только спать хочу...

— Ложитесь, поспите. Ведь сколько ночей не спали.

— А, у тебя есть место для спанья?

— Ах. Да что вы обо мне думаете! Я везде найду себе место...

Несмотря на горе и душевное беспокойство, я моментально заснула как только легла в постель... Проснулась я поздно вечером и не знала, что мне делать? В гостинице было тихо; на улице тоже. Я оделась и вышла на улицу. Темно — ни одного огонька. Людей тоже не видно. И стрельбы не слышно. Я постояла немного, почувствовала, как мороз пробегает по спине и вернулась в гостиницу. Поднялась в свою комнату, не встретив ни одного человека. У меня не было ни книг, ни газет. Я не знала, что мне делать, спать тоже не хотелось. Но все же я разделась и легла, потушив электричество... — Открываю глаза. Светло! Разве я заснула? Посмотрела на часы — 8 часов! Я позвонила и сейчас же, постучав в дверь, вошел Гайдамакин.

— С добрым утром! Поспали хорошо! Я два раза слушал у дверей, тихо было...

— Ну и выспалась же я! Сразу за несколько дней! А что — новости есть?

— Да ничего нету, все говорят одно и тоже.

— А именно что?

— Да, верить-то не очень можно...

— Говори скорее, что слышал?

— Говорят будто турки Сарыкамыш взяли, армия от базы отрезана и должна будто сдаться туркам в плен...

— Что?! Нет! Нет! Никогда этого не будет! До последнего человека будут биться, а в плен никогда не сдадутся!.. Один Кабардинский полк перебьет половину турок!.. Только люди, которые не знают Кавказских войск, могут говорить такие вещи... — Я сидела в постели. Меня била лихорадка от волнения. Я забыла, что передо мной стоит солдат — мужчина... — Никогда! Никогда не сдадутся в плен РУССКИЕ войска, да еще туркам!! — Мне хотелось в эту минуту быть там, среди закаленных бойцов. Стрелять, бить кулаками! Кусаться! Но в плен!? — Никогда!! Только смерть может остановить борьбу!..

— Кофе я сварил для вас. На их кухне. Принести?

Я опомнилась. — Кофе? Да, принеси! — Он принес горячий кофе, французскую булку, молоко, сахар.

— Ты записывай все, что будешь брать у них.

— Да я ничего у них не беру. А кофе — «дак» я сам сварил. — А молоко купил; и булку тоже.

— Но, это не хорошо. — Нужно, чтобы гостиница имела доход от нас.

— Так, барыня, мы, ведь, военные! Они обязаны нам всякую уступку делать!

— Чего ради должны делать нам уступку и терять доходы? Теперь время наживы.

— Значит мы, военные, будем терять все, а другие наживаться?!

— Конечно так.

— Так, мы же их защищаем?

— Все это верно, но все же, пожалуйста, плати на кухне за все, что берешь. Деньги у тебя есть?

— Деньги у меня есть. Но какой народ! А!?

Как только вышел Гайдамакин, я сейчас же встала, умылась из жестяного умывальника, оделась и решила идти в госпиталь, который был развернут в казармах Кабардинского полка. Вышла на улицу. Солнце, небо голубое! Но мороз такой,

что сразу хочется вернуться обратно. Пошла пешком, хотя до казарм довольно далеко. Сегодня мне по дороге попадались группы молодых солдат; одни с ружьями, а другие без ружей; вид у них усталый и запуганный, глаза печальные. Потом в госпитале говорили, что это молодых новобранцев пригнали и обучают. — А вот и казармы кабардинцев.

В первом же корпусе на дверях большой красный крест и надпись: «7-ой полевой подвижной госпиталь». Я пошла прямо туда. Что меня особенно поразило, когда я вошла в сени, это страшная грязь! После той идеальной чистоты, которая была здесь, когда жили кабардинцы, это особенно бросалось в глаза. Я вошла в помещение. В первом пролете у окна стояли два больших стола, за которыми сидело несколько человек в белых халатах и записывали что-то; что-то говорили врачи, которые осматривали раненых, лежавших и сидевших на полу.

Как и прежде, когда тут помещался первый батальон, каждая рота была отделена от другой огромной аркой. Теперь койки стояли в четыре ряда, имея проход между каждыми двумя рядами. На арках висели листы картона, на которых обозначены номера палат. Каждая палата имела два отделения. У коек стоящих у окна были столики с двумя отделениями: верхним и нижним, которые запирались на внутренние замки.

Я пошла к столам, где работали врачи и увидела знакомого доктора, Божевского.

— Здравствуйте! Вы откуда взялись? — сказал он протягивая мне руку. Ведь вы в Сарыкамыше должны быть теперь?

— Только вчера приехала оттуда. — Он уставился на меня.

— Как вы могли приехать вчера, когда в Сарыкамыше турки, и дорога занята ими? Что вы по воздуху летели?

— Нет, доктор! Я приехала на обозной двуколке с семью санитарами, на семи лошадях.

— Вот как! А где доктор Семин?

— Я сама не знаю! Потому и нахожусь здесь. Он с транспортом уехал за ранеными на позицию и не вернулся; тут пришли турки, поставили пушки над вокзалом и стали стрелять! Мне из штаба сказали, чтобы я немедленно уезжала. По дороге чуть не попала в плен к туркам.

Все, врачи и раненые, слушали мой рассказ. Когда я кончила, доктор Божевский познакомил меня с врачами.

— Жена доктора Семина, который должно быть давно уже в плену у турок... — сказал он. Но видя, что эта шутка для меня очень тяжела, он быстро меняет тему.

— А вы, что, пришли работать? Так живо беритесь за дело! Всякие рабочие руки нам нужны. А ваши в особенности...

— Да, я пришла помогать всякому, кто нуждается в моей помощи.

— Вот и отлично! У нас сестер пока мало. Обещают скоро прислать из Красного Креста. А пока мы вас зачислим в штат.

— Доктор! Я охотно буду работать! Но пожалуйста не зачисляйте меня штатной, потому, что при первой возможности я уеду к мужу.

— Ну хорошо! Времени у нас много до этого! А теперь, сестра Семина, вы возьмите на себя хозяйственную часть в госпитале. В этом мы очень нуждаемся. Раненых, пока, не очень много. А питание и гигиена у нас слабое место. Вон посмотрите какое белье надевают на раненого: он показал на носилки, на которых санитар менял белье раненому.

— Хорошо, доктор. Я сейчас же приступлю к своим обязанностям. Где я могу найти халат и комнату для сестер?

— Халаты у нас все одинаковые для врачей и сестер. Вот, как выйдете из дверей, налево в кладовой. Там сейчас как раз привезли чистое белье; его принимает заведующий хозяйством с доктором. А комната сестер наверху.

Я пошла в кладовую. Там застала доктора, повидимому заведующего хозяйством, — чиновника и двух солдат. Все стояли около огромной груды белья, лежавшего прямо на голом полу кладовой. Доктор был красный и злой. Тыкая почти в самый нос какому-то армянину солдатской бязевой рубахой говорил: — Это по-твоему чистая рубаха?! И ты смеешь говорить, что привез стиранное белье!?

Армянин, не смущаясь, утвердительно кивал головой...

— Это черт знает, что такое!! — Такой наглости я еще никогда не видел! — искренно возмутился доктор. Чиновник, молчавший до сих пор, сказал: — Забери все и перестирай! Да скорее привези обратно. Армянин сразу певеселел...

— «Карашо», — весело ответил он, зная наперед, что перестирывать не будет. Привезет домой, опять сложит, пригладит катком и за свеже-выстиранное, дня через два привезет назад.

Доктор, стоявший до сих пор ко мне спиной, обернулся.

— Вы, что?

— Здравствуйте, доктор; я хочу чистый халат.

— Откуда вы? Новая сестра?

— Да. Я только что пришла, первый день...

— Где чистые халаты? Выдайте сестре! — обратился он к солдату, в чистой гимнастерке. Солдат достал с полки белоснежный халат и подал мне.

— Ну на сегодня все! — сказал доктор и вышел вместе со мной из кладовой.

— Когда приехали, сестра?

— Вчера ночью из Сарыкамыша.

— Из Сарыкамыша?! — Он остановился, чтобы хорошенько понять и разглядеть меня.

— Я думал вы приехали из Тифлиса? Мы ждем из Красного Креста.

— Вот, вместо них, я одна из Сарыкамыша. — Мы вошли в палаты: доктор подошел к столам, а я пошла искать комнату для сестер. По дороге меня увидели две молоденькие сестры и страшно обрадовались.

— А! Новая сестра, — сказали они. — Вы к нам работать? Откуда?

— Здравствуйте, сестры! Да, я пришла работать; вот только переоденусь и прийду к вам.

Я нашла комнату, переоделась и спустилась обратно в палату, и сейчас же увидела доктора Божевского, шедшего ко мне навстречу с другим доктором.

— Сестра Семина, познакомьтесь; это ваш сотрудник будет — доктор Беляев. Вы с доктором будете принимать продукты, все, что полагается по раскладке: мясо, овощи, крупы, молоко, хлеб, чай, сахар и тому подобное. И вы должны присутствовать при отпуске пищи; чтобы каждый раненый получил все, что ему выписал доктор.

— Но я не очень хорошо понимаю толк в провизии, и мясо сырое видела редко... — начала я в смущении.

— Не беспокойтесь! Вас будет двое. Вот доктор тоже не очень хорошо это дело понимает; но вы вдвоем справитесь отлично... Видите ли: кухонные солдаты не могут справиться с требованиями врачей... Когда на довольствии состоит пятьсот или тысяча человек из коих половина слабых, да двести усиленных, тогда нужно добиться, чтобы было приготовлено, как указано в требовании, и, чтобы еда дошла до того, кому она предназначается. Это главное! А сейчас на кухне такой кавардак, что сам черт ногу сломает!..

Он был старшим врачем этого госпиталя и так же, как и мой муж был подавлен хозяйственной неразберихой и путаницей...

— Хорошо, я приступаю сейчас же к своим обязанностям: вон санитары раздают уже хлеб раненым, скоро обед... Я пойду на кухню посмотрю, как будут отпускать обеды.

Кухня стояла посреди двора, отдельным зданием. От крыльца госпиталя и до кухни шла черная, жирная тропа. Ошибиться было невозможно — по ней мы прямо пришли в сени кухни. В сенях была такая же жирная грязь, смешанная со снегом, щами и борщем, образовавшая толстый слой на полу. Из кухни, несмотря на мороз, дверь была открыта. Толпа санитаров с ведрами и с тарелками. Каждый хотел, первым получить обеды, накормить раненых, чтобы потом самому идти обедать.

— Палата первая и вторая: слабых 42, усиленных 67, — протягивая записку говорит санитар. Но повара совершенно ошалели от записок и только отмахиваются. — Подожди, подожди! Видишь — отпускаю другому...

Получившие обеды спешили каждый в свою палату, по дороге расплескивая щи из ведра и роняя «каклеты», горой лежавшие на тарелке. Каждый санитар нес в одной руке ведро со щами, в другой с кашей, да еще тарелка с котлетами, или манной кашей для слабых раненых. Тарелка была крепко зажата вместе с ручкой от ведра и придавлена большим пальцем. Если котлет на тарелке было штук пятнадцать или двадцать, то они по дороге сваливались на дорожку — и тогда санитар стоит, ждет, чтобы проходящий поднял и положил их опять на тарелку.

Довольно с меня! Пойду помогать кормить раненых... Прихожу в палату; только что стали раздавать обед. И что тут поднялось!! Кому нужно усиленную еду, тот получил слабую; кому нужна слабая, тот получил щи, кашу, черный хлеб и порцию вареного мяса. А кто должен получить эту здоровую, но тяжелую пищу, тот получил легкий манный суп, яйцо в смятку, белый хлеб и стакан молока. Сестры с ног сбились (четыре сестры на пятьсот больных и раненых).

— Вспомни, кому ты отдал усиленную порцию обеда! — приставала сестра к санитару, раздававшему обеды раненым. Санитар остановился, поставил ведро на пол и стал думать. — У Жданова на столе обед обыкновенный, а ему нужно усиленное питание! — продолжала сестра взволнованно.

— О, стойте, стойте! Кажись я отдал усиленную порцию вон тому; вон, что третий с краю! Сестра бросилась туда. Раненый сидит на койке и допивает молоко; а тарелки уже пусты! Сестра растерянно смотрит на тарелки и спрашивает: — съел?!

— Съел! Покорнейше благодарю!

Сестра берет пустые тарелки, уносит и отдает их санитару: — Видиш, съел!

— Вижу, съел — прорва! — с грустью произносит санитар. Но потом сердито говорит: — а хто их разберет, кому, што! Столько народу, на куфне тоже сами ничего не знают. Дают, а толком не говорят, кому, какая порция полагается! — ворчит санитар, поднимая ведра. С другого конца палаты сестра кричит ему: — Что же ты стоишь! Больные ждут обед!

Сестра, у которой больной остался на обыкновенном обеде, завидя доктора бежит к нему: — Доктор! Усиленную порцию отдали другому! Чем мне кормить больного? — У доктора голова идет кругом. Только что сестра в 3-ей палате жаловалась, что обед для слабого больного съел здоровый, а слабому дали щей и каши! И у того теперь рвота!..

Я пошла на кухню, чтобы сварить для слабых, молочный суп. Но на кухне шум был еще больший, чем в палатах... Санитар показывая на записку, которая была у него в руке, говорил: — Семи порций мяса не хватает! — Сестра послала меня: — принеси, говорит, недостающие парции мяса! — А вы одно: нету, да нету. — Так она же требует!..

Но, при виде меня — сразу все замолкло.

— Дайте мне молока и манной крупы. Я сварю суп.

Каптенармус, принес из кладовой все, что я просила. Когда суп был готов, я сама его понесла, разлила по тарелкам и раздала больным.

Наконец все накормлены!! Сестры ушли, кроме дежурной. Но мерить температуру придут опять все... Санитары тоже ушли.

В 6 часов ужин; и опять такая же процедура раздачи еды. Я пошла к столам, где непрерывно шла работа по приему раненых, которых теперь было еще больше, чем утром. Некоторые сами шли, опираясь на ружье, закутанные в башлыки и сразу садились на пол. Других поддерживали: третьих несли на носилках. За столом теперь работали только двое — врач и фельдшер.

Я подошла к раненому казаку и стала разматывать башлык.

— Куда ранены?

— В ногу...

— Кость цела?

— Не знаю! Но ходить не могу...

Какой части; имя и фамилия как; когда ранен? Все это я спрашиваю каждого раненого и записываю на листке бумаги. Потом с помощью санитара раздеваю его и надеваю ему чистое госпитальное белье... Затем укладываем его на носилки...

— В какую палату его нести сестра? — спрашивает санитар.

— Вон свободная койка в четвертой палате. Положите его туда...

Одежду, снятую с раненого, кроме белья, сворачиваем в узел, прикалываю записку с фамилией и названием полка, роты или сотни. Эти узлы с амуницией выносили в особую кладовую. Ужасно было неприятно, когда раненого переоденешь, поможешь, уложишь в чистую постель, а на другой день скажут отправлять его в тыловой госпиталь. Опять санитары тащат узлы и кладут перед кроватью. И, несмотря на рану, на больного нужно надеть всю его одежду, часто окровавленную и нередко промерзшую! Много часов уходило на то, чтобы переодеть и приготовить раненого к отправке. И сколько новых страданий причиняли этим несчастным людям! Но почти никогда не услышишь жалоб! Очень редко вырвется стон...

Какая бы тяжелая рана ни была, но стоит только спросить раненого: — А как это тебя так турки ранили? — И он сейчас же оживится и станет рассказывать сколько было турок, как он стрелял...

— А вот не слышал, как меня, турка, ранил! — говорит раненый.

Только покончишь с одним, принимаешься за другого. А там третий, четвертый. И так круглые сутки, особенно если идут бои.

До четырех часов я помогала принимать раненых. Потом пошла мерять температуру. Пришли и другие сестры. Когда меряешь температуру, то приходится исполнять массу других, мелких работ около больного: нужно посмотреть повязку, не промокла ли; если промокла, то нужно немедленно подбинтовать, или наложить новую. Нужно сходить в перевязочную за ватой и бинтом. Забинтовала, подложила кусок ваты, чтобы нога, или рука была повыше, поудобнее. У другого жар! Нужно положить на голову пузырь со льдом! У третьего нужно переменить компресс.

— Ты что стонешь?

— Болит нога, — ранен...

— Посмотрела. Марля не промокла, крови нет. Подложила под ногу подушку.

— Ну как? — Лучше?

— Лучше сестра! Спасибо.

И так почти все раненые и больные: им всегда что нибудь нужно, когда они видят сестру. Только кончила мерять темпе-

ратуру — принесли ужин. Раздали ужин (а некоторых надо и кормить, — кто не может сам есть), — пришли врачи и стали обходить и осматривать раненых и больных.

— Всех завтра эвакуировать! Кроме тех, которым нужна немедленная операция. Нужно как можно больше освободить мест; ожидается много раненых — сказал доктор Божевский.

Мои обязанности кончены на сегодня! — Могу идти домой? — спрашиваю я.

— Идите, сестра. Но завтра приходите рано принимать на кухне продукты, — говорит доктор.

Пошла в раздевалку, сняла халат, надела шубу и пошла домой. Только вышла за ворота госпиталя — было уже совершенно темно; у ворот стоит Гайдамакин.

— Что ты тут делаешь?

— Вас жду.

— А, что? Разве что нибудь есть новое?

— Нет ничего, да на дворе уж ночь! А здесь извозчика-то не найдете. А народу теперь всякого ходит много; — вам идти одной не хорошо. Барин ведь мне приказали смотреть за вами, как за ребенком. И я отвечаю за вас...

— Ну что ты говоришь! Я, слава Богу, взрослая! Вот первый день проработала...

— А что, барыня, будете ходить сюда работать каждый день?

— Да, конечно. Нужно работать! Раненых много и больных тоже, а сестер только четыре вместо двенадцати.

Ночь была теплая, тихая и я с удовольствием вдыхала морозный воздух.

— Вот говорили сегодня солдаты, что большое сражение идет на Ольтинском направлении, — говорит Гайдамакин.

Вот и пришли. Проходя мимо гостиничного ресторана, я видела много обедающих военных.

— Обедать будете?

— Да. Но хорошо бы воды достать теплой! Помыться бы.

— Я пойду на кухню. Там всегда бывает теплая воды.

— Так даром не бери; заплати деньги.

— Да, что вы, барыня! — За воду платить?

Только я сняла шубу, как Гайдамакин уже принес большой кувшин горячей воды. Я помылась, переоделась и позвонила. Пришел опять Гайдамакин и сам принес мой обед.

— Почему ты приходишь на звонок, а не лакей?

— А что ему делать? Разве я сам не могу подать вам?! Целый день сижу без работы! Ходил сегодня к нашим санита-

рам. Их, должно, причислят к какому-то госпиталю: корм у лошадей кончился, да и людям нечего есть. Они ходили к коменданту, спрашивали, что им делать.

Дни идут однообразно: утром в госпитале, вечером иду домой, обедаю, ложусь спать. На следующее утро опять иду в госпиталь. Там, как только прихожу, — переодеваюсь и иду на кухню принимать продукты. Целые туши мяса, горы хлеба — черного и белого, — молока, масла, крупы разные. На стене большая черная доска и на ней написано (раскладка) сколько состоит на довольствии сегодня; сколько обыкновенных, сколько слабых, усиленных. При мне всю провизию должны взвесить, а мясо положить в котел. Мы с доктором расписываемся и я иду в палату. За сегодняшнюю ночь много прибыло новых раненых...

После утреннего чая мы стали приготовлять раненых к отправке в тыл. Некоторых нужно было подбинтовать; у других за ночь поднялась температура; их нужно было вычеркнуть из списка отправляемых. Всюду в палатах валяются сапоги, папахи, или окровавленная гимнастерка. Санитары одевавшие раненых, кричат друг другу:

— Слышь! У тебя там нет лишнего сапога?.. Да где ж шаровары!? Сейчас тут были?

А у дверей, где принимают и записывают раненых, — приносят все новых и новых. Вдоль стен сидят десятки, еще не опрошенных и не записанных. Одни в романовских полушубках; другие в бурках, головы обмотанные башлыками. Многие лежат вытянув перебитые ноги... Как только освободились койки, сейчас же мы стали переодевать и класть их на койки.

Сегодня я дежурная. Сейчас же после раздачи ужина раненым, принесли солдата, который напугал нас всех...

— Сестра, идите скорее сюда, — кто-то кричит меня из приемной. Прихожу туда, слышу какой-то сдавленный задыхающийся свист, но ничего понять не могу. Все обступили какие-то носилки.

— А, сестра! Скорее идите и приготовьте все для операции; несите его в операционную, — сказал доктор санитарам. Я заглянула через его плечо и увидела: на носилках лежал молодой солдат из горла которого с шумом и свистом вырывалось дыхание. Лицо серое: глаза вылезли из орбит. Он весь выгибался с такой силой, что санитары, едва удерживали его на носилках, чтобы не свалился с них. Фельдшер, сопровождавший больного, сам хорошенько не знал, что с ним.

— Это из молодых солдат пригнанных сюда. Их с утра и до вечера гоняют, учат, учат... Но, ничего, больных не было, — рассказывал фельдшер. — Пришли с учения — я ведь тоже весь день с ними был, ну устали, голодные. Скоро закричали — «за обедом». Схватили манерки и к кухонному котлу. Он был совершенно здоров. Это с ним приключилось во время обеда. — Он ел; вдруг стал задыхаться, упал, стал кататься по полу.

Врачи щупали пульс, поднимали веки, но никто ничего понять не мог! А больной совсем умирал... Я пошла в операционную, зажгла спиртовку под ванночкой с инструментами.

Сейчас же принесли и больного, положили на стол, доктор взял ланцет; другой доктор приготовил трубку для горла: я изо всех сил старалась удержать голову больного, чтобы доктор мог сделать разрез на шее.

— Хлороформ давать ему нельзя! Попробую сделать разрез не хлороформируя...

Больной уже перестал биться. Глаза закрыты; дыхание с трудом вырывалось, все с таким же шумом, из открытого рта. Я заглянула в горло и мне показалось, там есть что-то постороннее. Но трудно было рассмотреть, когда больной все время вырывается и дергается.

— Доктор! Там, что-то есть?!

— Где?

— В горле! Что-то черное!..

Доктор сам заглянул в горло: — Да! Что-то есть!

Но думать было уже поздно! Другой доктор сделал разрез и воздух со старшным свистом вырвался из легких! Больной сразу, как-то опал... Дыхание стало ровным. Ему вставили в разрез резиновую трубку и он задышал почти нормально.

— Слава Богу, спасен! — сказал доктор, еще держа нож в руке.

— Ну, что вы увидели, там в горле? — заглядывая в рот говорит он... — А, и правда! Там, что-то есть? А ну-ка; дайте щипцы, — держите голову... — И с небольшим усилием доктор вытащил из горла кусок мяса! Да это было и не мясо, а круглый кусок хряща, от коровьего горла.

Больного забинтовали, оставили снаружи кончик разиновой трубки, и с большой осторожностью унесли в палату.

— Сестра! Смотрите за ним и докладывайте мне как он будет чувствовать себя...

Я всю ночь просидела около него; разве только на минутку отходила, когда звали другие больные. Несколько раз приходил дежурный врач:

Ну что, сестра, все благополучно? — и смотрел пульс.

— Да! Как будто никаких угрожающих симптомов нет; спит, температура чуть выше нормальной... Ну, может быть и выживет! Дай Бог! Совсем еще мальчишка! — И доктор уходит.

Утром больной проснулся совершенно бодрым. Смотрит на меня серыми полудетскими глазами... Я погрозила ему пальцем: — нельзя разговаривать! — Но по глазам его вижу, что он чувствует себя хорошо. Пришли врачи его осмотреть.

— Нужно отправить его в Тифлис немедленно! У нас нет серебряной трубки, а с резиновой держать опасно! — говорит доктор Михайлов, который делал операцию.

В госпитале началась утренняя работа. Я сдала свое дежурство другой сестре и собралась уходить домой. Но у самых дверей меня задержали.

— Сестра, вы куда? Видите сколько прибыло раненых? нужна помощь!

— Доктор, я после дежурства...

— А! Ну хорошо. Поешьте и приходите помогать. А отдыхать потом будем. Много раненых совсем еще не осмотрены! Особенно из тех, кто ночью прибыли...

Пошла пешком. День был прекрасный. Я очень устала, но свежий воздух освежил и подбодрил меня. Около подъезда гостиницы стоял Гайдамакин.

— Гайдамакин, давай скорее горячей воды, а потом кофе. Я только поем и опять иду в госпиталь. Какие новости есть у тебя?

— К вам заезжала генеральша Зубова. Просила позвонить, как только вернетесь домой.

— Хорошо. Неси воду скорее; да и кофе вместе!!

Я помылась, выпила кофе и хотела сразу же идти обратно. Но сон и усталость взяли свое... Я прилегла и моментально заснула. Мне казалось, что я спала одну минуту, когда, от стука в дверь, я проснулась. Но было всего два часа дня.

— Барыня, генеральша Зубова приехали, — доложил Гайдамакин.

— Проси сюда! — Я соскочила с кровати, вышла в коридор и пошла навстречу поднимавшейся по лестнице Екатерине Михайловне.

— Здравствуйте! Простите меня, что я не позвонила вам.

— Здравствуйте Тина Дмитриевна! Что с вами? Мы с мужем забеспокоились. Не звоните; не приезжаете...

— Я работаю в госпитале! Сегодня была дежурная, и сейчас опять пойду туда.

— Много раненых?

— Очень много! Не успеваем перевязывать; не хватает персонала; а новых раненых все подвозят и подвозят!.. Нас сестер, всего только пять. У меня на руках еще кухня. Принимаю продукты; смотрю как развешивают порции мяса и отпускают раненым еду...

— Знаете! Нужно немедленно организовать общественную помощь! А насчет персонала, я сейчас же заеду к медицинскому инспектору! Он у нас вчера был и говорил, что здесь много врачей и сестер милосердия, бежавших из Сарыкамыша!..

— А что нового есть о Сарыкамыше?

— Ничего пока! Никаких сообщений, и никакой связи нет. Но муж говорил, что сюда пришли свежие войска и что-то предпринимают.

— Извините Екатерина Михайловна, мне нужно идти в госпиталь.

— Я вас подвезу. А потом поеду к инспектору.

В три часа я была в госпитале. За мое отсутствие привезли еще не мало раненых...

— Нет больше мест на койках! Будем класть на пол, — сказал доктор Божевский.

Но к вечеру получили телефонограмму: «приготовиться к приему трех тысяч раненых».

Поднялась целая паника! Как приготовиться?! Куда поместить еще три тысячи человек, когда помещение уже и так переполнено! Нужно теплое помещение, еда, превязочные материалы! Нужны руки, чтобы накормить и перевязать...

Старший врач хватается за голову: — У меня нет места и для этих-то, — показывая на лежавших и сидевших на полу раненых, которые занимали всякое свободное место.

Позвали на совещание заведующего хозяйством, врачей и даже сестер. Но в это время пришли какие-то военные и прямо обратились к старшему врачу с заявлением, что они должны обсудить с ним вопрос об устройстве новых раненых, которые уже находятся на пути в госпиталь...

Они сели за наши канцелярские столы и стали совещаться. А мы, — сестры, за ненадобностью, пошли делать свое сестринское дело, к нашим раненым...

— Сестра! Меня не осматривали еще, но рана очень болит; кость у меня прострелена, — говорит раненый казак.

Я нагибаюсь, чтобы посмотреть как наложена повязка. Казак лежал на полу укрывшись своим полушубком. Я откинула полу полушубка: нога — как бревно толстая. Повязку прикрывала разрезанная штанина суконных шаровар.

— Сейчас я принесу что нибудь подложить под ногу. — Я принесла большой кусок ваты и стала осторожно подкладывать под ногу, стараясь не шевелить ее. И только подсунула пальцы, сразу почувствовала горячее — посмотрела на пальцы, — кровь!

— Да вы, сестрица, смелее: нога-то в лубке, — говорит казак, стараясь подбодрить меня. Я положила вату под ногу, и пошла сказать доктору, что у раненого кровотечение.

— Где, где он? Несите его в операционную!

— Санитары! Вот этого — на носилки и несите в операционную. — Двое взяли носилки с раненым, а один взял его полушубок и сумку. Оставлять на полу нельзя. Казак еще не записан и вещи его не сданы; могут пропасть — затеряться...

Принесли. Положили на стол, шаровары и кальсоны сняли; разрезали повязку, сняли лубки. Все было в крови. Доктор осмотрел рану. Нашел в ней осколки раздробленной кости.

После операции я уложила раненого на койку. Для этого пришлось снять с койки и положить на пол менее тяжело раненого.

Подошел доктор Беляев и сообщил, что решено открыть для приема новых раненых другое здание — напротив.

— Сестра! Старший врач только-что распорядился чтобы переменить повязки раненым, которые в этом нуждаются; накормить вновь прибывших и собрать всех в дорогу. Поезд подадут к 9 часам вечера... Скорее за работу! Да, еще новость: вон, посмотрите, пришли еще сестры и врачи помогать нам. — Все это нам сообщил на ходу доктор Беляев.

Легко сказать! Переменить повязки, подбинтовать, накормить и приготовить к отправке на поезд пятьсот человек, из коих половина не могут ходить, а другая половина не имеет рук, чтобы поесть и одеться самому!.. А как это все выполнить!? На каждого раненого надо потратить по крайней мере полчаса времени, чтобы его перевязать, покормить и одеть. Но сами раненые так хотят поскорее уехать подальше от наших — страшных мест, что когда подходишь к ним, говорят: — Сестрица, у меня повязка не промокла. — Другой уверяет, что он сам может одеться. Третий заявляет, что он не голоден... И, конечно, при таком настроении у всех — дело подвигается скорее. Раненых выносят и кладут на подводы, а кто может идти сам, идет и са-

дится на эти огромные фургоны. Наконец, все погружены и готовы трогаться на вокзал. Но и тут без сестры не обходится: — Сестра Семина вы будете сопровождать раненых из третьей палаты, там двое тяжело раненых; у одного осколок в животе. Скажите поездному врачу, — говорит доктор Михайлов.

Залезаю в фургон где высоко, на толстом слое сена, лежат раненые. Фургон трогается. При каждом толчке раненые стонут, а я кричу вознице — тише, тише! — Но снег, скованный морозом, как стальной; и каждый маленький комок, попавший под колесо встряхивает фургон и доставляет новые страдания раненым... Никакой помощи сестра на таком коротком расстоянии оказать не может, но раненых одних отпускать не полагается. Как только фургон остановился на платформе около санитарного поезда, — я спрыгнула и пошла к вагону. Дверь из вагона открылась и оттуда вышли санитары и врач.

— Доктор, вот в этом фургоне двое тяжело раненых, один в живот.

— Хорошо! А список раненых у вас?

— Нет, список привезут в одном из последних фургонов. — Я сдала своих раненых, забралась на сидение рядом с возницей и мы поехали обратно в госпиталь.

Эту дорогу, от госпиталя и до станции, каждый фургон проделывает раз десять за вечер, пока не перевезут всех раненых. Когда мой фургон въехал во двор госпиталя я увидала у противоположного здания, которое приготовили к приему новых раненых, целый ряд таких же фургонов, как и мой. Но было видно, что эти приехали издалека; — лошади были сплошь покрыты инеем.

Ну что, сестра, блогополучно довезли? И сдали? — спрашивает доктор. — Теперь сразу примемся за вновь прибывших... Человек двадцать придется оставить для немедленной операции! А может быть и больше. Сестра берите карандаш и бумагу и записывайте. А я буду осматривать и говорить вам, что записывать.

Есть такие раненые, которых сразу нельзя отправлять; нельзя трогать их с места: нужно дать ранам номного поджить, надо остановить кровотечение. Страшные раны в голову, живот, в грудь. Или когда перебиты большие кровеносные сосуды. При малейшей неосторожности происходит смертельное кровотечение.

— Сестра! Раненые готовы к погрузке. Можно выносить?

— Выносите, выносите.

— Сестра, где списки раненых? Этого включите к отправке, — говорит доктор.

Я записываю имя, фамилию и род ранения, зову санитаров, спешно одеваем и санитары выносят на подводу.

Наконец, последний вынесен! Сразу наступает в палатах тишина... И только теперь чувствуешь, как устала! Хочется сесть и забыть все...

— Сестра! Раненый Ященко забыл в столике письма, — влетая в палату говорит санитар.

— Где его ящик? — Я быстро встаю и иду искать ящик. Ведь не будут ждать на таком морозе ради письма, — уедут.

Начинаю открывать ящик за ящиком. Совсем не помню, где лежал Ященко? А карточки с фамилиями уже сняты с кроватей. Вот лежит пачка каких-то бумаг. — На вот, возьми — и сую в руку санитару. Санитар бежит на двор, но скоро возвращается, — уехали, — говорит он.

— Ну, что поделаешь, может быть еще ему напишут!

Места освободились для приема новых страдальцев... Мы стали делать постели. Все грязное и окровавленное сняли и постлали чистое.

Пришла сестра от приемных столов: — еще привезли раненых, — сказала она.

— Сестра, идите сюда, — кричит доктор, — вот тут есть тяжело раненые. Я их отметил на операцию. Запишите их фамилии и сейчас же приготовляйте для операций.

Раненый лежит на столе. Инструменты готовы, лежат в ванночке в кипящей воде; доктор моет руки.

— Сестра снимите повязку.

Я разрезаю марлю и снимаю ее, но последний слой ваты и марли оставляю на ране. Когда подойдет доктор готовый приступить к операции, тогда и сниму. Я держу ногу; другая сестра подает инструменты. Доктор осторожно ощупывает — зондирует рану. Кость раздроблена. На ноге два отверстия. Одно входное маленькое и выходное большое. Кожа и мускулы разорваны, с неровными краями. Доктор почистил рану, наложил кусок марли и сказал: — забинтуем, наложим лубки, а завтра отправим в Тифлис.

Осторожно перекладываем раненого со стола на носилки и санитары несут его в палату. Кладем его на койку; под больную ногу подкладываю вату, укрываю, поправляю подушку. — Хорошо? Удобно тебе?

— Пить, пожалуйста, сестра. — Даю воды. Напоив снова иду в перевязочную. А там, один сменяя другого, проходит

вереница искалеченных, изуродованных страдальцев. Я счет и время потеряла сколько мы перевязали раненых... Только одного снимут со стола и унесут, — приносят другого. Разбинтовываешь: руку, ногу, плечо, грудь, голову. У одного огромная рана — вырван из тела громадный кусок мяса... У другого — перебита кость. Третий едва дышит — посинел, весь забинтован... Не знаешь как к нему и приступить!

— Подождите, сестра! Нужно узнать куда он ранен. А, в легкое. Мы его не будем трогать. Завтра отправим в Тифлис.

Раненого унесли... А на стол уже кладут другого... И так нет конца потоку окровавленных и изуродованных тел! В большой перевязочной комнате стоит три стола и на каждом доктора сами перевязывают раненых. Но время от времени зовут: — Сестра, идите сюда, помогите наложить повязку.... Или лубок, или гипс.

Я перевязываю тех, которые пришли сами, или с помощью санитара, вообще тех, которые не нуждаются в носилках и столе. Мои руки за эти несколько дней от мытья зеленым мылом и раствором сулемы потрескались до крови. Но их приходится снова и снова опускать в этот же раствор: такая боль, хоть кричи! Развязываю руку раненого, замотанную кровавой марлей.

— В руку ранен? — спрашиваю.

— Никак нет.

— А почему рука завязана?

— Да, оно точно, что ранен. Но не турка ранил.

— А кто же тебя ранил?

— Да можно сказать, что сам себя ранил.

— Как так?

— Да был я в ночном сторожевом охранении. Ночь прошла спокойно, никто нас не побеспокоил. — Уж стало маленько светать. Пришла смена! Ну и слава Богу живы и здоровы! Попрощались с земляками, которые нас сменили и пошли к окопам. Только отошли недалечко, смотрю, какая-то светится баночка. Лежит втоптанная в снег. Я ее подковырнул носком сапога. Вдруг, как что-то меня ахнет! Я и упал. Ну, земляки меня подняли; морда вся в крови. А рука? Думал, что оторвало! Страсть было больно! Кровь так и льет... Прибежали из окопов, думали тревога, увели меня. Фельдшар, конечно, перевязал руку... Ну, а морда ничего! — цела будто-бы...

На лице были царапины и синяк, но ничего серьезного. Я развязала руку... Вся ладонь разворочена: рваная рана, куски кожи почернели и съежились, как неживые. Мускулы и нервы

тоже порваны... Иду к столу, где доктор возится над раненым. — Доктор, посмотрите у моего раненого руку. — Он подошел, посмотрел и сказал: — Нужно почистить и удалить мертвую кожу, — и ушел к своему столу... А кто будет чистить и удалять кожу? Неужели я сама должна? Я жду. Но ни один из врачей не подходит... — Доктор, вы почистите рану? — снова обращаюсь я.

— Да почистите сами! — Не могу же я бросить свою работу!..

Беру ножницы. Отстригаю черные скрученные куски кожи... Боже! Как трудно стричь кожу на живом человеке. Рану смазываю сильно иодом, забинтовываю, подложив под руку от локтя и до пальцев лубок. Наконец делаю из косынки перевязь для руки...

— Спасибо, сестра! Теперь хорошо! — говорит раненый.

— Иди с Богом! — Но, не успел он отойти, как сейчас же подходит новый, прыгая на одной ноге и опираясь на плечо санитара, и осторожно садится на стул, вытянув раненую ногу на подставленную табуретку. Ранен в ступню. Снимаю грязную марлю и вату. На ране остается промокшая и присохшая марля. Мою руки, потом отмачиваю борным раствором и приподнимаю марлю... Под марлей большая черная рана!..

— Сколько дней как ранен?

— Четыре дня, сестра.

— Нигде не меняли повязку?

— Нет, как ранили, в околодке перевязали и больше не перевязывали.

— Доктор! Посмотрите ногу у моего раненого. — После осмотра раны доктором, наложила повязку и сама повела его из перевязочной. На площадке передала его санитару: — Доведи его до места.

Сколько часов перевязываем, а раненых все не убавляется! Вся площадка перед перевязочной была занята ранеными... Они сидели на полу, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги. У многих руки на перевязи; у других — голова, как снежный ком, вся замотана ватой и марлей, из-под которой виден в щелку глаз, да кончик носа. Посреди площадки стояло несколько носилок, на которых лежали тяжело раненые и ждали своей очереди.

— Слышь, земляк! Дай покурить! — чуть слышно раздается с носилок. Рядом сидящий, раненый, у которого была только одна рука, а другая в лубке и подвешена на косынке, протяги-

вает недокуренную козью ножку товарищу по несчастью; несколько минут назад, ему самому скрутили земляки эту папиросу.

— Много еще раненых там внизу? — спрашиваю я санитара.

— Ух, много! Гужем идут, сестра!

— С какого фронта, — спрашиваю раненых.

— С Ольтинского направления, — говорит казак.

— Что, много турок было против вас?

— И-и! Страсть сколько!..

— Много наших побили?

— Да, порядочно... — нехотя отвечает казак.

— Ну уж и мы их «наклали!» — Страсть — сколько!.. — сказал один из раненых.

И вдруг заговорили все сразу, вспоминая битву, и разгром турок и все подробности их избиения!

— Долго помнить будут как соваться к нам!

Забыто все — и страх за собственную жизнь, и раны, и кровь, которая еще и сейчас выходит из сильного тела капля за каплей, смачивая марлю и вату.

— А вас кормили здесь в госпитале?

— Кормили, сестрица, там внизу.

И сразу же ушло воспоминание о страшной битве, а налицо действительность: — раны, боль и страдания...

— Идти сам можешь? — спрашиваю я раненого, которого надо взять на перевязку.

— Могу, — с трудом поднимаясь, говорит он...

И опять, раны, раны, и раны... — Доктор, посмотрите!.. — Доктор скажите, что сделать с этим?.. — И так нет ни часов ни времени... Один сменяет другого: казак — солдата, солдат — казака... — Доктор посмотрите... — Сухая повязка, компресс, смажьте иодом, отметьте на операцию, — слышу над своим ухом уставший и слабый голос доктора...

Как устали все! Хоть бы час перерыва! А раненых на площадке еще больше стало! Идут, идут снизу, здоровой рукой держась за перила, а раненые в ногу прыгают со ступеньки на ступеньку, держа больную ногу на весу и крепко цепляясь за перила одной рукой, а другой за санитара. Сколько раз этим санитарам приходится спуститься и подняться по этой широкой лестнице, помогая каждому раненому.

Иной раненый как будто и мог бы идти сам. Но его нельзя оставлять одного, без посторонней помощи, какая бы пустяш-

ная рана ни была... Пережитое волнение во время боя и его ранение, — все это, в конце концов, не могло не подействовать на общее его состояние и раненый, идущий без посторонней помощи, может упасть и еще больше повредить свою рану... Поэтому всякого раненого нужно довести до места, — до койки, до стула.

Я закончила перевязку, вывела на площадку раненого и передала его санитару.

Доктор Михайлов курил, прислонившись к косяку! — Доктор, одиннадцать часов... Все устали, до последних сил...

— А вы, сестра, устали?

— Да, — немного, — говорю я! — А самой хочется тут же, вот на полу лечь! Так устала...

Снизу пришел доктор Беляев. — Послушайте, коллега, так нельзя работать! Мы все свалимся. Нужен отдых. Сестры устали, а санитары едва двигаются... Мы весь персонал потеряряем. А завтра ведь опять такая же работа! Может быть еще бо́льшая!.. Раненые говорят, что бой только разгорается. Турки забрались слишком далеко вглубь и кажется зарвались. Их здорово наши бьют около Ардагана, все раненые оттуда... Казаки говорят: — «турка набили, видимо-невидимо»!

Мы вошли в перевязочную. Доктор Михайлов вымыл руки и стал осматривать рану у лежавшего на столе солдата, которого только что разбинтовала сестра. А доктор Беляев продолжал говорить стоя у стола: — А может быть оставим перевязки? Хватит на сегодня...

Доктор Михайлов выпрямился, посмотрел на говорившего коллегу. — Как мы можем прекращать помощь раненым, которые и так по два, по три дня не перевязаны! Раны загноились уже! А сколько обмороженных, нуждающихся в немедленной помощи. Нужно удвоить и даже утроить врачей, сестер и санитаров, но работать безостановочно! Ах, черт! Да ведь в городе много бежавших из Сарыкамышских госпиталей врачей и сестер! Почему их не использовать?! Где они?! Все равно мы ведь не справимся с этой волной раненых... Да, хорошо бы было получить свежую рабочую силу: они стали бы продолжать нашу работу, а мы пошли бы отдохнули.

— Да там несколько человек пришли и работают уже, — сказал доктор Беляев. — Идемте посмотрим и опросим раненых, если нет опасных, то на сегодня с нас довольно. Сестра отправьте этого и шабаш.

Врачи вышли. Сестра стала собирать инструменты. Санитары унесли последнего раненого.

— А что, сестра, кончили перевязывать? — спросил санитар.

— Кончили, кончили. — Они подняли носилки и вышли. Вышла и я за ними. На площадке все столько же раненых! Только теперь они почти все спали. Кто как сидел, так и заснул. Я посмотрела вниз. Узнать нельзя было нашего госпиталя: всюду на полу лежали и сидели раненые солдаты и казаки.

— Сестра Катя, сходите, спросите доктора Михайлова, что нам делать с этими ранеными, которые на площадке?

Она скоро вернулась. — Ничего не добилась! Все заняты! Сотни новых раненых привезли! А мест никаких больше нет в нашем госпитале. Будут класть в новом здании напротив.

Мы спустились и пошли в приемную. Трудно идти, чтобы не задеть за раненую ногу или не наступить на руку. А там, в приемной, происходило, что-то невероятное! Наружная дверь была открыта и в нее, в клубах белого, морозного пара шли раненые по два и по три в ряд, поддерживая друг друга. Из темноты и с мороза, закоченелые, они были счастливы, что добрались до тепла и сразу садились где придется, или ложились куда попало, если не было сил сидеть... Но никогда не выпуская ружья из рук, или кладя его рядом с собой! А санитары несли и несли тяжело раненых. Снимали их с носилок и клали прямо на пол. И снова шли за другими. И казалось не будет и конца и остановки этому движению...

— Несите в соседнее здание, здесь нет больше мест! — сказал старший врач. — Коллега, идите и показывайте дорогу санитарам, в то помещение. Здесь останутся только несколько врачей и сестер.

Мы все вышли. Я пошла, как была, в халате. За шубой идти далеко, она в сестринской раздевалке.

Только я вышла, в сенях стоит Гайдамакин... Его лицо выражало полное отчаяние:

— Барыня, вы не обедали сегодня! — Он говорит со мной, как мать с маленькой девочкой, которая не съела свой суп.

— Нет, не обедала; но я и не хочу есть! А если достанешь что нибудь, принеси сюда. Не сюда в палату, а там во дворе, есть кухня; так туда и прийди и скажи мне.

Как только мы вышли во двор, мороз сразу захватил дыхание. Мы с сестрой Катей побежали бегом. Всюду стояли подводы и фургоны, из которых выгружали раненых. В казарме было тепло, как нам показалось с мороза, и очень светло. Под потолком горели огромные электрические фонари. Вдоль всего здания было разослано сено в четыре ряда, на котором уже ле-

жали раненые. Врачи и сестры сейчас же приступили к работе. Доктор Божевский, проходя мимо меня сказал:

— Сестра Семина, никакого отдыха! Нет времени даже поесть! Зато у меня много папирос; берите и курите... Это помогает!..

Доктор Божевский по мобилизации был назначен главным врачем этого госпиталя. Он по специальности хирург и до войны работал в больнице. Когда начались бои он заранее уже был осужден отдать все свое время хозяйству и отчетности, предоставляя всю хирургическую работу другим, часто молодым и неопытным врачам. Поэтому, когда раненых навезли много, он поехал к крепостному инспектору и просил, хоть временно уволить его от занимаемой должности, как неспособного по хозяйственной части... И теперь он почувствовал себя на своем месте около раненых.

И новый врач оказался тоже на месте. Он пришел к вечеру в госпиталь, познакомился со всеми; пошел прямо на кухню и приказал варить суп во всякой посуде, какая нашлась в кладовых. Потом поехал в город, скупил весь выпеченный хлеб, какой только нашелся в городе и заказал печь еще. Накупил яиц, молока, масла, сахару, чаю. Он знал, что надо делать, чтобы удовлетворить потребности голодных, измученных и полузамерзших раненых. Некоторые ведь не ели по несколько дней!

Когда вернулся с едой Гайдамакин и сказал, что все готово, я пригласила доктора Божевского: — Идемте на кухню! Там есть кое-что закусить. А потом будем работать. — Я знала, что он так же как и я, не выходил целый день из перевязочной, только все время курил. Когда я была дома в Баку, сам доктор и его жена, которая приезжала к нему в Карс, очень были внимательны к моему мужу и часто приглашали его к себе.

— Идемте, идемте доктор, скорее.

— Откуда у вас взялась еда? — спросил он меня по дороге в кухню.

— Мой солдат, что-то принес для меня.

В кухне на столе, накрытом салфеткой, была расставлена масса вкусных вещей: хлеб, масло, молоко и ветчина. Когда доктор увидел все это, то пришел в отличное настроение и сказал:

— Вот, как шикарно! Сколько всякой еды! А вот одного ваш денщик не догадался принести, — водочки! С такой-то закуской, да рюмочку выпить было бы как раз хорошо...

— Да ведь я не пью! Он и не принес. Где ты достал все это, Гайдамакин?

— В гостинице, барыня.

Доктор оборачивается. — А, здравствуй, Гайдамакин! Вот за здоровье твоей барыни закушу и я...

В кухню вошел новый главный врач. Мы познакомились. Это был не молодой уже мужчина, лет под пятьдесят, с брюшком, но отлично одетый, затянутый крепко ремнем по толстому животу. На плечах широкие серебряные полковничьи погоны.

— Доктор, садитесь к столу. Хотите чаю? И закусить с с нами?

— Да я обедал сегодня!

— Когда?

— В три часа дня!

— А теперь половина первого ночи! Доктор, сколько сейчас у нас раненых в госпитале? — спросила я.

— Да сейчас я просматривал списки, прибывших уже больше тысячи. Но к завтрашнему утру нужно ждать прибытия главной волны раненых. Вот, видете, запаслись едой; все кухонные котлы варят суп. Солдаты голодны. Бой идет уже много дней. Мы приготовили помещение; вон напротив, большая и чистая казарма. Настлали сена, открыли электричество и натопили печи.

— Мы там уже были! Отлично для такой массы раненых.

— Ну и хлеба запас сделал; к утру привезут тысячу пудов! Все сделал, что смог!

Вот молодец! В такой короткий срок, а сколько нужных, необходимых вещей сделал! Подумала я.

— Да, к нам прикомандировали двенадцать врачей, тридцать сестер и много санитаров. Думаю справимся... Видете ли, ничего серьезного мы сделать не можем. Наша роль будет заключаться в том, главным образом, чтобы только поправить повязки, накормить, отогреть и не медля ни минуты, грузить в поезда и отправлять всех в тыл... Задерживать здесь будем только тех, кто нуждается в немедленной операции...

Боже мой, как он хорошо говорит! И наверное так и распорядиться может!..

— Простите сестра, как ваша фамилия? — Я назвала.

— Давно я был знаком с вашим мужем. Он служил в Кабардинском полку?

— Да.

— Мы с ним встречались в Эриванской губернии во время набора новобранцев. Я очень рад познакомиться с вами. А где он сам теперь?

— В Сарыкамыше, — с болью в сердце я рассказала все подробности о нашей неожиданной разлуке.

Ну, не волнуйтесь, раз он поехал к кабардинцам, они его не выдадут. Вот увидите выйдут из этой переделки с полной победой. Раз здесь, в тылу, где турок никто не ожидал, их все-таки бьют повсюду, то уж там, ближе к фронту, наших не напугаешь никакими обходами! Сами же турки первые пожалеют, что забрались так далеко! Только уж назад уйти им едва-ли придется!.. Но, что я слышал у крепостного инспектора! Он говорил, что в Сарыкамыше все госпитали брошены, а персонал бежал. Многие задержались здесь (вот их-то нам и прислали в помощь), видно не решаясь ехать дальше. Сегодня, когда я ему докладывал о нашем затруднении насчет недостатка персонала, он мне все это и рассказал.

Мы очень уж долго засиделись в кухне. Там верно за это время привезли еще много раненых! Я стала прощаться: — Я очень рада, доктор, что вы знаете моего мужа, мне это особенно приятно сейчас...

— А вы сестра не беспокойтесь и не волнуйтесь! Верьте русскому солдату! Он вызволит из всех бед! Всегда вызволял и на сей раз опять вызволит! Будьте уверены! А мы с доктором Божевским пока, охранять вас будем и по возможности развлекать, чтобы вам не было очень скучно без мужа, — шутил главный врач, как истый кавказец.

Мы все вместе вышли из кухни.

— Гайдамакин! Ты больше мне не нужен, иди спать.

— Что вы, барыня! Я не пойду. Что это! Вы будете работать, а я спать... Может, что вам нужно будет; так я здесь буду ждать.

— Хороший солдат у вас, Тина Дмитриевна, — сказал доктор Божевский.

— Да! Он у нас живет четвертый год и очень любит моего мужа. Уезжая муж сказал, что поручает ему беречь меня. Вот он теперь и смотрит за мной, как за маленьким ребенком. Правда, у него другого дела-то и нет.

Мы пришли в новое помещение и я не узнала его, столько там было народу. Много незнакомых врачей в белых халатах, а еще больше сестер. Все были заняты перевязками. И много городских дам. Они раздавали раненым всякую еду и горячий чай. Мы стали осматривать и перевязывать тоже, стараясь, как можно меньше беспокоить их. Многие из раненых уже спали, несмотря на голод и боль в ранах.

Пришел главный врач со списком в руках. — К семи часам утра подадут санитарный поезд. К этому времени нужно напоить раненых чаем и приготовить к отправке.

До пяти часов утра мы перевязывали. Потом санитары принесли в ведрах чай, корзины свеже выпеченного хлеба, вареных яиц, свиное сало, нарезанное ломтиками. Все сестры (дам уже не было) раздавали эту еду раненым, а санитары разливали в кружки чай.

— Можешь есть сам? — спрашиваю раненого.

— Нет сестра, обе руки обморожены.

Таких оказалось очень много. Всех кого накормили стали одевать и выносить на подводы. Мало раздать сотням раненых еду, чай! Многих нужно ведь поить и кормить! На это уходит очень много времени. Хорошо еще, что большинство раненых не были раздеты, так и лежали в шинелях и полушубках, в бурках... Поможешь встать, наденешь ему шапку, перекинешь сумку через плечо и ведешь его на подводу. Сколько раз приходилось выходить на мороз, но я не помню, чтобы кто нибудь из сестер простудился.

Только к десяти часам кончили отправку раненых из нового помещения госпиталя. Оставшихся тяжело раненых перенесли в основное помещение госпиталя и положили их на койки. Весь день делали им операции и перевязки. А к вечеру пришел новый обоз с ранеными.

— Сколько подвод приехало? — спросила я молоканина, фургон которого был полон раненых.

— Да много! Может больше сотни будет! Только много ж и померзло народу! Гнать лошадей нельзя; плачут — трясет, больно! А тихо ехать в такой мороз, — верная для них смерть!..

В два ряда подъезжают к обоим зданиям эти огромные молоканские фургоны. В каждом фургоне лежит по шести, восьми человек. Остаток дня и всю следующую ночь и утро без остановки все везли раненых. В обоих зданиях было полно.

— Сестра! Скорее давайте чаю, хлеба! Но чаю прежде всего, горячего чаю! Раненые замерзли, — говорит доктор.

При разгрузке, одних вносили в госпиталь с отмороженными руками и ногами. А других несли прямо в сарай и складывали там как дрова, друг на друга. Таких в транспорте было больше. Но не было никакой возможности выгружать хоть сколько нибудь скорее... Вот с десяти часов утра, а теперь уже вечер, — мы беспрерывно кормим, поим чаем, молоком, — всем, чем только можно согреть раненого. Весь суп давно съеден, а в

посуде варится вода для чая. Но и воду не успевают греть как следует. Санитары тащат полные ведра горячей воды и расплескивают ее на дорожку, на которой образовался лед. Один из санитаров упал и сломал себе руку. Еще стало больше одним раненым. Мы разносили хлеб, яйца, сахар в фартуках, по рядам, где одни сидят, другие лежат вытянув обмороженные ноги, как поленья... За нами санитары разносят чай.

Несмотря на то, что нас работает больше пятидесяти человек, мы все же не успеваем справиться с таким подвозом раненых! Нужно бы снимать обувь с отмороженных ног и оттирать их, но нет рук. Кто-то сказал, что не разгруженные подводы тянутся от госпиталя и до ущелья! Значит нужно еще много работы, чтобы выгрузить всех раненых!.. А сколько же их еще замерзнет, прежде чем они въедут в наш двор!? Сестры и врачи этот обоз с ранеными прозвали: «обозом смерти». Его кончили разгружать только на следующий день!.. В фургонах было больше мертвых, чем живых...

Развяжешь ногу, а там синее, мертвое мясо! — Доктор, посмотрите на эту ногу.

— Обмороженная? — Забинтуйте...

А раненый умоляет помочь ему. — Ох, болит! Нет моей силушки, сестра! Сделайте, ради Христа, что нибудь!.. — А, что я сделаю?! Наскоро забинтовала. Больной еще сильнее стонет....

— Сестра! Руки мои обморожены! Ведь не ранены, я ранен в бок, а руки были здоровы! А теперь вон, — синие, мертвые! Помогите мне! Лучше бы меня убили!

Принесла вазелина. Смазала им и растерла немного. — Двигай ими, чтобы кровь пришла свежая. — Хотя вижу сама, что все бесполезно. А все же человека хочется утешить и облегчить хоть на время, хотя бы даже ложью...

Всюду кровавые бинты, вата, разрезанная и разорванная одежда, — штаны, гимнастерки, рукава от шинелей, распоротый во всю длину сапог...

Третью ночь не сплю! Сегодня только пила лимонад, который приносит мне Гайдамакин...

— Барыня! У вас вся спина и косынка в крови, — говорит он.

Но мне не до этого! Никто не менял халатов; все ходят, как мясники, с кровью на руках, лице, платье... Нагнешься над раненым, а другая сестра тащит окровавленные бинты через мою голову. Их складывали в корзины, но санитары их выносили только, когда выдастся свободная минута...

— Сестра! Идите сюда, держите ногу! Видите, человек истекает кровью!.. — говорит доктор Михайлов.

Раненый лежит на носилках бледный, с заострившимся носом, с побелевшими губами и закрытыми глазами. Ранен в бедро! Толстый слой ваты и марли был пропитан кровью. Я приподняла ногу. Доктор разрезал ножницами вдоль ноги повязку. Кладу ногу и мы осторожно разворачиваем марлю... Из широкой раны кровь течет тонкой струйкой...

— Жгут! — говорит доктор. Подаю жгут и доктор крепко обматывает им ногу выше раны. Затем он исследовал рану, положил на нее тампон и после этого снял жгут. Мы смотрим, как скоро промокнет тампон... Но он остается чистым...

— Кажется остановилась! Прикройте рану. Но подождите накладывать повязку.

— Сестра! Раненому нужно дать подкрепляющее, — пульс слабый...

Бегу в кухню. — Есть кофе? — спрашиваю кашевара.

— Навряд ли...

— А ты иди в кладовую и поищи! Мне нужно! — Ушел...

— Не! Нету, сестра «кофея»...

— Ну, молоко давай!

— Молоко есть! Недавно армянин привез.

Ставлю молоко на плиту греть! — Давай два яйца и, хоть умри, но достань рюмку коньяку!

— Коньяку? Ну! Где там! У нас его и в заводе нет!..

Идем в кладовую. Коньяку не нашли, но вино какое-то нашли... — Давай масла свежего! — Масло и два желтка я растерла... потом прибавила туда горячего молока, налила немного вина и все это вылила в большую солдатскую кружку и понесла ее раненому. Когда я пришла, — повязка была уже наложена самим доктором. Но раненый лежал все такой же бледный. Я стала его поить с ложечки горячей смесью. Он охотно ее глотал... Подошел доктор проверить все ли благополучно и одобрил все, что было сделано.

— Сестра, вас зовет раненый; идите скорее, — сказал подошедший санитар.

Я оставила раненого и пошла за санитаром.

— Вот, сестра этот! Что с ним делать? Ругается, требует чтобы его сейчас же отправили в Тифлис. Никому не дает покоя.

На сене, как и все, лежал раненый в ногу молодой солдат. Не успела я подойти к нему, как он уже заговорил громким, возмущенным тоном:

— Я не хочу здесь на полу валяться! Я доброволец и ТРЕБУЮ, чтобы меня немедленно отправили в Тифлис.

Он кричал это свое требование таким тоном, что я сразу возмутилась!

— Доброволец вы, или не доброволец, а сегодня мы вас отправить не можем. Завтра утром всех будем отправлять и вы поедете со всеми! Ничего вы требовать не можете! Вот, все они добровольцы своего долга, — я показала рукой на ряды лежавших солдат.

— В чем дело сестра? — спросил меня какой-то врач. Но доброволец не дожидаясь моего ответа, сам заговорил:

— Я доброволец и хочу, чтобы меня немедленно отправили домой!

— Хотя вы и доброволец, но подчинены той же дисциплине, как и всякий солдат и домой ехать по собственному желанию не можете! — сказал доктор.

Тот чуть не подпрыгнул.

— Это неправда! Я пошел добровольно! Теперь ранен и хочу уехать домой!

— Лежите смирно! А то я вас отправлю в карцер, — пригрозил доктор...

Так от одного к другому и ходишь: то поправишь раненую ногу, или руку, то дашь пить, то слушаешь умирающего, который просит написать письмо матери или жене...

— Сестра, когда умру, — напишите матери: умер мол от ран...

— Адрес твой как? — Записываю. Другой просит позвать священника.

— Сестра, я хочу исповедаться...

— Сейчас! Санитар! Где священник? Позови его сюда, скорее...

— Он, сестра, исповедует раненого. Кончит, так я его приведу сюда.

— Он не найдет место, где этот вот раненый лежит.

— Я его сам приведу! Не беспокойтесь, сестра.

Приходит священник. Нагибается над раненым, говорит что-то, читает молитвы и причащает. И сразу идет к другому умирающему. А раненый, после исповеди и причастия, как-то светлеет и затихает...

— Слава Тебе Господи! Исповедался и причастился! Легче стало! Только бы еще надеть чистую рубаху! Тогда можно и помирать...

Я не помню, чтобы раненый простой человек, чувствуя приближение смерти, говорил, что он хочет жить; что ему тяжело и не хочется умирать...

Но, мне приходилось слышать офицеров, которые умирали от ран.

— Не хочу умирать, сестра! Я не хочу умирать! Не хочу! Я жить хочу!

Это очень тяжело слушать, когда знаешь, что раненый умирает... А ночь тянется медленено; бесконечно медленно... Как будто хочет собрать как можно больше жертв до рассвета....

Слава Богу! Скоро утро! Всех раненых накормим, приведем сколько возможно в порядок и отправим на поезд. Пять часов утра! Но так еще темно на дворе, что и часам не веришь... Я как-то ничего уже не соображаю... Что еще нужно делать?.. Полное равнодушие ко всему охватывает... Сколько рук, ног! Красные, синие, черные!.. Их всех отрежут, отпилят и выбросят, как испорченное мясо, от которого идет трупный дух. А я растираю эти холодные ноги... Развязываю, потом тру вазелином пальцы и кисти рук, которые уже почернели как у трупа, долго лежавшего на солнце.... Потом завязываю... Вон их сколько! Конца нет!.. А я не могу больше стоять на ногах... Кружится голова, тошнит... Наконец-то светает!

Замороженные квадраты окон побелели... Врачей стало как будто меньше? Неужели ушли в другое здание работать?.. Но я вижу, как один вышел из боковой двери, тут в помещение... Что там такое? Какая там комната, для чего?.. Сестры ходят как пьяные, пошатываясь и плохо соображая.

— Сестра Семина, долго мы еще будем здесь работать? — спрашивают некоторые.

— Не знаю! Во всяком случае до тех пор пока раненых не отправим на поезд...

— А когда отправлять будем?

— К девяти часам утра поезд подадут. Скоро принесут чай. Будем поить слабых и безруких. Потом будем одевать... Ну, потом может быть и мы получим возможность пойти домой?.. Я три ночи не спала...

— А вон, доктора, в дежурке спят...

Я пошла посмотреть, как они устроились там.

Большая комната, бывшая офицерская дежурная. Вдоль стен деревянные диваны. Посреди — большой стол и несколько стульев. На диванах спали несколько врачей. Другие сидели на стульях и курили.

— Вот вы где нашли приют!

— Да! Это убежище мы открыли только к утру и совершенно случайно. Хотите папиросу, сестра, — предложил доктор. Вошла еще сестра и сама попросила папиросу. Доктор протягивает и ей.

Врачи спали так же, как и раненые: в окровавленных халатах, прислонившись головами друг к другу. Когда я заговорила, большинство из них сразу зашевелились.

Сейчас будем поить раненых чаем и собирать в дорогу.

— Идемте, сестра; пора! Сейчас принесут чай. Надо раздавать хлеб, сахар...

Мы вышли из комнаты. Электричество еще горело, но както тускло при дневном свете из больших замороженных окон.... Теперь эта бывшая казарма представляет ужасную картину: босконечные ряды солдат и офицеров, лежавших на сене, казались трупами... В особенности те, которые еще спали тяжелым сном, открыв рот и тяжело дыша. Многие во сне стонали и бредили. Некоторые делали во сне попытки поднять отмороженную руку к голове и тогда еще громче и протяжнее становился их стон...

— Земляк, проснись! Слышь, земляк, проснись! — Это будит солдат своего соседа, который сам все время стонал, во сне, и только что проснулся. У него рана в плече и на обеих ногах отморожены пальцы.

Мало по малу стали просыпаться все. Санитары принесли большие чайники, ведра с горячей водой, и огромные корзины белого хлеба нарезанного ломтями. Я набрала в фартук ломтей хлеба и сахара и стала раздавать раненым.

— Вот на, хлеб, сахар. Сейчас принесут чай, — говорю я.

— Мне не надо, сестра, у меня есть.

— Что ты! Разве вечером чай не пил?

— Пил маленько, сестра, но сахар остался, да и хлеб еще есть...

— Сам можешь пить?

— Нет, вчера поила меня сестра...

— На, — хлеб, сахар для чая, — опять говорю уже другому раненому.

— Не хочу, сестра, ничего. Пить дайте! Воды, пожалуйста!

У него рот полуоткрытый, запекшиеся губы, лицо серое, глаза загноились... Дать бы ему хоть немного вина! думаю я, а сама иду дальше и снова говорю: — вот хлеб, сахар, — протягивая ломоть хлеба и несколько кусков сахара, но вдруг, на мои слова, солдат заплакал... По-детски, громко и жалобно!..

— Да, чем я возьму, когда обе руки перебиты!?.. Ни одной руки не осталось!.. Хлеб не могу ко рту поднести... Лучше бы убили!.. — рыдая приговаривал раненый солдат.

— Что ты! Замолчи! А то и я тоже зареву!! — И не в силах больше сдерживаться, я тоже громко рыдаю...

—Замолчи, замолчи же!.. — говорю я раненому, который продолжал плакать, и присела тут же около него на сено с фартуком полным хлеба и сахара, который никому не был нужен... Санитары и сестры, которые шли за мной, разливая и подавая чай, сначала стали успокаивать меня, но скоро и сами заплакали тоже...

Прибежал доктор:

— Что случилось? Что с сестрой? — Но, увидевши плачущих солдат и сестер, взял меня за руку, поднял и повел в дежурную...

— Не выдержала! Нервы не выдержали... — говорит он входя в дежурную комнату.

— Милая вы моя, успокойтесь! Мы все можем в любую минуту заплакать и биться головой об стену от этого кошмара... Но, прежде всего, мы обязаны сохранять полное спокойствие перед этими страдальцами. Это наш долг! Им-то ведь гораздо труднее, чем нам!.. Нате вот, выпейте валерьянки! Вот и легче стало! А теперь, сестра, идите и исполняйте свои обязанности! Сейчас будем отправлять раненых на вокзал.

Доктор вышел из комнаты. Я поправила косынку, фартук, вытерла слезы и пошла опять исполнять обязанности, которые я взяла на себя добровольно перед этими страдальцами, исполнившими свой долг перед РОССИЕЙ, моей родиной! Никто не обратил на меня никакого внимания, когда я вошла в общее помещение. Все были заняты как и прежде и я присоединилась к ним...

Пришел главный врач и сказал: — будем отправлять сейчас раненых, но тяжело раненых задержим! — Врачи забегали со списками в руках, отмечая, вычеркивая и указывая кто остается...

Санитары пришли с носилками и стали выносить раненых на подводы. Кто мог ходить сам, шел, помогая и другим.

Господи! Страшно смотреть на них... Только три-четыре дня тому назад это все были молодые, крепкие, здоровые люди! А сейчас — бледные, едва двигаются, а то и совсем неподвижные и беспомощные... Большинство все же не ждет пока кто нибудь из сестер прийдет одевать его; все пытаются сами надеть шинель... — Я сам! Спасибо, сестра, — говорит раненый, едва стоя на ногах и надевая шинель... — Вы, сестра, помогите

вон тому! Он сам не может. Ранен в руку и обе ноги отморожены...

— Все вышли? — спросил старший врач, входя в помещение.

— Все, — оглядывая помещение, говорю я. А вид опустевшей казармы страшен: на полу валяются тряпки, обрывки газет, окровавленная марля, большие куски серой ваты, которую подкладывали под раненую ногу, или бок!.. Куски суконных шаровар, рукава от рубах, несколько разрозненных сапог. На примятом сене кое-где лежали еще подушки, серые, из солдатского сукна, одеяла... Даже несколько забытых шинелей...

— Сестра Семина, идите домой! Выспитесь хорошенько и с новыми силами приходите, — говорит доктор Божевский. — Я сейчас тоже ухожу домой. Останутся несколько дежурных сестер и врачей. А все остальные пойдут спать. Если случится несчастье, опять привезут столько же раненых, конечно, немедленно вызову всех. Поэтому не теряйте времени, идите домой. Да, кстати, ваш солдат ждет вас у дверей.

— Спасибо доктор. — Я сняла окровавленный халат и косынку и пошла к выходу. Там, с шубой в руках, ждал Гайдамакин.

— Что нового, Гайдамакин?

— Да, разное все говорят: одни говорят, что Сарыкамыш взяли турки; другие говорят, что наши турок взяли в плен. Но пока никаких «известий, однако, нет». Телефон не действует, поезда не ходят. А все болтают по-разному.

— А что делают наши санитары? Где они кормятся? Есть ли фураж для лошадей?

— Вы не беспокойтесь о них. Их кормят на питательном пункте.

— А ты обедаешь?

— Обедаю! Что мне больше делать? Без работы хожу целый день. Вы вон как работаете, — три ночи не спали! Да и барин — поди день и ночь работает! А я так не знаю что делать! Каждый день для меня — год! Вот как тяжело мне без работы! Когда вы дома, ну, смотреть за вами нужно. А когда вас нет, — просто беда! И есть не хочу! И спать не могу! Лежу и все думаю: барина потерял! Барыня ночи не спит — работает! А я солдат, их слуга и хранитель, валяюсь на койке! Прямо, барыня, — смерть! Всю ночь стоял и смотрел, как санитары с ног сбились работая. Ну, я сбегал принес им несколько ведер воды. Да, что это за работа! Помогал немного выгружать раненых. А больше все стоял, да всем только мешаю. «Земляк, по-

сторонись, земляк, посторонись!», только и слышу от всех... Только, значит, мешаю всем, поперек дороги стою всякому...

Мы вышли на двор. Яркое солнце ослепило меня. Как хорошо и легко дышать свежим, морозным воздухом. Несмотря на сильный мороз, путь до гостиницы показался коротким. Вот и «Люкс»!

— Гайдамакин, достань для меня горячей воды, да побольше.

После казармы, сена, окровавленных бинтов и ваты, моя убогая комната показалась будуаром изнеженной женщины! Но тоска и беспокойство за мужа делают сразу все неприветливым. Жив ли? Может быть ранен? И так же лежит на полу на сене? И ни одного близкого человека нет около него. А вдруг обморозил обе руки и лежит голодный? Снова все виденное ночью встало перед глазами. Но теперь весь ужас, все страдания и горе я применяю к моему, дорогому Ване! Кажется закричу от страданий и муки! Нет больше сил переносить эту неизвестность! Он погиб, я чувствую это. Почему я не с ним? Для чего я бросила дом! Ведь я хотела быть около него в минуту опасности, помогать ему. А, что я сделала! В первую же минуту, быть может смертельной опасности, уехала от него спасая себя! О, как я ненавижу того офицера, который пришел на площадь и заставил меня немедленно уехать из Сарыкамыша в Карс.

— Барыня, кофе готово, — но видя, что я плачу, Гайдамакин замолчал... — Генеральша Зубова звонила, спрашивала про вас. Я сказал, что вы только-что вернулись из госпиталя. Она сейчас приедет сама к вам.

— Хорошо. Приготовь воду. Я успею еще помыться и переодеться. — Я выпила кофе, забралась с ногами на диван, положила голову на подушку и...

Когда я открыла глаза, в комнате было все так же светло... Но, что это? На столике перед диваном, в стакане с водой, свежая роза? А я накрыта моей шубой? Неужели я заснула? Ведь должна была приехать Екатерина Михайловна. Верно это она привезла розу и укрыла меня шубой. Какая милая и внимательная! И не разбудила меня, — пожалела; знает, что я устала... Сейчас помоюсь и позвоню ей. Сколько же времени я спала? Вода верно остыла. Но как хорошо лежать под теплым мехом! Не хочется и вставать.

Дверь тихонько приоткрылась и Гайдамакин заглянул в комнату.

— Я заснула. Вода не остыла еще?

— Да, барыня! Теперь другой день уж.

— Какой другой день? Что ты говоришь?

— Теперь утро. А вы заснули вчера в два часа дня.

— Не может быть! Неужели я так долго могла спать? — Но вдруг я вспомнила слова доктора, который говорил, что если привезут опять много раненых, то он позвонит.

— А из госпиталя мне не звонили?

— Из госпиталя не звонили. Но звонила генеральша Зубова. Спрашивала проснулись ли вы. Я сказал, что вы еще спите.

Вот здорово! Никогда я еще столько не спала! И отдохнула же я! После кофе со свежей французской булкой я почувствовала себя бодрой и в лучшем настроении духа! Помылась, надела все свежее и пошла прямо в госпиталь. Солнце, мороз и чистый воздух меня еще больше подбодрили. Я шла легко, едва касаясь снега. Когда пришла в госпиталь, увидела с радостью врачей и сестер, которые тоже встретили меня очень приветливо.

— А вот и сестра Семина! Здравствуйте! Выспались? Знаете сколько за эти три дня прошло через наш госпиталь раненых и обмороженных? — говорит доктор Михайлов.

— Сколько, доктор?

— Около пяти тысяч!

— О! Неужели так много! Доктор, если я не очень нужна сейчас, могу я уйти? Я хочу поехать к коменданту, генералу Зубову, узнать что нибудь о Сарыкамыше.

— Конечно, сестра! Работы-то у нас много, это правда, в особенности в перевязочной. Но вы поезжайте! Это вас успокоит. Только никто и там также ничего не знает, и генерал тоже не больше других.

Все одно и то же повторяют, подумала я.

— Доктор, разве раненых не подвозят к нам больше?

— Ну, как не подвозят! Везут беспрерывно! Но понемногу: две-три подводы сразу, не больше. С этим легко справиться! Одних примешь, тогда подвезут других. А то, помните, что было в эти дни? Сразу сотни подвод! Тысячи раненых и обмороженных. Скольким нужно было бы немедленно делать операции! В большинстве случаев сделать это не было никакой возможности. Так пришлось многих отправить в Тифлис. Доехали ли? Всякая рана требует времени, чтобы ее осмотреть и наложить нужную повязку. А где его возьмешь для тысяч и тысяч раненых. Помощь, которую мы можем оказать при громадном наплыве раненых — да разве это помощь?! Развяжешь рану, помажешь иодом, положишь свежий кусочек марли, и опять забинтуешь! Лишь бы успеть посмотреть, хоть в малой доле. Вчера пришел домой, лег на кровать, уставший свыше всякой меры. А заснуть не могу! Эти страшные раны, отмороженные

ноги и руки, стоны, бред и ненужные смерти молодых сильных людей!

Доктор запускает обе руки в свои волосы и теребит и ерошит их.

— Нет! Это черт знает что! — Он постоял молча, а затем повернулся и пошел в перевязочную.

Зубовы встретили меня очень ласково. Генерал точно извиняясь, что не может сообщить мне приятных новостей, всячески за мной ухаживал и обещал немедленно дать знать, как только сам узнает что нибуд! После обеда я поехала на вокзал, где всякие новости приходят первыми. Там я увидела много военных всех чинов. Одни группами ходили по платформе; другие стояли и горячо о чем-то разговаривали. Один все время показывал на рельсы, куда-то по направлению Сарыкамыша. В одной из групп, в которой больше всего говорили и махали руками, я узнала офицера Кабардинского полка Завьялова. Я подошла и поздоровалась с ним.

— Вы откуда?! — удивленно спросил кабардинец.

— Я здесь неделю живу беженкой. Бежала из Сарыкамыша, как и все храбрые люди! А вы откуда? Почему вы здесь? — спросила я в свою очередь.

— Да я ехал из Тифлиса в полк, да доехать не успел. Вот и сижу тоже неделю уже. — Он расспросил обо всем, что я знаю о Сарыкамыше.

— Насчет доктора не беспокойтесь. Раз он поехал к нам — кабардинцы его не выдадут, — с гордостью сказал он.

— О, я верю, как и вы, что, если муж с полком, то не пропадет.

— Нас военных много здесь набралось, хотим снарядить пулеметный поезд и попробовать прорваться в Сарыкамыш. Желающих смельчаков много, но комендант пока не соглашается. Все выжидает чего-то.

— А вы тоже едете, с этим поездом?

— Я хочу очень! Сидеть здесь, когда полк там дерется, прямо невыносимо! Я за эти дни так изнервничался, что хоть пешком иди туда! Но мы надеемся получить разрешение от коменданта сегодня же.

— Когда вы смогли бы выехать, если он разрешит послать поезд?

— Сейчас же стали бы налаживать несколько платформ с пулеметами. Да у нас уже все почти приготовлено: пулеметы есть, тюки сена есть, платформы готовы! Только комендантское

разрешение нужно. А мы были бы готовы в несколько часов и выехали бы к Сарыкамышу.

— Слушайте! Если вам это удастся сделать, дайте мне знать. Я с вами поеду! Буду раненых обслуживать! — Мы попрощались. Я пошла в госпиталь, где пробыла до поздней ночи. Там делали серьезные операции и мне пришлось помогать доктору Михайлову.

На другой день, боясь чтобы пулеметный поезд не ушел в Сарыкамыш без меня, я позвонила коменданту, генералу Зубову. Я знала, что он еще не дал своего согласия на посылку этого поезда. Но мне хотелось узнать согласится ли он на это в конце концов, или откажет этим храбрецам сделать попытку прорваться к Сарыкамышу.

— Я узнала, что вы посылаете пулеметный поезд, чтобы прорваться в Сарыкамыш. Разрешите мне ехать с поездом как сестре милосердия!

— Я еще не решил, когда этот поезд пойдет.

— Да? А мне на вокзале говорили, что скоро. Нет, про сегодня не говорили, но если я их хорошо поняла, — назначено на завтра.

— Нет, нет! — снова слышу я в трубку. Но я решила ковать железо пока горячо. — Там столько набралось храбрых добровольцев, что вам придется пустить огромный состав, а меня в качестве перевязочного передового пункта при них...

— Тина Дмитриевна, разрешите мне, после того, как я сам побываю на вокзале, заехать к вам. Тогда я все вам объясню. А по телефону всего не скажешь.

Что мне делать! Неудобно было спросить, когда он приедет; а мне нужно идти в госпиталь. Наконец Гайдамакин пришел и сказал, что комендант приехал. Я спустилась вниз в зал. Генерал сидел в углу за столиком. При моем появлении он быстро встал и пошел ко мне навстречу: высокий, стройный с красивым тонким лицом, поцеловав мою руку он подвинул для меня стул и сел сам.

— Так вы серьезно хотите скорее ехать к мужу?

— Да, очень хочу. Меня неизвестность угнетает больше всего.

— А как же ваша работа в госпитале?

— Буду там работать! Там те же русские солдаты.

— Я должен предупредить вас, что эта поездка очень опасная! Мы послали небольшое количество пехоты в обход турок в Ново-Селиму, этот поезд должен помочь окружить их. Но эта операция может неудастся. Турки несомненно окажут

сопротивление. Будут убитые и раненые, а может быть и взятые в плен. Мы не знаем хорошенько где и сколько турок! Кроме того имейте в виду, что в Сарыкамыше нет никакого продовольствия; ни хлеба, ни других продуктов. Вам нужно запастись всем необходимым отсюда. На днях, может быть завтра, я жду известий от группы действующей в районе Владикарса. А теперь Тина Дмитриевна, разрешите просить вас позавтракать со мной.

— Спасибо. Я сама очень хотела бы позавтракать с вами и послушать вас! Но из госпиталя уже два раза звонили, чтобы я скорее приходила, много раненых и есть неотложные операции.

Сказав эту правдоподобную ложь, сама удивилась, как скоро я придумала отказ. Но я совершенно не была расположена к такому светскому завтраку. Что бы я не делала, что бы не говорила, но мой Ваня не забывался ни на одну минуту! Мне было не до любезных разговоров!

— Жаль! Я так хотел хоть немного забыться в вашем присутствии от этого кошмара.

— А как бы я хотела тоже забыть весь ужас, который я видела за эти дни!

— Ну, хорошо! Как только все с посылкой поезда наладится, я позвоню вам. Но, опять повторяю, что ехать с этим поездом очень опасно...

— Все равно! Иногда неизвестность хуже смерти. Я очень хочу ехать. Если что нибудь случится: например, турки расстреляют поезд, а нас возьмут в плен, я могу пенять только на себя! Спасибо, что сказали насчет хлеба и других припасов.

Мы распрощались самым сердечным образом и генерал уехал. Я поднялась наверх в мою комнату и позвонила. Пришел Гайдамакин.

— Слушай Гайдамакин! Мы едем в Сарыкамыш! Может быть сегодня, а может быть завтра. Нужно закупить, как можно больше всякой еды. Если сможешь достать, купи окорок ветчины. Ведь Рождество скоро! Но сейчас генерал предупредил меня, что ехать опасно! Турки могут нас убить, или взять в плен.

Гайдамакин стоит опустив голову и молчит. Потом говорит:

— Барыня! А что если я поеду один! Свезу барину провизию. А как всех турок наши заберут в плен, или побьют, — поезда опять заходят. Вы и приедете тогда. А вам здесь безопаснее. Комната у вас есть; хозяин хороший; да и знает нашего барина.

— Нет, Гайдамакин, я поеду! А ты пока иди, сделай все закупки и будь готов ехать во всякую минуту. Нас ждать не будут! Мы должны поехать на вокзал и сидеть там, как только я узнаю, что поезд пойдет. Возьми деньги, расплатись с хозяином.

— У меня еще есть много ваших денег. Хватит на все.

— Ну, хорошо, а я пойду теперь в госпиталь. Но если позвонят от коменданта и скажут, что поезд идет в Сарыкамыш, бери сейчас же извозчика и приезжай за мной в госпиталь.

Как голько я пришла в госпиталь, меня позвали посмотреть на пленных турок. В большой комнате, с решетками на окнах, сидели пленные. Их было человек двадцать. Они сидели угрюмые и подавленные. На некоторых были шинели из тонкого серого сукна не дающего никакого (так мне казалось) тепла. Другие в черных пальто; на ногах башмаки и обмотки. — Кто они — солдаты, или фицеры? — спросила я у одного из докторов, стоящих тут же.

— Говорят офицеры! А по одежде, скорее солдаты. Но самые обыкновенные люди; и совершенно не страшные! — сказал доктор.

Один из турецкой группы разговаривал с каким-то русским офицером. Переводчиком служил им доктор-армянин. Турецкий офицер заявил, что сопровождавшие партию пленных, армянские солдаты по дороге изрубили около четырехсот человек турецких солдат и офицеров. В живых остались только эти двадцать человек. Он так был взволнован, когда рассказывал это, что руки у него тряслись. Чтобы скрыть свое волнение он держал полы своей шинели и бессознательно перебирал пальцами.

— Мы так с пленными не поступаем. Обезоруженный враг — солдат, становится нашим другом! А нас обезоружили и по дороге перебили. Мы просим виновных наказать за эту бессмысленную жестокость.

Когда он кончил говорить руки у него еще больше дрожали, в глазах стоял пережитый ужас. Несмотря на голод (четыре дня их вели до Карса), никто из них не дотронулся до еды, которую им принесли из госпитальной кухни.

— Это ужасно! Обезоруженных пленных порубили! — сказала с возмущением сестра, стоящая рядом со мной.

Вдруг один из стоящих недалеко офицеров обернулся к нам.

— А вы посмотрели бы, что они сделали с армянскими жителями, которых они застали в Ардагане, и с теми беженцами, которых они догнали при наступлении! Все дома полны трупов! Женщин, детей — никого не щадили. Дороги усеяны их трупами! Ни один человек от них не спасся! Всех порубили! Я поручил армянской дружине сопровождать их потому, что у

меня других людей не было! — закончил молодой офицер, тоже взволнованный не меньше чем турецкий офицер. — Конечно, гуманности от армянских дружинников ждать не приходится. Когда у каждого из них только-что, может быть, убиты отец, мать, или жена и дети.

Сестра совсем сконфузилась, почувствовала свою несправедливость по отношению к русским солдатам. Сколько она видела их, искалеченных вот такими же турками! И ее симпатии к туркам быстро меняются...

Возвращаясь в госпиталь она уже с возмущением говорит:
— Ах, какие жестокие, перебили женщин, детей! А мы должны еще их кормить?

— Доктор, я сейчас видела пленных турок, — входя в перевязочную говорю я.

— А, сестра, дайте лубок для ноги, — не слушая меня, сказал он.

Я помогаю доктору бинтовать ногу; поддерживаю лубок. Кость в двух местах прострелена. Нужно бы сейчас же сделать операцию. Но и в таком виде его довезут до Тифлиса; а там больше средств для такой серьезной операции. Там его положат после операции сразу в спокойное положение; а с переноской и с перевозкой отсюда до Тифлиса кости могут сдвинуться и неправильно срастись.

— Сестра, помогите мне наложить гипсовую повязку вот этому, — говорит другой доктор. — У него сломана ключица и раздроблено плечо.

Сначала мы перевязываем рану; потом накладываем гипс, и утвердив плечо неподвижно, вешаем руку на косынку. Доктор написал по гипсу «есть рана».

— Доктор! Вот раненый в живот, — снимая марлю говорю я. Доктор подошел и легко нажимает пальцами вокруг раны. Живот немного вздут, затвердел и краснота вокруг раны...
— Сухую повязку и забинтуйте, — сказал он.

Мы осторожно наложили повязку, переложили со стола на носилки и санитары понесли раненого на койку. Доктор делает мне знаки, чтобы я шла с носилками. Уложив раненого, я поручаю его другой сестре. — Сестра, смотрите за ним. Он ранен в живот! Не давайте много воды пить, только немного смачивайте рот.

В перевязочной на столе лежит новый раненый. Сестра Аня разрезает ножницами толстый слой марли и ваты, намотанной вокруг бедра. Доктор моет руки.

— Доктор, я поручила раненого сестре Анаевой.

— Это хорошо; у него начинается перетонит. А у этого тазобедренная кость прострелена.

Я вымыла руки, но опустить в раствор сулемы не хватило мужества: кожа на моих руках представляла кровавые борозды, так потрескались до крови. Старый фельдшер. которого мы, сестры, называли дедушкой, и который заведует аптекой, часто приходит в нашу перевязочную. Он показал мне на большую бутыль, полную мутной жидкости.

— Это я приготовил средствие для вас сестры. Чтобы ручки мазать после работы.

— Доктор, сейчас уже шесть часов. Пора кормить ужином раненых.

— Хорошо! Вот этим и закончим пока.

— Доктор! Мне может быть удастся завтра уехать в Сарыкамыш.

— Что?! Вы опять хотите попасть к туркам в плен? — строго спрашивает он. — Как вы можете ехать, когда поезда не ходят?! Или опять поедете на своих коняках с санитарами?

— Нет, я собираюсь более серьезно. Завтра пойдет первый поезд расчищать путь от турок.

— Ну, и вы тоже будете помогать расчищать путь? — сказал он.

— Нет, не буду; для меня всегда найдется работа более подходящая по моим силам и знаниям.

— Слушайте сестра Семина! Если вы любите вашего мужа, вы должны сидеть здесь и ждать, когда расчистят этот путь люди, которым надлежит это делать! Притом, вы мне нужны здесь при моих работах в операционной. И без моего разрешения вы покинуть госпиталь не имеете права.

— Доктор!.. Но ведь я пришла работать к вам как доброволец!

— Да! Вы были добровольцем, когда входили в это здание и предлагали свою работу. Но с той минуты, как вас зачислили, — вы перестали быть добровольцем и стали работником этого госпиталя, как и все служащие в нем.

Я стояла пораженная серьезностью его слов и мыслью, что с уходом поезда исчезнет последняя надежда на скорое свидание с мужем!

— Это невозможно! Я не могу оставаться здесь дольше! Я так мучаюсь отсутствием известий о муже, а это единственная возможность уехать в Сарыкамыш.

Доктор смотрит на меня испытующе.

— Хорошо! Поезжайте! Но вы должны еще спросить главного врача. А мне что! Поплачу, да и возьму другую сестру, —

уже смеясь говорит он. — Ну! Ну! Поезжайте. Кланяйтесь доктору.

— Спасибо! Надеюсь мы еще увидимся с вами!

— Конечно! Везде где кровь и раны, — нам с вами встретиться легко.

Я пошла искать главного врача и нашла его, конечно, около больного.

— Доктор! Я хочу завтра ехать в Сарыкамыш к мужу.

— Как же вы это хотите осуществить?

— Завтра может быть пойдет туда первый поезд. — И я все ему рассказала.

— Ну, что же, поезжайте! Дай Бог успеха! У нас теперь рабочих рук достаточно вполне. Кланяйтесь доктору.

Попрощалась с врачами и сестрами и пошла домой. У ворот госпиталя меня ждал Гайдамакин.

— Кто нибудь звонил мне?

— Звонил генерал Зубов. Сказал, что поезд пойдет завтра утром.

— А покупки ты сделал?

— Накупил всего. На год хватит!

— Почему же ты не приехал раньше и не сказал мне?

— Еще я раскатываться на извозчиках стану? Ноги-то ведь есть? Вот и пришел пешком, — сердито говорит он. — «Нам» завтра утром позвонят с вокзала, сказал генерал, — добавляет он.

— В котором часу?

— Он сам не знает точно.

Темно, холодно. На улицах ни души! Гайдамакин идет в двух шагах позади меня. Наконец вот и гостиница! Вхожу. Внутри тепло и светло. Я поднялась в свою комнату. Гайдамакин принес горячей воды, а потом и обед. Ночью спала очень плохо. Все думала об этом поезде... Позвонят утром, но когда? Утро может быть и в три часа, и в десять часов. А ну, как не позвонят и уедут без меня? Наконец вот и утро пришло! Но пасмурное и холодное. Я напилась кофе, Гайдамакин нашел извозчика и мы поехали на вокзал. Лучше мы там будем ждать! Только на вокзале я заметила, сколько мешков и корзин было навешано на Гайдамакине.

— Что в этих мешках?

— Провизия!! Я-ж вам говорил, что накупил — на год хватит всего.

На вокзале я сразу увидела знакомого кабардинца.

— Ну, что! Едем? — подходя ко мне говорит он.

— Да, видите я пришла.

— Да вы это серьезно говорите?! — И вправду с нами собираетесь ехать?!

— Ну конечно! Вот и солдат мой. Видите скольдо накупили всякой еды? А вы не знаете скоро ли подадут поезд?

— Не знаю точно! Зря тянут! Сегодня день хороший, туман. Можно подойти к туркам совсем незаметно, если они занимают железнодорожное полотно... А! Вот и поезд подают! — И он бросился от меня на встречу к подходящему паровозу. Он шел медленно, дымя трубой.

Я увидела странный состав вагонов. В нем, кроме паровоза, был один вагон третьего класса и три товарных платформы, на которых лежали выше человеческого роста тюки прессованного сена. Я заметила, что между тюками торчали дула пулеметов. Поезд подошел к платформе и остановился. Из комендантской комнаты вышел комендант станции и несколько человек офицеров и все пошли к странному поезду.

— Ну как, — все готово? — спросил комендант, обращаясь к кому-то на платформе с сеном.

— Готово! — ответили из-за сена.

— Ну так садитесь все, кто едет с поездом! — Солдаты сняли несколько тюков сена. Офицеры разделились на группы и стали взбираться на платформы, каждый на свое место. Мой кабардинец бросился ко мне:

— Садитесь в вагон! Едем! Но, Тина Дмитриевна, как только услышите стрельбу, ложитесь немедленно на пол! -- Он ушел к своей сенной крепости.

Гайдамакин был уже в вагоне. Я стояла около подножки и смотрела, что еще будут делать. Офицеры уже все были на своих местах. На платформе вокзала стоял комендант станции и какой-то чиновник, в черном пальто с золотыми пуговицами и в форменной фуражке. Комендант не обращал никакого внимания на мое присутствие:

— Ну, кажется, все готово, можно трогаться! Комендант и чиновник попрощались и чиновник, пройдя мимо меня, вошел в вагон.

— С Богом! Трогайтесь!

— Ах, черт! Стойте, стойте! Я забыл позвонить какой-то даме... Комендант крепости просил вчера об этом. Она должна была ехать с вами в Сарыкамыш.

Комендант бросается в комнату, но Завьялов кричит ему: — она здесь, здесь уже! — и соскочив с платформы подвел коменданта ко мне.

— Вот она, дама! Не беспокойтесь, — я за нее отвечаю! Это, нашего доктора Семина жена.

Комендант, смотревший недоверчиво на меня, вдруг повеселел:

— Как же! Ведь и я знаю очень хорошо доктора Семина. Так вы едете к мужу? Ну, так передайте ему от меня самый сердечный привет!

Завьялов ушел на свою платформу. Комендант помог мне войти в вагон. Мы попрощались, как давно знакомые люди. Поезд тихо, незаметно отошел от станции. В нашем вагоне были только три человека: чиновник в черном пальто, Гайдамакин и я. Была полная тишина. Я не слышала и не замечала ни шума, ни стука колес. Поезд шел тихо — бесшумно, точно крался... Чиновник и Гайдамакин сидели на противоположной стороне от станции, а я сидела у окна со стороны Карса и смотрела на давно мне знакомые места. Пустые снежные поля, над которыми повисла мгла, закрывала всю даль, как и в тот день, когда мы ехали в Карс.

Поезд шел медленно, осторожно, точно нащупывая свой путь. Мои спутники по вагону, чиновник и Гайдамакин, молчали и тоже всматривались в надвигающуюся местность. Сколько прошло времени, не знаю. Все было полно ожидания какой-то опасности... И вдруг я увидела много людей! Я еще не успела даже подумать, кто эти люди, только мелькнула мысль: турки! как услышала, что сзади меня Гайдамакин кричит и дергает меня за шубу: — Турки! Турки! Скорее ложитесь на пол!

Я оглянулась. Чиновник стоял на коленях и пригнул голову к самому полу и тоже кричал мне: — Турки! Это турки! Ложитесь на пол!

Но, прежде чем лечь на пол, я взглянула в окно; это был только один миг. Я увидела, что турки стоят большой толпой и смотрят на наш поезд, но не стреляют. Все это было так странно, что я просто забыла испуг первой минуты и продолжала смотреть. А мои спутники по вагону все еще лежали и ждали пулеметной, или хоть бы ружейной стрельбы и не поднимались с пола... Поезд продолжал идти медленно и скоро совсем остановился. Сейчас же один из наших офицеров-пулеметчиков соскочил с платформы и шел держа револьвер в руке. Увидя меня он крикнул: — Не выходите из вагона! — Подойдя к турку, который, однако, оказался нашим солдатом, он стал его что-то расспрашивать. Солдат, не вынимая рук из подмышек, и обхватив ружье крест-накрест обеими руками, что то объяснял офицеру, показывая на огромную толпу турок.

— Свои, свои! — кричу я своим спутникам. — Свои! Видите разговаривают с нашим пулеметчиком?!

— Теперь вижу, что свои! — говорит чиновник и вместе с Гайдамакиным идут к выходу из вагона.

Открыв окно я стала слушать разговор офицера с солдатом.

— Сколько же тут пленных у вас?

— Не могу знать! Не считаны еще...

— Где твой командир?

— Да он с отрядом! Преследует турок, что бежали вон за ту рощу, — солдат показывает штыком в туманную даль к лесу...

— Отчего же не отобрали оружие от пленных!?

— Да где же отбирать-то? Их здесь сколько, а нас, поди, взвода два не наберется! Только, что сгрудили их в одно место и смотрим, чтобы не разбежались куда. А винтовки сами лучше стерегут; нам не управиться со всем...

— Надо сейчас же отобрать оружие! — говорит офицер. И вслед за этим кричит: — Конвойные! Отобрать винтовки от пленных!..

Прошла минута, среди турок гул голосов и из толпы пленных вышел повидимому, турецкий офицер, подошел и положил на снег около конвойного солдата и пулеметчика шашку и револьвер и вернулся к своим солдатам. Сейчас же вслед за ним стали выходить и класть свои ружья в общую кучу и солдаты.

Но, что это? Я вижу, как один из пленных упал. И сейчас же рядом стоящий «запрегся» в его ноги, как в оглобли, оттащил его немного и стал снимать с него одежду и обувь и тут же стал надевать на себя. Вот еще один упал, и еще один! И всякий раз стоящие поблизости товарищи по оружию и по несчастью бросались к упавшему, как на добычу, оттаскивали его и бесжалостно срывали с несчастного, очевидно еще живого, одежду и обувь и все это надевали на себя. Это было так ужасно, что я отошла от окна, перешла на другую сторону вагона и стала смотреть вдаль. Сначала я смотрела далеко, туда, где был чистый белый снег. Но потом мой взгляд перешел ближе и остановился на рельсах, где лежали кучи какого-то тряпья... Я стала приглядываться... И, вдруг, ясно увидела торчавшие из снега, смешанного с кусками одежды, руки, ноги, половина головы с оскаленными зубами... Боже мой! Кто это?! Русские?! Турки? Я отошла от окна и села закрыв лицо руками, чтобы не видеть этого ужаса.

— Что с вами? — чуть дотронувшись до моей руки спросил кто-то.

Я отняла руки от лица и вижу перед собой вернувшегося в вагон чиновника.

— Посмотрите в окно, — говорю я. Он заглянул.

— Да, мы только что смотрели уже. Это остатки того поезда, который вышел из Сарыкамыша последним и был захвачен здесь турками. Они всех перебили, а трупы ограбили и раздели. В этом поезде были сестры, врачи, чиновники. Всех прикончили...

Какой ужас! Вот и меня тоже самое ожидало сегодня, не будь здесь этих вон наших солдат, прижавших крепко к животу ружья. Все мы сейчас валялись бы в общей куче, обезображенные, раздетые. Теперь только я поняла, почему все так уговаривали меня не ехать! Холод пробежал по спине и затылку, шевеля волосы на голове. Я как-то никогда не думала о смерти; в двадцать два года она кажется далеко. И кроме того, раз все умирают на войне так просто и быстро, то почему же я не могу умереть, как солдат!? Но мучения и издевательства, которые перенесли все эти валяющиеся в снегу!! Какой невыносимый ужас!!

— Сядьте подальше от окна, — говорит чиновник.

Я пересела на старое место. Завьялов увидел меня в окно и сказал: — Выходите, посмотрите пленных! Они теперь не страшны. — Потом он обратился к конвойным. — Ну! Я думаю мы вам не нужны. Вы и сами справитесь! А мы поедем дальше.

Наш поезд тронулся и медленно пошел к Сарыкамышу. Местность кругом была безлесная, холмистая, покрытая толстым слоем снега. А вот и дорога, по которой мы уезжали из Сарыкамыша в Карс. Только две недели тому назад, а мне кажется прошло много, много лет! Что меня ждет в Сарыкамыше? Но вот, стало заметно, что поезд идет на подъем. Стали попадаться кусты и небольшие деревья. Холмы становились все выше и все ближе подходили к полотну. Скоро начались и настоящие горы, покрытые огромными соснами. Особенно высок и крут был склон гор справа от нашего пути. И лес на нем был густой и могучий. И тут я опять увидела турок! Около каждой сосны, прижавшись спиной к стволу дерева, обхватив ружье руками крест-накрест, а кисти рук спрятав под мышки, стояли турки!

— Турки! Турки! Смотрите, турки! — закричала я. Но мои спутники не посоветовали ложиться на пол. И сами не легли. Они прильнули к окну и смотрели...

— Замерзли! Все замерзли... Присмотритесь внимательно, — говорит чиновник. — Вон один присел в снег, только голову, да ружье видно.

Теперь и я ясно вижу! Их всех занесло снегом. — Снег ровный, не примятый. Так около живого человека не бывает. Мы перешли на другую сторону вагона. По эту сторону полотна,

местность была более низкая и ровная. Только в некотором расстоянии от него снова поднимались холмы, уходящие в такую же чащу соснового леса. И, всюду, куда только проникал через лесную гущу глаз, стояли эти мертвые часовые!.. Все замерзли; никто не ушел!.. Потом я узнала, что такими мертвыми часовыми был полон весь лес — до самого Сарыкамыша... Многие пробрались на окраину города. Некоторые дошли до самых домов и тут замерзли. Других убили наши солдаты...

А поезд продолжал двигаться тихо и осторожно. Горы подошли с обеих сторон к самому полотну. Гигантские сосны обступили нас и закрыли небо. Мы въехали в узкое ущелье. Стало почти темно. Мне хотелось заглянуть дальше вперед, но сосны и ели закрывали узкую полосу света. Тихо! Выстрелов не слышно! Ущелье кончилось и опять стало светло. Поезд все также тихо вышел к шоссе, которое пересекает полотно недалеко от станции, и остановился. Дальше идти было нельзя. На рельсах лежали груды трупов. Целые горы их всюду по обе стороны пути. Но больше всего вдоль шоссе, там, где срезанная гора тянется далеко за вокзал. Почти до самого верха откоса навалены эти трупы: босые, окровавленные, смерзшиеся друг с другом.... Вороты у рубах и пояса штанов были растегнуты, карманы вывернуты... Ни на одном трупе не было верхней одежды...

— Кто это сделал? Кто мог успеть раздеть и ограбить тела так быстро? Вероятно сами же турки? Мы ведь видели на станции Ново-Селим, как они раздевали своих товарищей не успевших еще умереть!.. — сказала я.

— Ну, я это не думаю! — сказал чиновник в черном пальто с золотыми пуговицами. — Вернее всего это дело рук наших солдат и казаков! Это наши занимались мародерством.

К нам в вагон пришли наши пулеметчики.

— Ну как, живы? Очень напугались? Видели сколько замерзло турок?

— Да! Мороз как раз пришел к нам на помощь! Да и наши, видать, поработали не плохо: тысячи турецких трупов лежат куда ни посмотришь!

— Да! Здорово набили турка! — сказал кабардинец.

— И даже успели раздеть и ограбить! — вставляет чиновник.

Офицеры сразу возмутились: — Ну да! Ограбили! Ограбили! Когда вот такое дело сделает русский солдат, то не видят! А какой нибудь пустяк снимет с убитого, сейчас же гвалт: Грабеж! Ограбили!.. — возмущенно говорят офицеры.

— Гайдамакин, давай выходить. — Я поблагодарила, попрощалась со всеми и мы вышли из вагона.

Глава 5

Здесь солнце было горячее и не было тумана. Ниже железнодорожного полотна и вдоль дамбы горели костры, около которых казаки, сидя на корточках, жарили, нанизанное на кинжалы мясо. Когда мы поровнялись с первой группой, они обратились к Гайдамакину: — Слышь! Соль есть?! Дай малость. Хлеба нет, мясо есть! Но соли нет! Совсем дело дрянь! — сказал казак держа кинжал над костром, и поворачивая его. Нанизанное на кинжал мясо трещало и шипело.

— Нет, и у нас соли нету, — говорит Гайдамакин.

— А вы откуда, сестра, идете? — спросил казак.

— Мы только что приехали из Карса. Вон поезд стоит.

— Из Карса! — Они смотрели на нас точно на выходцев с того света.

— Слышь! Вот они только-что из Карса! — закричали казаки. И все побросали жарить мясо и стали кричать поворачиваясь в разные стороны: — Слышь! Вот приехали из Карса!..

Моментально вокруг нас образовалось кольцо. Все побросали свои костры и жареное мясо, бежали к нам и густо и тесно обступили нас.

Они все сразу спрашивали нас:

— Ну, как там? Сколько там турок? Где турки? Значит дорога открыта?! Продовольствие скоро подвезут?

— Слышь! Станичники, не ешьте мясо, подождите соли! Скоро соль привезут, — острил кто-то в толпе.

— Да, что-ж это за поезд! Сено прислали! О лошадях позаботились, а казакам есть нечего, — говорят казаки.

— А мы тут разделали турку! Видели сколько их лежит! — протягивая руку к горе говорит казак.

— А вы работать приехали в госпиталь, сестра? — Засыпали меня вопросами казаки.

— Да! Но я хочу узнать сначала, где мой муж?

— На что вам ваш муж! Вот выбирайте любова! — казак показал на стоящих вокруг меня казаков. — Сейчас под венец пойдем!

Все смеялись, показывая белые, крепкие зубы. К нам подошел какой-то казачий офицер. Все расступились, показывая на меня:

— Вот! Только-что приехали из Карса!

Офицер был немолодой стройный, с перетянутой узким кавказским ремешком талией, с папахой, заломленной немного назад.

— Эй! Откуда это сестра здесь взялась!? — улыбаясь и сверкая черными глазами, спросил полковник (у него на плечах были полковничьи погоны).

— Приехала из Карса! Иду к мужу, — невольно сама улыбаясь этим мужественным воинам, сказала я.

— Где ваш муж?

— Не знаю, должен быть где-то здесь!

— Какого полка?

— Да он, не офицер.

— Кто же он у вас?

— Доктор!

Сразу все стали серьезными.

— Ну, идите скорее; не станем задерживать вас. Да я лучше сам провожу вас.

— Спасибо, у меня есть свой телохранитель.

— Ну где ему, он так нагружен, что не сможет отбить атаку.

Мы пошли вместе. По дороге, полковник рассказывал как они «разделали» турка. Он вывел нас с дамбы на главную улицу, пожелал благополучного пути и мы расстались. Эти пожелания «благополучного пути» были очень кстати. Вся улица была запружена подводами, ехавшими в обе стороны, всадниками, вьючными лошадьми и массой пеших солдат и казаков, шедших во все стороны. Никто не соблюдал правил уличной езды, каждый ехал, как и куда хотел. Ругательства летели со всех сторон, самые отборные, «изысканные», по отношению друг друга. Какой-то офицер старался, хоть как нибудь, навести порядок, и принимал оживленное участие, в этой отборной словесной перестерлке. Нас скоро прижали к самому забору, где, когда-то были лавочки, бойко торговавшие всякой мелочью. Теперь от них не осталось даже и следа. Около нас стоял солдат, гнавший трех осликов, навьюченных мешками. Этих осликов почти не было видно под их грузом. И осликов и гнавшего их солдата так прижали к забору, что они не могли двинуться ни назад, ни вперед. Тонкие ножки их ушли в снег до самого брюха...

— Разгружать придется! — сокрушенно говорит солдат; — так не выберутся! Совсем утонули в снегу! Земляк! Помоги

поднять ишаков, — обратился он к шедшим мимо солдатам. Но те только смеются и сами едва вытаскивают ноги из снега, стараясь пробраться дальше. А снег, как песок сыпучий, размолотый обозами до самого грунта был серо-красный. В нем застревали колеса, вязли лошадиные ноги, да и люди с трудом могли двигаться.

— Барыня, идемте «посередке»! А то мы до ночи тут простоим! Вон господин прапорщик стоит «посередке» и распоряжается, — сказал Гайдамакин.

Мы шагнули в этот сыпучий, серо-красный снег и сразу ноги ушли до колена. Я сделала несколько шагов, с трудом вытаскивая то одну, то другую ногу.

— Нет, не могу идти дальше! Идем назад, к забору. — Но место откуда мы только что отошли, было уже занято подводами и мы очутились среди колес и лошадиных ног. Над моей головой я почувствовала лошадиную морду. Она тяжело дышала, обдавая меня теплым паром. Я чувствовала, что еще шаг и лошадь меня сомнет, а обозные колеса проедут по мне и погребут в глубоком снегу!

— Ей! Слышь земляк! Попридержи трошки лошадей! Видишь, «сестра милосердная» завязла в снегу! — закричал Гайдамакин, держась рукой за дышло...

Мы теперь не могли никуда податься и стояли беспомощно под лошадиными мордами, почти прижатые ими к задку большого обозного фургона. Справа стал двигаться ряд двуколок. Слева торчало дышло!..

— Эх! Ну и народ! Вот бы нашего барина сюда! Враз бы все нашли свою дорогу! А это что?! Разве это люди с понятиями!? — подбодряюще говорит Гайдамакин.

Как трудно стоять в этом сыпучем снегу, когда ноги глубоко вошли в него! А тут еще эти лошадиные морды дышут со всех сторон на меня!

— Стой, дьявол! Куды лезешь! Видишь сестра не может никуда податься! — кричит Гайдамакин.

— Левая сторона трогайся! — кричит офицер. Но в это время один из возчиков, у которого в большом обозном фургоне были запряжены в дышло две лошади, повернул почти поперек своей линии, остановив все движение!

— Эй! Раздавлю ведь вас, сестрица! — весело кричит солдат с фургона. — Полезайте сюда! А ты, эй там, осади своих маленько! Вишь сестрица погибает! Дабайте руку сестра! — И точно из колодца вытягивает меня на свет Божий! Гайдама-

кин подал на подводу мешки и корзинки, влез сам и облегченно сказал:

— Ну, теперь хоть не раздавят! А к ночи как нибудь и до дома доберемся!

— Доберемся! — уверенно вторит ему возница. — Вот только тут очистится, так и поедем помаленьку.

— Ты, что там стал посередь дороги, отдыхать собрался что ли?.. — раздалось со всех сторон. Но и мы теперь тоже не могли двинуться дальше. И долго еще стояли. Мне было теперь все равно. Хоть год стой, я не слезу с фургона! Ни за что...

— А что ты везешь? — спросила я своего возницу.

— Да продовольствие для госпиталя...

Наконец, тронулись! Мой возница сразу стал забирать все правее и скоро перегородил всем дорогу. Опять сзади послышались ругательства! — Куды ты, дурья твоя голова, воротишь!? — Но наш солдат молча хлещет кнутом лошадей, дергает вожжами, чмокает и старается попасть в новую линию. А ехавшие сзади нас не хотели уступать свое место. Они тоже хлестали лошадей, ругались. Крик, лязг цепей, стук дышел и колес оглушили совсем. Но зато мы в новой линии и недалеко от нашего переулка.

— Спасибо, что выручил нас! Теперь нам недалеко! Вон и наша улица. А здорово тебя изругали земляки!

— Пущай ругаются. Что вам до ночи сидеть здесь? А нам спешить некуда...

—Стой! Мы слезем здесь. — Гайдамакин соскочил на снег, стянул мешки и узлы, и помог слезть мне.

— Гайдамакин, дай ему денег. — Но солдат стал решительно отказываться.

— «Пошто» мне давать деньги-то? Мне их ненадо! Я справляю свою службу. Ну, а вы значит, сестра для раненых! Как же вас не подвезти!?..

Вот и опять мы на нашей улице, тихой и спокойной! Сейчас же бросились в глаза валявшиеся поломанные фургоны, перевернутые двуколки, какие-то бревна, поваленные забор и двери ближайшего домика, солома и много тряпок.

А вон и наш, маленький домик! Стоит цел и невредим! Иду впереди; Гайдамакин отстал, под тяжестью мешков и корзин. Вхожу во двор. Никого! Посреди него — санитарные двуколки!! Я вбегаю в сени и быстро открываю дверь в столовую... И первого, кого я вижу, — мой Ваня!!.. В углу, где до моего бегства стоял ящик с коньяком, сидит он и на коленях у него черный щенок, которого он нежно гладит. Над столом горела

все та же висячая лампа. Окна завешены одеялами. Все это я заметила в один миг.

— Ваня!! — крикнула я. Он так быстро вскочил, что я слышала, как шлепнулся щенок о пол. — Ваня! Родной мой! — И плачу от счастья и радости... Сразу забыто все пережитое! Он тут! Прижимает меня к своей груди, целует мою голову. И, вдруг, отвел мою голову в сторону и посмотрел на меня...

— Откуда ты взялась? Каким образом очутилась ты здесь?!

В это время вошел Гайдамакин с мешками и узлами.

— Вот и он! Здравствуй Гайдамакин! — сказал муж. — Беженцы вернулись! А знаете ли вы, что здесь нечего есть?! И самого главного — совершенно нет хлеба!..

— Ну, это не такая уже большая беда... Посмотри сколько мы всего привезли!

— Вот это умно, что закупили много еды!

— А ты нашел спрятанную под полом еду? (Хотя я сразу увидела на столе самовар).

— О, да! Мои санитары сразу все разыскали! И очень ты хорошо это сделала, что оставила еду здесь. Без этого мне нечем было бы питаться. Здесь ничего нельзя получить. Ведь идиотство какое! Все побросали здесь! А хлебопекарни вывезли из Сарыкамыша. Вся армия осталась без хлеба! Его выдают по полфунта на человека!..

— А когда ты вернулся сюда? Я ждала! Ждала тебя! Турки пришли! А тебя все нет.

— Ну, знаешь, полная глупость получилась с твоим бегством. Ты уехала утром, а я приехал с транспортом в четыре часа после обеда! Я был уверен, что ты здесь. Приезжаю — двери открыты, в комнатах полный разгром! Нет ни тебя, ни вещей! Пошел в команду, там то же самое, ни людей, ни лошадей, ни неприкосновенного запаса! Видно, что люди бежали! Но куда и зачем? Пошел в штаб узнать в чем дело. Один из адъютантов рассказал мне, как ты стояла на площади под обстрелом турецкой батареи... А мой транспорт и поработал! Больше всех других мы вывезли раненых за эти дни! Младший врач удрал. Да и черт с ним, с трусом! Он за эту поездку даже похудел! Повидимому он давно уже хлопотал о переводе на теплое, спокойное место в тыл.

— Вот тоже мерзавцы сидят у нас в окружном медицинском управлении! — вдруг загорячился муж. — Я только одного не понимаю: взятки ли действуют там, или протекция? Но только все это сплошная мерзость! Прислали ко мне этого Штровмана, недавно приехавшего из Германии. Казалось бы никому неизвестного. Но нет, весь тыл стал хлопотать, чтобы уст-

роить его на приятное для него место. И в самый разгар работы он уезжает. Переведен в Самару, в запасный госпиталь! Ну, черт с ним! Я не плачу о нем! Но мне пришлось ведь из-за него работать за двоих все время. И не это, конечно, важно! А преступно то, что там где должны были бы работать два врача, — работал один! Ведь руки-то у меня только две... И ведь окружное управление знало положение в Сарыкамыше и тем не менее ему разрешили уехать отсюда!?.. Ну, еще раз, черт с ним. Лучше расскажи о себе — где ты была, что делала и как удирала от турок?

Я рассказала все, в том числе и то, как мы чуть не попали в плен. Муж ходил по комнате, курил не вынимая папиросы изо рта и пускал густые клубы дыма, нагнув голову, засунув руки за пояс, и молчал.

— Да! Могли бы быть в плену сейчас! Даже не в плену, а гораздо хуже — просто убили бы всех вас. Это все штаб со страху наделал столько глупостей. Они там так перетрусили, что и сами бежали из Сарыкамыша. На позиции люди гораздо спокойнее: бьют турок, да и только. Никакой паники. Панику разводят в тылу, в штабах. А видела сколько всюду убитых турок лежит? Это еще самая небольшая часть их. А сколько на горе, в лесу, за Сарыкамышем! Всюду!.. Турки ведь обошли город выше Сарыкамыша и даже вошли в него со стороны Карса и дошли до госпиталя, чтобы отрезать путь отступления нашим на Кагызманскую дорогу. Они, то есть турки, думали, что наши войска будут искать спасение в отступлении! Но они жестоко ошиблись! Наши дрались, как львы! Всюду, куда только они не проникали, их уничтожали. А мороз тоже делал свое дело — приканчивал их. Вот я покажу тебе место на нашей улице, около госпиталя, где турки забрались на сосну, подняли туда пулемет и обстреливали тех, кто искал спасения в бегстве, желая воспользоваться Кагызманской дорогой. Но это были только одиночки, потерявшие со страху рассудок и погибли все от турецких пуль. Главный прорыв турок был около вокзала! Ты представь себе! А ведь вокзальное здание было в это время переполнено нашими ранеными! От вокзала турки хлынули на дамбу и ворвались даже на главную улицу. Затем часть их проникла и в боковые переулки и даже до нашей улицы. Бывшие там отдельные группы солдат и казаков бросились бежать крича — «Все пропало! Спасайся, кто может!» Конечно, это было ужасно и на моих санитаров это подействовало панически! Они тоже бросились бы бежать, если бы не я. Я приказал своим санитарам строить заграждение у входа в нашу улицу. А всех бежавших мимо останавливал с револьвером в руке

и заставлял помогать строить укрепление. Не все, конечно, меня слушались. Многие продолжали в панике бежать наверх к госпиталю. Но там-то они и находили свою смерть. Два турка с пулеметом забрались на сосну около госпиталя и обстреливали каждого, кто появлялся на улице. Долго никто не мог догадаться откуда они стреляют. Таким образом погибло много наших. Только через два-три дня их, наконец, заметили и сразу сняли выстрелами. А пулемет и сейчас еще стоит на сосне.

— Два дня шла повсюду адская стрельба. Мой транспорт и носу не мог показать никуда. Не вызывали! Да впрочем некуда было и ехать за ранеными. Вокзал под обстрелом. На дамбе шел непрерывный бой. То турки прорвутся и бегут в город, сокрушая все на своем пути! То наши их гонят и бьют штыками, гранатами, пока хоть один турок оставался живым. Так и переходила дамба из рук в руки поочередно! А раненые тут же и замерзали, — наши и турки. А на горе, над вокзалом, бои продолжались все время! Раненые сами скатывались оттуда вниз к вокзалу, где им оказывалась первая помощь полковыми врачами. Но немногие доходили, вернее доползали до здания. Скатится с горы-то, а до самого здания доползти уже нет сил. И тут же замерзают! Сколько мы за это время таких подобрали! Мертвых уже! Тяжело и больно смотреть на них. Во всем както обвиняешь себя в таком случае; и думаешь, что что-то упустил, не сделал так, как бы нужно было! Да где там? Ад был! Но как только явилась маленькая возможность я со своим транспортом бросился к вокзалу, и уж мы там работали день и ночь. Забыли и об еде и о сне!..

— Но, постой! Я расскажу сначала, как мы защищали нашу улицу. С помощью моих санитаров и задержанных пластунов мы стащили фургоны, хозяйственные двуколки, повалили телеграфные столбы, заборы, и даже вырвали двери из домов и все это навалили у входа на нашу улицу. И из-за этой баррикады стали отстреливаться от наседавших турок. Но сколько они не наседали на нас, а прорваться ни один, все же, не смог! Мы их целую гору набили! У нас самих было только несколько легкораненых. Пока повсюду шел, и за городом, и на горах, и в нем самом, смертельный бой за обладание Сарыкамышем, раненых на вокзале набралось несколько тысяч. Только умерших выносили и тут же около здания складывали.

— Как ты с транспортом попал домой? Я ждала тебя. Но меня насильно заставили выехать из Сарыкамыша в Карс. Тоже с приключениями. Расскажу потом. А теперь дай еще посмотреть на тебя! Видишь! Самовар на столе, а мы и не заметили, как его подали. Но, что это? Выбиты окна?!

— Это турки выбили шрапнелью. Почему-то они решили, что в этом маленьком домике помещается штаб. И давай его обстреливать. Выбили окна, искалечили санитарные двуколки, ранили шесть лошадей. Вот я подобрал в нашем дворе эти два стакана от разорвавшихся снарядов. Пошлю их домой. Пускай стоят у меня на столе на память.

— Ваня! Ведь эти шрапнели могли попасть в тебя?!

— Эх, Тинушка, моя родная! Кто на войне думает о смерти? Сегодня жив и отлично! Курю, вижу тебя! А что будет завтра — никому неизвестно!..

— Ну, расскажи теперь о приключениях транспорта!

— Хорошо! Помнишь, я получил телефонограмму с Зивинских позиций? Приехали мы туда благополучно и оказалось, как я и говорил, что вызвал нас Кабардинский полк. Я узнал от старшего врача, что раненых гораздо больше, чем может поднять транспорт. И там же я узнал, что турки сильно наседают на позиции полка. Утром следующего дня, пока команда пила чай, я пошел на перевязочный пункт узнать, когда мы можем начать погрузку раненых. Только я пришел старший врач говорит: — Скорее берите раненых сколько сможете! Полк отходит с позиции! Я пошел в транспорт и приказал немедленно запрягать лошадей, подавать двуколки к перевязочному пункту и грузить раненых. Я видел, что всех мы не сможем взять! Стали нагружать. Сначала клали нормально. Потом стали класть добавочных. А раненых все еще много. Приказал класть и в мою двуколку. И все же раненых было еще много. Тогда я приказал сажать и на сидения кучеров и на хозяйственные двуколки, тех, кто хотя и не тяжело ранен, но сам идти не может. Легко раненые шли, держась за двуколку. Некоторых санитары вели под руку. Конечно, транспорту пришлось идти все время шагом. Несмотря на это, еще оставались раненые, для которых уже не оставалось никакого места! И не считаясь ни с лошадьми, ни с двуколками... разместили всех!.. Правда, вся команда, писаря и я с доктором Штровманом, все мы шли пешком всю дорогу, как и некоторые легко раненые. Зато не оставили ни одного раненого на пункте!! Как только закончили погрузку сразу тронулись в обратный путь. Но не успел еще транспорт и вытянуться на дорогу, как нас остановили. Из полка прислали сказать, что Сарыкамыш занят турками, и что полк спешно идет туда. А мне командир полка приказывает снять раненых с двуколок, а на транспорт посадить солдат, сколько только возможно поместить и гнать в Сарыкамышу. На это я решительно заявил, что раненых НЕ сниму и транспорта под здоровых солдат не дам!! Мне стали угрожать судом за неисполнение военного приказа.

Но я сказал, что вверенный мне санитарный транспорт предназначен для перевозки раненых, но не войск! И транспорт я отстоял! И раненых в Сарыкамыш привез! Мы выехали из Зивина и потихоньку направились к Сарыкамышу. По дороге нас догнал Кабардинский полк. Пришлось съехать с дороги, чтобы пропустить его. Знакомые офицеры кричали мне: «Молодец, доктор! Сумели отстоять свои права! Не бросили раненых!» И просили не бросать отставших слабых солдат. А когда проходила шестнадцатая рота капитана Ваксмана, то он умолял меня не оставлять без помощи ни одного человека из его роты. И я это делал, пока была хоть какая нибудь возможность посадить. Сажали, главным образом тех, которые падали без чувств. Если их не поднять сразу же, то они замерзали. Но чем ближе к Сарыкамышу, тем больше отставших солдат, а на двуколках не было уже решительно никакого места, да и лошади от усталости и голода едва шли.

— В первый день похода полк делал только короткие привалы и шел весь день. И всякий раз после привала, на снегу оставались сидеть солдаты. Товарищи их с трудом поднимали и вели дальше под руки. Но ночью, после первого же привала, оставшихся на снегу стало очень много и поднять их не было никакой возможности! Приходилось класть их на двуколку, как мертвых. Но полежав и отдохнув они приходили в себя и снова шли. Последнее утро перед Сарыкамышем полк совсем не отдыхал. Офицеры боялись, что не смогут поднять солдат. Зато теперь отставших было больше. Вдоль всей дороги по обе стороны, а то и посреди нее сидели и лежали совершенно ослабевшие солдаты. И это, кажется, было самое страшное и тяжелое для меня. Они были живы, но не было никакой возможности поднять их на ноги. Что я ни делал, да и санитары мои и все, кто мог идти сам и мыслить еще, хоть немного, — старались помочь упавшим солдатам. Я уговаривал, ругал, тащил за руку, ничего не помогало. Усталось была сильнее смерти! Люди перестали соображать и хоть малейшему усилию с их стороны — предпочитали смерть... Старые солдаты, более крепкие и закаленные, помогали поддерживать слабых молодых солдат. Но к концу пути и они сами выбились из сил и не могли уже поддерживать других. Многие шли обнявшись по несколько человек, поддерживая друг друга. Некоторые несли по несколько ружей ослабевших своих товарищей. Но даже и тут, в такие минуты, слышен был смех и подбадривающие шутки... Солдат едва идет — шатается. И вдруг споткнется и упадет! А товарищи поднимают его под руки. — Ты что, земляк! Вставай, вставай! Идем до турка. Недалеко уже, а там отдохнешь! — Я видел, как офицеры

сами шатались как пьяные и шли опираясь на ружье. Но ни один из них не отстал. А на привалах они первые вставали, ободряя и поддерживая солдат, а некоторые брали под руку и вели слабых. На привалах никто не ел! А весь полк сразу ложился. Даже не курили! Последний привал был прямо жутким! Когда офицеры скомандовали — «вставай!», то команду исполнили только единичные люди. Остальные лежали не шевелясь! Пришлось пустить в ход грубую силу.

— Вот, расскажу тебе, что я сам видел. Если бы не фельдфебеля, так офицеры и половины солдат не довели бы до Сарыкамыша. Без фельдфебелей офицеры не могли бы держать в таком порядке такую массу солдат! Для офицеров — фельдфебель незаменимый помощник, а для солдат — прямо отец родной. Он знает солдата своей роты, как мать своих детей. Да и не только, как солдата в роте, а он знает и семейную жизнь каждого из них. И из какой он деревни, сколько у него дома коров, лошадей, какой был урожай в прошлом году... Когда солдаты ослабели и стали отставать, фельдфебель, каждого называл по имени и старался подбодрить, поддержать под руку, или возьмет его ружье и сам несет. Но, когда солдат падал и видно было, что он не встанет больше никогда, то фельдфебель глубоко страдал... Упавшие замерзали почти моментально; а помочь им было совершенно невозможно! У каждого оставалось силы только на то, чтобы самому не свалиться на дороге навсегда... Ах! Как я был в душе рад, что ты на этот раз не поехала со мной. Мне, привычному человеку, невыносимо тяжело было смотреть на этих здоровых, не раненых людей, но беспомощно умирающих на глазах у нас, совершенно бессильных помочь им! Я ведь знал, что только отъедешь от них и они замерзнут! Но, что я мог сделать?! Лошади едва тащили свою двуколку, на которой не было ни одного свободного места! Полк давно нас перегнал и ушел далеко вперед... Сначала я оглядывался, не встал ли кто нибудь и не идет ли. Но потом не стал: жутко видеть серые бугорки по всей дороге...

— Когда транспорт подходил к Сарыкамышу, то в нескольких верстах от него я нагнал полк опять. Меня остановили и сказали, что транспорт идти дальше не может, что вокзал в Сарыкамыше занят турками и вся местность находится под их обстрелом. Потом сообщили, что хотя самый вокзал и не занят, но находится под сильным обстрелом с гор и проезда нет. Все же я попытался продвинуться несколько вперед и мог уже сам осмотреть всю местность. Я увидел, что транспорту придется дальше идти по совершенно открытой местности, на виду и под обстрелом турок! Но у меня не было никакого выхода!

Я знал, что если оставить раненых еще на одну ночь в двуколках, то они все замерзнут! И теперь уже добрая половина была обмороженных, но все же они еще были живы... Кабардинцы, рота за ротой, поднимались по глубокому снегу куда-то влево от дороги в гору. Где-то далеко уже слышно было их «ура»! А те роты, которые были еще вблизи от нас на дороге, сразу преображались при этом крике... Странное дело! Пять минут тому назад эти самые солдаты были толпой едва передвигавших ноги усталых людей. Но как только донеслось до них это далекое и могучее «ура» и как только в ответ на это «ура» раздалась команда «вперед», я увидел перед собой совершенно других людей — настоящих боевых солдат! Все точно ожили! Сразу весь полк потянулся в гору, забирая все левее. Стрельба впереди стала сильнее. Солдаты говорят: «Это турки стреляют! Значит наши дошли до них и атакуют их»!! Когда кабардинцы очистили дорогу, мы еще продвинулись немного вперед к Сарыкамышу. Турки, отвлеченные наступлением кабардинцев, ослабили обстрел Сарыкамыша. Я воспользовался этим относительным затишьем и выбрав подходящее место, начал переправу через реку по льду, занесенному глубоким снегом. До противоположного берега мы добрались благополучно, никто не был ранен. Это было между Елизаветпольскими казармами и возвышенностью на которой стоит полковая церковь. Но противоположный берег оказался так крут и высок, что лошади никак на него взобраться не могли. И не только с ранеными, а и без двуколки не взобрались бы. А турки обратили внимание на множество людей и большой обоз. И давай обстреливать! К счастью стало темнеть и никого не ранили и не убили. Я моментально приказал своим санитарам сгладить этот крутой обрыв. Кое-кто из проходящих солдат стал нам помогать. У нас в двуколках всегда есть с собой лопаты и топоры. Подгоняемые стрельбой все работали, как дьяволы. И скоро мы могли попробовать втащить на руках первую двуколку; лошади не брали никак! Первую втащили с большим трудом (конечно, вместе с ранеными). Вторая, третья, а потом пошло совсем хорошо! Скат, с каждой двуколкой становился все более пологим. Потом попробовали запрячь по четыре лошади в двуколку. Стали и лошади брать, хотя, конечно, люди помогали со всех сторон. Вся эта переправа заняла много часов. Было уже совершенно темно, но зато все двуколки были уже на стороне Сарыкамыша и все раненые были в безопасности и от замерзания и от турецких пуль! Было уже совершенно темно, когда мы подъехали к госпиталю, надеясь сдать, наконец, измученных раненых в теплое помещение. Несмотря на страшную усталось, я сам поехал с ранеными в гос-

питаль. Я знал, что мои санитары так же устали, едва на ногах держались. А тут еще им нужно несколько сот человек выгрузить, а половину из них перенести на руках! Едем прямо в госпиталь к Павловскому. Приезжаем туда, — темно!! Иду к подъезду, открываю дверь в вестибюль. — Темно! И полная тишина! Ни души! Иду по коридору, кричу во весь голос, зову хоть бы кого нибудь! Никого! Пришли подпрапорщик и доктор Штровман. Послал их искать по всему зданию: — Поищите хорошенько! Может быть спрятались со страху куда нибудь... Ни одной души не нашли и они! Все пусто и брошено!.. Если бы ты знала, как я ругался! Расстрелять мало такого мерзавца — главного врача! Бросить госпиталь! И со всем персоналом удрать, спасая свою шкуру!!

— Да, родной, я с этим персоналом работала в Карсе. Они сами оказались брошенными своим начальством. Доктор Павловский удрал прямо в Тифлис! Будто бы за инструкциями!

— Дать ему ружье в руки и послать его, каналью, на позицию! Вот инструкция для такого типа! — с несвойственной ему злобой, сказал муж. — Да я и выгрузил бы там раненых и мы сделали бы все сами. Но здание так нахолодело, что снова согреть его нужно много часов, а то и за сутки не натопишь! А полузамерзших, едва живых людей помещать в холодное помещение было бы преступлением! Я решил ехать в другой госпиталь. Слава Богу, ведь здесь их — двенадцать было! Едем! Опять скрипят колеса по скованному морозом снегу! Темно! На горе над вокзалом зарево и трескотня ружейной и пулеметной стрельбы. Руки и ноги начинают мерзнуть. Ресницы и усы покрылись инеем. Хочется и мне в тепло! Устал и я! Иду рядом с двуколками, из которых не слышно ни стонов, ни криков, ни разговора! «Мертвый транспорт»!..

— Я даже забыл о тебе, моя Тиночка! Ведь я знал, что ты ждешь меня и волнуешься! Да и от госпиталя до нашего домика было недалеко. Но я не мог бросить полуживых людей. Хотелось скорее поместить их в тепло. Едем к одному госпиталю: — темно! Заходим в здание — холодно и никого нет. Едем к другому. То же самое! Посылаю узнать где персонал? Посланный возвращается: — никого нет! Помещение холодное; нигде ни души! Везде холод, — не топлено! Понимаешь ли?! — Ни в ОДНОМ госпитале НИКОГО! Бежали все!! — Армия, ведущая отчаянное сражение, оставлена без медицинской помощи, без госпиталей!!.. Надо было, что-то делать, чтобы выйти из отчаянного положения и как-нибудь спасти и устроить наших раненых! Некоторые госпитали занимали двухъэтажные кирпич-

ные дома в которых раньше были офицерские квартиры. Это все казенные здания. Дома были не большие, но со всеми удобствами и очень чистые. Вот, в один из таких брошенных домов госпиталя я и приказал выносить раненых. Сейчас же затопили печи. Я сказал подпрапорщику, чтобы варили как можно больше супу. И клали бы больше мяса в котел. Ведь два дня никто не ел ничего горячего! Скоро и в комнатах стало теплее. Тогда я решил сходить домой, узнать что с тобой и успокоить тебя. Но, Ткаченко говорит: — пожалуйте! Ваша двуколка освободилась!

— Подъезжаю к нашему дому, — темно! Иду в дом; двери открыты, нигде ни души! Кричу тебя, — полная тишина! Никого нет! Все бежали!

— Шибко видно все перепужались! Страшно! Как не как, а турка неприятель ведь! Не усидишь, небось! Все поуехали! Ну и наша барыня тоже, конечно, с другими...

Да, видно паника была тут большая, раз госпитали побросали и все бежали! Поехал в штаб. Там тоже у всех растерянный вид. Настроение нервное, напряженное. Несколько раз пытался выяснить свои затруднения, что привез несколько сот раненых, а в госпиталях нет персонала. Меня не дослушают и говорят: — вон расскажите полковнику! — Начну снова объяснять положение вещей этому полковнику, а он посылает к кому нибудь третьему... Наконец, удалось заставить какого-то адъютанта выслушать меня до конца.

— Да, да! Мы вынуждены были все, что только возможно, вывезти из Сарыкамыша!..

— Хорошо! Но, как же мне быть с ранеными?! Помещения не топлены! Ни еды, ни медицинской помощи нет совершенно никакой!!

— Не знаю! Да удержим ли мы еще турок?! Может быть придется и остальное все бросить, а самим уходить куда возможно будет!..

— Потом он же рассказал мне, как он заставил тебя уехать из Сарыкамыша. Правда, у меня тревога за тебя как-то отлегла и сразу стало легче на сердце. Теперь, значит, можно все свое внимание отдать целиком раненым, которые оказались на моем попечении. Было уже поздно, когда я из штаба поехал прямо в госпиталь. Помощи не откуда было больше ждать. Надо было самому приниматься за устройство раненых, оказавшихся на моих руках. Приезжаю в госпиталь. Подпрапорщик говорит, что обед готов, сейчас раздавать будем. И в помещении тепло. Потом вдруг мне сообщают, что пришли несколько человек сани-

таров и два врача этого госпиталя... Это прямо подарок с неба! Я сейчас же пошел разыскал их и познакомился с врачами. Они рассказали, что панику развел сам штаб. Никто и не думал бросать госпиталя. Но из штаба сообщили, что они не гарантируют безопасности и, что благоразумие требует, чтобы все выехали. Началась паника. Запрягали лошадей в фургоны, в хозяйственные двуколки и все желающие уехали.

— А вы почему же не уехали со всеми? — спросил я их.

— Да, черт возьми! В конце-то концов мы, мужчины, призваны помогать и защищать Родину. И вдруг, при первых же выстрелах, бежать! Просто нелепость какая-то! Ну вот мы вдвоем и остались. Да санитары, как верные солдаты, посовестились нас бросить и тоже стались с нами! И любопытство нас одолело большое! Целый день мы торчали на улице и смотрели, что делают турки на горе. Ведь война! Настроение приподнятое! Хотели даже взять винтовки и идти на защиту Сарыкамыша! Но подумали о раненых; ведь если и нас убьют, то кто же будет перевязывать их? Но на вокзал мы никак не могли пробраться. Вот мы тут и остались. К вечеру стало довольно жутко. Нигде ни души живой! Улицы пусты, здания брошены. А на горе бой. И неизвестно где наши, где турки? Когда совсем стемнело, слышим шум и большое движение на улице. Санитары кричат — турки! Ну, мы в подвал и спрятались. Потом слышим, что как будто родная — русская речь.? Сделали вылазку и, когда убедились, что это свои, сейчас же вышли.

— А откуда эти раненые? Не с вокзала? — спросил меня молодой врач.

— Нет, не с вокзала. Я их два дня и две ночи вез сюда с позиции от Зивина...

— Передав врачам раненых я хотел ехать домой, но вспомнил, что дом разорен, темно, холодно и нет никакой еды. А тут стали раздавать раненым суп! Его аппетитный запах еще больше обострил чувство голода и в пустом желудке жгло. Галкин предложил мне тарелку супа из общего котла.

— Хватит ли еще для всех — сказал я больше для приличия.

— Как не хватит! Варили-то ведь для всех, и раненых, и здоровых!

— Наконец дали и мне тарелку супа! Это была первая еда за целые сутки у всех! Этак после холода попасть в тепло, да еще съесть тарелку горячего супа! Жизнь сразу показалась прекрасной, но не надолго! Сон стал решительно меня одолевать. Ведь почти четыре ночи мы не спали ни минуты! Как я тебе

говорил транспорт шел в хвосте кабардинцев. А они шли так быстро, что лошади едва поспевали за ними. Офицеры шутя, конечно, кричат мне: — Не отставай, доктор! Подтянись! — Двое суток шел полк и ни одного часу не спали. Остановится на час, не разводя костров, при таком-то морозе, пожуют хлеба, покурят, поднимаются и снова идут... Последний день и этого не делали. Офицеры говорили: — только сядь, и половины не поднимешь, хоть стреляй в них. — За пять минут перед тем, как командир полка скомандовал в атаку на гору, это был полк мертвых людей, а не солдат. Но, как только он скомандовал: — Полк! С Богом, за мной! Ура! — Так эти же солдаты стали перегонять друг друга! Даже командира полка на лошади перегнали! Карабкались по глубокому снегу! Я тебе скажу это русское УРА — прямо чудо!

— Ну, поел я супу, а ехать сюда мне не хотелось. Один из новых врачей предложил мне переночевать у него в комнате, — мы их тоже накормили. Я так устал, что сразу согласился! А они всю ночь работали, перевязывали раненых. Утром я уехал к себе сюда. Мои санитары тоже отдохнули, поспали на своих сенниках. Они мне натопили печи в комнатах и привели квартиру в жилой вид. Кто-то из них же додумался, что вы не могли взять с собой все вещи и припасы. После некоторого размышления решили поднять половицы и посмотреть нет ли чего под полом. Так и оказалось! Там они нашли все нужное для меня! Потом пошел посмотреть, что делают турки. Видно было, как они перебегали по горе и часто падали. Но к вечеру дело стало хуже. Турки катились с горы волна за волной. Многие уже бежали по дамбе к городу. Этих кончали раньше, чем они добегали до города. Но панику они навели на слабые души большую. Мои санитары были все время со мной. Я их вооружил еще когда мы ехали сюда. Они подбирали у упавших солдат винтовки и патронташи полные патронов. Скоро из переулка появились одиночные казаки, бежавшие с криком «спасайся, кто может!». Мы их всех задержали и старались успокоить. Спрашиваю: — Где ваше оружие? — А они спорить стали со мной: — Да какое оружие, когда турки по пятам за нами бегут! — Тут я их, как полагается, обложил по военному времени! Говорю им, что мы будем защищаться. Но они спорят и норовят удрать. Тогда я им пригрозил револьвером. Они моментально подчинились, сами сделали вылазку за брошенными винтовками и присоединились к нам. Позже, к вечеру, в нашу улицу ворвалась группа солдат и казаков, а за ними турецкие солдаты, стрелявшие куда попало. Мой отряд моментально открыл огонь по туркам. Кстати, нечаянно, ранили своего, но турки были отбиты с боль-

шими потерями и рассеяны. Так мы эту позицию занимали всю ночь и весь следующий день, не пропуская турок проникнуть в нашу улицу и занять единственную дорогу соединяющую нас с тылом. Вечером я получил приказание во что бы то ни стало вывозить, или выносить на руках раненых с вокзала. Такой же приказ получили и другие транспорты. Я попробовал пустить двуколки. Но было очень опасно, пули летели, как пчелы. Тогда я поехал по той же дороге, по которой вчера пришел транспорт сюда. Мы переехали реку и завернули под обрыв, около вокзала. Там мы вскарабкались на почти отвесный, обледенелый скат горы и добрались, наконец, до вокзала. Пули здесь летели еще сильнее. Но мы не обращали на них никакого внимания. Когда я открыл дверь в вокзальное помещение, то невольно отшатнулся. Боже мой, что там было! Раненые лежали повсюду. Не было свободного вершка на полу. На столах, на которых раньше обедали и пили чай, теперь перевязывали раненых. Там были врачи, фельдшера и санитары от всех войсковых частей. От испарений, крови и нечистот стояла такая вонь, что первое время я не мог оставаться внутри. Все четыре санитарных транспорта работали день и ночь, вывозя раненых. Заполнили ими все госпитали. В госпиталь, брошенный доктором Платовским свезли больше трех тысяч раненых и обмороженных. А работали там всего три врача и одна сестра, которая во время бегства всего их госпиталя, спряталась, а когда стали привозить раненых, вышла из своего убежища и пришла работать.

— А откуда же эти три врача?

— А с вокзала! Мы же их освободили от раненых. Там остались несколько врачей. Первый день мы раненых спускали на руках по скату от вокзала и клали на двуколки и везли в госпиталь по той кружной дороге, по которой я привел транспорт. Это большой круг и много брало времени, но зато этот путь был более безопасным. Возили раненых всю ночь и весь следующий день. И все же их еще было много. Теперь уже были все госпитали полны. Врачей не хватало; сестер нет почти совсем. Немногочисленные санитары окончательно сбились с ног. Но хуже всего обстояло дело с едой. В Сарыкамыше не было ни хлеба, ни круп. Вообще ничего! Раненые умирают! Мои санитары могли отдыхать только, когда лошади ели свой фураж. Так все и шло до тех пор, пока мы не вывезли всех раненых с вокзала. Положим, мы и сейчас оттуда берем раненых. Это ведь главный перевязочный пункт. В одну из ночей, когда перевозили раненых, один из моих санитаров страшно уставши, решил поспать. Когда разгрузили двуколку он задер-

жался в госпитале, а возница не стал его ждать и уехал опять на вокзал за ранеными. Санитар выждал когда двуколка уехала и стал искать место где можно было бы заснуть. Видит во дворе госпиталя стоит небольшое здание. Он решил, что это как раз то, что ему нужно (он думал, что это баня). Вошел туда, открыл двери — Ага! Тут уже много народу спит! — Лег, завернулся в шинель и прижался поближе к одному из спящих и заснул сразу, как убитый... Утром госпитальные санитары принесли туда же только-что умершего раненого солдата и по дороге наступили на моего Ваношвили. Тот заорал от боли! Санитары перепугались до полусмерти, бросили труп и убежали. Тогда мой санитар снял с головы шинель и теперь только увидел, что «спавшие» были все мертвецы! Тут и он перепугался так, что забыл даже надеть шинель и всю дорогу бежал без шинели! Прибежал он прямо в команду и сам все рассказал. Но за шинелью ни за что не пошел. Пришлось послать других за ней.

— Я всю команду представил к наградам. Меня тоже представили к награде; и я теперь буду носить красный темляк. (Когда я поехала домой, то остановилась в Тифлисе, купила ему серебрянную кавказскую шашку, повесила на нее красный темляк и послала ее ему).

— Кто же и как справлялись в госпиталях с этой огромной работой? — спросила я.

— Врачи из полков работают. Делают, что можно сделать при таких условиях! Перевязывают, кормят. Другого все равно ничего нельзя сделать. Нет рук, нет инструментов, чтобы делать операции. У доктора Платовского госпиталь был оборудован специально для хирургических раненых. Но его свои же солдаты и казаки разграбили. Все инструменты растащили. Да кроме того туда попали и обмороженные и больные и сыпнотифозные. Прямо даже не понятно откуда так сразу появилось так много тифозных?

На другой день утром я пошла в госпиталь исчезнувшего доктора Платовского. Какая разница с тем, что там было раньше! Весь вестибюль был полон солдат. Они сидели, лежали или стояли группами, разговаривали и все курили. Дым стоял такой, что едва можно было видеть лица. Весь пол заплеван и завален окурками. У проходящего с ведром солдата я спросила где я могу видеть доктора. Солдат сначала уставился на меня, как на привидение, а потом молча махнул рукой по направлению широкой лестницы. Я поднялась на второй этаж. Тут тоже все было занято ранеными. Оставалась только узкая дорожка для прохода. Все двери в палаты были открыты и видно было, что в каждой

из них, кровати стояли в четыре ряда. И на всех лежали раненые. В следующем коридоре я увидела дверь, из которой выносили на носилках раненого. — А вот перевязочная! — подумала я. За носилками вышел доктор в белом халате и посмотрел на меня. Я быстро подошла к нему.

— Здравствуйте, доктор!

— Здравствуйте! Только я фельдшер. А доктор вон в той комнате перевязывает раненого. А вы откуда сестра? Я что-то вас не видел здесь!

— Да, я только вчера приехала из Карса.

— Из Карса? — переспросил он, не веря своим ушам. — Как же вы оттуда могли приехать?! На чем!

— На поезде.

Гул голосов пронесся по всему коридору! Я оглянулась. Около меня стояли раненые солдаты.

— Слышь, земляки! Вот приехала из Карса сестра!

— А как же турки! Разве Карс не занят ими?! Неужели и дорога свободна?!

— И поезда ходят!?..

Я постаралась коротко рассказать, как мы добрались из Карса на первом поезде, и что я видела по дороге.

— Вот это вы, сестра, правильную нам радость принесли! А мы вот здесь валяемся уже две недели и ничего никто не знает, где, что делается.

— Мы зато здесь здорово турку разделали! Вон весь штаб ихний в плен забрали. Корпусного ихнего забрали! Он тут же лежит раненый.

— Вот посмотрите! Их тут много! Мы здесь лежим на полу около их помещения, вроде охраны, штоб не убег часом кто...

Солдаты показывали руками и головой на открытую дверь, за которой так же стояли в четыре ряда кровати. Я посмотрела издали, но ничего не заметила особенного. Из перевязочной вышел доктор и подошел ко мне:

— Сестра! Вы спрашивали меня?

— Да! Я пришла предложить свою помощь, если еще не поздно. Я только вчера приехала из Карса. Мой муж говорил, что у вас нет сестер.

— Одна была и та заболела сыпняком. От вашей помощи мы отказываться не будем. Как ваша фамилия сестра?

— Может быть вы знаете доктора Семина? Это мой муж.

— Ну, как же, конечно, знаю хорошо. Вот все раненые его! Итак, сестра Семина, если хотите работать, — начинайте хоть сейчас.

Фельдшер показал мне докторскую комнату, где можно было переодеться. Я пошла туда, сняла шубу и надела халат, который принесла с собой и пошла в перевязочную. Там доктор перевязывал пальцы на руке. Когда кончил, то сказал солдату, что скоро заживут. Потом посмотрел на меня. — Сестра новая! Вот это хорошо! Но вы идите в операционную. Дверь рядом.

Я пошла в дверь рядом. Тихонько открыла дверь, чтобы не помешать операции. На столе лежал раненый. Но операция еще не начиналась. Доктор стоял над больным и что-то спрашивал его. Увидя меня сказал, — входите, входите сестра! Вот пулю буду вынимать, — показывая на раненого сказал он. — Как ваша фамилия сестра?

Я назвала.

— А вы не родственница доктора Семина?

— Мой муж.

— Вот как! Я знаю его. Сколько тысяч привез сюда раненых! Молодец! Много спас людей от смерти! А у нас есть всего навсего одна сестра, да и та заболела; похоже на сыпняк. Правда, сестра, что из Карса пришел поезд?

— Да, да! Я на нем и приехала.

— Слава Богу! Начнут теперь, наконец, вывозить раненых из Сарыкамыша! А то все госпитали так переполнены, что для вновь прибывающих раненых нет места. И кормить их совсем нечем. Раненым в живот даем то же, что и всем. Ну и естественно, что умирают немедленно. Солдат исполнил свой долг перед Россией! Но Россия останется в долгу у солдата на веки вечные. Видели, как валяются раненые? На полу, без подушек, без одеял! Некоторые из них ни одного еще раза не были перевязаны после ранения! А обмороженные! Развяжешь ноги или руки, такая трупная вонь идет! Мускулы от костей отпадают! Да вот сами увидите. Две недели, почти, без помощи лежат раненые и обмороженные! Кормить нечем! Перевязывать некому! Класть некуда! Что хочешь, то и делай! Мне стыдно проходить мимо этих несчастных!.. Лучше, сестра, давайте приступим к операции!..

Я вымыла руки и стала приготовлять инструменты, которые уже варились в ванночке. Пришел из соседней перевязочной еще один доктор. Операция была несложная и скоро кончилась. Санитары унесли оперированного.

— Идемте, сестра; я вам покажу пленных. Ведь весь штаб корпуса взяли!

Мы вошли в палату пленных и доктор стал знакомить меня с ними:

— Сестра! Сестра! — показывая на меня говорил доктор. (Он не знал ни слова по-турецки). И пленные сейчас же стали повторять: «сестрак, сестрак»! Видно было по их лицам, что они рады нашему приходу. А может быть приходу женщины-сестры? Они все наперебой приглашали подойти к кровати. Я заметила, что у всех на столиках лежал кишмиш. Около одного, который был тяжело ранен в живот, на столике лежала большая горка кишмишу.

— Доктор, откуда у них кишмиш? И у этого тоже, а он ранен в живот! Ведь он может съесть его?

— Черт с ними! Я убирал несколько раз, так они чуть не плачут, просят вернуть кишмиш обратно. Этот кишмиш у них почти единственная еда. Они не едят нашего, солдатского супу. Ничего поделать нельзя. Да что там! Свои ведь помирают без всякой помощи! А за этими сейчас и смотреть почти некому. Когда была еще здорова сестра, я просил ее смотреть зе пленными, но она сказала, что не может. — Не могу, говорит, заставить себя сейчас оказывать им помощь! Они для меня остались врагами! Вон сколько лежит искалеченных русских солдат! Им первым я должна отдать все мои силы! — Я не мог насильно заставить ее ухаживать за ними. Их палату обслуживают санитары-армяне. Они знают их язык, но говорят: «Что их держать здесь? Только хлеб наш едят, да помещение занимают. Расстрелят их враз»! А на мне ответственность за их жизнь. Я прямо измучился! Запираю их на ночь на замок. Под окнами стоит часовой. А в коридоре раненые караулят. Живыми не выпустят их, если бы они вздумали бежать — разорвут в клочья. Конечно, это несправедливо! Они такие же воины и герои своей страны, как и наши. Но наши солдаты еще не пришли в себя от пережитого и слишком страдают от ран и голода. Пленные турки понимают это хорошо и сами и поэтому просили меня держать дверь все время на замке.

— Сестра хотите взять их под свое покровительство? — спросил доктор, заканчивая свою речь.

А с коек неслось: «Сестрак, сестрак»... Я не успела ответить доктору, как один из пленных вытащил из-под подушки широкий ременный пояс и протянул его мне. Я взяла его ничего не понимая, но сразу почувствовала большую тяжесть этого пояса и положила его на кровать обратно. А турки все делают

мне знаки, чтобы я его взяла себе. Наконец, санитар армянин перевел нам:

— Генерал просит, чтобы вы ухаживали за ним и за остальными турецкими ранеными. В поясе много турецкого золота. Он просит вас взять его себе.

— Какая гадость! Что они, с ума сошли! — Я быстро вышла из палаты и решила, что никогда больше не зайду к ним.

— Доктор, что это такое?! Что они думают? Что русская сестра милосердия будет за деньги смотреть за ними лучше?!

Дня через два, мы с доктором опять зашли к пленным. На этот раз они были сдержанны, но все же обрадовались моему приходу. Опять называли меня «сестрак». Мы подошли к раненому, которого доктор перевязывал только один раз за все время. У него огромная рана в бедре. Кость разбита на мелкие куски и мускулы разорваны. Доктор говорит, что нужно немедленно удалить куски кости. Рана страшно загноилась. В палате стоял тяжелый, гнилосный запах. Раненый в живот тоже выглядел очень плохо. Мне было очень жаль их и тяжело было видеть, что они лежат беспомощные и почти заброшенные, на попечении санитаров. Но не было никакой возможности помочь им. Доктор подошел к раненому и стал ему объяснять, что его возьмут в операционную, чтобы почистить его рану. Но сразу же все пленные страшно запротестовали и ни за что не хотели, чтобы раненого выносили из палаты. Доктор страшно возмутился и через переводчика спросил в чем дело. Турецкий генерал решительно заявил, что он не позволит выносить из комнаты своих офицеров! А если доктор хочет его перевязать, то чтобы делал это здесь же в палате!

— Здесь в зараженной комнате, я не стану перевязывать раненого. У него температура уже поднялась. Если он умрет, то вся вина за его смерть ляжет на вас, генерал! — Санитар перевел. Турки все сразу заговорили, но очень скоро замолчали, а говорить стал генерал. Переводчик сказал нам, что генерал категорически не позволяет выносить офицеров из палаты. А операции или перевязки должны делаться тут же, у него на глазах. Возмущенный доктор вышел из палаты.

— Нет, подчиниться этому требованию пленных я не могу! Как бы оно ни было понятно в их тяжелом положении — это было бы преступлением с моей стороны! Вопрос идет о жизни человека! Он повернулся: — Санитары! Давайте носилки! — И мы опять вошли в палату пленных.

— Возьмите вот этого и несите в операционную!

Когда раненого подняли, я увидела, что весь матрац под ним было мокрый от гноя и крови! Раненого положили на стол, я стала снимать бинты. Они были насквозь мокры и шла такая нестерпимая вонь от него, что я едва стояла. Все пропиталось гноем! Я обмыла рану и доктор приступил к ее исследованию.

— Много мелких костей, — сказал он. — Нужно их удалить. Скажи ему, что это не опасно, — говорит доктор переводчику. Но раненый офицер и слушать не хочет! —

— Иок! Иок! Иок! Аман! Несите меня назад в палату! Я не могу. Генерал мне запретил соглашаться.

Доктор стал его уговаривать. Ничего не помогло! Тогда он прикрикнул на раненого и сказал ему, что если не сделать сейчас же операцию, то он умрет. Раненый говорит, что он, без разрешения паши, не может согласиться на операцию.

— Пойдем, — сказал доктор санитару-переводчику, — к генералу!

Долго они там были, а когда вернулись, доктор бы зол как черт.

— Это такие дикари, каких я еще не видывал! Ни за что не соглашается на операцию! Подозрительный страшно. Думает, что я хочу его нарочно искалечить. Перевяжите его, сестра, сами! Я не хочу и подходить к нему. Все равно умрет.

Я забинтовала раненую ногу и его унесли в палату. Потом нам санитар рассказал, что когда принесли обратно раненого, генерал очень обрадовался увидев его живым. — Не убили тебя русские и не искалечили? Лучше умри здесь, чем быть убитым ими! Лежи! Я буду смотреть, как ты умрешь!

Однако, после этого, мы все же, несмотря на протесты турок, каждый день брали то одного, то другого на перевязки. Иначе большинство из них погибло бы. Видимо и они поверили этому. Я заходила к ним два раза в день измерять температуру. Умер раненый в живот. Генерал молился Аллаху за упокой души умершего своего офицера — сослуживца и все другие пленные повторяли с ним вместе — Аллах! Аллах! Инш — Аллах! — Это было такое грустное моление. Хотелось плакать. Как ужасно умирать в неволе! Так же вот и наши русские где нибудь в плену, умирают среди чужих!

Еще через несколько дней умер и другой турок — раненый в ногу. И так же генерал прочитал молитву и умершего вынесли. Слава Богу, вскоре всю эту группу пленных офицеров отправили в Тифлис. Но и своих, за эти дни, отправили в Тифлис несколько сот раненых. Хотелось бы еще больше отправлять, но не хватает вагонов. Когда приходит санитарый поезд,

то вагоны распределяют между всеми госпиталями поровну. Но долго еще придется вывозить из Сарыкамыша скопившихся раненых. А бои все идут. И новых раненых все подвозят и подвозят. Однако за последние дни больше всего привозят обмороженных и тифозных. Как радуются раненые, когда попадают в списки отправляемых в тыл. Грязь, вши совсем заели, раны гноятся. Санитары ходят до ужаса грязные. Раньше им тоже полагались халаты из бязи, но теперь они все работают без халатов. Халаты стали черными от крови и грязи, а мыла нет, мыть их нечем. Станешь снимать с раненого рубаху, а под пальцами чувствуешь толстый слой вшей. А когда снимешь повязку с раны, то вокруг нее их сотни! Жирных! Разъевшихся на крови!

Как-то прихожу в палату ночью, а раненый во сне разорвал и сдвинул повязку с раны и бессознательно продолжает чесать вокруг нее. Я нагнулась и посмотрела в чем дело. Молодая кожа вокруг раны была покрыта толстым слоем насекомых, разъедавших рану. Я пошла принесла иод и смазала рану и вокруг нее. Но эти твари все-таки не хотели уходить от жирной еды. Я их покрывала целым слоем иода до тех пор, пока они не стали корчиться и сдыхать. Потом я сгребла их в плевательницу, рану забинтовала и раненый заснул спокойно. Единственная сестра, которая не бежала, а осталась при госпитале, заболела сыпным тифом еще до моего прихода в госпиталь. Когда пришел первый санитарный поезд за ранеными, ее в первую же очередь эвакуировали. Но она умерла по дороге на вокзал.

Вчера, во время работы, в перевязочную пришел совершенно самостоятельно раненый, с перевязанной головой. Он казался совершенно здоровым. Огромного роста, широкоплечий, красивое лицо и большие голубые глаза. Я была занята перевязкой другого раненого, а он стоял и ждал, когда я кончу. Когда я освободилась, усадила его на стул и стала развязывать марлю.

— Ранены в голову?

— В лоб ранен. Доктор на пункте сказал, что маленький кусочек кости вырвало на лбу. Да, я ничего! Мне не больно. Вы не беспокойтесь сестра, действуйте смелее!

— А ты один пришел? — спросил доктор, сидевший за столом и записывавший раненых.

— Так точно один. Меня привезли сюда; а в перевязочную я пришел сам. Да, я ничего! Я здоров совсем.

Доктор кончил записывать и подошел к раненому.

— Ну, покажите, что у него там такое. Сколько вырвано кости?

Я сняла последний слой марли и увидела на лбу небольшое серое пятно. Оно было не больше маленького яблока, если его разрезать пополам, но не такое ровное и круглое. На этом неровном срезе, что-то серое билось так же ровно, как и сердце этого великана солдата...

— Когда тебя ранили, долго лежал без памяти? — спросил доктор.

— Нет, недолго, говорили солдаты. А когда ранили так я и не почувствовал. Чик! Что-то в лоб ударило. И я упал и потерял память. Но лежал не долго! Встал, а меня так и клонит вперед! Точно на лбу-то пудовая гиря. Я прижал ладонь к раненому месту, — крови нет! Но тут ротный увидел меня и сказал, чтобы увели на пункт.

К этой живой серой ране я осторожно приложила кусочек марли. К ней пристало небольшое пятно этого серого вещества. — Не больно? — Нет! Не больно!

Я посмотрела на доктора в недоумении, что мне делать дальше. Доктор сделал мне знак, — завязывайте! А громко сказал: — Сухую повязку. — Я забинтовала голову, обмыла ему лицо и руки, помогла встать, взяла под руку и повела из перевязочной в палату.

— Нет, сестра, благодарю, я сам дойду. Я здоров.

— Ничего, я пройдусь с тобой. — Довела его до койки: — Ложись я укрою тебя.

— Да, что вы сестра беспокоитесь обо мне! Я сам все сделаю. Я ведь здоровый человек!

Когда я вернулась в перевязочную, доктор меня спросил:

— Сестра, вы поняли в чем дело?

— Да, доктор, я начинаю догадываться! Неужели это мозг?

— Да, это мозг! И спасти его мы не в силах. У нас нет средств, нет инструментов, чтобы сделать немедленно операцию! Если бы можно было послать его немедленно в Тифлис, там сделали бы ему операцию и я уверен, что он остался бы жив.

— Неужели такой здоровый человек и от такой маленькой ранки должен погибнуть?!

На другое утро прихожу в госпиталь, надеваю халат и первым делом иду в ту палату, где лежит раненый в голову Темников. В открытую дверь я вижу его койку, которая стоит против двери. Издали уже заметила не естественно большую голову и толстую шею. Темников был в забытьи. Из-под бин-

тов, что-то серо-красное пенилось, ползло по шее и стекáло на грудь. Я сейчас же пошла спросила, что с ним делать?

— Ничего, сестра, нельзя сделать! Кровоизлияние! Я несколько раз уже подбинтовывал его. Потому-то голова и шея кажутся толстыми. — Скоро он скончался.

А работа в операционной не останавливается ни на минуту!

— Принесите Егорова, — говорит доктор санитарам.

— Я пойду сама, помогу им положить на носилки.

— Не стоит! Не ходите! Там и класть-то на носилки нечего. Весь обмороженный!

Санитары принесли, положили на стол какого-то человечка. Весь он был какой-то маленький: маленькая голова, узкие плечи, тонкие руки (я видела их только выше локтей): русая, мягкая, тоже какая-то маленькая бородка; волосы на голове, светлые, мягкие и реденькие... Весь он был забинтован и завязан. Обе ноги выше колен, обе руки почти до плеч. Вместо ушей висели белые тряпки...

Я стала его развязывать. И когда обнажились его бывшие ноги и руки, то они оказались просто гнилым мясом, которое давно надо было бы обрезать и выбросить. Кожа и мускулы размякли, расползлись и отвалились от костей, как только я разрезала бинты.

— Ну, пошевели ногой, — сказал доктор. И больной стал поднимать ногу, но мускулы зашевелились только около бедра. А ниже, кожа и мускулы висели скользкими серыми тряпками. Я смотрела с таким нескрываемым ужасом на этот «живой труп», что доктор счел долгом объяснить мне в чем дело.

— Он не ранен, сестра. А был болен тифом и его привезли со всеми в те дни, когда тысячи сваливали куда попало. Его привезли в бессознательном состоянии замерзшего. Мы не знали об его существовании целую неделю и он лежал среди других незамеченный без всякой помощи. Он лежал где-то на полу и никто не обратил на него внимания. И только несколько дней тому назад я случайно наткнулся на него, когда он уже пришел в себя. Я осматривал раненого, который сказал мне: — Ваше высокоблагородие, вон от того «шибко чижолый дух идет».

— Ну, я его осмотрел и вижу вот эту картину, которую видите вы сейчас.

— Ну что, Егоров, отрежем руки и ноги? Согласен? — спросил доктор больного.

— Что ж! Режьте! Раз они не годятся ни на что...

— Как это он, несчастный, так обморозился? — сказал вошедший доктор из перевязочной.

— Просто не повезло парню. Он был болен тифом, находился в боссознательном состоянии; его какой-то транспорт погрузил, привез сюда, свалили, как и всех, на пол. Где его найдешь! Тысячи ведь лежали окровавленных, искалеченных и обмороженных, нуждавшихся в немедленной помощи! А из них многие дошли до перевязочной через две недели только!.. Эх, да лучше и не задумываться над тем, что происходит! Можно ведь и с ума сойти если вдумаешься во все... Сколько можно бы спасти молодых жизней!! Но нас было всего три-четыре врача, да одна, уже больная, сестра!.. — Доктор швырнул папиросу, которую мял в пальцах...

— Тут не только запил бы, если бы было что пить. Тут застрелиться можно!! Только бы ничего этого не видеть и не слышать... — Он опять вынул новую папиросу и стал закуривать. Но вдруг взглянул на раненого Егорова и спросил: — Хочешь покурить? — И не дожидаясь ответа, сунул ему в рот только-что зажженную папиросу. Больной затянулся раза два. Я вынула папиросу у него изо рта и пошла приготовлять инструменты. А доктор стал мыть руки.

— Ну, сестра, все готово? Давайте хлороформ! — Я надела больному маску на лицо и стала капать... Егорову отрезали обе ноги выше колен и обе руки около плеч. Уши оставили отваливаться самим. Большая часть их уже и отвалилась. Когда больного разбудили он, приподняв голову, увидел, небольшой кусок своего тела... Он стал плакать, кричать и просить убить его...

— Что я буду делать! Как я вернусь домой! Никому я не нужен. Только лишний рот!.. У меня дома — трое ребят! Где возьмет жена прокормление для всех нас!?.. Старший брат ранен на западном фронте. Ему тоже оторвало одну ногу снарядом. Вот и он вернется домой калекой. Кто нас всех будет кормить? — Он бил себя обрезками рук, и кричал: — убейте меня! убейте лучше!..

Это было выше моих сил! Я, плача, выбежала в коридор.

— Мы не имеем права перед ранеными показывать свои чувства — вдруг вспомнила я, как говорил доктор Божевский! Я вытерла глаза и повернулась. Раненые смотрели на меня. Вид у них был расстроенный и подавленный... Открылась дверь из операционной и Егорова вынесли и понесли в палату. Доктор шел рядом с носилками и успокаивал его.

— Эх, война! Сколько горя всем! — сказал кто-то позади меня. Скоро доктор вышел из палаты и подошел ко мне. — Сестра, идите домой.

Пришла домой совершенно расстроенная и опять стала плакать.

— Что случилось? — спросил муж. Я рассказала: — Твой транспорт так обморозил одного тифозного больного, что ему сегодня отрезали обе ноги и обе руки! А у него дома маленькие дети!..

— Мы тифозных еще не брали... — в смущении говорит муж. — Это не мой транспорт его привез. Я таких не сдавал, — стараясь успокоить меня оправдывался он. — Всех кого мы перевозили, я помню отлично. И пока мы ни одного тифозного не брали вместе с ранеными.

— Все равно! Кто-то не досмотрел, а человека загубили!..

— Хорошо теперь говорить «не досмотрели»! Все это жалкие слова ничего не стоющие! Все мы работали сверх человеческих сил стараясь, как можно больше спасти человеческих жизней! День и ночь выносили на руках раненых из таких мест, где они должны бы были непременно погибнуть или от пуль, или от холода. Мы не думали ни об еде, ни о сне, ни об отдыхе! А теперь оказывается «не доглядели»! Преступники!

Он ходил по комнате большими шагами и не переставая курил.

— Прости меня, Ваня! Я не хотела сделать тебе больно. Я отлично понимаю, что невозможно быть ответственным за каждого больного и раненого в таком большом деле. Но все эти смерти и калечение так тяжело действуют на меня.

— Тебе лучше не ходить в госпиталь! Сейчас условия работы сестры милосердия здесь совсем не нормальны!

— Что ты! Когда же, как не теперь нужна моя помощь!? — А знаешь, Ваня! Сестра-то Карпова умерла по дороге на вокзал!..

— Я знал это, только не хотел говорить тебе. Она умерла на нашей двуколке. Пожалуйста обтирайся спиртом, когда идешь в госпиталь и когда возвращаешься.

— Я делаю это каждый день.

— Теперь тиф начнет косить. Всюду грязь, вши! Солдаты ослабели от боев, усталости и недоедания. Ужасно, когда снимаешь с раненого рубаху! Чувствуешь под пальцами точно песок. А вши, так и ползают по рубахе, когда заметят, что нет тела. Прямо живая становится рубаха-то. Санитары сейчас ее выносят на двор — «пущай вымерзнут, они мороза не любят!» — говорят солдаты.

— Гайдамакин, я хочу помыться! Можно мне теплой воды? — говорю я, придя как-то из госпиталя.

— Можно. А где я ее нагрею?

— Но хоть немного! Согрей самовар...

Через несколько минут он принес таз из которого я умываюсь, потом ведро холодной воды. Но горячей воды еще нет.

— Нет ли какой нибудь посуды, куда бы я могла сливать грязную воду?

Принес парусиновое ведро из которого поят лошадей. А горячей воды все еще нет!

— Гайдамакин! Скоро будет горячая вода?

Ни звука. Не отзывается даже. Иду на кухню.

— Гайдамакин, где же горячая вода?

Никакого внимания ни на мой вопрос, ни на меня! Стоит на коленях и изо всех сил дует в самоварную трубу, из которой валит белый густой дым.

— А, чтоб тебя! (это относится к самовару). Грей воду тут! Согреешь ее, как же!..

Рядом с ним лежит снятый с ноги сапог, который пускался уже в дело для раздувания угля.

— Согреешь воды, как же! Хоть «вытруси» его на изнанку, ему все равно; дымит, а жару нету! Тоже страна! И город же! Угля нельзя достать! Простого угля для самовара нету!..

— Гайдамакин, ты что ворчишь?

— Да, вы посмотрите, сколько времени не может разгореться! Щепок положил! Шишек сосновых положил! Дымит, а огня нету! Все глаза выело...

— Ну, хорошо! Брось, брось, не грей. Я не буду мыться сегодня. В другой раз согреешь.

Гайдамакин, вскочил с пола, как будто его подбросили.

— Да что это, барыня! Да разве это возможно? Я грел, грел воду, а теперь, когда вода готова, вы не хотите мыться! — с глубокой обидой в голосе говорит он.

— Как готова, когда самовар только дымит, но не греется!..

—Да вы не беспокойтесь! Вода враз будет горячая! Сейчас и принесу в комнату.

Через некоторое время принес в кувшине горячую воду.

— Барыня, мойтесь! Самовар еще греется. Он так разгорелся теперь, что воды будет сколько «хочите»...

— Вот спасибо! Конечно я помоюсь. Ведь завтра Новый Год!

Муж кричит мне из столовой: — Будем встречать Новый год?

— Конечно, будем! — отвечаю я. Когда я вышла из спальни муж спросил:

— Хорошо помылась?

— Хорошо, чувствую, точно ванну приняла!

— Как ты ухитрилась в этих тазиках помыться? Да еще почти в нетопленной комнате и с малым количеством горячей воды! Бедная моя Тинушка! И женщин война изменила? Мне тяжело видеть все твои лишения!

— Да что ты, Ваня! Я счастлива, что с тобой живу. Сколько женщин хотели бы быть на моем месте сейчас!

— А вот, ты хорошо сделала, что своевременно догадалась послать Гайдамакина в Карс сделать закупки! Я пригласил несколько офицеров Кабардинского полка. Они недалеко отсюда — в нижнем Сарыкамыше. Обещали приехать, если турки не помешают. Все очень хотят видеть тебя. А капитан Ваксман сказал, что хотя и не Пасха еще, но я непременно похристосуюсь с Тиной Дмитриевной, чтобы скорее забыть это Рождество! Нужно их угостить, как следует! Гайдамакин! Неси на стол все, что у тебя там есть съестного! Да побольше выпивки!

И мы, забыли про войну и что мы на фронте, стали приготовлять праздничный стол. Основой всего празднества был окорок ветчины! Мы его поставили посреди стола. Потом, тоже на почетном месте, икру, которую нам прислали из Баку. Сыры разных сортов и всевозможная колбаса тоже были не на последнем месте.

— Ну, этого добра у них у самих много, — сказал муж заметив коробку сардин.

Потом жаренное мясо и даже вареные яйца лежали рядом с окороком. Словом, приготовили все, как следует. Только с тарелками вышла заминка. Всего их было пять. Причем две, собственно, вышли уже из строя: одна имела продольную трещину и скрипела, когда ее поднимали; у другой, точно шрапнелью был вырван бок... Да и вилки и ножи, как будто после большого штыкового боя, были погнуты; а ручки — приклады, поломаны! Всего их оказалось у нас два ножа с деревянными ручками и одна вилка; причем от дерева ручек остались только небольшие куски, да гвоздики которыми оно было прибито. Рюмки и бокалы заменялись стаканами и чайными чашками.

— Видишь, с сервировкой у нас плохо! — показываю я мужу.

— Это неважно! Была бы выпивка, а закуску и руками могут брать...

Когда приготовления были закончены, мы осмотрели стол со всех сторон и нашли, что все великолепно. Тогда я пошла переоделась.

— Ваня! Ты бы тоже надел другую тужурку!

— Вот уж это мне ни к чему!

Я вышла нарядная и мы стали ждать гостей. Даже Гайдамакин как-то посветлел! (Кажется даже умылся!).

— Гайдамакин, налей-ка мне вон из той бутылки! Я попробую, что это за вино?

— Ваня, двенадцать часов уже! Они верно не придут совсем?

— Да? Ну тогда давай вдвоем будем встречать Новый Год!

Он налил мне какого-то вина, а себе чего-то крепкого. Мы пожелали друг другу никогда не расставаться, а всем — скорого окончания войны. Выпили вино. Муж налил чайный стакан водки, позвал Гайдамакина и оба мы поздравили его с Новым Годом, а он нас. На этом и кончилась наша встреча Нового Года и мы пошли спать.

— Ничего не прибирай со стола и иди спать, — сказал муж Гайдамакину.

Было раннее утро, когда кто-то постучал к нам в дверь.

— Ваше высокоблагородие, гости приехали! Господа офицеры! — раздался голос Гайдамакина. Муж, как на пружине соскочил со своей постели на полу.

— Гайдамакин! Проси их в столовую, я сейчас иду...

Он быстро оделся и вышел. Я слышала, как они поздравляли друг друга с Новым Годом!

— Мы не могли уйти ночью с позиции. Проклятые турки, как нарочно затеяли стрельбу. Им что! У них Новый Год был давно уже. Всю ночь никто не спал. Только к рассвету стало потише. Ну, мы сейчас же в штаб полка и доложили, что Новый Год еще не встречали (хотя выпили малую толику — принес капитан Завьялов). Сказали, что будем у вас. Полковник Федотов отпустил, но предупредил, что если турки будут нуждаться в нашем присутствии, то пришлют за нами немедленно.

Я слышала, как они чокались и говорили пожелания друг другу. Было еще очень рано. И я, под их разговор и «звон» чайных стаканов, заснула.

Проснулась я от пения. Кто-то пел около моих дверей: «С Новым Годом поздравляем»! — Спасибо, — кричу; я едва проснулась еще.

Когда я вышла в столовую, то стол представлял из себя поле после битвы. Причем турок было два батальона, а кабар-

динцев одна рота. Стояли батареи пустых бутылок; некоторые из них валялись на боку. Стаканы с недопитым вином, скатерть вся залита вином, а окорок был изуродован до неузнаваемости. Сардинки, выбитые из своей защитной коробки валялись по всему столу. При моем появлении все сразу стали здороваться и поздравлять с Новым Годом.

— Тина Дмитриевна! Давайте поцелуемся, — приставал капитан Ваксман. — Ведь наша жизнь — сегодня здесь, а завтра там! — показал он пальцем на пол.

Милый, дорогой капитан Ваксман! Больше я его не видела живым. Он был тяжело ранен, при ранении заразился столбняком и умер. Оставил шесть человек детей, больную жену и двух старух, тещу и мать.

— С удовольствием поцелую Вас Александр Николаевич! — И мы поцеловались...

— Вы ведь наша, кабардинка! Раз Иван Семенович наш — значит и вы наша!

— Конечно, я чувствую себя больше кабардинкой, чем сальянкой!

— К черту сальянцев! И никаких гвоздей! — сказал адъютант Плетнев. — Споем нашу кавказскую — Алла Верды!

— Ваше высокоблагородие! Вестовой из Кабардинского полка... — сказал вошедший Гайдамакин.

Сразу все смолкло.

— Разрешите, Иван Семенович, войти вестовому! — сказал адъютант. Вошел солдат и приложив руку к козырьку сказал: — Так-что ваше высокоблагородие, командир полка убит!

Наступило гробовое молчание. Сразу все протрезвились.

— Когда убит?

— Только-что. Командир полка сидел на пне и отдавал приказания... На полуслове остановился и упал. Пуля попала в висок и сразу на смерть убила.

— Иван Семенович, не откажите дать нам двуколку, отвезти нас в полк...

— Гайдамакин, иди в команду, скажи подпрапорщику, чтобы запрягли мою двуколку и подали. Да живо!

Ушел вестовой. Ушел и Гайдамакин. В комнате наступила тишина. Все сидели подавленные, взволнованные и совершенно трезвые. Адъютант заговорил первый: — Только два часа тому назад я с ним разговаривал! Когда я ему сказал, что иду встречать Новый Год, он еще смеялся: — Почему сегодня утром, а не с вечера?

Подали двуколку, мы попрощались и кабардинцы уехали. Я предложила им выпить вина на дорогу, но все отказались... Муж сидел и пил вино, медленно потягивая из стакана. Он подвинул свой стул поближе ко мне, обнял меня за талию и проговорил:

— Вот, Тина, это миг счастья. И удачи. — Он поднял стакан к глазам и посмотрел на вино сквозь стекло: — И то, что я сижу с тобой, моей родной девочкой и держу тебя за талию и то, что в стакане еще есть вино и я его могу пить... А вот, что случилось с командиром полка, это всех нас ждет рано или поздно!

Я чувствовала, какая глубокая правда была в его словах. Но я сказала совершенно другое: — Ты выпил лишнее. Иди в постель и засни. А я должна идти в госпиталь.

— Пожалуйста не ходи сегодня. Побудь со мной! У меня ужасное настроение! Все не к чему! Жизнь кончилась... Для чего ты ходишь в госпиталь и спасаешь эти человеческие обрубки?.. Кому нужны все эти раненые, искалеченные! Не все ли равно когда умереть? Все мы летим в пропасть вверх тормашками! И не удержимся, я чувствую это!

Он весь стал, какой-то мрачный; взгляд тяжелый, усы обвисли. Он выпил вино залпом и показывая на пустой стакан сказал:

— Вот только это и есть действительное! И ничего другого! Видишь? — он показал на стакан, на дне которого было еще несколько капель вина.

— Это еще капелька осталась прежней жизни... Но и она скоро уйдет безвозвратно...

— Конечно, если ты будешь так много пить, то скоро и этой капельки не останется.

— Ты не следи за мной! И не считай сколько я выпил. А лучше пей сама тоже со мной. Легче будет жить. Многого не будешь замечать. Может быть ты думаешь, что я алкоголик, пьяница. Но мне просто хочется забыть все, что я видел за эти дни... Ты знаешь? Они все еще сидят там вдоль всей дороги и долго еще будут сидеть... Пока не свалят всех в общую яму. А ведь все здоровые были, не раненые! Молодые! Почти мальчишки... — Я тяну его за руку, а он едва поднимет отяжелевшие веки, — посмотрит на меня и опять падает... — А ты говоришь о каком-то человеческом образе! К черту всякий человеческий образ! Кому он теперь нужен?! Теперь, нужен человек-зверь, а не образ человеческий! Да люди и стали зверями...

Гайдамакин, налей, что там осталось. Все равно, лишь бы пить... — сказал он вошедшему Гайдамакину.

— Выпей и ты, Тиночка! Налей барыне тоже.

— Что ты! Я не могу пить. Иди пожалуйста, ложись, поспи до моего прихода.

— Ни за что не лягу, если ты уйдешь в госпиталь!

— Хорошо. Иди ложись; я посижу около тебя, пока ты не заснешь. — Он пошел и лег на мою кровать. Я взяла его руку в свои и стала гладить ее.

— Вот и Новый Год наступил такой же печальный, как и старый ушедший... Не могу спать! К черту сон! Пойду в команду, — поздравлю их с Новым Годом!

— Очень не красиво идти в таком виде начальнику к подчиненным, — сказала я.

— Идем вместе! И ты их тоже поздравь...

— Не могу. Я должна немедленно идти в госпиталь.

— Иди! А я пойду в команду.

Он надел шубу, шапку и, незастегиваясь, вышел из комнаты. Вот! И не ранен! А как его война искалечила!... Надев шубу я пошла в госпиталь. Поднялась на второй этаж. — Кузнецов, здравствуй! Все благополучно? — спросила я санитара, хотя и очень не люблю задавать эти вопросы. Ответ почти всегда получаю печальный.

— Да, все благополучно, сестра.

— Доктор был в палатах, смотрел раненых?

— Нет, не был еще. Он в перевязочной.

Я сняла шубу, надела халат и пошла в палату, где лежат только раненые. Кузнецов стоит у дверей.

— Сестра, а Морозов-то все лежит без памяти! Уставил глаза в потолок и не моргнет. Я с ним и так, и этак, разговаривал и воды давал... Ничего не помогает! Лежит, и только!..

— Так почему ты не сказал доктору?

— Дак, кто ж его знает, сестра. Он лежит как здоровый, а только не разговаривает.

Вхожу в палату и прямо иду к Морозову. Лицо совершенно деревянное; глаза открыты и смотрят куда-то в неведомое пространство. Беру руку, пульс — мелкий и частый. Челюсти крепко стиснуты.

— Позови скорее доктора!

— Давно он в таком положении? — спрашиваю раненого, лежавшего рядом с Морозовым.

— Кто его знает? С вечера был ничего, как следует. Разговаривал, собирался ехать до дому: «рана», говорит, «у меня

несурьезная. скоро заживет. Дадут отпуск недели на четыре. Сынишку у меня родила жена. Повидать охота, три месяца ему уже!» И долго еще рассказывал про свое хозяйство. А утром я проснулся, смотрю, он лежит тихо и смотрит в потолок. Раза два я его окликнул, а он ничего! Только все смотрит в потолок...

Пришел доктор, пощупал пульс, попробовал разжать челюсти, но не мог.

— Столбняк! — Мы вышли. — Бедный всю ночь пролежал без помощи... Все равно мы ничем не могли бы ему помочь! Сыворотки для впрыскивания у нас нет! А больше ничем помочь нельзя! Сестра, это тот раненый в позвоночник?

— Да, доктор! Я схожу, навещу Егорова, и сейчас же приду к вам в операционную.

Егоров по-прежнему удручен и подавлен. Как только я вошла, он стал плакать, показывая обрезки рук.

— Сестра, напишите письмо жене. Давно я им не писал. Поди, как беспокоится!

Я принесла из перевязочной листок бумаги и приготовилась писать. — «Здравствуйте, жена моя Анна!» — Ну, и матери пишите поклон мой. «Кланяется, вам родительница, сын ваш, несчастный». — Тут Егоров снова плачет так сильно, что не может выговорить ни слова. Немного успокоился и говорит: — сестра, ну как я напишу, что я «круглая» калека?! Старший брат вернется без ноги, — оторвало снарядом. Его в «чистую пущают». А теперь и я вернусь! Совсем обрубок!.. Дома только ребята будут, да калеки! Кто же будет нас кормить всех!? — И снова душу раздирающий плачь... — Не хочу жить! Не хочу! Убейте меня!..

Дала валерьянки... Господи! Какое непоправимое горе! Нет сил видеть, как он плачет. Все его маленькое тело дрожит и бьется от рыданий.

— Егоров! Бог не оставит тебя! — говорю я слова от которых нет помощи. Какое Богу дело до всех этих несчастных! Егоров понемногу затих.

В дверь просунулась голова санитара: — Сестра, сейчас будем обед раздавать.

Я вышла из палаты. — И для слабых есть еда? — спросила я санитара.

— Для всех «наварены» суп и каша.

— Как каша! Ведь нельзя же давать кашу раненым в живот! Вчера ведь ничего не давали слабым и тяжело раненым. Они голодны! Только чаем и живут...

— Мы ничего не знаем! Вы сестра сами сходите к заведывающему хозяйством.

— А вы ничего не давайте без меня Иванову и Кравченко. Я схожу на кухню и сама их накормлю.

Иду на кухню. — Где заведующий хозяйством? — спрашиваю повара (или вернее сказать кашевара).

— В своем помещении.

Иду туда, стучу и вхожу. — Послушайте, чем я буду кормить слабых и раненых в живот?

— А я почем знаю?! У меня ничего нет, кроме гречневой крупы и проса.

— Как так! Вы ведь заведующий хозяйством! И ваше дело заботиться о продуктах!

— Где же я могу их достать? В Сарыкамыше ничего нет! Я сам рад бы кормить раненых лучше! Да и этих продуктов отпускают мало...

— Покупайте в Карсе хоть для слабых раненых.

— Что вы говорите! Как это возможно, когда и в Карсе ничего достать нельзя. Все уж раскупили, а подвоза нет!

— Ну, это неправда! Мой муж три дня тому назад посылал туда солдат и они накупили всего и вовсе не дорого. Цены все те же, что и раньше были.

— Ваш муж посылал солдат за покупками?! Кто такой ваш муж? — вызывающе и насмешливо спросил меня чиновник. Но, когда я сказала ему, кто мой муж, он сразу сбавил тон. Мужа все знали в Сарыкамыше. Знали, что у него есть хорошие средства, что он честен, добр, совершенно независим. И еще меньше сдержан, когда выпьет лишнее.

— Ну, знаете, ваш муж — дело совсем другое! Он начальник отдельной части и может действовать самостоятельно. А я должен спрашивать разрешения на всякий пустяк.

— Но ведь хозяйство подчинено вам! И это вы должны употребить все силы к тому, дабы кормить раненых так, чтобы выполнялись хоть самые скромные требования врачей!

— Подождите! Вот завтра, может быть, мы всех тяжело раненых отправим в Тифлис. Там их могут кормить лучше.

— А до тех пор они могут умирать с голода! — сказала я и вышла из комнаты. Поднялась наверх и вижу что раненые едят.

— Плошкин, обед роздали? Слабых не кормили?

— Роздали, сестра, едят вот. А слабым мы не давали ничего.

— Сходи ко мне домой и скажи доктору Семину, чтобы он дал яиц, сгущенного молока и весь белый хлеб. Ты знаешь где я живу?

— Знаю, знаю сестра! Вот это хорошо, что вы яичками покормите слабых! А то только накормишь их кашей, сейчас же лишние покойники... Я враз сбегаю! Я знаю, где стоит 86 санитарный транспорт. Тут не далеко.

Он вернулся действительно очень скоро.

— Принесли, сестра! Мы вдвоем ходили.

Я опять пошла на кухню. Ах! Сколько всего! Милый, родной Ваня! Он, кажется, все наши запасы отдал!

— Скорее открывай банки с молоком, а я буду взбивать яйца, — говорю повару-солдату.

Я развела молоко немного водой, взбитые яйца влила в молоко, все это хорошенько еще раз смешала, подогрела, понесли эту смесь наверх и стали поить этим раненых.

Но не успела я еще кончить эту работу, как пришел в палату доктор и сказал:

— Сестра, сейчас приедет сюда генерал Баратов. Будет обходить раненых.

— Хорошо, доктор! Вот я ему и скажу, что кормить нечем раненых!

— Не стоит, сестра! Он приедет поздравить раненых казаков с наградами за бои.

— Казаков!? Почему только казаков? Всякого раненого солдата нужно поздравлять и благодарить!

— Да ведь он — казачий генерал.

— Ну, вы его и сопровождайте сами! А я пойду к раненым «солдатам»...

— Пожалуйста, сестра, будьте вместе со мной. Да ведь и казаки лежат вместе с солдатами...

Пришел генерал. Мы познакомились. Небольшого роста, очень подвижной и живой. И страшно любезный.

Очень удивился, когда увидел меня:

— У вас в госпитале сестра! Я и не подозревал, что в Сарыкамыше есть вообще хоть одна сестра милосердия, — воскликнул генерал.

— Да что! Это капля воды в море! — сказал доктор.

— А я скорее сравнил бы сестру с солнцем, которое светит и греет моих казаков.

— И солдат тоже, — сказала я.

Он весело смеется. Обходил все палаты, где лежали его казаки. Расспрашивал своих казаков, где и как каждый был

ранен. Все сразу оживились и охотно рассказывали подробности пережитого в бою...

— Туточка, значит, у самого мосту! Я стал на одно колено и приладился стрелять уже, а меня что-то как кольнет в бок-то! Я выстрелил еще несколько раз, а потом и упал, — говорит казак, а на лице у него радость, что видит своего генерала, и что может рассказать наконец-то, что он пережил и испытал.

— Георгия! — говорит генерал сопровождающему его адъютанту. Тот записывает полк, фамилию, имя. Это были почти все пластуны.

После обхода и раздачи наград раненым казакам, доктор предложил генералу посмотреть «чудо».

— Покажите, покажите ваше чудо!..

Мы пошли в палату, где лежал Егоров.

— Вот, ваше превосходительство, этот солдат был обморожен, когда его везли сюда в бессознательном состоянии, (он был болен сыпным тифом). В госпитале пролежал в таком виде почти две недели. Началась гангрена конечностей. Все ткани, нервы, кровеносные сосуды, все погибло; но чудо в том, что гниение не пошло дальше, сосуды закупорились сами. А кожа и мускулы отвалились от костей. Я отрезал конечности. Больной жив и даже не повышена температура!

Доктор откинул с больного одеяло и генерал увидел, что осталось от человека и бывшего солдата.

— Да! Немного! Это удивительно! — сказал адъютант.

Генерал молчал. Когда мы вышли из палаты, он сказал доктору:

— Я хотел бы сделать с него фотографию. Это редкое явление природы.

— Пожалуйства. Если хотите, но лучше всего сделать это утром, во время перевязки.

— Ну, а как дело обстоит с инструментами? Справляетесь?

— Не всегда. Да ничего не поделаешь. Многое потеряно безнадежно. Полный ведь разгром здесь учинили. В карманах у раненых находим ножницы, зажимы, ланцеты. Остальное разбросано, втоптано в снег и погибло.

— Да, все было брошено главным врачем! А наши, чтобы не досталось врагу и растащили, — сказал генерал Баратов. Гости попрощались и уехали.

На другой день генерал Баратов пришел с аппаратом и, когда мы перевязывали Егорова, сделал несколько снимков. Чтобы виднее было это маленькое тело, я его держала на руках.

Я поставила локти на перевязочный стол и приподняла голову и остатки ног.

Через несколько дней генерал Баратов прислал доктору и мне карточки, (в припадке тоски и отчаяния, я выбросила со второго этажа в глубокую, свалочную яму целый альбом фотографий войны, будучи беженкой в Константинополе).

День закончен. Я мою руки, снимаю халат, надеваю шубу и иду домой. Еще издали я заметила у ворот нашего домика мужа. По обыкновению, несмотря на мороз, его шуба была распахнута, руки засунуты за ременный пояс. Как только он увидел меня, пошел мне навстречу.

— Здравствуй Тина! Генерал Баратов был у вас в госпитале?

— Был, награды раздавал своим казакам. Я ужасно возмутилась. Почему только казакам он давал награды, когда все без исключения заслужили их! — возмущенно говорю я.

— Да потому, что это казаки из его дивизии. А солдат представят к наградам их собственные начальники. Вот я всю свою команду тоже представил к наградам. Да они все вполне заслужили их.

— Ты спал?

— Нет, пил.

— Как тебе не стыдно! Лучше бы пришел помогать нам в госпиталь. Такой там еще беспорядок и кавардак, что просто ужас берет. Кормить слабых до сих пор нечем. Заведующий хозяйством ничего не предпринимает, а раненые умирают. Он говорит, что ничего не может достать в Сарыкамыше. И поэтому сидит у себя в комнате и ничего не делает. Спасибо, что ты прислал яиц и молока. А то мои раненые опять остались бы голодными, как и вчера.

— Какие яйца? Я ничего не присылал! Я спал.

— Кто же это выдал? Яйца, сгущенное молоко, белый хлеб.

— Раз ты прислала, то, конечно, Гайдамакин. Я скажу тебе почему я не иду помогать работать в госпиталь! Если бы я пошел туда, то стал бы наводить порядок! А это, я знаю, кончилось бы крупным скандалом. Я очень хорошо знаю этого заведующего хозяйством. Да и он знает меня не плохо! На таких должностях — два типа людей: первый — чрезмерно старающийся и знает, что от его стараний к нему в карман перепадет добрая толика, (тип вроде моего Костина). Второй — исполняет букву закона и ни за что не сделает лишнего шага, чтобы помочь выйти из тяжелого затруднения. Как и есть в данном случае!.. Поэтому лучше сидеть дома и пить вино!

На другой день, когда я пришла в госпиталь, застала там большое движение: приготовляли раненых к отправке на вокзал. Поезд придет в двенадцать часов, но раненых отправляем несколько сот человек и транспорту придется съездить туда и и обратно много раз, чтобы певевезти всех. Опять санитары вытаскивают окровавленную, вшивую одежду тех раненых, которые лежали в палатах. А те, что валялись в коридорах на полу, их не раздевали и не меняли белья. Они укрывались своими шинелями, подложив под голову собственные сумки. После отправки раненых госпиталь принял почти нормальный вид. В коридорах на полу больше никто не лежит. Теперь для всех есть места на койках в палатах. Да, еще новость! И самая важная! Сегодня с санитарным поездом, который пришел за ранеными приехали сестры и врачи! Их с вокзала привез наш же транспорт. Теперь будут наводить порядок и чистоту!

На другой день утром я проснулась и хотела сейчас же вставать, но вспомнив, что вчера приехали новые сестры и врачи и следовательно раненых есть кому напоить чаем, решила еще полежать и отдохнуть. Когда же я встала, то вспомнила еще, что мы вчера отправили несколько сот раненых. А с теми, которые остались в госпитале, новый персонал справится легко и без меня! Поэтому я сегодня совсем не пойду. И сразу почувствовала облегчение и свободу.

Стала пить кофе, который варится только для меня, муж его не пьет. Он пришел из команды и, увидав меня, спросил: — разве ты не идешь сегодня в госпиталь?

— Нет, не пошла. Да ведь вчера к нам в госпиталь приехали новые сестры и врачи. А раненых убавилось на несколько сот человек. Справятся и без меня.

— Вот и отлично! Хочешь теперь поработать в транспорте вместо младшего врача? У меня есть сейчас для тебя работа. Он показал на бумагу, которую держал в руке.

— Конечно, хочу! — сразу же согласилась я. — Что за работа и где? Я рада работать! Надеюсь, вместе с тобой?

— Нет! Ты сейчас поезжай на вокзал. Я только что получил бумажку, там находятся тридцать пять человек раненых. Я не знаю, но может быть нужно некоторых перевязать. А лучше всего прямо погрузить на двуколки, везти в госпиталь и сдать их там. Свежему персоналу нужна работа. Я думаю они обрадуются, когда увидят раненых. С тобой поедет фельдшер и пять двуколок.

Когда пришел подпрапорщик Галкин, муж сделал нужные распоряжения и сказал, что я еду за ранеными. Через некото-

рое время доложили, что двуколки готовы. Я оделась, вышла и села на двуколку Клюкина. Я любила этого санитара Клюкина за веселый нрав. Он всегда пел, насвистывал, или рассказывал смешные вещи. Муж даже иногда давал ему деньги, когда тот расскажет что нибудь интересное. Клюкин был уже старый мужик, (в транспорте и все были не молодые, из запасных солдат). Когда я села на его двуколку он обрадовался мне.

— Здравствуйте, барыня! (В транспорте мужа все так меня называли). — Что к нам в транспорт сестрицей поступили? — спросил он.

— Нет, только на сегодняшний день прикомандировалась, — отвечаю я. — А как вы, поживаете, Клюкин?

— Да что! Пока живы! Как турка побили, так теперь еще долго жить будем! Эх, барыня! И сколько ж их набили. Страсть!.. Да вот сейчас сами увидите! Две недели их «возют», а всех перевезти все никак не могут!

— Куда их возят?

— Не знаю. Только, надо думать, куда нибудь в одно место. Сколько солдат работают! Всех санитаров мобилизовали собирать трупы. Да где их всех соберешь?! Снегом занесло. Вот придет весна, так и обнаружатся...

— А вы, тоже ходите собирать трупы?

— Ну, нет! Наш старший врач не дал ни одного человека! Сказал, что все-де люди заняты перевозкой раненых. А я так скажу вам, барыня: не хорошая это работа! Не люблю я упокойников! Когда случится на моей двуколке помрет человек, ну, снимешь его, сердешного, жалко ведь, на чужой стороне помер — солдатом. А так, не люблю их! Живой человек лучше!

Как только мы выехали на главную улицу, я сразу увидела целый караван простых саней, запряженных одной лошадью. На санях-розвальнях были навалены как попало трупы. С узких саней свешивались и волочились по грязному снегу руки, ноги и даже головы. Они совсем не были похожи на солдат: ни на одном трупе не было верхней одежды; все были босы; бросались в глаза красные рубахи.

— Смотри Клюкин! Что это такое?

— А вот таким манером и возют их целый день! Это все из лесу за Сарыкамышем. Их там тысячи! До весны хватит возить!

— Ужасно!.. Вот так же могло случиться и с нами, если бы турки одолели нас.

— Да это, что и говорить! Только, барыня, это все мороженные! А наши бы так не умерли! Если бы турки нас одолели — то наши бы все были побиты, поранены! А турки померзли.

Захватили лес; до самого города дошли! И остановились... Да так посейчас и стоят под каждой сосной мороженные... Все до последнего...

— А почему они все раздеты и разуты?

— А «хто» же его знает? — Может свои же! А может и наши соблазнились...

Мы едем шагом рядом с печальным караваном... Лошади едва вытаскивают ноги из размятого, глубокого, серо-красного снега. Наконец, мы свернули на дамбу и обогнали «мертвый» караван. Посреди дамбы встретили Ткаченко. Сначала я его не узнала; он весь был обвешан, нанизанными на веревку башмаками. — Стой, Клюкин! — Ткаченко! Откуда у тебя эти башмаки?

— А вот, с горы...

— С горы? Да что они, валяются там?

— Нет! Я снял их с убитых турок...

— Что ты! Как ты можешь это делать! Это невозможно! Ведь это мородерство!..

— А что, барыня, ведь мертвых — закопают! А разве убитому турку не все равно босиком или в башмаках гнить!? А тут я их высушу и продам.

— Да разве это позволено делать!? Я же сказала тебе, что это мородерство!!

— Да нет же, барыня! Я просто ходил и выбирал какие поновее и снимал. Так уси солдаты делают! Кто мешать будет?! Вы, барыня, пожалуйста ничего не говорите старшему врачу. А то он меня убьет, если узнает... А почто добру пропадать? Турки тоже самое делают.

Да! Я вспомнила как они раздевали еще не умерших своих товарищей, на станции Ново-Селим.

— Вон я сейчас ходил искал, какие поновее башмаки. Так на одном чулки совсем как наши, русские, что наши бабы вяжут! А вот подхожу и вижу на одном турке совсем новенькие башмаки! Ну, давай снимать. Один снял, ничего. Стал другой тянуть, не снимается. Я наступил на его ногу и как потяну! А он как застонет — о-о-ох! Так я прямо чуть не бросил добрый башмак!

— Ткаченко! Так ведь турок же живой! Неужели ты его разул и бросил умирать!? Почему ты не позвал кого нибудь, помочь принести его вниз!? — чуть не плача говорю я. — Идем! Покажи, где он! Можешь ты найти то место, где он лежит?

— Могу. Да он теперь помер уже...

— Ты его убил?!

— Так он, ведь, только чуть был жив! А как я наступил ему на раненую ногу, так он и помер...

— Ты его убил! Ты его убил! Раненого убил! — повторяю я, готовая закричать от ужаса. — Клюкин, поезжай скорее.

— Барыня! Не говорите барину, — кричит в догонку нам Ткаченко...

Звери! Звери люди! Хотелось кричать на весь мир...

— Клюкин! Ведь они, эти турки, такие же солдаты, как и наши!

— Конечно! Такие же! — согласился он. — Ведь обирать убитых — грех и преступление!

— А неужели Ткаченко убил этого умирающего турка?!

— Может и убил. Да что с ним делать-то, барыня?! Ведь он наш враг, этот турка! Нам самим сейчас продовольствия не хватает... А тут еще за ним смотри и его продовольствуй! — серьезно говорит Клюкин.

— Это временно не хватает: поезда не ходили, а запасы из складов перед боями все вывезли! Ну и нехватка получилась. А Россия может прокормить и себя и еще две таких Турции!..

— Да, это верно, барыня! Да может Ткаченко просто набрехал! Чтобы попугать нас, до показаться нам, какой он герой! А, может быть, самому со страху все померещилось! Тоже ведь: хоть и день, но ходить «середь упокойников» не хорошо. Да где там, в такой мороз выживет турка несколько дней? Да еще раненый! Слышь? На раненую-то ногу наступил, да еще потянул сапог? Да! И на что он их набрал, этих сапог-то?! У нас казенного сколько хочешь. Как только сносились, сейчас же — пожалуйте новенькие! Жадность человека обуяла. Продавать хочет!.. — закончил свои рассуждения Клюкин.

Теперь мы повернули уже на шоссе, вдоль горы, где были все время самые большие бои. И опять та же кошмарная картина: трупы, трупы! Горы трупов навалены вдоль всего шоссе. Они падали сраженные пулями друг около друга, смачивая друг друга кровью, и так и замерзали. А теперь пришли наши солдаты и стали стаскивать тела под гору. Возьмет и тащит за руку одного убитого, а за ним тянутся еще несколько таких же, смерзшихся вместе. Вон, один лежит поперек трупа и точно хочет стрелять из-за прикрытия. Но у него нет половины головы. Череп срезан и точно в чаше застыли окровавленные мозги. Я отвернулась, но вдруг увидела, что-то странное и дикое! Около самого вокзала была сложена большая красная пирамида из тел в самых разнообразных позах...

— Клюкин! Посмотри! В такой-то мороз, а они в одних рубахах! Кто это?

Но, не успел он ответить мне, как мы уже подъехали ближе и я увидела, что это были не живые люди! Огромная группа на уровне вокзальной крыши была из... трупов турецких солдат!! Они было во всевозможных позах: нижние, как подставка, лежали наваленные, как попало. Но выше, некоторые сидели в разных позах. Другие стояли по несколько трупов вместе, обнявшись. А на самом верху стоял груп с вытянутой вперед рукой, с лицом повернутым к Сарыкамышу и с оскаленными в страшной улыбке зубами. Издали они казались живыми и я их приняла за живых людей. Такие им были приданы естественные позы... Вблизи эта группа мертвецов была страшна! Страшна и видом своим и смыслом... как бы издевательства над жертвами подвига самопожертвования...

— Это казаки сделали! Пущай смотрют на Сарыкамыш, если взять его не смогли и наших голов порубить не сумели... — сказал Клюкин.

Турки были совсем раздеты. На трупах были только штаны, с расстергуныти поясами и вывернутыми карманами. И ситцевые красные и розовые рубахи с расстегнутыми воротами. Большинство босые.

Только что наша двуколка остановилась около вокзала к нам подошли казаки и показывая на пирамиду и хохоча, сказали мне: — Сестрица «подивитесь»! Из вокзальных дверей выходили все новые и новые казаки и все наперебой друг перед другой рассказывали мне все подробности этого сооружения. Они были все молоды и громко хохотали показывая белые зубы. На них были прекрасные меховые шубы, все почти надетые в распашку. А под ними виднелись суконные черкески, в тонкой талии перетянутые кавказским щегольским ремешком с серебром. На головах, лихо заломлены, каракулевые папахи. Они как бы олицетворяли в себе могучую силу и красоту Российского войска... Только я слезла с двуколки, чтобы идти, они обступили меня: — Сестра, видите сколько мы набили турка!? Это мы вас защищали! А где вы были, когда мы сражались?! — спрашивали те, кто был ближе ко мне...

— А с горки на вас смотрела! — говорю я, невольно заражаясь их весельем.

— Эх! Черноглазая! — говорит кто-то в толпе казаков... — Да жаль! Маша, да не наша!..

В это время подошел фельдшер и, обрашаясь ко мне, говорит: — Барыня, я видел раненых. Перевязывать не надо!

Можно так грузить и везти в госпиталь. — Казаки расступились, и я пошла на вокзал. Мы быстро погрузили раненых и поехали обратно. Сдавать раненых в госпиталь поехал один фельдшер, а я слезла около нашего дома.

Я рассказала мужу все, что видела около вокзала, особенно про страшную группу мертвых турок.

— Турецкое золото победители искали! — сказал муж на мой вопрос, почему у трупов расстегнуты штаны и рубахи? Но Ткаченко я спасла. Не сказала мужу ничего.

В тот же день после обеда, а день был прекрасный, оттепель и яркое солнце, — я хотела пойти посмотреть, как выглядит Сарыкамыш после нашествия турок. Когда я вышла во двор, то увидела, что из дверей конюшни, где стояли наши лошади, валил дым. Я подошла к дверям и увидела, что посреди конюшни горел костер. А над костром, на жерди, были навешаны те самые башмаки, которые давеча нес Ткаченко. Башмаки были аккуратно связаны попарно, за ушки, и сушились на маленьком жару. Ткаченко сидел на корточках перед костром, помешивая осторожно горевшие сучки и подбрасывая новые. Видно было, что он целиком был погружен в это мирное дело.

— Ткаченко! Сушишь снятые с покойников башмаки?! — спросила я.

— Дак, они ж уси пропадут, если их не просушить!!

Он был очень хозяйственный хохол! Все, что видел хорошее казенное, всегда примеривал и прикидывал: — Вот, если война кончится и станут казенное добро задарма продавать, я это куплю. — Лошадей за которыми он смотрел и которые возили только мужа, он считал неотъемлемой своей собственностью! — Поведу до дому, как кончится война! Больно добрия «коняки»! Добре пахать станут! — Ни в дождь, ни в холод, никогда не оставит их не укрытыми попонами, которые у него были всегда в порядке, все время пока я была с мужем в транспорте. У других санитаров давно было все порвано и потеряно. Муж всегда давал ему денег, он любил его за исправность и аккуратность.

— Ткаченко, что ты будешь делать с этими башмаками?

— Я, видите ли, думку держу. Если я буду стараться, может быть старший врач отпустит меня в отпуск, до дому. И тогда я эти башмаки и продам. Я повезу их в свое село. Там все купят; башмаки я выбирал добрые, гвоздями подбитые. Жинка писала, что обувь сильно подорожала. А если старший врач не пустит меня до дому, так пошлю жинке. Она там их сама продаст. Хорошие башмаки!

— Ведь старший врач дает тебе каждый месяц деньги?!

— Так! За это и спасибо! Но я все деньги посылаю жинке; она ведет хозяйство! А здесь на что деньги? Сыт, одет, не курю... Ни на что мне они здесь!

— Ну, теперь скажи пожалуйста правду: жив был турок, с которого ты снял бамшами?..

— Да может быть мне «померещилось»? Только ведь один раз я и услыхал — ох-х! И ничего больше! Я смотрел на него. А он ничего, как мертвый! И взаправду мертвый! Мороз-то какой был! Только не говорите старшему врачу... — снова повторяет он. А тут же в углу стояли «его» лошади и мирно жевали сено.

Я вышла из конюшни. Да, готов кого угодно раздеть, только бы послать жинке, чтобы «справное» было хозяйство! — подумала я.

Весной муж и вправду отпустил его съездить домой. А когда он вернулся, то привез гостинец — свиное соленое сало. Когда я отказалась от этого угощения, сказав, что мы его не едим, то он просто ушам своим не поверил. Как это возможно не любить сало?!

— Так ведь это домашнее! Жинка моя сама солила! «А может хочите», барыня, гуся копченого? Я привез и его тоже!..

— Спасибо Ткаченко. Мы ничего не едим копченого! Ты лучше угости команду.

Он посмотрел на меня испытующе и ушел. Потом как-то я ехала с ним на двуколке и он рассказывал мне, как он ездил «до дому».

— Вот барыня, война меня совсем другим человеком сделала! Нужно сказать вам правду! До войны я был никудышный человек. Пил шибко; за хозяйством не смотрел; жинку бил смертным боем. Она, как зверя меня боялась. А вот, когда пожил на войне, да соплей на кулак намотал, так когда приехал домой, вы барыня не поверите, точно все увидел в первый раз. И столь мне все показалось хорошо. Хожу по всему хозяйству и не «надивлюсь». Да и ребят своих, точно первый раз увидал. Трое их у меня. Раньше я их и не видел. Всегда был пьян. И бил, если попадались на глаза. А теперь, смотрю, две девочки да хлопец, большенькие уже, матери помогают по хозяйству. А жинка! Так прямо хоть бы и снова жениться на ней мог бы! Такая «гарная» стала!... Что ж?! Робит! Хозяйство «справно» держит! Никто ее не бьет, не тиранит... Она и стала гарна. А погана ж была до того! А теперь, как я увидел ее, то сразу подумал: вот, как гарна стала без меня! Может теперь меня по

шее, да за ворота выгонит вшивого солдата?! Но не! Как увидала, да как бросится на шею ко мне, да как начала плакать... — Он замолчал. Видно взволновало его воспоминание пережитого... Помолчав, он снова заговорил о том, что его больше всего интересовало... — Ну! Так уж я и робил дома. Спать не хотел ложиться. Все бы чего нибудь да еще хотелось сделать вокруг хозяйства. Все починил, все справил — начисто! Вижу, жинка смотрит на меня ласково: «Ты, Грицко, коханый муж мой, совсем другой стал, как побывал на войне! Теперь мне расставаться с тобой тяжко будет...» И правда! Вот как она плакала! Сейчас еще в ушах стоит плачь ее!..

На другой день утром, в нормальное время, я была уже в госпитале. Поздоровалась с новыми сестрами.

— Это вы, сестра Семина, все время работали здесь, когда были тысячи раненых? — спросили меня они с жадно горевшими глазами!

— Нет, работали доктора и фельдшера полковые. А я только помогала, сколько могла.

— А нам доктор говорил, что вы единственная были здесь сестра. Мы вот поздно приехали! Все раненые уже отправлены! Для нас мало осталось... — с сожалением говорят сестры.

— А вы откуда, сестры, приехали? — спросила я их.

— Из Тифлиса. Мы только-что кончили курсы. Нас так гнали! Чуть ли ни день и ночь читали лекции, чтобы закончить курсы скорее и послать нас на фронт. Все говорили, что не хватает сестер! Приехали мы сюда, а раненых отправили в Тифлис.

— Ну, сестры, на наших руках осталось еще больше восьми сот раненых! И новые все время прибывают, хотя и понемногу, но каждый день. — Утешаю я, чтобы они не жалели, что им раненых мало.

— В Тифлисе ужасная была паника. Говорили, что турки идут прямо на Тифлис. Многие бросали все и уезжали из города. Фаэтонщики брали тысячи рублей из Тифлиса до Владикавказа. Тех, кто ехал по военно-грузинской дороге, грабили разбойники. И беженцы приезжали во Владикавказ раздетыми и обобранными до чиста. У нас на курсах говорили, что здесь раненые валяются на улицах и некому их перевязывать и уносить в госпитали, — говорила одна из сестер.

— Ну улицах, если они и валялись, то не долго вероятно. А перевязывать уже в госпитале действительно было некому! И раненым по неделе и больше не меняли повязки. Раны так загнаивались, что тяжело было перевязывать их, — рассказываю

я, а сестры тяжело вздыхают. — Слава Богу, теперь всех перевязывают каждый день и во время! Вы не жалейте, что мало осталось раненых. Навезут! На всех хватит! Война еще не кончилась...

Вечером муж сказал мне, что транспорт сегодня весь день перевозил тифозных. Один госпиталь отвели специально для сыпнотифозных. Их очень много и с каждым днем количество будет увеличиваться. Теперь тиф пойдет гулять!

Весь январь прошел более или менее спокойно. Раненые поступали, но сравнительно немного. Госпитали почистились и навели обычный порядок после декабрьских боев и тысяч раненых. Сегодня муж говорил, что в окончательном подсчете, его транспорт вывез за время боев больше ШЕСТИ тысяч раненых. — В два раза больше, чем другие транспорты вывезли за это же время.

На другой день, когда я вернулась из госпиталя, мужа не было дома. Гайдамакин сказал, что он пошел в штаб.

— Зачем ты ходил в штаб? — спросила я мужа, когда он вернулся домой.

— Вызвал нас, всех старших врачей, дежурный генерал для того, чтобы сговориться о том, который из транспортов послать на Ардаганское направление. Он спросил нас не пожелает ли кто добровольно поехать туда. Все, кроме меня, сразу «пустили слезу», что они-де не знают местности, потому что они не кавказцы. А вот доктор Семин здешние места знает хорошо. Он старый кавказец и жил в Карсе долго.

— Ну, а дальше что?

— Да что дальше! Конечно, я согласился! В конце концов, не все-ли равно, где работать! Везде война, везде такие же солдаты! Конечно, другие думают иначе. Вон доктор Хлебников говорил мне по дороге, когда мы шли с ним в штаб, что он нашел маленький домик и хочет выписать к весне жену. А другой сказал, что у него очень хорошенькая квартирка и ему жаль ее бросать. И тоже выписывает жену. «Хочется пожить по-семейному», сказали они. Что можно возразить против этого? Они все мне завидуют, что ты со мной. Сколько раз говорили: — Что вам война! Жена с вами! Не все ли вам равно, сколько лет война продлится!..

Мне как-то жалко стало покидать Сарыкамыш. Много мы пережили в нем и он стал каким-то близким. Да и обжились. Здесь я работаю в хорошем госпитале. Узнала врачей и сестер. Теперь бы только работать! А тут опять надо уезжать в какое-то дикое и незнакомое место, где все разрушено турками.

— А когда выступать! — спросила я мужа, который тоже был в грустном настроении.

— Вот, как закончим всю отчетность и хозяйственные дела. Через несколько дней, я думаю, можно и выступить. — Он казался расстроенным и некоторое время молчал. Потом встал, прошелся по комнате дымя папиросой и сказал:

— Сколько бы человек не был полезен, но, если он не бегает, не хлопочет за себя и не заискивает перед начальством, то, в конце концов, его все равно сведут на нет! А вот такие, — он показал рукой на улицу, — всегда устроят наилучшим образом свои дела. Они каждый день у начальства на глазах; всегда много говорят о своих делах. А я никого в штабе не знаю; был там два-три раза, да и то, когда меня туда вызывали. А другие — там свои люди! До войны я как-то мало сталкивался с начальством, которое любит поклонение. Я не привык ни заискивать, ни угождать кому нибудь. И теперь, во время войны, я все так же держался вдали от имеющих власть. Я не забегаю, не прошу ни за себя, ни за других, не устраиваю своих личных делишек. Мои начальники знают меня только по номеру моего транспорта. Никаких других отношений у меня с ними нет.

Меня его слова, полные горечи и обиды, удивили. Я никогда не думала, что среди врачей существуют такие люди. Тем более, что врачи всех санитарных транспортов, работающих в Сарыкамыше всегда бывали у нас и за стаканом вина высказывали дружбу к моему мужу. Бедный, родной мой Ваня! Сам всегда меня предостерегал: будь осторожна, ты людей совсем не знаешь, а люди все мерзавцы! А тут не видел того же самого. Чем эти врачи лучше простого солдата Ткаченко, который снимал с турецких трупов башмаки, чтобы продать их, а деньги послать жинке, на улучшение хозяйства. Так же и коллеги мужа устраивают свои личные дела. Они готовы перешагнуть через кого угодно, только бы намеченная цель была достигнута. У одного доктора — хорошая квартира, жалко бросать, у другого — присмотрен домик для приезда жены. А в Ардаган пусть едет доктор Семин. В этот Ардаган, где нет ни одного целого дома; где в каждом доме, еще валяются трупы зарезанных целыми семьями армян, где все окна выбиты, двери сорваны, полы, потолки и вообще все дерево сожжено, а вместо домов стоят только полуразвалившиеся саманные стены. Доктор Семин, — он с женой! Ему все равно где ни жить! И вот каждый вечер эти милые коллеги заходят к этому самому доктору Семину выпить стаканчик вина и погреться. Так они и говорили: — К вам тянет! У вас тепло и уютно, совсем по-семейному!

Ваня, мой милый! Он все хочет найти справедливость! А кому она нужна? И где ее можно искать!? Очень мне стало тяжело и грустно от этих дум.

— Ты, Тина, что загрустила? Не хочешь из Сарыкамыша уезжать? — спросил муж, видя, что я все молчу.

— Нет! Пускай остаются здесь все эти «коллеги»! Ты прав! Везде те же русские солдаты и везде они нуждаются в нашей помощи! В Ардаган, так в Ардаган! Будем и там работать! — храбро говорю я.

— А в Ардагане сейчас очень скверно! Город почти разрушен; трудно будет найти даже комнату. Что уцелело от турецкого разгрома, то все уже занято войковыми частями. А в штабе сказали, что там раненых мало. Больше всего тифозных... Но... — сказал он и остановился, смотря на меня. Его прекрасные глаза были грустны. — Знаешь, Тина, хотя временно, но нам сейчас придется расстаться! Я поеду туда сначала один. А ты поезжай домой, отдохни, пока я там устроюсь.

— Вот это было бы прямо ужасно! — говорю я. — Я не хочу ехать домой в такое время! Я нужна здесь! А дома все разрушено: прислугу отпустила, квартира холодная...

— Видишь ли, я думаю, что для тебя просто необходимо поехать и отдохнуть после всего пережитого здесь. Я напишу Яше, он все приготовит для твоего приезда.

— А не лучше ли если я пока буду работать в Карском госпитале? Все же это будет ближе к тебе? Ты сможешь приезжать туда.

— Нет! Пожалуйста поезжай сейчас домой. Я буду спокойнее. А тем временем я все разузнаю. Если госпиталь там хороший, а мне удастся найти квартиру, или хорошую комнату, сейчас же напишу тебе и ты приедешь. Хочешь — возьми Гайдамакина с собой.

— Нет, он мне не нужен. Я же не буду открывать весь дом! Займу одну, или две комнаты. Дворник будет топить печи. Но горничная мне нужна, а моя Маша служит у Яши. Ты напиши ему, чтобы она ко мне вернулась временно.

Вот и опять перемена! Плохо ли, хорошо ли, а с войной мы как-то мирились. Все неудобства сглаживались, не так остро ощущались, порой даже забывались. Все как будто наладилось, как надо. Казалось нормальным, что по две недели не мылись, что Ваня спит на полу, что постельное белье желтое, непростиранное и, конечно, совсем неглаженное. Едим бурду вместо супа. Хлеб черствый. Посуда вся калеченная и плохо вымытая. Всегдашний холод в жилище кажется нормальным яв-

лением... И вот опять полная ломка налаженной жизни! Больше всего я беспокоюсь за мужа! Заберется он в эту глушь; начнет опять много пить. Здесь, пока мы были вместе, он сдерживался и пил гораздо меньше. А эти типы, братья Костины, опять будут спаивать его. Они не смели, при мне, даже приходить к нам в дом, если муж не потребует их сам. Я запретила им покупать напитки для мужа... А теперь останется муж один, станет ему скучно, и опять появится выпивка, а с выпивкой влезут и эти братья-жулики Костины!

Сегодня стала укладываться. Решили ехать до Карса вместе с мужем в двуколке. А в Карсе сяду на поезд.

Из Сарыкамыша я выехала на двуколке Клюкина, а по дороге уже пересела к мужу.

— Клюкин, скажи мне пожалуйста правду, почему лошади грызут забор? Правда ли, что у них чешутся зубы? — задаю я ему вопросы, которые давно уже не дают мне покоя. Каждый день лошади привязываются вдоль всей ограды и стоят там несколько часов, греясь на солнце. Забор был деревянный, дощатый. Лошади его почти весь сгрызли. Это я видела каждый день и всех спрашивала причину, так же как и муж. Но никто, ничего мне не объяснил. Муж сам тоже не знал, что это за странное явление? Теперь я нарочно поехала с Клюкиным, чтобы выпытать у него правду.

— Нет, барыня, это не так! Зубы у старых лошадей не чешутся... А только они всегда голодны! Вот и грызут все, что ни попадется... А к забору мы их привязываем нарочно, чтобы старший врач видел...

— Слушайте, Клюкин! Почему вы не скажете ему прямо, что лошади голодны?!

— Эх, барыня, — боимся! Старший врач больше верит заведующему хозяйством Костину... Были случаи! Мы намекали. Так он на нас же и накричал: вы-де никогда ничем не довольны и всякого готовы облить грязью! Ну, мы ничего больше и не говорим. А лошади голодают! А Костины денежки кладут в карман!

— И это истинная правда, Клюкин?

— Вот, как перед истинным Богом — правда! Мы все ведь видим, что эти братья Костины делают. Но они сумели подойти к старшему врачу и он им верит, а нам — нет! Они только вас боятся. Пока вы были здесь они не лезли к старшему врачу. А вот, как только вы уедете, так опять будут пить вместе. И будут делать, что захотят.

— Клюкин, какие ты страшные вещи рассказал! Если все это правда, так ведь они погубят моего мужа!

— Да! Так оно и будет. Они его споят! Вот тогда, целые ящики доставляли всяких напитков. Сами-то купят задешево, а ему подадут счет чуть не на тыщу рублей! Они, барыня, хитрые — убийцы! Нарочно поят его, чтобы старший врач не читал счетов! А с пьяных-то глаз человек подмахнет, что угодно! Вон, мы сала не получаем с первого дня, как попали в транспорт!

— А знает старший врач, что вам полагается сало? Почему вы не заявите ему об этом?

Какой ужас! Лошади голодны! Команда недовольна! Заведующий хозяйством просто на просто — мерзавец и жулик! А муж пьет и думает, что все хорошо и благополучно. Это ужасно! Как я могу уехать и оставить его одного?

— Стой! Я пойду к мужу и все расскажу ему.

— Нет, пожалуйста, не сейчас только! Вот, когда мы приедем на новое место, мы сами заявим притензию. Вот тогда все и откроется!

— Так ты ведь, таких страшных вещей нарассказал мне, что я не могу уехать домой и оставить мужа этим негодяям.

— Да, это точно, что негодяи они, барыня! Но вы поезжайте с Богом. А если что случится со старшим врачем, я вам напишу, — серьезно сказал Клюкин.

— Правда, ты напишешь мне все?

— Правда напишу. А теперь ничего не говорите ему.

В Карсе на вокзале такая огромная толпа, что нет никакой возможности получить место в купэ. Муж поставил у самых дверей Гайдамакина, чтобы, как только откроют двери, первому войти и занять для меня место. Вдруг подходит старший Костин и говорит, что место для меня уже занято.

— Разве где нибудь открыта дверь? — спросил муж.

— Нет еще. Но у меня кондуктор приятель. Я ему сказал и он оставил в купэ место.

Что мне оставалось делать? Я его поблагодарила... Когда он отошел, я сказала мужу: — пожалуйста будь осторожен! Я слышала, что эти Костины очень нечестные люди...

— Я сам думаю над этим давно. Но у меня нет никаких данных, для их обвинения. А оба они страшно милы со мной и стараются, работают изо всех сил.

— Они споят тебя, одного, без меня!

— Ну, что ты! Как будто я маленький мальчик, с которым можно делать что нибудь помимо моего желания.

— Хорошо, родной мой. Я верю тебе и буду ждать от тебя хороших известий и, как только будет возможность, сейчас же приеду к тебе опять.

Вот первый звонок! Мы пошли к дверям в общей толкотне и давке. Когда мы вошли в вагон, кондуктор сам нашел нас и указам купэ. — Сюда пожалуйте, — указывая на нижний диван, сказал он. Нашелся и Гайдамакин с моими вещами. Когда кондуктор и Гайдамакин вышли из купэ, мы с мужем сели на диван и молчали, как будто и сказать друг другу нечего. На сердце у меня было тревожно. Муж курил; лицо грустное; смотрел в пол.

— Ваня! Два звонка уже! Иди, родной! А то поезд после третьего звонка сразу трогается.

Мы целуемся и он выходит из вагона. Я смотрю в окно. Вон и он. Полушубок расстегнут, еще простудится, думаю я и показываю, чтобы застегнулся. Машет головой, — нет! Третий звонок! — До-свиданья! — кричу я сквозь закрытое окно! Платформа стала медленно уходить. Муж машет рукой и что-то говорит... Позади его стоят Гайдамакин и Костин.

— До-свиданья, родной мой Ваня!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Глава 6

Опять разлука

Поезд тронулся. Платформа стала медленно уходить от меня, а с ней и мой любимый Ваня. И тогда только я поняла, что опять уезжаю от него. Давно ли я с таким волнением ехала по этой самой дороге и на этой самой Карской станции волновалась, что поезд стоит так долго! Каждый лишний час вдали от него казался мне вечностью. Но тогда я ехала к нему! С таким нетерпением ждала встречи с ним! Я думала тогда, что еду к нему на все время войны и уже ни за что не оставлю его одного... А вот опять этот же поезд выстукивает тоже самое: — уехали-уехали-уехали...

Почему все так сложилось? Ни я, ни муж этого не хотели, а вот опять разлука... Кто-то, кто сильнее нас, руководит нами помимо нашего желания. А как бы было, если я поступила бы штатной сестрой в госпиталь? — подумала я. Нет! Было бы хуже. Например, если бы я поступила в Сарыкамышский госпиталь? Нет, ни за что! Его, бедного моего Ваню, выслали в эту Ардаганскую тифозную дыру, а я буду работать в Сарыкамыше вместе с теми врачами, благодаря которым послали мужа на новое место работы! Ни за что! Очень хорошо сделала, что не поступила штатной сестрой. По крайней мере не вижу эти противные рожи! А что, если я осталась бы в Карском госпитале? Вот это было бы теперь кстати. Единственный транспорт здесь, это транспорт мужа и он будет привозить раненых в этот госпиталь. И я часто видела бы если не его самого, то его санитаров, двуколки, лошадей. Могла бы посылать с ними записки ему. Почему я этого не сделала, когда мне предлагали и даже уговаривали остаться в госпитале? Вот непоправимая глупость!.. Может быть сойти с поезда на первой остановке и вернуться в Карс, пойти в госпиталь и попросить, чтобы меня зачислили штатной сестрой? Хорошо! А если мужа еще куда нибудь пошлют в другое место? Что тогда? Ведь меня не пустят из госпи-

таля никуда. Тогда, может быть, я целый год его не увижу... Вдруг его пошлют обратно в Сарыкамыш, а я останусь здесь в Карсе одна, как в декабре!.. Нет! Лучше быть свободной!

А поезд увозит меня все дальше и дальше от Вани. Такая тоска. Если бы было место, где я могла бы поплакать, стало бы легче. Но столько народу едет! В моем купэ сидят вплотную друг около друга. Как тут заплачешь?.. И так ко мне все внимательны. Конечно, это потому, что я в форме сестры милосердия. На каждой станции садятся все новые пассажиры, хотя мест уже нет никаких. В Тифлисе на вокзале прямо светопредставление! Куда это только едут все эти люди? Все с чемоданами, с корзинками и узлами, так что для пассажиров и места не остается. Около всех касс очереди. На платформе столько народу, что невозможно пройти. Зал первого и второго класса полон: нет ни одного места, чтобы посидеть. А в третьем — сплошная масса солдат, баб, рабочих детей! Многие лежат на заплеванном полу. Всюду шутки, смех, пение под гармошку. В Баку тоже самое. Каждый поезд отходит переполненный, но на перроне народу не убавляется нисколько! Все прощаются, машут платками, кричат — до свиданья!

Едут! Все едут! Вся Россия едет куда-то!.. Сидели по домам десятки лет. Не мечтали поехать даже в ближайший губернский город! И вдруг — снялись с насиженных мест и чуть ли не все — поехали!.. Да ведь, куда! Я слышала, как старый чиновник рассказывал какой-то даме: — Сорок лет никуда не выезжал. А как получил письмо от сына, жена и говорит, — ты папа, — то есть это я-то, — поезжай, навести его! Ранен ведь он, бедный Володенька! — Что ты! — говорю, — куда я поеду в такую даль? Я и дороги-то не найду на Кавказ! — Плачет, ночи не спит. Жалко мне ее стало. Полез на чердак, нашел сундучек, надо же кое-какие вещички взять. Да пришла замужняя дочь и сказала, что с сундучком теперь никто и не ездит! Принесла свой чемоданчик... Так и собрался я в дорогу, да вот и еду шестой день!

А разве мало едет из Тифлиса в Петроград, из Ростова в Варшаву, из Варшавы в Сибирь! Все разыскивают по госпиталям сыновей, мужей, братьев, отцов. Вынуты из сберегательной кассы сбережения, которые откладывались по рублику, десятками лет, а теперь тратятся сотнями на желездонорожные билеты, на «номера» в третьеклассной гостинице. Меньше всего тратится денег на еду и на передвижение по городу. Я помню, как-то в Тифлисе, спросила меня какая-то женщина (очевидно приезжая, — вид растерянный, лицо усталое, грустное), как

пройти в Навтлуг. Я стала объяснять на какой трамвай лучше сесть. Но она перебила меня и опять твердит: сестрица, да вы расскажите, как мне туда пройти! Ноги у меня не нанятые! Пешком дойду. А на эти трамваи сколько нужно денег. Я и так истратилась на железную дорогу, а теперь вот и за номер надо платить...

В Багу на вокзале меня встретили Яша и Нина.

— Здравствуй, героиня! Мы думали, что ты уже в Турции у какого нибудь паши в гареме ходишь в шароварах и в чадре!.. — так приветствовали они меня.

Мы вышли с вокзала, взяли фаэтон и поехали домой. По дороге Нина сказала, что моя квартира еще холодная.

— Я приготовила для тебя комнату. Сегодня переночуй у меня, а завтра мне обещали прислать для тебя девушку, если она понравится тебе, ты перейдешь в свою квартиру.

— Спасибо! А что сталось с моей Машей?

— О, она вышла замуж. Помнишь у нас жили квартиранты Черняевы. У них был сын Володя. Он выдержал экзамен на прапорщика, а потом женился на Маше. Пышную справили свадьбу! А скоро после свадьбы он уехал на западный фронт, а Маша твоя живет у матери, как барыня-офицерша. А мать у нее за прислугу.

— Что ж! Рада за нее! А как твой Алексей? Где он?

— Сидит в окопах. У сальянцев много убитых офицеров. А мой Алексей даже не ранен.

— А ты, Яша, почему мрачный?..

— С перепою голова болит...

Приехали домой. Дети повисли у меня на шее. И все, что они слышали в разговорах взрослых, теперь задавали мне бесконечные вопросы: — Тетя Тина, где дядя Ваня? Турки не взяли его в плен? Дядя Ваня лечит турок? А ты видела турок? Они страшные?..

На другой день пришла обещанная девушка. В широкой, до пят юбке, на голове шерстяной платок, завязанный под подбородком узлом, белясые волосы заплетены в косу. Недавно приехала из Саратовской губернии и в горничных еще не служила. Но мне и не нужна был особо опытная. Мои потребности стали много скромнее, чем до поездки на фронт. Могу сама мыться; без посторонней помощи одеваюсь и раздеваюсь...

— Даша, а можешь кофе сварить?

— Смогу, если покажете...

Неуютно в моей квартире. Мебель в чехлах сдвинута по углам. Дворник натопил печи и в комнатах тепло. Но я только

одну мою спальню и привела в порядок. Когда прохожу по другим комнатам, то стараюсь не смотреть по сторонам, — неприятно. Приходят квартиранты и, так же, как и дети, задают бесконечные вопросы о пережитом и о минувшей опасности. Сами же рассказывают с величайшими подробностями все, что было, а также и то, чего не было во время наступления турок на Сарыкамыш, что я, слушая их пришла в ужас. После них мне стало совсем нечего рассказывать! Мои рассказы казались совсем бледными и не интересными...

— Разве с такими дикарями можно воевать по-благородному, по-рыцарски? — говорит отец Нины. — Подумайте только! Несколько поездов с госпиталями захватили. Раненых перебили. Врачей перебили. А сестер милосердия раздели до нага и каждый турецкий солдат привязал к своему поясу за косу сестру и так и водил ее, пока несчастная не умирала в жестоких мучениях!..

За два дня я отдохнула с дороги и сегодня решила пойти в город. Да, кстати, зайти и к портнихе, узнать, что нового в дамском мире. Портниха моя тоже была в курсе всей Сарыкамышской операции. Она радостно встретила меня:

— Ах! Мадам Семина, как я рада видеть вас живой. Такие страсти мы здесь читали про ваш фронт. Я думала, больше не увижу вас живой. А как доктор?

— Он ничего, здоров, спасибо!

— Ах, мадам Семина! А у нас полон город новых дам. Я завалена заказами... Никогда раньше я не шила столько дорогих платьев, как теперь. Из старых заказчиц мало кто приходит. Как-то я встретила вашу полковую даму, мадам Иванову, бедная в трауре. И такой у нее не хороший вид, что я не решилась и спросить ее по ком траур она носит. Хотя видно, что по мужу?

— Да, капитан Иванов убит.

— Мадам Семина! Какие странные заказчицы теперь приходят. Все молодые, руки красные, пальцы толстые, лица странные, — не здешние.

— Почему вы думаете, что не здешние?

— Я никогда не видела таких раньше у нас в Баку. Заказывают все дорогие платья. Недавно пришли две дамы, принесли дорогую материю и говорят: «Сшейте по карточке; с корсетом»! Я спрашиваю — «с каким корсетом?» «А с таким, что барыни носют»! Я стала объяснять, что корсеты для всех одинаковые. А они говорят: «Да мы никогда не носили корсетов! Не умеем их носить! Да я его, проклятого, никогда не надела бы,

да муж заставляет, говорит, «будь как барыня! Потому я теперь прапорщик! Все равно, что офицер!» Ну, мы пошли в магазин и я купила. Но, как надену — просто дышать в нем не могу. Может быть я не так надеваю. А муж ругается. Если ты без «карсета», — не могу, говорит, я тебя в благородное общество повести, как «свою супругу!..» А другая потребовала: «Сшей мне такое платье, чтобы ни у кого такого не было»! На нашей улице открылся новый ресторан-кабарэ «ЛУНА». Всю ночь до утра гремит там музыка.

— Мадам Артюнова, я сейчас ничего не заказываю. Посмотрю сначала материи. Мне нравятся моды этого года.

— Мадам Семина, моды эту зиму замечательные! Юбки клош на подъеме или узкие, драпированные для вечера. К Рождеству я шила для вашей Нины Ивановны бархатное, малиновое, драпированное, вечернее. Очень шикарное вышло платье.

— Мадам Артюнова, задержите время и для меня; я что нибудь буду шить.

Выйдя от портнихи я пошла на бульвар. Мне хотелось посмотреть на море. Погода в это время стояла чудная, теплая, совсем весенняя. На бульваре было много гуляющей публики. Около кафэ и киосков с мороженым все столики были заняты молодыми офицерами с дамами: у дам букетики живых цветов, приколотых на груди — совсем по-весеннему. Лакеи едва успевали подавать заказанное. Все пьют, едят, смеются, громко разговаривают. Густая толпа ходит по широким дорожкам, обсаженным молодыми фисташковыми деревцами. Море спокойное, гладкое. Вон, как хорошо виден остров Наргин, голый, без единого деревца или кустика. Видны новые бараки; это для пленных турок. Всех пленных после Сарыкамышского разгрома привезли на этот остров. (С помощью местных бакинских татар, некоторые из турецких офицеров бежали с острова Наргина). С двенадцати часов дня Бакинский бульвар всегда был полон публики; но сегодня меня поразило сколько молодых, здоровых мужчин, штатских и в военной форме в будний день весело проводят время с дамами на бульваре. Точно и войны нет никакой! Молодые офицеры, или прапорщики гуляли со своими дамами непременно под руку, хотя мне казалось, что им было очень неудобно идти. Дамы шагали не впопад и делали такие большие шаги, что кавалер едва поспевал за своей дамой. Повидимому, все считали это хорошим тоном. Дама такого франта в военной щегольской форме шагала широко и размашисто, держась крепко за руку своего кавалера, а в другой руке несла бумажный пакет и размахивала им, весело и громко смеясь.

Я села за освободившийся столик и стала наблюдать за публикой. Никого из старых сальянцев не было видно. Не было и наших полковых дам... Сколько раз я сидела здесь с мужем до войны! Обычно играл наш полковой оркестр. Публика была своя; все лица знакомые. То подойдет товарищ мужа по гимназии, а теперь инженер; то товарищ по университету, то офицер — сослуживец по полку. Подходят здороваются, разговаривают друг с другом, как члены одной большой семьи; они все живут в разных домах, но вот сошлись вместе и, как всегда, рады друг другу. Все знают семейный быт и уклад жизни каждого из «своих». Кто нибудь непременно спросит, почему мы прошлую субботу не были на вечере? — Было очень весело и о вас все спрашивали... — Муж мой знал про знакомых, кто, у кого и чем болен. И тоже всегда спросит, поправляется ли больной — или больная.

Я была тогда счастлива! А теперь, сидят за теми же столиками новые люди. Никто их не знает. И они никого знать не хотят. И все наше им безразлично. Они много едят, много пьют, говорят еще больше и очень громко смеются... Это новые люди! Военная форма дала им почетное положение; сравнительно большие оклады жалования, при сравнительно легкой рабоботе, открыли им доступ к легкой и веселой жизни... Число этих новых людей все росло! Они были всюду! В магазинах они покупали все дорогое. В театрах были на лучших местах. В ресторанах выбирали еду не по названию, которого не знали, а по высокой цене. Снимали большие квартиры. Научились ездить в вагонах первого класса... Словом всюду и во всем искали то, чего им не давала жизнь в условиях мирного времени... Но, когда пришла революция, то они ничего не потеряли. Их дамы и в этой новой жизни были свои люди. Они знали все места, где и что можно было достать. У них был язык революции. Они умели говорить с торговками и те их понимали и считали своими. У них всегда были запасы всех жизненно нужных вещей и продуктов. Их мужья, прапорщики, после революции всегда что-то продавали и все покупали. И на покупке и на продаже, всегда выигрывали...

Глава 7

Скучно сидеть без дела. Хожу по разоренной квартире, как неприкаянная. Ходила в госпиталь. Врачи все те же; сестры все новые; сейчас начался опять курс лекций для нового выпуска сестер милосердия. Как великолепно оборудован госпиталь! Чудная хирургическая. Операции делает лучший хирург из больницы «Совета съезда нефте-промышленников», Окиншевич. Доктор Захарьян очень мило встретил меня и предложил приходить работать. Но я не знаю сколько времени проживу здесь, а на краткий срок начинать работу не хочется.

Моя горничная Даша тоже, кажется, тяготится бездельем. Да это и понятно, какая это работа сварить утром кофе, да прибрать одну комнату. Обедаю я у Нины. Сама она обедала дома за все это время только два раза. Я обедаю с детьми. Они очень рады, что мать не кричит на них и не заставляет их есть суп. Нина же всегда куда-то приглашена. Вечером ее тоже нет дома. В городе масса всяких развлечений.

Получила письмо от мужа: пишет, что Ардаган ужасное место. Грязь, трупы и тиф. Город разрушен турками очень сильно, но все же не настолько, как говорили в Сарыкамыше. Работы для транспорта мало. Трупы армянского населения валяются всюду, ими набиты все колодцы. И за городом, и по дорогам всюду трупы и трупы!.. Считает, что мне приезжать туда не следует.

«Холод; домишки не приспособлены; дует отовсюду; вода подозрительная. С едой тоже дело обстоит неважно. И в госпиталях все только тифозные больные. Сейчас затишье, ни для кого нет настоящей работы. Город полон казаков и солдат. Пьянствуют у кого есть деньги. Но ходят слухи, что мы долго здесь не простоим. Войска пойдут вперед и мой транспорт за ними следом. Но это будет не раньше весны. Вот если пошлют в Ольты, это другое дело! Место чудное! Тогда и ты можешь приехать туда. А сейчас ты отдыхай. Если тебе очень хочется работать, так ты и там найдешь работу в запасных госпиталях,

которых в Баку много. Турок здесь сильно оттеснили к границе... Тех, конечно, которым удалось спастись от декабрьского разгрома. Я ездил по местам, где были бои и видел какая масса трупов еще не убрано. Воображаю, что будет весной, когда снег стает!.. Тогда тиф примет еще большие размеры. Скучно мне без тебя очень, но все же я не вижу никакой возможности для твоего приезда сюда. Сиди дома, развлекайся. Из твоего письма я вижу, что в тылу живут весело и даже убитых не очень оплакивают! А этот кутила Яшка, я хочу, чтобы он приехал сюда и хоть немного посмотрел, что такое фронт и война. В его письмах я только и читаю: «мы кутили! мы пили!». Это просто ужасно! Ни одного слова о войне или о деле. Ведь за это время, пока он донесет каждую рюмку до рта, на фронте успеют убить несколько человек, может быть умных, знающих и нужных! А вот такой паразит только и делает, что хвастается своими кутежами. Если бы я мог, я послал бы его в окопы, чтобы он покормил вшей. Ты ему еще скажи, что я его жду! А то он будет тянуть и откладывать свою поездку сюда. Я его здесь подтяну. Буду держать на положении санитара. Он будет жить с командой, есть с ними из общего котла, ездить за ранеными и больными, кормить и чисть лошадей и мыть двуколки...»

Вечером пошла к Яше, чтобы передать ему наказ мужа, но застала у него гостей.

— Пожалуйте в столовую. У Якова Семеновича гости, в столовой все сидят, — сообщила мне горничная.

— Нет, я пройду в гостиную, а ты пойди доложи Якову Семеновичу.

— Здесь Нина Ивановна и Марья Яковлевна, — говорит горничная открывая дверь в столовую. Там я увидела знакомую картину. Накрыт стол, на нем бутылки разных цветов и размеров с напитками, тарелки с закусками. Какой-то неизвестный мне мужчина, развалясь на стуле и задрав толстую ногу на ногу, ораторствовал: «Только загребай, брат, денежки!» Напротив оратора сидела Нина, какая-то томная и, как мне показалось, нежная. В конце стола сидела Маня (так все ее называли и это к ней шло больше всего). Она слушала с расширенными глазами, положив голову на руки и не спуская глаз с оратора. Яша стоял у буфета, одной рукой облокатясь на него, а в другой держал стакан с вином. Второй гость, которого я видела тоже в первый раз, сидел против Мани, на другом конце стола. На каждое слово оратора он улыбался и как-то весь дергался; то отодвинется от стола, то опять придвинется и почти ляжет грудью на него и в то же время, не выпуская стакана из рук, пил вино... Яша

увидел меня и сделал знак оратору-«загребале». Тот повернул голову, взглянул на меня и замолчал. Яша пошел мне навстречу.

— Здравствуй, Тина, вот хорошо, что ты пришла! Господа, вы не знакомы? — обратился он к мужчинам, — вот жена другого моего брата — доктора.

— Как же, слышали, слышали, в какой переделке вы были в Сарыкамыше! Очень приятно познакомиться, моя фамилия Бакланов. — Он встал и протянул мне руку.

— А я, можно сказать, «тутошный», живу в вашем доме; но незнаком с вами. Моя фамилия Иванов! Мы люди простые, из купцов, из самарских. Леском торгуем, — говорил он, прикидываясь простачком.

Этот купчина, когда встал оказался огромного роста, широкоплечий, краснорожий, ручища с лапоть! Моя рука в его пожатии утонула, точно в тесте. Бакланов был небольшого роста, худощавый, бледный, со впалыми щеками; на голове реденькие, слипшиеся черные волосики; руки узкие, с черными ногтями и потными ладонями. На нем был очень хороший костюм, а на Иванове — русская рубаха, подпоясанная староверческим тканым пояском.

— Тина, садись вот здесь, — пригласила Маня показывая на стул рядом с собой. Маня была блондинка (Ваня ее называл белясая чухонка) и вся какая-то большая, высокая, бесформенная, без талии; большие ноги, большие руки, длинная шея, плоская грудь. Волосы редкие, зубы покрыты золотом. Муж у нее был коммивояжер. Он умер, где-то в дороге, на ступеньке вагона, несколько месяцев тому назад. Вот эта-то «белясая вдова» теперь всячески ухаживает за Яшей, чтобы женить его на себе. Она старше его, кажется, лет на пятнадцать. Мой муж ее не выносил за ее вульгарность. А о Яшиной женитьбе на ней и слышать не хотел. Когда он приходил к Алексею и заставал у него эту самую Маню, то немедленно уходил. Что общего было между Алексеем, который был офицер, и мужем Мани, который был коммивояжером, мы никогда не могли узнать. Но они дружили и бывали часто друг у друга...

— Очень хорошо, что ты пришла, — снова говорит Яша, усаживая меня. Бакланов налил вина в бокал и придвинул его мне; затем налил и другим полные бокалы и предложил выпить за мое здоровье. После первого бокала налили второй и стали с настойчивостью привычных пьяниц, приставать ко мне выпить еще. — Выпьем за героев! — Я немного отпила. — За героинь! — кричит Бакланов. Я со всеми должна была чокнуться. — За победу русской армии! Пить до дна! Мы ценим наших героев, — говорит Иванов. Его красное лицо стало еще краснее;

маленькие глазки хитрого мужиченка ни на кого не смотрели, а так, как-то все бегали. Тоненький носик был сизо-красный. Он стоял и в огромной, плоской лапе крепко сжимал бокал с вином: — Мы сами, можно сказать, работаем на оборону. Да! На оборону! — весело повторил он, и все сейчас же его поддержали: — Конечно, на оборону! Все для армии!..

— Вот, мы стараемся все вино выпить! Чтобы виноделы не обанкротились! Начальство запретило продавать вино в розницу. Так мы и покупаем его ведрами! Обороняем, значит, виноделов! — сказал Яша.

— Ну, а как насчет наград? Получили вы, какую ни на есть, медальку? — спросил Иванов.

— А правда! Как там насчет наград? — спросили все... Может быть мы пошли бы на фронт, если бы нам дали по Георгию для начала...

— Мало просишь! Продешевил! Проси генеральский чин, отделный поезд! Тогда еще можно и повоевать! Да, только приезжай на фронт! Сразу получишь отдельное место в общей могиле! — говорит Бакланов.... Все громко смеются.

Господи! Да что это! Неужели это русские люди! Россия воюет на несколько фронтов! Едва отбивается от врагов, сотни тысяч убиты; еще больше того раненых и искалеченных! Их семьи нуждаются во всякой помощи!.. Я вспомнила опять этого раненого в Сарыкамыше, Егорова — обрубок человека, без рук и ног, который просил убить его лучше, чем посылать домой лишним ртом и обузой для семьи! Чем он хуже вот этих пьяниц, наживающихся на его и общем страдании всей России!? Тут сидят сытые, пьяные, наглые и говорят о чинах и наградах в в тоне шутки и издевательства, чтобы потешить своих дам. А там, на фронте, защищая от врагов каждый кусок русской земли, израненные, искалеченные, видевшие смерть в глаза, — принимают эти награды как святыню, со слезами и прикладываются к ней запекшимися губами. Я вспомнила, как генерал Баратов, обходя госпитальные палаты, раздавал своим казакам георгиевские кресты. С каким благоговением они принимали эти награды! У каждого текли слезы по худым бледным щекам.

Болтовня пьяной компании раздражала меня. Я встала.

— Ты куда? Посиди, еще рано! — сказал Яша.

— Нет, я пойду домой. Я пришла по поручению Вани, но вижу, что тебе не до меня. Может быть ты придешь сам ко мне завтра?

— О! Что же ты сразу мне не сказала? Они все люди свои, извинят меня. Идем в кабинет и поговорим. Господа, извините! У меня спешный разговор...

— Что с Ваней? — сразу спросил он, как только мы вошли в его кабинет. Из всей семьи Яша любил только Ваню. И слушался только его.

— Ты получил письмо от Вани?

— Да. Он зовет меня к себе. Но я не успел еще привести дела в порядок, и свои личные, и по дому. Да нужно заказать солдатскую одежду. Все это меня задерживает здесь.

— О делах ты не беспокойся. Пришли мне домовые книги и я буду вести все дела, пока ты будешь у Вани. Яша! Не откладывай поездку к Ване! Ему нужно, чтобы кто нибудь близкий был около него! Иначе его споят там и это кончится драмой для нас всех. Да, наконец, все обязаны помогать России! Нельзя же жить таким эгоистом, как живешь ты!..

— А что ты сделаешь, если я не хочу ничем помогать России?!

— В таком случае ты не имеешь права называться русским человеком!

— Все это только громкие слова! — с сердцем сказал он и встал. — Ты посидела на фронте, потому и говоришь все это! А поживешь дома, привыкнешь опять к роскоши и комфорту, так забудешь все эти громкие слова.

Я встала и не прощаясь пошла в переднюю.

— Послушай! Не сердись! — догоняя меня сказал он. — Чего мы будем ссориться? Я и сам хочу поехать к Ване. И Ваня хочет, чтобы я приехал к нему. Теперь и ты хочешь, чтобы я ехал к Ване. Хорошо! Я поеду и буду делать все, чтобы охранять и оберегать его от неприятеля и внутреннего и внешнего.

Не заходя в столовую и не прощаясь я пошла домой.

А что, если в России много таких, как Яша и его друзья?! — думала я, идя домой. Что будет с Россией, если ее постигнет неудача на фронте? Господи! Пока не было войны, я как-то не замечала (да и не было случая видеть), что мы, русские люди, относимся безразлично к судьбе России. И мало ценим, все то благополучие, которое она нам дает... Но, что особенно странно, такого безразличного отношения к судьбе России на фронте, я не слышала ни от кого! Видно и правда, что на фронт ушло все лучшее!..

Наконец-то сегодня Яша уезжает к Ване. Я очень рада этому. Теперь он по крайней мере будет не один. Яша будет смотреть за ним и не позволит никому его спаивать.

Яша в солдатской форме выглядит очень хорошо. Ему устроили проводы, как герою-победителю. С вечера был ужин в «Медведе», а под утро приехали к Нине пить кофе. Но пили

больше вино. Меня тоже пригласили. Я не могла отказаться и тоже до утра была с ними. Я послала мужу кое-что из съестного.

Через неделю после отъезда Яши получила письмо от мужа: «держу его в ежовых рукавицах. Заставляю работать наравне с санитарами».

Получила опять письмо. Это за две недели единственное! Да и какое-то странное: «снег; холод попрежнему; работы мало; ездили на медвежью охоту, но ничего не убили, зато все перепились!» — Кто ездил? Почему «все перепились?» Где же Яша?! Боже мой! Я думаю, что самое большое несчастье для женщины, это иметь мужа алкоголика. Хотя бы он пил самую малость. Но он всегда начинает пить только понемногу, а затем количество выпиваемого вина с каждым днем увеличивается. Как бы благороден и порядочен ни был такой человек, верить ему, как здоровому, нормальному человеку, — нельзя. В трезвом состоянии он искренне уверяет, что не возьмет в рот больше ни капли вина! — «Ну его к черту! Довольно! Не буду больше пить! Да и печень вон уже пошаливает»! — Он щупает печень, осторожно надавливает двумя пальцами: — «Вот! Ясно! Прощупывается! Я так и знал!» — говорит он сам с собой. — «Ну, а где границы сердца»? И начинает выстукивать. — «Слышишь? Вон какой притупленный звук! Вот где его границы!.. Это значит уже расширение сердца, «бычачье сердце», как говорят! Теперь уже сколько не пить, конец один, — водянка и смерть!.. Тина! Смотри, чтобы больше на стол вино не подавалось никогда! С сегодняшнего дня бросаю пить совершенно!..» — Так говорит пьяница-врач, после анализа самого себя. — «Если с сегодняшнего дня перестать пить и сесть на диэту, то могу прожить еще года два-три», — торжественно и искренно говорит он и сам верит себе в данную минуту. И бедная жена хочет еще раз поверить, что счастье может вернуться в дом... Но в ближайшие же дни, если не в тот же день, наступает полное разочарование. Пришел из лазарета Красного Креста доктор Бакин, узнать есть ли свободные лошади в транспорте, чтобы сестрам съездить на соседний питательный пункт в гости к тамошним сестрам.

— Садитесь коллега. Лошади свободные есть. Сколько хотите? Я сейчас распоряжусь и лошадей подадут к вам в лазарет. Не хотите ли стаканчик вина?

— Спасибо, выпью с удовольствием! Хотя, знаете, мне пить вредно. Я и сам это отлично понимаю, — говорит гость. — У меня скрытый нарыв в области тазобедренной кости! Но один стаканчик с вами выпью...

— Эх, коллега! У меня опухоль печени, сердце бычачье, и жить-то, можно сказать, осталось каких нибудь несколько месяцев, а я все-таки выпью с вами! Все равно раньше своей смерти не умрем!.. — слышит эти речи жена из соседней комнаты.

А что может она сделать? — И может ли кто нибудь остановить, или изменить что нибудь в этом роковом ходе вещей? Война! И в этом — окончательный приговор неизбежной гибели... Знает это муж,.. Знаю это и я...

Жизнь с каждым днем становится все труднее! Кажется все делаю, чтобы легче переносить и пережить это тяжелое время. А вот, с каждым днем становится хуже. У меня такое ощущение, как бывало, когда я смотрела ледоход на Волге: плывут льдины... Иногда одна захватит всю ширину Волги... Зацепится краями за берега и все останавливает. Думаешь, что она так и будет стоять, пока не растает!.. Иногда смельчаки идут по ней на другой берег... Но вот, сверху начинают наплывать меньшие льдинки. Все больше и больше их становится. Они громоздятся на края большой льдины и скоро образуется высокий вал. А новые льдинки все наплывают, ударяются в края большой льдины, обламывают их... Но она все стоит! И, кажется, так крепко стоит... И вдруг треск, шум! Огромная льдина раскалывается на куски, отделившись всей массой от берега, трогается. У напряженно смотревшей публики вырывается крик сожаления и восторга! Пошла! Сдвинули! Сдвинули! Да, пошла... Шурша, охая и обламывая о берег свои бока, поддаваясь напору тысяч маленьких, но назойливых льдинок, не устояла и теперь двигается к своей гибели. — Не выдержала! Сдвинули! Их много, «хоша» и маленькие! «Разе» выдержишь? Их вон «тыши» насели на ее! — говорит какой-то оборванец. — Хотя она и большая, а их зато много!

Вот так и теперь, где-то невидимые, маленькие тысячи злых сил ломают Россию, а вместе с ней и нас. Как ни цепляйся за берега прошлой крепкой семейной жизни, — не удержимся! А эти маленькие льдинки напирают на огромную, сложившуюся веками, жизнь и толкают ее на разрушение и смерть. А люди веселятся и не хотят помочь остановить это разрушение и неминуемую гибель всей страны...

Кто станет удерживать моего мужа от пьянства? Кому охота делать это? Наоборот, чем больше он будет пить, тем лучше для многих из окружающих — они в это время могут устраивать свои грязные делишки! А потом за все расплатится он же! Так же ли все переживают это ужасное время? Или только это у нас с мужем обстоятельства сложились так неудачно? Вижу

наших полковых дам и других женщин, у которых мужья на фронте, и ничего особенного не замечаю... Веселы; хорошо одеты; многие, пожалуй, выглядят жизерадостнее, чем до войны. Как-то свежее! И глаза блестят! Конечно, кроме тех, кто в трауре. Одна знакомая, жена доктора, устроила у себя вечеринку и пригласила много «соломенных вдов». Я наблюдала за ними: все буквально в отличном настроении; говорят о нарядах, о получках из казначейства денег. Все они получают большие деньги, жалованье мужей, и живут не меняя образа жизни, как жили и до войны с мужем. Одна из дам сказала, что правительство очень хорошо придумало давать во время войны офицерам отпуски. — Я думаю, что это делается специально для нас — дам; чтобы было кому развлекать нас... — Да, конечно! — сказала другая. — Что мы делали бы, если бы всю войну никто не приезжал с фронта?! — О! Это было бы прямо ужасно! — сказала третья. — А теперь в городе всегда кто нибудь да есть из знакомых; нет-нет, да и зайдет и посидит вечерок.

Вернулась домой. На душе нет мира. Думаю все о муже. Если бы он не занимал ответственной должности, как теперь, то, хотя бы и пил, все же это не грозило ему скандалом. А сейчас у него на руках большое хозяйство и люди. А я ничем не могу помочь ни ему, ни себе, сколько не думай об этом. Легла спать. На другой день утром горничная принесла почту и одно письмо от Гайдамакина: «Барыня! Я не знаю, что мне делать? У барина день и ночь гости. Идут все, кому только хочется пить! У барина вид нехороший. Он не ложился спать вот уже несколько суток. Не переставая все время пьют. И Яков Семенович тоже пьют вместе с барином. А вчера ночью стали стрелять, сначала в потолок, а потом наш самовар весь расстреляли. Я не мог ничего поделать! Я сказал в команде, чтобы вина не привозили. Но, когда солдаты вернулись без вина, то барин чуть не побил их; а мне сказал: «Гайдамакин, чтобы вино было! А то смотри у меня»! Ну и опять привезли ведро вина и опять все пьют... Даже и без закуски».

Ну вот! Я чувствовала, что что-то там происходит ненормальное! Так оно и есть! Ну, а что делать? Как остановить все это? Пошлю телеграмму, что сильно больна. Что опасаются воспаления легкого. Может быть страх за мою жизнь отрезвит его и заставит разогнать пьяниц? А мне нужно собраться и ехать немедленно туда...

Глава 8

На другой день получила телеграмму от мужа: «Беспокоюсь о твоем здоровьи. Телеграфируй мне чаще. Яша едет домой».

Когда этот беспутный герой вернулся, то прямо с вокзала приехал ко мне. Увидев меня он вытаращил глаза...

— Постой! Ведь ты больна! Почему ты не в постели? Ваня послал меня экстренно домой потому, что ты опасно больна. Он сам хотел ехать и послал телеграмму в Тифлис инспектору, но еще не получил ответа. Если дадут отпуск он сейчас же приедет сюда.

— Это будет очень хорошо. Хоть не надолго сделает перерыв в пьянстве. А вот на, прочти это письмо! — я дала ему письмо Гайдамакина. Он прочел.

— Да! Все это правда. Черт знает, что там делается! Они меня самого совсем споили. Ведрами пьют такую дрянь, что умереть можно!

— Но ты ведь поехал оберегать Ваню и смотреть за ним. А на деле оказалось, что с твоим приездом стали пьянствовать еще больше!..

— Ну, знаешь! Я ничего не мог сделать! Я только убедился там, что его ничем не спасешь! Откуда только берутся у него такие друзья? Кого, кого только около него нет!?.. Целыми днями одни уходят, другие приходят! Всех он угощает; со всеми пьет; и сам, конечно, всегда пьян! Прямо какой-то пьяный ад! Нет! С меня довольно. Больше не поеду ни за что.

— И слава Богу! Теперь я сама поеду туда...

— Вот этого я советую тебе не делать. Условия жизни там прямо ужасны! Холод, грязь, трупы все еще валяются... Транспорт возит только тифозных, да обмороженных.

Прошло несколько дней. Мужа нет и известий от него тоже никаких. Послала опять телеграмму, что здоровье лучше. А Яше сказала, чтобы не смел писать мужу, что я здорова. Все эти события происходили в начале апреля. Через несколько дней я получила телеграмму о том, что мужу отпуска не дали, и что

его с транспортом посылают дальше, к Ольгам. Тогда я написала ему письмо, что по мнению доктора, мне нужен покой и свежий воздух; и что, поэтому, я собираюсь не откладывая ехать к нему в Ольты. Ответ получила немедленно, чтобы ехала в Карс, где он встретит меня на вокзале. Через несколько часов я была уже в поезде на пути к нему. Такова могучая сила любви! Только получила известие, что могу приехать к нему и сразу вся полна радости близкого свидания. Исчезло мрачное настроение, все кажется в розовом свете; чувствуешь укоры совести за осуждения и недоверие, которые еще вчера были так безнадежны. Какой бы он ни был, а для меня он все же самый лучший! Я готова терпеть всякие огорчения и лишения, лишь бы всегда быть с ним вместе.

Поезд, в котором я ехала, был так же переполнен, как и в предыдущие разы. Но теперь я ни на что и ни на кого не обращала внимания. Смотрела только в окно и считала верстовые столбы.

Подъезжая к Карсу я увидела, что идет дождь. Вот и опять знакомый вокзал. И народу на нем все так же много, как и в тот день, когда я уезжала отсюда два месяца тому назад. Смотрю в окно, а Вани не вижу! Запоздал к поезду! Не поспел. Но поезд не успел еще остановиться, как я уже увидела его! С правой стороны вокзального здания подъехала двуколка и из нее, не дав ей остановиться, выпрыгнул муж и быстро пошел на перрон. Он был весь совершенно мокрый, двуколка была без парусинового верха. Ткаченко тоже слез с сиденья и стал обтирать лошадей, от которых валил пар. Наконец, муж заметил меня и помахал рукой. Поезд подходил медленно и наконец остановился. Муж вскочил на подножку, вошел в вагон и крепко меня обнял.

— Тина! Да ты выглядишь совсем хорошо! — говорил он заглядывая мне в глаза. — Совсем не похожа на сильно больную!

— Да, теперь я чувствую себя много лучше. Ваня, ты ведь весь мокрый!

— Да, ливень нас застал, когда мы только что стали подъезжать к крепостному ущелию. Гнали во всю прыть, чтобы поспеть к приходу поезда и встретить тебя. Я захватил с собой немного вещей. Поедем в гостиницу. Я там переоденусь в сухое. Ткаченко только что снял верх с моей двуколки, чтобы помыть и почистить его. А я как раз получил твою телеграмму и не хотел терять времени, чтобы не опоздать к поезду. Так и поехали... А дорогой, как нарочно, полил дождь и вымочил до нитки и меня и Ткаченко.

Приехали в гостиницу, а хозяин говорит, что нет ни одного свободного номера, разве что в комнате у лакея?

— Эй! -- поззвал он проходящего мимо лакея, — как у тебя в комнате можно вот доктору переодеться?

Лакей сначала вытаращил глаза, но когда муж сказал, что он промок и хочет только переменить белье, лакей повел мужа в свою комнату. Я осталась в ресторане ждать его. Он скоро вернулся.

— Ваня, этот лакей может быть уступил бы нам свою комнату на одни сутки?

— Ну, что ты, какая там комната! Крошечный чулан, даже без окна. Нет, мы сейчас позавтракаем и поедем обратно. К вечеру приедем в Мерденек и там переночуем. А завтра к обеду будем в Соляных-Ломках. У меня там великолепные три комнаты. В остальной части дома помещается полевой телефон и какая-то команда связи. К сожалению, эта стоянка всего на всего на несколько дней. Мой транспорт пойдет в Ольты, где мы и будем работать. В Ольтах стоит несколько полевых подвижных госпиталей. Когда ты поправишься и захочешь работать, то у тебя будет большой выбор; можешь в любом из этих госпиталей работать.

Не успели мы кончить наш завтрак, как подошел хозяин и сказал, что из одного номера уезжает «барыня» и номер освобождается. Мы, после завтрака, поднялись на второй этаж и спросили у лакея, где комната, которая освободилась. Он показал на открытую дверь, из которой уборщики выносили бутылки прямо в фартуках. Это была целая коллекция бутылок пивных, винных и от шампанского и разных других. В открытую дверь шел сизый, табачный дым и смешанный, приторный запах духов и разных крепких напитков. Мы спустились обратно в ресторан, чтобы выждать пока комнату почистят и приведут в порядок. На другой день мы выехали в Ольты. Погода была прекрасная, солнце, тепло! Когда же выехали из крепостного ущелья в открытое поле, то всюду, куда хватал глаз, расстилалась молодая травка нежным зеленым ковром. В этот день мы доехали только до Мерденека. Но ехать дальше Мерденека не могли; единственная дорога была вся забита подводами, конными людьми, вьючными лошадьми и ослами. Мы очутились в хвосте этой вереницы. Муж пошел узнать в чем дело, но когда вернулся то сказал: — Выходи! Идем искать место для ночлега. — Мы выбрали самый большой и по виду богатый дом, зашли в него и спросили комнату, чтобы переночевать. Хозяин оказался богатым молоканином — владельцем большой молочной фер-

мы. Я первый раз увидела такое благоустроенное хозяйство. Около ста породистых коров стояли в отдельных, для каждой из них, чистых, теплых стойлах. Коровник — кирпичное, длинное здание крытое железом, с цементным полом и сточными канавками для нечистот.

— Хорошее у вас хозяйство, — похвалил муж.

— Да ничего! Слава Богу, жаловаться не на что! Живем — ни в чем нужды не видим. Место здесь для молочного хозяйства хорошее; на десятки верст тянутся луга. Да здесь не я один держу коров. Все, почитай, жители этим делом занимаются. Только мое-то хозяйство побольше чем у других.

— А как насчет сбыта молока? — спросил муж.

— Мы молоко не продаем. Мы выделываем масло и сыр. А сбыт такой, что не успеваем выделывать, моментально все раскупают.

Мерденек стоит на краю широкой плоской луговой долины реки, которая весной разливается на десятки верст кругом. Улицы селения и дороги тоже тонут чуть не на аршин в жидкой грязи. В домах тоже сырость, а плотина, по которой проходит единственная дорога на Ольты становится почти совершенно не проезжей и непроходимой для животных и пешеходов. Когда мы с мужем подошли к этой плотине, там стон стоял от ругани и криков: казалось, что все кричат друг на друга и все ругают друг друга. В несколько рядов безнадежно застряли в этой жидкой и липкой грязи десятки двуколок, обозных фургонов, зарядных ящиков, и чья-то бричка, из которой лошади были выпряжены, а солдат-кучер стоял около в грязи выше колен. Несколько двуколок лежали на боку; тут же лежала дохлая лошадь, у которой торчали из грязи только бок, да голова. Десятки солдат, утопая в грязи, таскали камни и бросали на дорогу. Вон еще тянут за повод лошадь, у которой задняя нога висит, как плеть. Мимо нас прошел офицер. Муж спросил почему не вызовут сапер.

— Да ведь я и есть сапер! А это мои саперы-солдаты работают. Да что поделаешь? Материалов нет, а вода подошла к самой плотине. Вот навалили больших камней в эту аршинную жижу, а теперь лошади ломают ноги! Пришлось уже нескольких пристрелить.

Уже вечерело. Солнце было низко. С долины потянуло еще больше сыростью и надвигался туман. Несмотря на крики и массу людей, где-то в кустах пела птичка.

— Пойдем в дом. Сыро, простудишся! — сказал муж. Когда пришли в комнату, босая дочь хозяина зажгла висячую лам-

пу и спросила: — будете пить чай? — Да. Пожалуйста дайте самовар и что нибудь поесть: мы голодны...

Эта же девушка принесла кипящий самовар, а сама хозяйка принесла масло, сливки, свежий швейцарский сыр и великолепный, домашний хлеб. Но теперь, когда окна были закрыты, я поняла, что от всего пахло коровами, парным молоком и навозом.

Рано утром пришел Ткаченко и сказал, что можно ехать, дорога очищена. Мы выпили чаю и поехали. Саперы, оказалось, работали на дороге всю ночь. Они сгребли с плотины жидкую грязь, убрали большие камни и сделали дорогу пригодною для движения. Исправлена была только одна сторона. На другой все еще стояли подводы увязшие в грязи и лежали убитые лошади. Поэтому пропускали по-очереди, то от Ольт, то со стороны Карса. Наконец и мы переехали эту страшную плотину, стали подниматься в гору и скоро въехали в большой сосновый лес.

— Вот, как я боялся за своих «коняк»! — говорил Ткаченко. — Сколько там загубили добрых лошадей! Навалили в грязь камней по несколько пудов, как попало и думали, что починили дорогу. «Животная» не видит под грязью куда ей ступить! Ну и попадает ногой между камнями. И сколько их там ноги поломали!..

Лес, в который мы въехали, подходил к самой дороге и был так густ, что сразу стало темно, точно в сумерки. Запахло сыростью и грибами.

— В этом лесу прячется много турок. Были нападения на обозы и небольшие группы солдат. Это отставшие от разбитой турецкой армии. Они боялись выйти из леса и сдаться в плен. До жуткости исхудалые, оборванные и одичалые, они нападали ради хлеба и одежды. Были посланы наши команды и их выловили. Теперь в лесу их больше нет! — закончил муж, видя, что я со страхом отодвинулась от края и прижалась к нему.

— Что, барыня, напужались? — оборачиваясь к нам спрашивает Ткаченко. — Не бойтесь! У меня есть винтовка. Там позади вас, под вещами. Вот только не знаю где патроны?

Муж вынул револьвер и держал его в руке.

— Вот видишь, пожила дома и стала трусихой. Небойся, теперь никого уже не осталось в лесу: всех выловили. Да теперь и тепло стало, и, если еще кто остался, то и те пробираются домой в Турцию.

А лес все такой же густой и темный. Огромные сосны стояли около самой дороги. Так и кажется, что из-за каждой сосны вот-вот выскочит турок и начнет стрелять в нас. Но вот дорога понемногу стала расширяться. Начался крутой спуск с холмов.

Еще немного и лес с правой стороны остался в стороне. Вскоре мы выехали опять в долину реки. С одной стороны ее остались высокие горы, покрытые лесом, а с другой, по которой шла дорога, потянулись фруктовые сады и селения. Красота и очарование этой долины, казалось, все возрастали. Теперь мы ехали по ровному шоссе окруженному с одной стороны цветущими садами, а с другой, почти вплотную подходившей к дороге рекой. Река была широкая, бурная, но не глубокая. Ее мутно-красная вода бурлила, пенилась, с шумом билась о камни, омывала плоский берег, отрывала с корнями деревья и, ломая ветки, несла их дальше, чтобы выбросить изуродаванное дерево куда нибудь на берег.

— Вон, видишь мост? — спросил муж. — Сейчас же за этим мостом и будут «Селяные-Ломки». А там и мой транспорт.

Мост был виден очень хорошо, но он был еще далеко. А когда мы подъехали ближе, то я заметила, что он был деревянный, низкий, но очень широкий. Сейчас же за мостом, с правой стороны, под горой стоял наш транспорт. Солдаты жили в палатках. Мы подъехали к большому дому и Ткаченко остановил лошадей. Муж помог мне выйти из двуколки и повел в дом.

— Вот и мое жилище! Не плохо по военному времени. Но долго здесь не простоим.

Жилище наше состояло из двух больших, светлых комнат. В первой, куда мы вошли, на полу, в углу, лежала огромная куча каких-то бумаг, газет и разорванных книг. В другом, у стены, стояла простая железная кровать; на полу в разных концах комнаты были вещи мужа. Вот и все. Ни стула, ни стола! Ткаченко принес мои вещи и спросил: — Куда поставить? — Да в любой угол, или посреди комнаты. Все равно куда, места много. — Пришел Гайдамакин.

— Здравия желаю, барыня, с приездом! Как у нас дома, все благополучно?

— Гайдамакин, койку достал для барыни?

— Никак нет. Спрашивал у телеграфистов, да говорят, лишней нет.

— Тина, если не очень устала, пойдем я покажу тебе, где были окопы, наших солдат и турок.

Мы пошли, поднялись на гору и я сразу увидела, что всюду из земли торчали руки, ноги и головы. Трупы были совершенно черные, но не сгнившие.

— Турки занимали здесь все высоты. Их положение было много лучше, чем наших войск, а посмотри сколько их здесь набили! Вот тут, всюду, были их окопы. В них потом и закапывали их трупы. Но земля была мерзлая, со снегом. А теперь снег

растаял и трупы оказались почти все на ее поверхности. Пойдем дальше. Вон еще окопы. Когда я первый раз был здесь, так нашел перочинный ножик.

— Нет, я не пойду дальше! Я боюсь наступить на руку или на ногу этих тел.

— Ну, тогда пойдем в команду. Я покажу тебе наших щенков: Энвэр-паша, Султан и Кайзер.

Транспорт стоял под самой горой вдоль реки Ольты-Чай. В этом месте она очень широкая, но берега плоские, каменистые. Мы подошли к группе солдат. Муж поздоровался с ними и я тоже. Солдаты расступились и мы увидели на земле три пушистых серых комка.

— Вот подкидыши! Посмотри какая прелесть!— Он нагнулся взял одного из щенков и стал гладить. Я тоже нагнулась, протянула руку и хотела погладить другого. Но щенок, без всякого предупреждения, вцепился зубами в мою руку! Муж схватил его за шерсть и оттащил от меня. Но каждый раз, когда я пыталась опять погладить его, он моментально морщил нос и показывал все свои тонкие, острые зубы. Солдаты хохочут.

— Откуда у вас эти щенки? — спрашиваю я.

— Да мать щенячья сама притащила их к нам! — говорит солдат.

— Видишь ли, когда транспорт пришел сюда, стали резать скот для мяса команде. Внутренности выбрасывали. Сначала все слышали по ночам вой: не то собака, не то волк! Но однажды заметили огромную овчарку, жадно поедающую отбросы на том месте, где режут скот. Увидав людей она бросилась в воду и поплыла к противоположному берегу. Вон видишь полуразрушенные сакли? Испугалась собака людей должно-быть очень. Несколько дней никто ее не видел. Но однажды увидели, как с той стороны эта же собака опять плыла на наш берег. Это было уже перед вечером. Команда поужинала, а остатки выбросили. Мы стали наблюдать, что будет дальше? Собака вышла на берег и набросилась на отбросы. Поела, схватила что-то и опять в воду, поплыла назад на тот берег. С этого времени вой по ночам прекратился. Но команда стала чаще видеть эту курдскую овчарку, все такую же дикую, никак не подпускавшую к себе человека. Заметили, что у нее большие сосцы. Значит есть щенки. Несколько дней тому назад прибежали ко мне из команды и сказали, что собака плывет к нашему берегу, а в зубах у нее — похоже, что щенок! Я пошел и увидел собаку, как раз в тот момент, когда она взбиралась на большой, плоский камень и держала в зубах щенка. Камень был мокрый и скользкий; она влезла на него, но щенка не выпустила из зубов, посидела

немного и опять прыгнула в воду и поплыла к нашему берегу. Так собака плыла, отдыхая несколько раз, наконец, выбралась на наш берег и понесла щенка к тому месту, где стояла походная кухня, положила его между камней, лизнула на прощанье, а затем вернулась к реке и поплыла к противоположному берегу. Мы нашли щенка в ямке между камнями и совершенно сухого. Это был серо-коричневый пушистый комок. Когда я нагнулся и хотел его взять на руки, то он так же впился острыми зубами в мою руку, как и сейчас в твою. — Что же это, ваше высокоблагородие? Подкинула она нам своего «дитя», что ли? — спрашивали солдаты. Но в это время кто-то закричал: — Собака опять плывет! — Мы стали наблюдать и увидели, что она опять держит в зубах щенка! Второго! Высоко задрав голову, чтобы не замочить щенка, она боролась с течением и, выбиваясь из сил, плыла к нашему берегу. А когда вылезла из воды, то понесла и положила на то же место, где оставила первого щенка. И сейчас же поплыла обратно за следующим. Таким образом эта собака-мать, три раза переплывала эту бурную реку, спасая своих детей от голодной смерти. Теперь она уже не обращала никакого внимания на наше присутствие и целиком занялась детьми. Да мы и не подходили близко к ней, чтобы не пугать ее. Эта работа заняла у собаки весь день. А когда пришел вечер и команда поужинала, то собаке набросали массу вареного мяса! — Пущай поужинает! Она сегодня поработала, — говорили солдаты и чуть не на цыпочках ходили, чтобы не беспокоить ее. Так и оставили новое семейство в покое на ночь. А утром всем, конечно, было любопытно посмотреть, что делают новоселы лагеря... Приходят к кухне и видят, что все три щенка катаются по земле и жуют подбирая остатки костей, но матери с ними не было. Сначала думали, что она где нибудь прячется. Боялись дотронуться до щенков. Курдских собак все знают, они сильные и страшно злые, так что лучше ничем не возбуждать их гнев... А щенки были так очаровательны, что я весь день сидел на камне и наблюдал, как они возились. Повозятся немного, устанут, прижмутся друг к другу и спят. Поспят и опять играют, возятся. Когда пришел вечер щенков принесли ко мне в комнату. Думали, что мать их бросила, и, что они одни могут разбежаться и потеряться. Щенки скулили, кусались, даже ворчали и не хотели сидеть в углу, в котором я им сделал постель. Утром пришли из команды и сказали, что собака опять выла всю ночь. — Это, — говорят — мать щенячья приходила ночевать, но не нашла детей и плакала всю ночь. Нам спать не давала. Мы ее гнали, бросали в нее камнями. Но она только отбежит недалеко и опять воет; скучает, значит, по детям...

Два дня я прожила в Соленых-Ломках. На третий день пришел телефонист из соседней комнаты и сказал, что мужа просят к телефону из Ольт.

— Нужно немедленно выступать в Ольты, — сказал муж, вернувшись.

Позвали подпрапорщика Галкина. Муж отдал приказание запрягать и выступать. Через несколько часов мы уже подъезжали к Ольтам. Но, не доезжая до города, транспорт принужден был остановиться; вся дорога была занята каким-то казачьим полком. Он тоже только что пришел и не спешиваясь ждал своего командира полка, который поехал в штаб узнать куда полку идти дальше. Все это муж узнал от офицеров, когда наш транспорт остановился в хвосте полка. Полк оказался тот самый, который зимой в Ардагане изрубил почти целый полк турок.

Это было в декабре 1914 года. Турки тогда, неожиданно быстро, подошли и заняли Ардаган, угрожая всему Закавказью. В Тифлисе поднялась паника не только среди населения, но и среди гражданского управления. Нужно было спасать положение. И вот была послана Сибирская казачья бригада, которая только что пришла из Туркестана. Лошади были раскованы и не успели еще отдохнуть после громадного перехода из средней Азии, который они сделали походным порядком. Однако, получив приказ остановить турок, полки форсированным маршем выступили из Тифлиса и сделали еще двухсотпятидесятиверстный переход и в одну из темных и морозных ночей, по глубокому снегу и среди вьюги, подошли к Ардагану. Здесь они встретили отступающие батальоны пеших пластунов-казаков. Командир пластунской бригады ехавший на санях охарактеризовал положение около Ардагана, как очень критическое, ввиду подхода к городу больших турецких сил. Поэтому он отказался остановить отступление пластунской бригады и поддержать сибиряков. Для сибиряков осталось единственное решение, продолжать наступление самим и использовать для атаки турок свое единственное преимущество — неожиданность. Полки их подтянулись и остановились, чтобы немного отдохнуть и выработать план нападения. До Ардагана оставалось версты три-четыре. Темнота была полная. Шел густой снег, а ветер кружил его и поднимал во вьюге и тот, который уже лежал на земле. После короткого совещания было решено, что первый полк сойдет с шоссе, (оно было хорошо обозначено частыми телеграфными столбами). Обойдет город справа и войдет в него опять по этому же шоссе, но уже с другой стороны. Второй же полк будет продолжать идти по шоссе, и, когда подойдет к первым домам у входа в город, остановится и будет ждать шума и стрельбы со стороны

первого полка; когда же их услышит, то сразу пойдет по направлению этих звуков и будет рубить турок, где только их найдет. Город, судя по карте, был не больше чем версты полторы в длину по шоссе.

Полки разошлись. Первый, сойдя вправо с шоссе, сразу попал в глубокий снег. Под ним иногда попадались канавы и ручьи, лед которых часто не выдерживал тяжести лошадей и всадников. Темнота была полная и все сотни сразу же разошлись, стараясь находить более удобный путь. Но все они знали куда идти, так как турки, вошедшие уже в город, зажгли два-три пожара, иногда стреляли и делали много шума. Все это помогло сотням держать нужное направление и скоро они стали выходить к шоссе уже с другой стороны города. Первой вышла на него четвертая сотня есаула Волкова. Она сейчас же пошла к городу и через несколько минут наткнулась в темноте на густую толпу людей, шедших по шоссе. Была ли подана команда для атаки — никто не мог сказать уверенно. Но через несколько секунд и после нескольких беспорядочных выстрелов, казаки уже рубили пеших турок, с которыми они были перемешаны в общей толпе. В несколько минут все было здесь кончено и те из турок, которые не лежали мертвыми на снегу, или не бежали за ближние дома, бросили ружья и сдались в плен, подняв руки вверх.... Следом за четвертой сотней ворвались в город и остальные, которые также атаковали турок, где их находили. Подошли и сотни второго полка. Так был частью изрублен, частью взят в плен весь первый турецкий пехотный полк, заслуживший славу непобедимого в долгих боях на Галлиполийском полуострове около Константинополя. Почетное боевое его знамя, долго потом было выставлено в военном музее в Тифлисе. Шедшие к Ардагану следом за ним другие полки первой турецкой дивизии остановились, а затем отошли к Ольтам.

Наконец один из помощников командира казачьего полка вернулся и полк пошел дальше в город. А мы доехали до церкви и там остановились.

— Нужно поехать к коменданту, — сказал муж, — и узнать где мы можем получить помещение и место для стоянки транспорта. — Муж взял с собой заведующего хозяйством и уехал в город, а я пошла осмотреть церковь. Церковь стояла около городского сада, почти за городом. С одной ее стороны был казенный фруктовый питомник, с другой — Александровский сад, а с третьей, западной, сразу начинались горы. Дверь была открыта и я зашла во внутрь, но народу там не было. Стояла полная тишина. Я вспомнила, что в Ольтах зимой были

турки, но, повидимому, они храма не тронули. По крайней мере я ничего не заметила. В алтаре раздались легкие шаги, из боковой двери вышел священник и, увидев меня, подошел ко мне.

— Здравствуйте сестрица. Я и не слыхал, как вы вошли.

— Здравствуйте, батюшка. Я только что вошла.

— Из какого будете госпиталя?

— Мы только что приехали в Ольты и наш транспорт, пока, остановился тут же, около вашей церкви. Муж поехал к коменданту узнать, где можно занять место для стоянки транспорта; а я вот зашла в церковь.

— Здесь теперь трудно насчет помещения. Город полон войск и госпиталей. Едва ли найдется хорошее место для вашего транспорта. Многие войсковые части расположены за городом, по ту сторону Ольт.

— А много раненых, батюшка, в госпиталях?

— Много и раненых и тифозных. Да еще ожидаются большие бои. Все время подходят войска.

— А вы, батюшка, зимой, когда турки пришли сюда, были здесь?

— Нет! Успел уехать в Карс. И вернулся сюда только, когда наши войска уже прогнали турок.

— И церковь никто не охранял? Неужели турки ничего не тронули в ней? Даже иконы оставили на местах?..

— А вот, посмотрите; видите, Спасителя штыком искололи. Но это и все. Больше они ничего не тронули, ничего не поломали. Даже ни одной ценной вещи не унесли из храма. А они ведь здесь пробыли несколько недель. Турки, как офицеры, так и солдаты, к храмам вообще относятся с бóльшим уважением, чем наши солдаты...

— Наши солдаты, если бы это была мечеть, в несколько дней не только растащили бы все имущество мечети, но и камня на камне не оставили бы в ней. Вон, в Сарыкамыше, свои же госпитали растащили и разграбили! А потом нечем было ноготь обстричь, не только делать операции.

— А вы разве были в Сарыкамыше, когда турки атаковали его?

— Да, была. Но потом бежала в Карс и работала там в госпитале.

— Вот как! И теперь тоже приехали сюда работать?

— Да, конечно! Как только устроимся, я сейчас же поступлю в какой нибудь госпиталь.

— Я могу вам порекомендовать госпиталь Кравченко, как лучший из госпиталей стоящих здесь. Я часто бываю там. Всег-

да порядок и чистота на первом месте. Да и подбор сестер у него, видимо, хороший.

— Спасибо, батюшка! Я поговорю с мужем. Он всех врачей знает в Кавказской армии.

— А какую должность занимает ваш муж?

— Он тоже доктор. А вот и он! — показала я на входившего мужа! — Вот, настоятель церкви, отец Александр.

— Здравствуйте доктор, вот ваша жена говорила мне, что вы поехали к коменданту насчет помещения и места для вашего транспорта. Ну что, дали вам что нибудь?

— Нет. У коменданта ничего не добился. Он мне сказал, что где найду там и будет мое место. Мы вот сейчас осматривали: тут, за городским садом, места много! Транспорт поместится весь. Придетстя жить всем, конечно, в палатках. Ну, да это ничего. Теперь тепло!

— Пойдем! Нужно посмотреть, как будут разбивать лагерь для транспорта. До свидания батюшка! Будем знакомы соседями, — сказал муж.

Городской сад был тут же, напротив церкви. Мы перешли дорогу, поднялись немного в гору и очутились в саду, полном цветущих кустов сирени, жасмина и шиповника. В самом углу сада стояла большая круглая беседка. Она была с деревянной крышей и обсажена сиренью, но пола не было. Сейчас же за садом расположился транспорт. Санитарные двуколки выстроились в два ряда; за ними была коновязь для лошадей. Свои палатки солдаты поставили между садом и двуколками. Тут же была и походная кухня.

— Всем нашлось место кроме меня! — говорит муж. Мы стояли и смотрели, как солдаты устраивали лагерь.

— А что ты скажешь, если эту беседку обтянуть палаткой и считать ее нашим домом? — спросил муж.

— А разве это можно? Она ведь общественная собственность?

— Теперь нет общественной собственности! Война! Да и комендант сказал мне прямо, чтобы я устраивался, как найду возможным.

— Галкин, пришлите сюда людей и мою палатку, — крикнул муж подпрапорщику, наблюдавшему за работой санитаров. Через полчаса городской беседки не стало! Но зато была у нас большая палатка-комната. В ней было масса места, хотя она и была круглая. Поставили две кровати; посредине стол. А кругом разместили сундуки и чемоданы. Когда все в палатке было готово и прибрано, мы пошли смотреть, как будут устраивать баню-душ. Когда я была еще дома в Баку, муж написал мне, что

всюду грязь и зараза, а команде мыться негде. Тогда я пошла и заказала из оцынкованного железа пятиведерный бак с клапаном, которым можно пользоваться, как настоящим душем. Вот теперь и устраивают с ним баню в Александровском саду. Среди деревьев вкопали шесть столбов; обтянули их палатками и разгородили: большую половину пустили под баню, а меньшую под раздевальню. Прямо на газон положили доски пола; сколотили скамейки. На толстую перекладину наверху водрузили бак-душ. И сейчас же стали греть воду и мыться. И с этого времени, ни на одну минуту, эта «баня» не была свободна. В ней мог поместиться только один человек, но у солдат была такая потребность в бане, что они мылись по два человека одновременно. Следующие двое уже ждали тут же около «бани» своей очереди. Воду грели во всякой посуде, которая только попадалась под руки, вплоть до походной кухни. Как только сварят обед и раздадут, сейчас же вымоют котел, чтобы не очень пахло супом, нальют чистую воду и греют ее для бани. Солдаты, которые уже помылись, ходили, как перед Пасхой, посветлевшие, в чистой одежде, постриженные. Грязное белье тоже помыли и теперь, кто сидит чинит, а кто вылавливает насекомых и тут же бросает их в костер.

— Спасибо, барыня! Лучшего подарка нам и не надо! Вот уж угодили! Самый это правильный подарок для солдата. За целый год отмылись!—Только Гайдамакин ходил мрачный и ворчал: — что я теперь наготовлю на костре-то!? Суп, только поставил вариться, не успел оглянуться, а вода уже выкипела. А мясо сырое!.. Поставил жарить, все сгорело! Вот тут и готовь как знаешь!

На другой день мы с мужем поехали в госпиталь к доктору Кравченко. Но у него сестер было много, а работы, как он сказал, мало пока. Мы пошли в другой госпиталь. Там старший врач сразу сказал: — Приходите сестра! Лишние руки всегда нужны.

И вот я опять в госпитале. Муж просил не уходить из госпиталя пешком, а ждать, когда приедет за мной двуколка. От госпиталя до городского сада далеко; улицы забиты подводами, обозами, кавалерией и массой пеших солдат. А русский солдатик, если он один без надзора, и когда он здоров и не нуждается в помощи сестры, то непременно скажет какую нибудь гадость, если сестра одна идет по улице. Конечно, не все таковы! Но достаточно, если найдется хотя бы только несколько таких поганцев, чтобы наложить клеймо на всех. Первые два дня в госпитале было тихо. Перевязывали, кормили, принимали

вновь прибывших, отправляли, кого можно, в тыл. Все это мы делали не спеша, нормально. Но скоро нам стали привозить с позиций все бо́льшие и бо́льшие партии, а среди них все больше тяжело раненых... Турки получили большие подкрепления и делали все бо́льшие усилия, чтобы еще раз попробовать захватить Закавказье...

Сегодня я вышла из госпиталя и, не дожидаясь двуколки, пошла домой пешком. День чудный; тепло, совсем по-летнему. Домики, окруженные изгородью, утопали в зелени и цветах. Так все было красиво и радостно, что не верилось, что мы на фронте... Только около церкви стояла вереница подвод с гробами, в которых привезли убитых для погребения, и было слышно, как отец Александр пел «Со святыми упокой». Да внутри церковной ограды земля была изрыта новыми свежими буграми могил. Я нарвала в городском саду цветов и пошла в церковь. Когда я подошла к ней, то увидела, что на церковной паперти стояло несколько офицеров и священник и о чем-то спорили. Молодой казачий полковник говорил:

— Я хочу, чтобы все мои казаки были похоронены здесь, в церковной ограде!

— Но это невозможно! — сказал священник, — в церковной ограде хоронят только церковнослужителей и особо почетных граждан города!..

Тут казачий полковник прямо позеленел и резко спросил:

— А вы, святой отец, кого же считаете особо почетными гражданами? Тех, кто больше заплатит за место в ограде? Мои казаки отдали свою жизнь, чтобы защитить Родину, а с ней и ваших «особо почетных граждан». И вы, священник, отказываете им в земле для погребения!! Это такое неслыханное оскорбление и нашего религиозного чувства и вашего сана, что я вам заявляю, что я заставлю вас исполнить ваш долг! Я привезу сюда моих убитых и вы похороните их в ограде церкви на самых почетных местах!

Полковник со своими офицерами ушел. А отец Александр, обращаясь ко мне, сказал: — Каждый командир полка хочет хоронить своих солдат в церковной ограде, а где я возьму для всех убитых места, да это и не полагается. Да и казаки эти не наши, не кавказские, а «какие-то сибирские»!

В это время подошел дьякон. — Отец Александр, можно начинать отпевание. А то места в церкви не хватит. Вон сколько новых гробов привезли. — Они ушли, а на паперть поднимались казаки неся гроб... Они внесли его в церковь и поставили рядом с другими гробами, которых тут было уже несколько рядов. Я положила на каждый гроб по несколько веточек цветов, вышла

из церкви и пошла домой. Муж стоял около палатки с Ткаченко.

— Ваня! — крикнула я. Он оглянулся, увидел меня и сбежал под гору навстречу ко мне.

— Где ты была?! Ткаченко вернулся и сказал, что тебя нет в госпитале.

— Я пошла пешком. Видишь, какой прекрасный день. Я приходила уже сюда в сад, нарвала цветов и отнесла их в церковь. Туда привезли много гробов с телами убитых.

— Я знаю. Видел. Но почему ты не зашла и не сказала мне? Я беспокоился за тебя. — Мы поднялись к нашей палатке.

— Барыня, я ж вас не нашел! Я трошки опоздал, а вы ушли уже!

— Ничего, Ткаченко. Я хотела пройтись пешком. Очень уж день-то хорош!

— Да. Оно правда, что день шибко красен! Наша команда опять пошли ловить рыбу. Вот, барыня, што рыбы-то ловится! Страсть! — говорит Ткаченко. — Прямо руками ловят. Жирная, большая! Не знаю, как ей название, но однако «скусная».

— А где они ее ловят?

— Да вон, в Ольтычае. Теперь не глубоко, только все еще бурлит вода. И шибко мутная. А рыба-то держится около камней. Засунешь руку и шаришь промеж них. Враз и попадется — так ее много там.

— Ты тоже ходил ловить?

— А как же! Ходил! Хорошо стоять-то: река широкая, быстрая, солнышко греет! Так бы и поплыл. Да вот только камней шибко много... А что, барыня?.. Раз вы нашлись, так я враз сбегаю и наловлю вам свежей рыбки, на ужин? Рыба перед вечером завсегда лучше ловится...

Ткаченко весь просиял и оживился, говоря о рыбной ловле.

— Любишь ты видно ловить рыбу? — спросила я.

— О, барыня! Так это ж меня и загубило! До войны я ночи и дни пропадал на реке. Наловишь рыбки сваришь уху; поешь и спишь весь день. Проснешься, а солнышко уже к закату. Ну, опять наловишь рыбы, разведешь костер. Если есть деньженки, помощника пошлешь за горилкой. Поужинаешь и лежишь, да звезды считаешь! Хорошо было! Но теперь—шабаш! Так больше делать не стану; хозяйство полюбил очень... С ним — не до рыбы, да безделия на реке...

— Ступай, лови, — ты мне не нужен.

— Разве ты на вечернюю работу не пойдешь? — спросил муж.

— Пойду, конечно! Но я могу пойти пешком, а он пускай ловит рыбу.

— Нет, Ткаченко. Скоро барыню нужно вести в госпиталь. А ты ходи ловить по утрам, когда барыня в госпитале, — сказал муж.

На другой день транспорт мужа привез к нашему госпиталю двести раненых. Но их не стали выгружать, а только накормили обедом и их повезут дальше в Карс. Все сестры и санитары стали кормить, а врачи обходили и опрашивали раненых. Есть такие, что отправлять нельзя, а нужно снять и делать немедленно операцию. Только принесла суп и стала кормить раненого, как подошел муж и сказал: — Вон в той двуколке очень тяжело раненый. Покорми его. Только я боюсь, он вероятно не сможет есть. Когда его ранили, он упал в пропасть; у него все кости переломаны. Как только я кончила кормить одного из раненых, мы подошли к этому разбившемуся. В двуколке лежал совсем молоденький офицер. На подушке, у его головы, сидела собачка-фокстерьер. Собачка не спускала глаз с офицера и, при малейшем его движении, лизала его. Мы подошли. Я предложила ему чаю, или поесть. Но он отказался.

— Не могу, сестра, ничего, — ни пить, ни есть... Я скоро умру. Вот, не хотите ли взять себе мою собаку?.. Ее дала мне моя невеста, когда я уезжал на фронт. Она все время была со мной. Никуда не отходила от меня... Даже во время боя. Но теперь я умираю... Не знаю сколько мне осталось жить... Если я умру по дороге, то куда денется моя собачка... Если она вам нравится, возьмите ее себе. Ее зовут «Мими». — Когда он произнес ее имя, она лизнула его в щеку.

— Я возьму ее с удовольствием. Но вам о смерти думать еще рано. До вашей смерти еще далеко.

— О нет, сестра! Я чувствую, что близко. Но в двадцать два года умирать не хочется. — Он закрыл глаза и из-под ресниц покатились слезы. Муж отошел, а я молчала. Что я скажу? А молчать и смотреть, как плачет молодой, еще вчера полный сил и любви, а сегодня умирающий, это невыносимо тяжело...

— Выпейте чаю, может быть хотите я принесу вина?

— Нет, сестра. Ничего не хочу, спасибо.

Транспорт ушел и увез умирающего офицера, а «Мими» осталась у меня. Она весь день оставалась с мужем. Я приходила из госпиталя уставшая, мылась и ложилась спать. Но всякий раз, когда я просыпалась, я находила собачку у меня на на постели.

*

Сегодня в транспорте целое событие! Солдаты полюбили свежую рыбу, мясо всем надоело. Пошли сегодня опять ловить рыбу. Река с каждым днем становится все мельче и мельче; те-

перь видно уже дно, а рыбы все еще много. Один из санитаров запустил руку и стал шарить рыбу около камней. Вдруг под руку попало что-то мягкое. Он захватил, думая что рыба, вытащил и видит какие-то красные тряпки и лохмотья синего мяса на костях. Оказалось, что это трупы турецких солдат! Когда вода здесь немного отстоялась, то все увидели, что на дне лежит масса этих, совершенно разложившихся трупов!! Голые черепа, обглоданные кости, да скользкие волокна бывших мускулов... Прибежали санитары. Ругаются, плюются; некоторых рвет. Рыба-то питалась трупным мясом, оттого и жирная была. Пришел санитар к мужу, просит дать какое нибудь лекарство... — А то я повешусь, так мне тошно!.. — Муж сказал фельдшеру, дать ему касторки...

*

Совершенно неожиданно для меня и для мужа в транспорте разразился скандал. Он очевидно давно назревал, но только муж ничего не подозревал о нем. Сегодня, вернувшись домой из госпиталя, я застала мужа совершенно расстроенным, молча сидевшим на кровати с опущенной головой.

— Что с тобой, Ваня? Почему у тебя такой грустный вид? Что нибудь случилось? Расскажи мне в чем дело?..

— У меня в транспорте сегодня была комиссия и опрашивала солдат нет ли у них претензий!

— Ну так что? Пускай! Это для тебя же лучше! Легче будет вести хозяйство; если есть ошибки, то тебе специалисты помогут найти их!..

— Ты так думаешь? А эти мерзавцы Костины подвели-таки меня! Оказалось, что они мне подавали фальшивые счета! А я подписывал их со спокойной совестью! Деньги они клали себе в карман! А отвечаю за все это — я, так как верил этим мошенникам, давал им много свободы и не умел проверять все, что они делали. Вот и поплатился за это! Солдаты заявили претензию, что с самого выхода из Тифлиса не получали сала. Это меня возмущает больше всего. Этот крошечный кусок сала полагается выдавать солдатам на руки. Но так как на фронте его не всегда достанешь, то по совету Костиных, я разрешил выдавать солдатам каждый месяц деньги за это сало. И я думал, что все это так и делается. Но вот оказалось, что нет! Для меня обида заключается в том, почему никто из них не пришел и не сказал мне об этом раньше! Я из этих Костиных вытряс бы до копейки все украденные ими солдатские деньги! Так нет! У них на все затаенная злоба! Им хочется сделать зло не Костиным, которые их обкрадывали, а мне! Они наверно долго обдумывали этот шаг и готовились к нему. Почти каждый из них получал

лично от меня столько же в месяц, сколько им причиталось бы получить за все время за их сало. Одному Ткаченко даю каждый месяц по десять рублей. И другим даю постоянно, то пять, то три, то рубль. Обхожу транспорт, увижу у кого двуколка в порядке, чистая сбруя, лошади в хорошем виде — похвалишь и дашь денег, чтобы и дальше старался. Ведь я знаю хорошо всех их и отлично понимаю. Для них самое главное деньги! Никто так не заботится о своих солдатах, как я. У строевых солдат не всегда все бывает во время. Можно сейчас найти строевых солдат, которые ходят еще в валенках. У меня же все во время для них выписано и получено, и роздано. А они это свое сало, мне в вину хотят поставить! Я виноват, что верил ворам и, не читая месячного отчета, подписывал его. Это моя вина и за нее я и отвечу! Но, если они способны были думать, что я мог брать себе то, что мне не принадлежит, то больше, я для них палец о палец не ударю! Пускай получают все, что им полагается по закону. Это моя обязанность смотреть за этим. Но уж от меня они ничего не получат! Довольно!

Он ходил по палатке страшно взволнованный. Как мне его было жаль и как хотелось помочь ему!

— Ваня! Так ведь не ты в этом виноват и не солдаты! Вся вина лежит на этих Костиных! Почему ты их не привлечешь к ответственности?!

— О! С ними я уже расправился! Они оба вылетели уже из транспорта. Я их выгнал и они пешком пошли в Карс.

— Ваня, но этого не достаточно! Их нужно предать суду за подложные счета. А так они опять устроятся где нибудь и будут мошенничать и погубят еще кого нибудь!

— Я думал об этом. Но ведь счета-то подписывал я! Что же я младенец, что ли? Ведь меня спросят на суде почему я подписывал счета, не проверяя их! Ну и выяснится, что я все время пьянствую и ни за чем не смотрю!

— Ну так что же! Но ты ведь не берешь себе этих денег по фальшивым счетам, которые тебе подсовывали Костины?

— Ну, видишь ли, еще в Сарыкамыше мне делали намеки насчет Костиных. Я тогда призвал Костина и просил сказать мне всю правду. Он даже заплакал и сказал, что команда не любит их и хочет выжить из транспорта. И поэтому говорят про них всякие гадости, чтобы погубить их. Я поверил, взял их под свое покровительство и не стал больше слушать команду. Этим вооружил всех еще больше и против Костиных, и против себя. Ну вот, видишь. В конце концов команда оказалась права, а я остался в дураках и расплачиваюсь теперь за это.

Я молчала не зная, чем помочь этому, дорогому для меня человеку, который погибает у меня на глазах. На другой день, когда я вернулась из госпиталя, муж был все в таком же подавленном состоянии духа.

— У нас в госпитале много раненых. Идут сильные бои, говорю я, чтобы вывести его из состояния безразличия.

— Тиночка! Тебе не хочется проехаться куда нибудь на Волгу, повидаться с нашими друзьями; да, кстати, проехать и к сестре? Нельзя долго жить так, как ты живешь здесь! Зачем тебе терпеть всякие лишения! Посмотри, как твои руки огрубели. Да и одета ты не так, как одевалась раньше. Я здесь пропадаю в однообразной, тупой работе! Я почти спился! Но я никуда и не могу уехать! А ты добровольно терпишь все это... Поезжай! Прокатись, отдохни, повидайся со всеми. А я займусь транспортом; приведу все в порядок. Буду сидеть сам целый день в канцелярии. Довольно! Я их всех подтяну! Они узнают, что такое старший врач. Пожалуйста поезжай. Я понимаю, что сидеть дома одной скучно. Но такая поездка доставит тебе большое удовольствие, развлечет и освежит тебя...

— Я только не понимаю, почему мне нужно уезжать отсюда? Я тебе не мешаю заниматься твоими обязанностями. Но, если я уеду, ты останешься совершенно один! А я привыкла к госпиталю; о моих руках не беспокойся; кончится война и все поправится. Мне будет скучно без тебя. Эта поездка не доставит мне радости, как раньше, когда мы ездили вместе. Да и все наши знакомые и друзья вероятно разъехались. Единственно, кого я хотела бы повидать, это брата и сестру. Но брат, ты знаешь, лежит в Москве в госпитале...

Все мои доводы остались тщетными. На следующий день я пошла в госпиталь, проработала до обеда, затем попрощалась со всеми и сказала, что уезжаю домой. Вернувшись, стала укладывать свои вещи.

— Ваня, хочешь я оставлю тебе «Мими»? Она будет развлекать тебя.

— Да, да! Пожалуйста оставь ее...

*

Раннее весеннее утро. Солнце только что вышло из-за горы и сразу осветило купол церкви, верхушки деревьев, а затем покрыло своим теплом и холодные бугры свежих могил, и транспорт, и нашу беседку, в которой я чувствовала себя счастливой, и которая уже стала для меня «моим домом». Но вот и он уже разрушается моими же руками! Уже разрушен! Стоят, перевязанные крест накрест, мои сундуки и чемоданы. Мою кровать вынесли. В палатке остались одинокая кровать мужа,

да стол... Пришли Гайдамакин и Ткаченко и стали выносить сундуки...

— Ваня! Неужели я, правда, уезжаю! Как мне тяжело оставлять тебя! Как мне не хочется ехать...

— Мне тоже тяжело расставаться. Но это необходимо, хотя бы на месяц или на два. Чтобы я мог привести в порядок все дела. А ты отдохнешь и опять приедешь сюда со свежими силами... — Он крепко прижимает меня к груди, целует мою голову. — Тиночка! Родная моя! Моя единственная, любимая... — Потом слегка оттолкнул меня и сразу заторопил. — Скорее собирайся. А то на поезд не поспеешь...

— До свидания! Береги себя. Не забывай меня!.. «Мими», люби моего Ваню, развлекай его...

Мы вышли из палатки. Ваня усадил меня в двуколку. Еще последний поцелуй и двуколка трогается. Я оглядываюсь и вижу, что Ваня стоит около палатки. На руках у него «Мими». Вот и церковь. Мы спустились, обогнули ее и выехали на дорогу. А вот и большие камни, где мы догнали казачий полк, когда ехали в Ольты. С одной стороны дороги тянутся плоские берега Ольтычая, а с другой почти голые холмы. Только в оврагах заросли терновых кустов, да низкие, корявые сосенки. Мы с мужем приезжали сюда верхом на охоту и он убил дикого голубя. Насколько было тогда легко и радостно на душе, и как тяжело теперь.

— Ткаченко, что это? Ты слышишь, какой-то зверь пищит! — Ткаченко сидел мрачный. До сих пор не сказал ни слова. Он стал прислушиваться тоже. Я оглянулась назад и вижу бежит «Мими». Она высунула язык, едва дышет и слабо взвизгивает.

— Стой, Ткаченко! Стой! Собачка бежит за нами! — Когда Ткаченко дал ее мне, она вся дрожала и продолжала слабо всхлипывать и скулить. Точь в точь как дети, когда долго плачут и потом не могут успокоиться.

Как быстро доехали до Карса! Вот уже и ущелье! Хотя еще утро, но на улицах полное оживление. Правда — больше всего солдат. На вокзале все такая же толпа и давка, как и в то утро, когда я приехала сюда. Точно с тех пор никто и не расходился. Пришел носильщик и взял мой багаж, а я пошла покупать билет. Когда багаж был сдан, я пошла к моему вагону. Носильщик нес ручные вещи; Ткаченко нес собачку. Слегка расталкивая публику, мы добрались до вагона первого класса и стали ждать, когда откроют двери. По адресу Ткаченко все время отпускались полу-шутки, полу-ругань.

— Ты что, собачку получил за храбрость? Эй, куда с собакой лезешь! Людям нет места, а он вишь с собакой еще лезет.

Вот первый звонок и все напролом бросаются в двери. Но кондуктор просит раньше показать билеты. — Не сюда! Это первый класс. В следующий вагон иди...

— Откройте двери! Почему дверь не открыта! — кричали в толпе перед вагоном третьего класса, который стоял рядом с первым классом. — Дверь открыта с другого конца, — говорит кондуктор. Толпа бросается к другому концу, но там своя, такая же толпа...

Вагоновожатый показал мне купэ и мое место. Это было двух-местное купэ и на одном из диванов сидел старый военный, болезненного вида. Когда он увидал, что я вошла с собачкой, сразу же выразил свое неудовольствие. Но я его успокоила, сказав, что собачка очень спокойная и послушная. И сирота; потеряла своего хозяина. Я рассказала ему историю собаки и полковник скоро сделался другом и покровителем моей «Мими».

Вот и опять сижу в вагоне и чувствую себя совершенно растерянной и выбитой из колеи. Раскаяние, что я послушалась мужа! Уехала и оставила его в таком ненормальном состоянии. Неизвестность того, какой перелом произошел в его душе... Действительно ли он займется работой по хозяйству? Или, отравленный алкоголем, организм возьмет верх и он махнет на все рукой и будет опять только пить? А я в это время буду далеко, на Волге, куда и письма идут бесконечно долго, и не буду ничего знать о нем. С другой стороны, остаться в Баку, сидеть дома без дела! Еще, чего доброго, от тоски и одиночества попаду в Яшину пьяную компанию и буду развлекаться по ресторанам... Нет, лучше поеду на Волгу, посмотрю как живут мои родные во время войны. Когда приехала домой, в Баку, нашла там письмо от брата: «Из восемнадцати дырочек, которые сделали в моем теле немцы, атакуя мой дорогой Осовец, шестнадцать затянуло. Но две, почему-то, не хотят заживать. Однако валяться в госпитале надоело. Доктор предложил мне поехать на кумыс в степи, но я отказался. Хочу поехать к Капе. Буду у нее отлеживаться. В Московских госпиталях уход отличный, сестры внимательные и хорошенькие. Но мне очень хочется подышать родным — камским воздухом».

Ну, вот и дело для меня! Поеду к сестре, буду ухаживать за ним. Еду на Волгу! Повидаю всех. Поживу у сестры. Когда брат подлечится будем веселиться. Грибов-то сколько там, рябчиков! Стерляди! На бабушкино плесо будем с рыбаками ездить на ночь и метать снасти...

Как я помню все это! Самое интересное, когда рыбаки едут ставить снасти с вечера на далекое плесо и сами ночуют там же, вблизи поставленных снастей, чтобы рано утром вы-

нуть их, а пойманную стерлядь доставить к первому пароходу. Для дальнего плеса были специальные лодки. Посреди лодки садок, полный воды, куда бросали снятую с крючков рыбу, и везли к пристаням. Если увидят, что пароход уже идет, рыбу ловят сачками, кладут в плетенку с крапивой и несут на пароход. Заснувшую рыбу никогда не продавали. Да ни один рыбак и сам есть ее не станет. Просто выбрасывали в Каму. А поехать с рыбаками на ловлю в ночное, это неописуемое удовольствие. Днем рыбаки сидят на берегу, точат крючки, чинят снасти и вешают их на перекладину, которая лежит на воткнутых в землю рогатках-подставках. Когда «снасть» приготовлена, ее кладут поперек лодки. На каждой снасти по сто крючков, а в лодке таких снастей бывает, иногда, по десяти и больше. Когда все готово, старший в лодке рыбак, идет на кухню и получает хлеб, просо и соль. До захода солнца лодки должны быть на месте и снасти разметаны, (выбросить в воду крючки, привязанные к бичевке. Большие поплавки указывают место где «снасти» поставлены). Молодой парень сидит на носу лодки и тихонько гребет двумя веслами; старший кормовой выбрасывает снасти из лодки, петлю за петлей. К ним привязаны поплавки, которые и держат их на нужной глубине. Эта работа очень медленная и требует большой осторожности и навыка; иначе крючки запутаются и пропадет вся многочасовая работа. Когда все снасти поставлены, (их ставят вдоль низкого берега Камы), лодки пристают к берегу и сейчас же рыбаки начинают варить ужин.

— А ну-ка, Семен, пока видно еще, набери-ка хворосту! — скажет старший рыбак, а сам тем часом чистит стерлядь.

Котелок и таганок — трехножка и всякие другие припасы, нужные для рыбацкого хозяйства всегда находятся в лодке на корме. Небольшая ее часть заделана в виде шкафчика-буфета, где рыбаки и держат все свое хозяйство: хлеб, крупу, соль, баночку с лавровым листом (обязательная приправа к ухе) и, как особая роскошь, иногда, луковку. Тут же лежат деревянные ложки и (на двоих — одна) небольшая миска. Рыбаки варят уху замечательно. Много есть любителей, которые специально приезжают из города к рыбакам, поесть стерляжью уху.

Сначала ставят таганок-трехножку, на него котелок с водой, потом подкладывают мелких щепок, которые посуше, подожгут, и огонь, быстро пробежав по щепкам, сразу разгорается. Старший рыбак всегда сам вылавливает из садка рыбу и сам ее чистит. Как только закипела вода, он бросает в нее, выпотрошенную и вымытую в Каме стерлядь, сидит рядом на корточках с ложкой в руке и глаз не отводит от котелка, ждет, когда он закипит, чтобы снять пену. Вот пена снята. Тогда он бросает в котелок один лавровый лист и еще, время от времени, осто-

рожно ловит ложкой и выбрасывает собравшуюся пену. Наконец, на поверхности воды появляются пятна жира. Рыбак зачерпывает уху, и подув на ложку, пробует. «Кажись готова»! Тогда, захватив тремя пальцами соль, растирает ее, посыпает ею уху и еще раз зачерпнув ухи, пробует и говорит — Семен! А ну-ка принеси луковку! — Семен пошел к лодке за луком, а старший рыбак отгребает жар из-под котелка, чтобы уха больше не кипела. Принесенную луковицу он чистит, режет мелко и бросает в котелок, но не дает кипеть, а только, чтобы лук заварился. Сняв котелок с таганка, выливает уху в чашку, оба рыбака, перекрестившись, не спеша, начинают есть, опуская ложки в чашку по-очереди. Уха съедена. Тогда вынимается стерлядь и также, не спеша съедается. Оба крестятся. Семен берет чашку и ложки, идет к реке и моет их. День закончен! Завернувшись в зипуны с головной, чтобы не кусали комары, ложатся спать. На следующее утро, чем свет встают и едут вытаскивать снасти, а пойманную стерлядь бросают в садок и везут домой. Если на утренних пароходах стерлядь продана не вся, то оставшуюся пересаживают в большой садок, который всегда стоит на якоре недалеко от берега. В этом же садке, кроме стерляди, держат и налимов. На такую ловлю выезжает не одна лодка, а иногда десять и больше. Все рыбаки ночуют вместе; но ест, каждая лодка отдельно — обычно старший рыбак со своим помощником. И варят стерлядь не всегда, а иногда и кашу из проса.

*

На другой день по призде в Баку я пошла к портнихе.

— Мадам Семина, я не смогу сшить вам все платья к сроку, — заявила она. — Платья попроще закажите какой нибудь другой портнихе.

Я разыскала еще одну портниху. Но и она взяла, тоже, только часть моего заказа и послала меня к третьей. Теперь я езжу каждый день на примерки — то к одной, то к другой, то к третьей.

Нина с детьми едет в Пятигорск, а с ней и Маня. — Ты приезжай туда же с твоей Волги, — говорят они.

В Баку стоит жара. Но только доехала я до Петровска, как стало прохладно, а по ночам и совсем холодно. А в Царицыне, так и днем еще прохладно. На Волге, на пароходе, вечером нельзя было выйти без пальто на палубу, так было свежо. Пароход новый, огромный — так называемый теплоход. Великолепные каюты с ванной. Большой зал для танцев, читальня, нарядная столовая и изысканный стол. Но публики маловато! В особенности в сравнении с прежними годами, когда я ездила по Волге. Тогда, в самый разгар лета, трудно было достать отдельную

каюту. Многим приходилось спать в салонах. За завтраком и обедом всегда не хватало столиков и только за хороший «на чай» лакей занимал его для вас заранее. Теперь в первом классе ехали все какие-то толстые, старые дяди и много дам, тоже не первой молодости. Сколько раз я ездила по Волге и Каме, и я сосчитать не могу. И как, бывало, всегда весело! Сколько было интересных знакомств! Вечером всегда пение и танцы. На палубе, публика слышала до утренней зари пение соловьев в Жигулевских горах. В некоторых местах пароход идет так близко от берега, что видно все, что там происходит. Иногда днем, вдруг, раздается крик: «Заяц! заяц!» А бедный зайчишка уже напуган, видя, что пароход совсем близко от берега; но, когда еще услышит крик людей, перепугается до смерти, и удирает в гору, только беленький хвостик мелькает, и со страху ныряет куда нибудь под кусты. А публика начинает спорить. — «Я мог бы убить его на таком расстоянии!» — «Да ничего нет и мудреного! Особенно если еще мелкой дробью!» — скажет другой. Тут, конечно, примут участие и другие слушатели. И чуть до ссоры не доходит в горячем споре.

А по другую сторону парохода в это время плывет навстречу плот. Пароход начинает отходить от берега, чтобы избежать мели и проходит совсем близко от плота. На плоту, конечно, поднимается беготня и ругань по адресу капитана парохода: — «Ты что ж это, толстопузый! Утопить нас хочешь?» — кричат с плота. — «Вороти в сторону, такой-сякой! Разорвешь плот своими волнами! — Но пароход уже прошел, а огромные волны перекатываются через плот и смывают пожитки в Волгу. Плотовщики стараются вытащить их из воды и спасти и потрясают в воздухе мокрыми зипунами, красными рубахами, портянками, выкрикивая нецензурные ругательства. Но пароход уже далеко. А матросы смеются и отвечают шутками, которых лучше не слушать...

Выхожу почти на каждой пристани. Везде поражает обилие продающейся еды! Чего-чего только нет на лотках на берегу!? Целые горы вареных и жареных кур, гусей, уток; вареная печенка, яйца, пироги, квас хлебный, стерлядь копченая... Мне так хочется всего накупить. Все это, конечно, можно заказать в буфете и все подадут красиво и вкусно. Но это не интересно! А вот, когда видишь все эти вещи на лотках, тут на берегу, то все кажется особенно привлекательным. Вечером вышла на палубу. Ждала соловьиного пения, но вместо него до меня долетели снизу, из третьего класса, звуки тягуче-грустного бабьего пения. Пел видно целый хор, в один голос, уныло... И вдруг слышу: щелк! щелк!.. И опять тишина... Стою. Боюсь пошеве-

литься... Ну! Ну! Пой же! Пой соловушка! — говорю я мысленно... Пароход шел теперь под крутым берегом, где глубоко. Горы над ним покрыты цветущим, душистым лесом. Незаметное течение воздуха доносит аромат черемухи, молодого березового листа и сосны... Пароход стал опять отходить от берега. Соловья больше не было слышно... Пошла спать. А на утро была уже в Казани.

Пароход подошел к пристани около девяти часов утра. Я решила оставить вещи на нем, а самой поехать в город, который находится в семи верстах от Волги. Вышла на пристань и пошла по набережной к стоянке извозчиков. Здесь меня поразила ужасающая грязь. И движение тут было удивительное, не меньше чем на фронте. Бесконечные вереницы ломовиков, везущих ящики, тюки, мешки. Извозчики на старых клячах. Лихачи, шикарно подкатывающие к пристаням своих седоков. Грузчики, несущие на своих спинах пяти-пудовые мешки и ящики, задевающие прохожих и кричащие «Эй, барыня! Пеберегись! Не то задену»!.. Сновавшие в толпе оборванцы предлагали свои услуги донести багаж до «номера»... Нищие протягивали руки и просили копеечку... Бесконечные ряды торговцев и торговок всякой снедью, расхваливающих во все горло и с особым припевом свои товары... «Барыня! Квасу не желаете ли! Копейка кружка с добавкой!» И, для соблазна, зачерпнула ковшем квасу, подняла его высоко и медленно льет его обратно в деревянное ведро, всбивая пену. Горы копченой воблы, пудовые караваи хлеба белого, серого и черного как земля. Долго я стояла, прежде чем смогла перейти через улицу и взять извозчика. Когда проехали бесконечную дамбу и адмиралтейскую слободку, въехали наконец в город.

— Куда везти-то вас? — оборачиваясь ко мне спросил извозчик.

— Вези на Вознесенскую. Хочу посмотреть университет. А потом в Рыбнорядские номера. Что они существуют еще у вас?

— Как же, стоят! А вы, барыня, разве нездешняя будете?

— Нет. Я приехала повидаться с родными и посмотреть, как живут знакомые. Боюсь только, что никого не найду в городе.

— Ежели женщины, то может и дома. Если на дачу не поехали. А мужчины-пойди ни почем не найдешь, кроме перестарков. А то всех угнали на войну, — говорит извозчик.

— А почему так мало народу на улицах? Тоже из-за войны?

— Да господа-то по дачам разъехались. А простой народ, кто поехал в деревню на полевые работы; а кого тоже угнали

на войну. Вот спустимся на Рыбнорядскую площадь, там больше народу будет, базар.

Мы спустились на Рыбнорядскую площадь, где в старое время, в утренние часы, тысячи народу приходили покупать свежую рыбу, дичь и разную зелень. Все это стояло здесь целыми рядами возов.

Скучно показалось мне в городе, в котором, я с мужем, прожила первые счастливые годы. Друзья и знакомые разъехались, кто куда. Застала только мать подруги. Живет все в той же квартире. Но, вместо четырех дочерей, только одна младшая, Зина, живет с ней. Остальные три вышли замуж и уехали с мужьями. Я поднялась на третий этаж. На мой звонок дверь открыла маленькая рыжевато-бурая старушка и уставилась сквозь очки на меня.

— Вам кого угодно? — спросила она.

— Надежда Евграфовна! Вы не узнаете Тину?

— Тину? Какую Тину? А!.. Да неужели это ты? Каким образом ты здесь в Казани? Где Иван Семенович?..

— Ваня на фронте. А я поехала посмотреть на родные места и повидаться со всеми. Но неудачно, оказывается, все разъехались...

— Да, да. Почти никого нет. Я вот сижу одна. Зина другой раз и ночевать домой не приходит; все у подруг. То на пикниках, то на катаньях! А мне скучно, одной-то. Вера живет далеко. Письма приходят редко. Соня, хотя и близко живет, да тоже пишет редко. Муж у ней больной туберкулезом. А ты надолго приехала сюда?

— Нет; сегодня же еду дальше, к сестре.

— Жалко! Осталась бы, погостила у меня? Может быть и Зина прийдет домой. Она так тебя любит! И будет очень огорчена, когда узнает, что не увидела тебя.

Я не задерживалась; попрощалась с ней и поехала обратно на пристань. В семь часов вечера мой пароход отошел от пристани и пошел вверх на Пермь. А через двое суток я сошла там на пристани, где меня уже ждал муж моей сестры — Ива.

— Здравствуй Тина! А мы не поверили сначала твоему письму, что ты едешь сюда! Поверили только, когда получили телеграмму, что ты взаправду едешь. Надолго-ли приехала? Как же ты решилась оставить Ваню? — забрасывал он меня вопросами.

— Как чувствует себя Харитон? Давно ли он приехал? Как Капа, поправилась? Довольна ли, что дочь родилась, а не сын?

Так забрасывали мы друг друга вопросами усаживаясь в бричку. Наконец тронулись в дорогу. От Камы до Ижевского завода сорок верст. Едешь все время по Екатерининскому тракту. Мы проехали большое торговое село, поднялись в гору и выехали на большую трактовую дорогу. От самого села и до Ижевского завода эта дорога обсажена по обе стороны березами, которые за сто лет своей жизни образовали сплошную, тенистую и прохладную аллею. Дорога была очень широкая. Но ездили только по одной стороне, а другая половина вся заросла кустами и мелким березняком. Эту важную дорогу, немощеную, чинили время от времени, сгоняя из деревень мужиков с подводами. Они возили песок и гальку, засыпали глубокие ямы и вырубали кустарники. Но проходило некоторое время, кустарник вырастал снова, на дороге появлялись новые ямы и выбоины. С раннего детства, сколько я себя помню, я ездила с моей бабушкой по этой дороге из села Гольяны на Ижевский завод. И сколько раз я видела, в особенности после дождя, как повозки, ехавшие навстречу друг другу, не хотели сворачивать с дороги и уступать другому наезженную колею. Поднимались ругань и крик, — «вороти правея»! — кричит мужик встречному. Но и тот, в свою очередь кричит тоже самое: «Нет! Ты ворочай правее! Дай мне сперва проехать!» — После долгих и бесплодных пререканий, оба едут друг другу навстречу, не уступая дороги, пока не сцепятся колесами. И опять принимаются ругаться с новой силой, а потом соскакивают с телег прямо в грязь, потрясают кулаками перед носом друг у друга и готовы стоять так без конца. Тогда моя бабушка посылала кучера, чтобы прекратить ссору и очистить дорогу для нас. Зимой и летом, в дурную и хорошую погоду, бесконечные обозы тянутся в обе стороны по этому тракту. С Ижевского завода везут в Гольяны длинные черно-коричневые ящики, в которых упакованы ружья. А из Гольян везут на завод пустые ящики, кокс, уголь, чугун и белую глину.

Опять родные поля, деревни и речь с ударением на о.

— Господи! Что это? И до вас дошла цивилизация? Или кончилась вся галька на Каме, так стали мостить булыжником? — говорю я, показывая на двух мужчин, стоявших на коленях и укладывавших рядами круглые камни мостовой.

— Это пленные работают. Нагнали их в наши края много. Надо же утилизировать живую силу! Вот и выдумали для них занятие, мостить дорогу булыжником.

— Все сорок верст будут мостить?

— Все зависит от войны, как долго она продлится. Может быть и успеют все сорок верст вымостить. А может и не успе-

ют... Кто его знает? Ежели эти двое пленных будут мостить все время, то война должна длиться сорок лет, чтобы вымостить все сорок верст! Вот две недели уже будет, как мы ездили здесь за Харитоном Дмитриевичем. С тех пор у них прибавилось с аршин мостовой-то! — говорит кучер. — Старики они. Куда им спешить-то? Работают себе помаленьку, — снова говорит кучер.—Небось, которые помоложе были, так тех бабы разобрали по своим дворам на полевые работы! Да оно и правда! Время-то страдное, руки нужны шибко! Хлеб нынче уродился хороший, а «робить» некому. Что одна-то баба «наробит»? И в поле работа, и дома хозяйство. А тут еще и ребята малые. Ну, значит, начальство и разрешило бабам чужих мужиков брать. Они и повыбирали, которые помоложе. «Мой-то», говорит, «Захар молодой был, когда его угнали на войну? Ну, и я хочу пленного взять тоже молодого!» Никто старых-то брать не хочет. Вот их и заставили мостить дорогу. А «пошто» она нам мощеная?! Мы и так ездили! Хорошо было. А ему старику — что? Работа не тяжелая; начальство над ними не стоит. Сколько сробит, столько и ладно. До ночлега идти не далеко; вон тут за лесом, деревня. В ней и квартируют. — Все это кучер говорил с видимым сочувствием к работавшим. Когда мы проезжали мимо пленных они не подняли головы и даже не посмотрели на нас. Все так же, не спеша, они продолжали укладывать булыжники, медленно кладя их близко друг к другу и поколачивая по каждому деревянным молотком. В это время, совершенно неожиданно для меня, недалеко за кустами, вдруг раздался пронзительно-резкий свисток. Я, от неожиданности, даже вздрогнула. — Что это! Кто свистит? — Я знала, что здесь нет железной дороги. Кучер хохочет.

— Да это у нас «чугунка» тут ходит. Поди свалилась опять, ну и зовет народ, чтобы шли поднимать ее.

— Какая здесь «чугунка»? Откуда она взялась у вас? — И вдруг опять слышу, но уже как будто жалобный крик: «Пить! Пить»! Теперь мне чудился в этом свисте слабый, беспомощный плачь упавшего ребенка.

— Вот! Беспременно теперь сам паровоз свалился! Ну и зовет мужиков поднимать!

Мне объяснили, что это узкоколейная, настоящая железная дорога, выстроенная на скорую руку еще в начале прошлого года для подвоза оружия к пристани. Платформы этой дороги, нагруженные ящиками с ружьями привозят на пристань, целиком вкатывают на баржи и пароход тянет их по две и по три до Царицына. Там их выкатывают опять на рельсы, составляют из них поезда, которые идут уже прямо на фронт, без

всякой перегрузки и задержек. Когда платформы нагружены, то редко случается, чтобы сваливались. Но пустые, да еще на поворотах, они сваливаются часто. Сваливаются и паровозы.

— Хочешь, встань на сидение к кучеру. Может быть увидишь оттуда «крушение поезда», — сказал Ива.

Я влезла на козлы и стала смотреть туда, откуда валил черный дым. Но самого паровоза не видела.

— Ничего не вижу, кроме дыма.

— Ну вот! Это самое и есть! Знамо дело он лежит! Потому и свистит! И трубы потому не видно.

Наконец наша тройка взлетела на бугор и я сразу увидела весь завод. На огромном пространстве, точно в парке, виднелись красные, зеленые, коричневые крыши небольших домиков-особняков. Самого завода не было видно. Он стоит ниже городка. Только огромные трубы торчали ввысь и дымили день и ночь. Еще несколько поворотов, мимо деревянных домиков, и мы на всем скаку въехали во двор. Около крыльца, на скамейке, сидели мои сестра и брат. Увидев въезжавшую тройку, они встали и пошли к нам навстречу. Брат опирался на палку; его высокая, худая фигура слегка склонилась вперед. А сестра все такая же: стройная, высокая. Она обожала брата. Он самый младший в семье; когда мать умерла ему было только два года, сестре десять, а мне четыре. Сестра раньше не любила меня, особенно, когда мы были маленькими и жили вместе. Теперь первая радость встречи прошла в слезах, поцелуях и отрывочных фразах и вопросах.

— Ну вот, опять все вместе! — говорила сестра, утирая слезы на глазах и успокаиваясь. — А я не думала, что мы еще соберемся когда нибудь все вместе. Когда его ранили, — сестра взяла руку брата и погладила ее, — я просто думала, что умру от горя. А ехать к нему не могла, ожидала Танечку... Потом сама болела долго. Только много позже получила, наконец, письмо от самого Харитона, что ран, хотя и много, но не все тяжелые, что надеется скоро поправиться и приехать к нам. И вот он уже и здесь! Теперь мы все поедем в деревню, там будет лучше для него... Да и начались уже полевые работы. Нужно смотреть за всем.

После недели жизни на заводе, я с удовольствием поехала в деревню. Завод меня мало интересовал. В самом городке жили рабочие, чиновники, солдаты, несколько человек офицеров и генерал — на положении военного губернатора. Конечно был там военный собор и общественный клуб. Но больше всего было, как говорили, публичных домов. Меня возили посмотреть, как работает завод. Я пришла в полный ужас при виде раска-

ленного до красна чугуна, безумной жары от него и массы полуголых рабочих. Завод работает день и ночь, не останавливаясь ни на одну минуту. Больше пятидесяти тысяч рабочих работает в несколько смен. По свистку рабочие и начинают и кончают работу. Не успеют отойти одни, их места занимают другие рабочие. У огромных ворот, которые имеют три прохода (два для пеших, а средний для подвод), стоят солдаты и чиновники, которые осматривают проходящего рабочего предъявляющего при этом карточку с его именем, фамилией и названием цеха в котором он работает. Подводы тоже обязаны предъявлять свои пропуска о том, что он везет, сколько и из каких мастерских. Когда раздается фабричный свисток, рабочие должны входить на завод, в одни ворота, а в другие выходить. Эта смена продолжается пятнадцать минут. И, если кто из рабочих не поспеет во-время подойти и ворота уже закрыты, то он уже никак не может попасть на завод, хотя бы он был самый нужный мастер. Ворота чугунные, резные, и очень высокие, с кирпичными столбами, наверху которых укреплены огромные двуглавые орлы. Средние ворота, которые для пропуска подвод, открываются и закрываются по мере надобности и пропускают подводы целыми караванами. Теперь через них же входит на завод и выходит из него с шипением и свистом, маленький паровоз, который тащит за собой по двадцать и больше платформ, пустых в одну сторону и нагруженных ящиками — в другую.

*

Мы выехали с завода рано утром и после обеда были в усадьбе сестры, в двадцати восьми верстах от завода, около деревни Колюшево. Ехали мы все время по проселочной дороге, вдоль бесконечных обработанных полей. Жатва ржи была в полном разгаре. Одна из работавших около дороги баб выпрямилась и поклонилась нам. Из-за колосьев ржи видна была только ее голова.

— Посмотри, какая рожь! Едва бабу видно, — сказала сестра, с восхищением собственницы. Куда глаз хватал, всюду кругом, на каждой полосе жали бабы и девушки в одних рубахах, подпоясанные кто пояском, кто головным платком. Местами стояли распряженные телеги, а лошади, привязанные вожжей к телеге, паслись тут же на меже. Вон баба подошла к суслону[1] и жадно пьет из берестового туеска.[2] Тут же, с теневой стороны

[1] Суслон — связанные вместе снопы.

[2] Туеск — сосуд из березовой коры для кваса, браги и молока, разных размеров.

под суслоном двое ребят; один лежитт спеленанный, а другой, — совсем тоже еще маленький, возится с чем-то рядом. Мать напилась и дала пить и игравшему ребенку.

— Бог на помощь! — сказала сестра бабе. Баба выпрямилась, и приветливо, не торопясь ответила, — спасибо. Кучер остановил лошадей.

— Рожь-то у тебя очень хорошая уродилась! Густая, высокая! Вон сколько наставила суслонов. Да и жать то еще много осталось. Что, одна жнешь? Где же твоя семья?

— Да вот вся и семья тут, — она показала на своих маленьких ребят. Да мамонька-свекровь больная осталась дома.

— Что с ней? — спросила сестра.

— Да, хто ее знает? Давно уже кашляет. Все как то перемогалась, но работала; домашнюю работу справляла и за ребятами смотрела. А вот теперь слегка совсем. Лежит, ни пьет, ни ест. Целый день все одна, некому и воды подать. А что я сделаю? Жалко ее, но не пропадать же урожаю! И нанять, чтобы пособить мне, некого. Сами видишь, — все жнут. И сама не знаю, когда я и управлюсь одна-то? У нас еще есть другая полоса ржи; поди скоро осыпаться станет... А тут еще ребята вот все плачут! Жарко ведь им целый день в поле на солнце, да на ветру... Баба села, машинально взяла маленького на руки, вынула грудь и дала ее ребенку, который не плакал и не просил есть. Другой ее белоголовый мальчик лет двух, в одной расстегнутой рубашенке и босой, стал теребить мать, хныкать и что-то просить... Сестра спросила: — Что он просит у тебя?

— Да сахару с хлебом. — Баба протянула руку к холщевой котомке и стала шарить в ней.

— Постой! Вот, на ему от нас гостинцы. — Сестра открыла корзинку, вынула конфект и белого хлеба и послала ей с кучером.

— Спасибо! — сказала она. — Я ведь за мужика своего получаю «способие». Жить можно! И скот у нас есть; хлебушко родился. Только вот одна беда, что мамонька-то хворает; ребят не на кого оставить дома.

— Ну, теперь Бог даст, война скоро кончится и все вернутся домой, — сказала сестра. — Ну прощай! Бог поможет тебе.

— Спасибо на добром слове, прощайте, — сказала баба, кладя младенца на землю и вставая...

Снова полосы ровной желтой ржи. Точно море: чуть колышется и переливается от набегающего ветерка. Если бы не межи между полосами, на которых растет высокая ромашка, ва-

сильки, да душистая и сладкая кашка, то это поле казалось бы делом рук одного человека — сеятеля, — так оно было ровно!

У сестры в усадьбе жизнь простая: такая же рабочая, страдная, как и у крестьян. Вечером говорили о том, как бы на завтра побольше достать рабочих. А утром первым вопросом сестры было, сколько сегодня пришло народу работать? Днем сестра уходила в поле, а мы с братом уезжали в лес. Сначала мы хотели посадить его на положение выздоравливающего-больного. Но он сразу отказался от всякой, нашей опеки. Ездил в поле, где работали молодые девушки (один без сестры), а вечером, когда они возвращались с поля, пел с ними песни. Сначала мы с ним ездили в лес на тележке, но потом стали ездить верхом. В лесу собирали рыжики, которых в наших краях очень много, охотились на рябчиков, которых тоже великое множество. Наконец собрались и поехали на сенокос с ночевкой. У сестры были луга в Закамье. Это великолепные заливные луга с высокой, мягкой и душистой травой. Но ехать туда далеко и поэтому ездили всегда на несколько дней. Брали с собой еду — хлеб, картофель, крупу, огурцы и зеленый лук... На этих лугах было много мелких озерков и болот, образованных весенней водой, оставшейся после разлива Камы. В этих озерках водилось много карасей и небольших щук. Косари уехали на сутки раньше и взяли мешки с едой только для себя. На следующее утро поехали мы: я, брат, девки и молодые бабы, сгребать сено, которое вчера накосили уехавшие мужики. Сенокос в наших краях считается самой приятной летней работой. Все были нарядны, мужики в красных новых рубахах, сшитых еще ранней весной и хранившихся для сенокоса. Бабы и девушки в ярких юбках, красных кофтах, с белыми или пестрыми фартуками. На головах новые платки, на ногах лапотки; у девок длинные косы, в косах яркие ленты. На косьбу все идут охотно. Почему-то никто не считает эту работу тяжелой, всем она кажется легкой и приятной. С утра и до вечера раздается во всех углах покоса пение, прерывающееся визгом и криком. Это парни или молодые мужики гоняются за какой нибудь девкой. А она убегает от них, или отбивается чем попало и куда попало. Часто другие девушки бегут на выручку подруги, которую парень поймал, бросил ее в свежий вал сена и забрасывает ее большими охапками этого же сена. Тогда несколько девок нападают на парня и бьют его. На выручку парня прибегают другие мужики и парни и получается общая свалка. Крик и визг стоит такой, что ничего нельзя расслышать. Только мелькают юбки, красные рубахи, да лапти разных размеров. Какой нибудь девке удастся вырваться из этой свалки и она бросается бежать. За ней, конечно,

гонится парень. А когда догонит, то так ее огреет широченной ладонью, что, кажется, она непременно расплачется от боли. Но девка повернется к парню и сама даст ему оплеуху не меньшей силы.

На покосе всегда выбирался староста из степенных мужиков. Он наводил порядок и смотрел за работами. Если увидит, что молодежь очень уж развозилась, подойдет и, ни слова не говоря, каждого попавшегося, все равно девку, или парня, бьет чем попало: — Что это? Играть сюда приехали, да сено мять? Живо возить копны, да метать новый стог! — строго прикрикнет он. И все слушаются без возражений. Целый день работы утомляет всех. К вечеру девки и бабы двигаются вяло. А староста, знай только, покрикивает: — Шевелись, девушки! Подносите сено проворнее! Засветло домечем стог. А там уж пойдете рыбу ловить на уху! — Солнце давно уже закатилось. Но работу все не кончают.

— Дяденька Савелий, — спрашивает девушка, — когда же мы пойдем ловить рыбу-то? Темно уж стало! В темноте только лешего поймаем вместо рыбы...

— А вы бы меньше днем-то играли с парнями! Тогда бы и засветло рыбу-то ловить пошли.

Но, потихоньку, незаметно, две-три женские фигуры отходят и бегут к озерку. Сняв с себя лапти и нижнюю самотканную юбку и завязав ее у пояса, как мешок, они осторожно входят в черную теплую воду. Через минуту обе уже кричат со страху: — Ой! Что-то попало живое под ноги! — Но это не мешает им очень скоро вытащить на берег полную юбку, как золото блестящих карасей. Их сразу несут на речку чистить и мыть. Она извивается тут же по лугам, не глубокая и не широкая, но с водой черной, как вакса. После заката солнца вода кажется особенно жутко-неприятной. Оба берега речки сплошь заросли ивой, калиной, черной и красной смородиной.

Пока девки ловили рыбу, да чистили ее, староста отпустил и других: — Бабы, девки! Довольно работать! Пора ужин варить! — кричит он. Сразу начинается смех и шутки. Девки собирают хворост, разводят костер. Над костром висят котлы. В одном варится каша, в другом — уха из карасей. Мужики моются на речке. Слышно их фырканье и отрывочные фразы: — Иван! Да ну тя к лешему! Да не плещись! Стой, стой! Кто-то меня тянет за ногу! А ты вот побалуй. Ежли без креста, так и вправду схватит за ногу да и утащит! — говорит кто-то из мужиков.

— Ужинать!.. Мужики ужин готов! — закричала баба. — Скорее! Рыба перепреет! — На траве разослан брезент и вскоре

все уже сидят вокруг, поджав ноги и чинно хлебают уху. На брезенте стоят две большие чашки, каждая на десять человек. Всех рабочих двадцать человек: восемь мужиков и двенадцать женщин. Уха съедена и в этих же чашках подают пшенную кашу; вместо коровьего масла, в кашу льют подсолнечное. Несмотря на то, что женщины работали так же, как и мужчины весь день, за ужином мужики сидели спокойно и ели, а женщины услуживали и угощали их; резали хлеб и подавали соль, а две постарше заведывали кухней-котлами, разливали уху, раскладывали кашу и подавали на стол. — Ешьте, ешьте мужики! Наварено много! Хватит всем, — угощали стряпухи. На столе-брезенте лежал зеленый лук, свежие огурцы, и крутые яйца. Огромный каравай черного хлеба резался на ломти через весь каравай и уничтожался едоками с невероятной быстротой...

— Ух! Ну и поужинали! — сказал кто-то с тяжелым вздохом. — Спасибо стряпухи! А сами-то вы когда ужинать будете? — спросил староста. — Да что нам! Мы уже поужинали, — ответили стряпухи. — Ну, спаси вас Христос! — Все крестятся и тут же ложатся спать, подложив под голову зипуны. — Ай не замерзнем? Ночь, поди, теплая будет, — сказал Савелий. — А вот девок положим промеж собой! Тогда теплее будет, — говорят мужики. А молодые парни не ложились еще. Они подбрасывали хворост в костер и приглашали девушек садиться поближе к огню. И скоро понеслось в ночной тиши их тягучее и нежное пение. Недалеко, в кустах, не вытерпел и защелкал соловей. На дальнем болоте, потревоженные необычайным шумом, проснулись утки и закрякал селезень.

На другой день после отъезда мужиков на покосы, поехали туда и мы. С нами ехали двенадцать женщин и три мужика. В двух телегах везли всех нас, да еду на три дня для всех рабочих. Мы с братом взяли одеяла и охотничье ружье. От усадьбы до Камы нужно было ехать восемь верст, а там нас ждал огромный паром. Погрузили телеги, поставив их поперек парома, а распряженных лошадей привязали к телегам. Два мужика стали к рулевому веслу, а женщины сели и стали грести. Весла были так велики и тяжелы, что одному человеку нельзя было их сдвинуть. На каждое весло село по две женщины. Нам нужно было переплыть широкую и быструю Каму. Как только мы отошли от берега, паром стало относить вниз по течению.

— Налеги на весла! Налеги! — командовал рулевой. И бабы гребли изо всех сил. Паром покачивался, лошади беспокойно переступали ногами и пряли ушами; мужик смотревший за ними успокаивал их голосом и похлопывал по шее. Наконец паром

переплыл Каму. Нас отнесло вниз довольно далеко и теперь нам приходилось подниматься вверх вдоль плоского берега.

— Стой! Брось грести! — раздалась команда, — приехали!

Я посмотрела на берег и не увидела никакой пристани, а паром остановился довольно далеко от берега. Берег был плоский, песчаный. Обломанные кусты ивняка доходили почти до самой воды; всюду валялись пни и поломанные стволы деревьев, принесенные половодьем. Иногда пни проплывали сотни верст и были точно отполированы речным песком и галькой. Когда паром остановился, один из мужиков соскочил прямо в воду по самую грудь и стал тянуть паром ближе к берегу. Но не очень-то близко подошел он к берегу. Паром был тяжелый, скоро сел на мель, закачался и накренился. Лошади заскользили. Одна прыгнула в воду и потащила за собой телегу, к которой была привязана. — Девки! Бери весла! Толкай паром от берега! — раздалась команда рулевого. А мужик выхватил нож и обрезал повод, которым была привязана лошадь. Как только она освободилась — сразу поплыла к берегу. С телегой долго пришлось повозиться, пока ее вытащили на берег. Вторая лошадь ни за что не хотела прыгать в воду. Ее толкали сзади, тянули за повод, но она упиралась в низкий борт всеми четырьмя ногами и не желала сходить в воду. Наконец, ее прямо столкнули и тогда она пошла на берег отряхиваясь и отфыркиваясь. Для телеги подвели под колеса две доски и по ним ее скатили. — А вы что не выходите? — закричал один из мужиков на стоящих на носу баб и девок, — что, ждете, чтобы вас на ручках вынесли? Выходите, выходите! И так сколько времени потеряли! Вон где уже солнце.

— Дяденька Трофим, возьми меня на ручки! Я ножки боюсь замочить! — со смехом просила девушка, но в следующую минуту она первая спрыгнула в воду и пошла к берегу. Около самого берега нагнулась к воде и давай брызгать на мужиков.

— Ах ты, вредная! — сказал мужик. Бросился за девкой, догнал ее, схватил в охапку, принес и бросил в воду. Девка страшно визжала и отбивалась, но была выкупана с головой, нитки сухой на ней не осталось. Остальные женщины сняли с ног лапти, спокойно спрыгнули в воду и вышли на берег. Я хотела сойти по доске, которую положили под телегу, но она не доходила до сухого песка. Брат вошел в воду, взял меня на руки и вынес на сухое место. Лошадей запрягли, мы сели и поехали, подпрыгивая на каждой кочке. Когда приехали на покосы, мужики встретили нас приветливо.

— Поздно, поздно приехали, — пожурил староста. Ну, девки за работу! Трава пересохла, ожидаючи вас... — Женщины

пошли к кустам, сняли с себя лишнюю одежду, взяли грабли и стали сгребать свежую, просохшую траву, которая лежала толстым валом. Две девки подходили к сену и ручкой грабель начинали подбрасывать его вперед и оно заворачивалось, в огромный вал. Его оставляли около места будущего стога, а женщины шли обратно к следующему ряду и таким же образом, гнали и его к тому же месту. Когда сгребли все ряды с одной стороны луга, то начинали таким же образом сгребать их с другой стороны. В конце концов на середине его получается один огромный вал из сена. Тут тогда и начинают метать стог. Сено, скошенное между кустов и в овражках, сгребают отдельно и бабы приносят его небольшими охапками на руках.

Я пошла к косарям смотреть как они косят. Трава доходила мужикам до пояса; густая, она вся пестрела цветами. Восемь мужиков шли в ряд. Под могучими взмахами их кос, трава ложилась ровными рядами. Я присела на свеже скошенную траву и увидела в ней много свежей земляники. Вытаскивая за стебельки спелые ягоды я ела их.

Как прекрасен мир без войны, без пушек, без ран и убийств. Мне так хорошо здесь! Я, кажется, забыла не только войну, но и Ваню. Давно я не чувствовала такого душевного спокойствия и радости. Как в сущности немного нужно человеку, если жить вот так, как живут эти люди: работают с удовольствием, поют, веселы. Едят скромно, что Бог пошлет. Нет у них ни зависти, ни недоброжелательства друг к другу. А, может быть, те вон женщины завидуют мне, что я лежу на мягкой траве, ем ягоды, да еще рассуждаю на их счет, что они всем довольны?

— Тина Митревна, пойди посмотри. Гнездо здесь, — звал меня мужик. Я подошла и увидела гнездышко и в нем четыре крошечных птенчика, совсем еще недавно вылупившихся.

— Что это за птички?

— Да поди, жаворонки, — сказал мужик и посмотрел, вверх, задрав голову. Посмотрели и другие мужики: — Да вон, вишь над головами кружится; бесприменно их мать. Не бойся, не тронем! Иди корми их, — говорит он.

— Надо уйти отсюда подальше, — сказала и я, а тут подошел староста и говорит:

— Пора полдничать! Вон солнышко-то где. — Мужики побросали косы и пошли к речке, где была сложена провизия и накрыта брезентом. Женщины увидели, что мужики идут завтракать, тоже побросали грабли и пошли туда же. На завтрак горячего не полагалось, ели холодный вареный картофель, творог со сметаной, зеленый лук, огурцы, крутые яйца и много

свежего хлеба. Все это запивали водой из этой черной речки. Быстро поели и прилегли ненадолго.

— Что девушки! С непривычки-то заморились небось? — говорят мужики.

— Да где уж нам; знамо непривычные, впервой, видишь, вышли на покос-то. А то все сидели дома у окошечка, да ручки маслом мазали, чтобы белые были... — говорит молодая баба, Матрена, скаля белые, крепкие зубы, высмеивая мужиков. Все хохочут...

— Даст Бог, завтра с косьбой-то покончим! Может не успеем сметать? Придется в понедельник ехать сюда одним мужикам. Завтра, ведь, суббота, домой поедем, — сказал староста. Отдых кончился. Все поднялись и пошли, каждый на свое место, а мы с братом остались сидеть.

— Я давеча думала, что они вот довольны всем и работа им не в тягость. А, кто знает, может-быть, и завидуют нам, что мы можем сидеть в тени деревьев. Нет лучше я пойду и стану тоже сгребать сено.

— Брось, Тиночка! Не стоит. Они чувствуют себя гораздо лучше, если мы будем от них подальше. Пойдем лучше на озеро. Посмотрим на уток. Может быть и убьем. Да нет! Стрелять не стоит, только напугаем; а если и удастся убить, все равно достать нельзя, ни лодки, ни собаки нет.

— Нет, на озеро сейчас идти не стоит. Жарко! Ты ложись засни, а я пойду сгребать сено. А под вечер пойдем на охоту. — Я взяла грабли и пошла к женщинам.

— Что, пособлять пришла нам? — подразнили меня бабы.

— Да, у вас веселее! А сидеть-то под деревом скучно.

— Только вот ручки загорят у тебя на солнышке-то.

— Да постой, какую ты взяла граблю-то? Ведь это мужикова грабля, — чижолая. На вот, я дам тебе свою, она полегче, — и указав мне где я могу грести, никто на меня больше не обращал никакого внимания. Все работали маленькими группами, и каждая группа пела свою песню. Иногда подхватывали ее и другие и тогда по всему лугу разносилось их нежно-тягучее и грустное пение.

— Пой с нами! Разве не знаешь наших песень? — сказала сгребавшая рядом со мной девушка. Но пение кончилось. — Вот, постой, сейчас начнут другую, — снова говорит она. — Матрена, начинай «казачку»! Хорошая эта песня, жалостливая, — обращаясь ко мне, поясняет она. Матрена, — запевало, чуть-чуть приостановилась, опустила голову и запела: «Потухло солнце за горой, сидит казачка у окна. Она сидит, с тоскою смотрит и льются слезы из очей». Бабы сразу стали сморкаться.

— Поди, казак давно убит, а она все сидит и ждет его... — говорит девушка, вытирая слезы кончиком головного платка. — Правда, что вы были на войне, на фронте и видали, как наших мужиков и парней убивали? — девушка остановилась и смотрела на меня сквозь слезы.

— Видела.

— Убьют, закопают... А мы здесь ждем их... Ни письма, ни весточки. Не знаем где и косточки зарыты, негде и поплакать на могилке... — и девушка начала плакать и сморкаться в фартук. Подошла баба и стала ее успокаивать: — Полно Дарьюшка! Бог даст, получишь письмо; жив твой Степан. — Но молодая женщина уже глухо, беззвучно рыдала.

— Только ведь месяц я с ним прожила. Угнали в солдаты. А тут эта война. И не видела я его больше. — Они присела на землю. Я стояла перед ней не зная, что делать. Я ее принимала за девушку; она казалось мне такой молодой и по-девичьи спокойно-беспечной... А сколько горя скрывала она под этой беспечностью... И только под жалобно-тягучее пение не выдержала и расплакалась.

— Вставай! Мужики идут, — сказала баба. Молодая женщина сразу вскочила, натянула платок на глаза и стала сгребать сено. Где-то, в дальнем углу покоса, пели: «Выйду-ль я на реченьку! Погляжу-ль на быструю! Не увижу-ль милого, сердешного своего?!» Грусть, тоска и одиночество слышатся в каждом слове их пения. И мне тоже стало нестерпимо грустно. Забытая, временно, война снова стала перед глазами! Вспомнились страшные раны; ненужные смерти молодых, сильных людей, просьбы умирающих: «Сестра, напишите домой письмо! Умер мол от ран». — Скажи адрес твой как? Куда писать-то? — Но умирающий уже не слышит... А тот обрубок, который бил себя своими обрубками и не хотел жить, чтобы не быть лишним ртом для семьи! Все встало опять передо мной... Чуть-что не слышу их стоны, плачь и предсмертные просьбы... Сразу все стало тусклым и неприветливым, и луг, и скошенные цветы, и жаворонок в небе. Я пошла к брату, но его не было там, где я его оставила. Я села на одеяла и заплакала. Нет! Надо ехать туда, где нужна моя помощь! Здесь я все равно не буду спокойна ни минуты больше! Нужно скорее уезжать отсюда. Где же брат? Я встала, готовая бежать. Но куда?! Я пошла к озеру и увидела брата. Он сидел опустив голову.

— Харитон! Что ты делаешь?

— А вот, сижу и смотрю, как все прекрасно. Точно первый раз все вижу. — Я заметила и в его глазах грусть.

— Да! Очень все красиво; но мне жаль Капу, что мы ее оставили одну. Я думаю лучше нам поехать домой?

Он сразу согласился. Мы сразу пошли к стоянке, позвали старосту и сказали, чтобы он отвез нас к берегу. А там мы, на маленькой лодочке, переедем Каму и наймем кого-нибудь довести нас до дому.

— Неладное вы затеяли! — сказал староста. — Куда вам грести? Не справитесь! Отнесет далеко. А ежели волна, то, не дай Бог; потоните еще... Вот я схожу к соседям. Они каждый вечер уезжают домой, так может перевезут и вас.

Умный мужик, он смотрит на нас, как на неспособных к такой работе. Он ушел, но скоро вернулся. — Одного они могут взять! Ну, да там видно будет; может быть еще кто возьмет. Надо только ехать пораньше. Я пойду запрягу и довезу вас до берега.

— Постой, — остановила я его, — мы и пешком дойдем, тут не далеко. А вещи ты завтра привезешь.

— Ну что ж! Ступайте. Время еще много до вечера, дойдете. А то лошади нам здесь нужны сейчас, копны возят.

Мы пошли. Брат, нелюбивший ходить пешком, скоро сказал, что ружье ему все плечо оттянуло.

— Давай мне, я понесу.

— Ну вот! Что ты! Ни за что не дам.

— Пожалуйста дай. Я хочу испытать, как чувствуют себя солдаты на походе.

— Ты этого все равно не поймешь. Ружье для солдата самое главное. Солдат с ружьем не расстается никогда. Даже когда его ранят, он его не бросит. Конечно, если не потеряет сознание. Здесь же другое дело. Хочешь, так неси его. Через пять минут все плечо оттянет и ты сама не рада будешь, что взяла его. Давай лучше посидим, — закончил он.

Мы сели на край дороги в тени деревьев. Брат снял ружье и положил рядом с собой. Когда мы отдохнули и пошли дальше, я все-таки взяла ружье и повесила его себе на плечо.

— Да оно совсем не тяжелое! Во всяком случае не такое тяжелое, как винтовка!

— Ну, попробовала? Теперь давай его мне, — сказал брат. Я ни за что не хотела, чтобы он нес ружье. У него до сих пор еще не закрылась одна из ран.

— Нет, уж звини! Я понесу его до берега.

— Тогда я сяду и буду сидеть, пока ты не отдашь его мне.

— Ну, вставай! Пойдем! А то опоздаем, все уедут и нам придется идти обратно к нашим рабочим. — Но брат лег и вытянул длинные ноги.

— Смотрю и чувствую, как прекрасно все кругом? Но почему-то и грустно мне, — говорит брат.

— Мне тоже, родной мальчик, грустно! Поэтому-то я и решила поехать домой. Может быть от Вани есть письма...

В это время позади нас захрустели ветки и мягкий голос спросил: — Отдыхаете в тени деревьев? Денек-то жаркий, как раз для сенокоса...

Мы оглянулись. Из березовой рощи, около которой мы сидели, вышел священник в рыжем подряснике, в большой соломенной шляпе, в руках лукошко. Мы хотели встать, но отец Николай остановил нас.

— Сидите, сидите! — махая на нас рукой, сказал он. — Я тоже посижу с вами, устал... — Отец Николай был из богатого села Гольяны. Он знал нашу бабушку и нас с самого рождения.

— Вот где довелось с вами встретиться, — сказал он, опускаясь на землю. — Слышал, что приехали птенчики в родные места. Но забыли меня старика! Не захотели меня навестить! — ласково журил он нас.

— Мы недавно еще здесь, отец Николай. И мы собирались к вам, да не успели еще.

— Да и я думал, что вы не можете не зайти ко мне, будучи здесь. А почему вы тут сидите? Откуда идете?

— С покоса! Мы идем к берегу, хотим, чтобы нас кто нибудь перевез на тот берег.

— У меня лодка есть, вот и поедем вместе. Зайдете ко мне; попьем чайку, а вы расскажете о себе, как жили. Где ваш муж?

— На фронте, на Кавказе...

Отец Николай раньше называл нас по имени и на ты. Но теперь почему-то вдруг застеснялся, величает по отчеству и даже на вы.

— А вы, отец Николай, за грибами приезжали сюда?

— Приезжал посмотреть. Сено косят у меня. Ну и рыжиков кстати набрал. Урожай нынче, Бог дал всему: хлеб родился — старики не запомнят такого; трава высокая густая — не прокосишь. Я люблю сам косить. Да нынче что-то тяжело стало. Пробовал сегодня, коса путается в траве, густая очень, не по силам мне уже. А грибов всяких родило столько, что можно армию накормить! А собирать некому, все на работах, кто жнет, кто сено убирает. Все поспело в одно время! Положим, это и всегда так было! Только раньше молодые мужики были дома,

а теперь почти одни женщины, да старые мужики. Ну, если отдохнули, пойдемте к берегу.

Мы пришли на берег. Отец Николай подошел к своей лодке, которая была вытащена далеко на берег, а весла прикреплены цепью и замком к борту. Кама была гладкая, как зеркало и мы переехали ее без всяких затруднений. Лодку опять вытащили на берег, весла заперли на замок и пошли к отцу Николаю пить чай. Он обещал дать нам лошадь, чтобы доехать до дому.

Жена отца Николая, старая попадья, угостила нас маринованными рыжиками, напоила чаем с ватрушками и уговаривала остаться ночевать. Но нам хотелось скорее добраться до дома и мы отказались.

— Пойти-бы в церковь, да отслужить благодарственный молебен? — предложил отец Николай. — Да помолиться бы и о исцелении ран! — глядя на брата сказал он...

— Отец Николай, мы сейчас не готовы: одежда грязная, сами не мыты, устали. Мы лучше приедем специально для молитвы и все вместе помолимся и о живых и о мертвых, съездим на могилки к маме и бабушке, — сказала я.

— Господь тебя благослови, пускай так и будет! Приезжайте в воскресенье. — Нам дали старую лошадь, запряженную в такую же старую линейку и мы поехали.

— Лошадь-то в воскресенье, кто-нибудь пригонит к вам.

Когда приехали домой, было уже темно. Сестра не ждала нас сегодня и, увидев нас, встревожилась.

— Что случилось? Почему вы приехали сегодня?

— Заскучали по тебе! Вот и приехали — успокоил ее брат.

— Тебе, Тиночка, есть письма. Вероятно от Вани, — сказала сестра. В моей комнате на столе лежали четыре письма, — три от Вани и одно от Нины.

«Тиночка! С самого твоего отъезда не переставая вывозим раненых день и ночь. Но количество их все не уменьшается. А у меня до сих пор нет младшего врача. Езжу сам за ранеными, а иногда отвожу их и до Карса. Несмотря на работу и усталость чувствую себя одиноким. Утешаюсь тем, что хоть тебе хорошо! Когда будешь возвращаться на минеральные воды — сообщи, чтобы я мог направлять мои письма туда...»

Бедный мой Ваничка! Ни на какие минеральные воды я не поеду! А поеду прямо отсюда в Ольты, к Ване, — решила я.

— Тина, иди ужинать, — позвала сестра.

— На будущей неделе я должна ехать к Ване! — заявила я. Сразу у обоих лица стали грустными.

— Что с ним случилось? — спросили в один голос и брат и сестра.

— Ничего особенного пока. Но я должна быть ближе к нему. И, в конце концов, ведь я сестра милосердия! Должна же я исполнять свои обязанности! А я уже месяц ничего не делаю.

— Я вот уже шесть месяцев ничего не делаю! — сказал брат.

— Ну, ты уже исполнил свой долг! У тебя еще и старые раны не зажили! Ты теперь должен отдохнуть, лечиться, и не спешить возвращаться на фронт.

— Но ехать такую даль для того, чтобы прожить две недели! Ведь ты не успела еще даже как следует отдохнуть от дороги, — сказала сестра.

Мы разошлись по своим комнатам грустные. Точно что-то неведомое пробежало между нами и разъединило нас навеки... И никогда больше мы уже не увидели друг друга. Это был последний вечер, который мы провели вместе, такие близкие друг другу.

Брат уехал осенью в степи на кумыс. Но угроза туберкулеза не исчезла, он постоянно кашлял. А раны его то затягивались, то снова начинали гноиться... Вначале, после моего отъезда от сестры, мы с ней переписывались довольно аккуратно; но потом моя жизнь пошла так быстро и странно, что часто я не успевала ей отвечать, а потом, во время революции, и совсем переписка прекратилась. Только будучи уже беженкой, во Франции, я получила от нее письмо. Муж ее не был мобилизован (он служил на оружейном заводе) и они жили нормально до самой революции. Во время революции стало невозможно жить на заводе (постоянные убийства чиновников), и сестра с мужем и детьми уехали в усадьбу. Однако скоро и там появились, сменяя друг друга, то белые, то красные. Все проходящие войска и банды забирали все, что только попадалось им на глаза. Месяцами шли бои за обладание нашей усадьбой с одной стороны, и деревней с другой.

«Все перебито, перестреляно! Скот режут и поедают. Лошади забраны и угнаны. В доме ночуют то красные, то белые. Все теплое, меховое растащили. Я ожидала рождения ребенка (Кадя и Таня живы). От недоедания у меня опухли ноги и образовались на ступнях раны, ходить не могла совсем. В это время, не помню кто, белые или красные, пришли и стали отбирать последнее, что у нас осталось. Ивик запротестовал. Тогда его стали бить и погнали в окопы. Я осталась с детьми больная в холодном доме и без всякой еды. Дети напугались, сначала ти-

хо лежали со мной, но потом стали плакать и просить есть. Больше всего просила Таня. Кадик наоборот успокаивал ее и и даже меня: — Мамочка, не плачь! Скоро вернется папа и принесет нам еду, затопит печку и у нас будет тепло. — Не знаю сколько прошло дней, может быть только один, два, может быть больше... Но стал и он просить есть... Я встала, закутала его в шаль и послала к няньке, которая ушла от нас домой в деревню. У нас давно уже не было никого из прислуги. Жила одна только нянька. Но потом и она ушла; у нас для нее стало голодно. Долго не возвращался Кадик... Какие муки я пережила, послав в деревню, в такое время, одиннадцатилетнего мальчика, в мороз, полураздетого, голодного!.. Хотелось бежать за ним самой! Но ноги мои меня не слушались! Они были как бревна... Опухли так, что даже валенки не могла надевать на них. Наконец, когда было уже темно, я услышала скрип шагов и голоса няни и моего мальчика. — Мамочка! Вот хлеб. И няня пришла... — Господи! Да что это ты ребенка послала в такой-то мороз! — напустилась она на меня. Но, видя, что я плачу, в комнатах почти мороз стоит, и услышав что и Таня проснулась и тоже плачет, она остановилась и посмотрела кругом: — А где же Иван Миколаевич? — Я рассказала, что его угнали в окопы... Старуха пошла, нарубила дров, принесла их и затопила печку, согрела воды, накормила детей и дала и мне горячей воды с хлебом. Сахару давно уже не было в доме. Так потянулись дни, один за другим похожие друг на друга. Нянька жила со мной, вернее только ночевала у меня, а днем ходила в деревню и доставала то хлеб, то молоко, то масло. Денег у меня не было, да их и не брали! Как плату за все просили одежду, полотно, холст или куски материи. Все за это время обносились. Купить, что нибудь, было не где... Няня, не спрашивала меня, брала что попадется, несла в деревню и там меняла на то, что нужно было для питания детей. В комнате теперь было тепло. Мы жили все в одной комнате. В остальных все было разгромлено. То солдаты там жили. То раненых туда сносили. Печи топили самым безобразным образом. Навалят дров больше чем можно. Печь дымит; вываливаются угли и горящие поленья... Все полы прожгли; стены и потолки закоптили... На полу грязь, навалено сено (как только не сгорел дом?), на котором лежали раненые. Часто где-то поднималась стрельба! Все, кто мог, убегали. Раненых бросали на произвол судьбы... А потом приходили другие, — их враги... И они тоже приносили своих раненых... И так и лежали вместе, и красные, и белые... А когда посмотришь на них, то все это были все те же русские, несчастные люди... Прошло две недели с тех пор, как Ивика уве-

ли, и я не знала, что с ним и где он! В одну страшную ночь кто-то постучал в дверь дома. Няня встала и открыла дверь. Мы увидели двух мужиков. Они вошли в комнату, неся что-то тяжелое и положили свою ношу на пол... — Вот! Принесли твоего хозяина!.. — разгибаясь сказал один из мужиков. Тина! Я не помню, как я сползла с кровати и очутилась на полу, около него. Воротник шубы и шапка закрывали лицо. Я раскрыла воротник и увидела его! Он был жив. Но глаза закрыты. Запекшиеся синие губы... Нос заострился. Я припала к нему и звала его в отчаянии. — Ивик, Ивик! Ты дома! Я с тобой! — Но никакого ответа... — Что с ним? — спросила я у мужиков. — Откуда вы его принесли? — Мужики присели на корточки и охрипшими голосами зашептали: — Тише! Мы вместе рыли окопы. Сначала он обморозил себе ноги. Просился домой. Да, где там! Ругают, бьют! Грозятся пристрелить! Домой не пустили! А он стал хворать все больше, да больше. А вчера не стал и спрашивать — просто вылез из окопа и пошел домой! Однако ушел недалеко... Его увидели и давай стрелять! Он упал. Пробовал встать, но не мог... Когда стемнело, мы выползли из окопа, подобрали его и принесли вот к тебе...

— Будет плата, какая нам? — спросил мужик. — А нам нужно ворочаться в окопы пока темно. А то и с нами также расправятся. — Что я вам дам?! У меня ничего нет! — Пошто говоришь, что ничего нет? А вот на ем шуба! Она ему теперь не нужна, а нам в окопах шибко нужно. — Я посмотрела кругом! У меня не было больше ничего, чтобы хоть накрыть его, если я отдам им шубу! Тут нянька не вытерпела и крикнула на мужиков: — Да что это! Креста на вас нету?! Человек еще не помер, а вы последнюю одеженку снимаете с него! — «Хрест» теперь ни чему не нужен! А я так думаю, он этой ночью кончится. — Мужик показал на Иву. — Так закопать же его надо. Не в комнате же его держать будешь?! Вот мы, как стемнеет, и придем; могилку выроем. Вопче поможем схоронить его. Теперь попов не полагается. Везти на погост не нужно. Да и лошади-то у тебя нету. Он нам говорил, что нету. — Мужик опять показал на Ивика. — Ну, как дело справим, похороним его значит, тогда, ты шубу-то и отдашь нам... — Наконец они ушли. Няня заперла за ними дверь. Мы стали раздевать Ивика. Нянька постлала постель на диване и мы его подняли и уложили. Я думала, что мы не сможем поднять его. Но он так был худ, что даже я не почувствовала тяжести. Пробовали стянуть валенки с ног, но не смогли. Точно они были налиты водой и вода в них замерзла... Чувствовалось что-то тяжелое и мертвенно-холодное. Мы его обложили бутылками с горячей водой. Но он и

так весь горел... Ранен он был в бедро. Рана не была забинтована, но кровь не шла. Я всю ночь просидела около него. Он был так слаб, что даже не стонал. Ни разу не открыл глаз, не отозвался на мои слова... В пять часов утра умер. Я упала, потеряв сознание. И пришла в себя только тогда, когда у меня родился (прежде времени) мальчик. Мы его окрестили Иваном, — Ивик. Весной пришел и Харитон. Как-то под вечер я увидела старика идущего к нашей усадьбе. Он согнулся весь и едва переставлял ноги. Я подумала, что вот у бедняги так же видно опухли ноги, как и мои. Старик был страшно худ и рваная одежда висела на нем. Когда он поровнялся с воротами и поднял голову, я увидела, что это был не старик, борода черная. Он подошел к крыльцу и помахал мне палкой. Я пошла, чтобы узнать, что он хочет. Но я хожу очень медленно и тоже с палкой. (После родов опухоль хотя и спала немного, но раны на ступнях не заживают). Когда я вышла в сени, человек был уже там. И вдруг я слышу глухой голос: — Капа, здравствуй! — Я сначала не могла понять, кто мог меня так назвать? Но это был он, мой родной мальчик! Я обняла его со слезами радости и горя и подумала: вот и он умирать пришел домой, как и Ивик!.. Идут все умирать в родное гнездо, где когда-то было радостно, уютно и тепло. Я крикнула Машу. Ты ее знала, это младшая сестра Ивы. Она замужем и муж ее служил тоже на заводе, но спасаясь от расправы рабочих, бежали с завода к нам. Маша прибежала, мы помогли Харитону раздеться и уложили его в постель. Когда мы его уложили, он весь как-то скорчился и выглядел совсем подетски. — Где ты был? Откуда ты пришел? — спросила я. Больше года я ничего о нем не знала. Он рассказал нам, что командовал какими-то бандами. Сражался, попал в плен; опять сражался. До тех пор, пока не заболел и не попал в госпиталь. Осенью ему сделали операцию, вырезали апендицит. Пролежал он там целую зиму: рана не зажила. В госпитале было ужасно: ни лекарств, ни перевязочных материалов, ни еды. Печи не топлены. Правят всем один-два служителя, грязные, грубые... Раненых и больных офицеров, лежавших в госпитале, всех ликвидировали. Доктора ходят, как потерянные. Ничем не могут помочь ни раненым, ни больным. — Ну вот, как потеплело, доктор и говорит мне: — Послушайте, Павлов, если у вас есть дом, или вообще место куда бы вы могли уйти и питаться, то ваша рана лучше всего сама заживет. А здесь в этой мертвецкой будете валяться пока вас отсюда за ноги не вытащат! — У нас в госпитале каждый день умирали по несколько человек... Ну, вот я и здесь! Долго я шел эти тридцать пять верст. Никто меня не тронул, все принимали за больного мужика и даже кормили,

когда ночевал в деревне. — И вот, Тина, мы зажили вместе... Два обломка на развалинах прежнего, в буквальном смысле. Я с тоской и болью смотрела на моих детей. Что их ждет? Сейчас голод! А дальше будем еще больше голодать. Куски материи и полотна, которого, я думала, хватит на сто лет, за одну зиму были обменены на молоко, хлеб, масло. Я думала, что новорожденный Ивик не выживет, так он был слаб и хил. Но он выжил и живет: хотя и слабенький, но растет...»

Но все это я узнала гораздо позднее, уже будучи беженкой во Франции, в 24 году. И сколько могла посылала им денег. Хотя самое страшное было уже позади.

Но, я забежала слишком далеко вперед. Если говорить по порядку, не забегая вперед, то сейчас мы все еще молоды и счастливы. И не подозреваем, какое величайшее несчастье надвигается на нас всех и на Россию.

На следующий день была суббота и муж сестры, Ивик, приехал домой. Когда он узнал, что я собираюсь уезжать, то и слышать не хотел об этом...

— Да, что ты выдумала! Столько лет не видались, такую даль ехала! Не успела даже как следует отдохнуть и вдруг обратно?! Вот я покажу тебе мой пруд. Я напустил туда разных рыб. Поедем ловить. Да, наконец, я специально для тебя взял отпуск, чтобы побыть с тобой.

Вечером возвратились рабочие с покоса и жнецы. Их стали кормить, расставив под навесом длинные столы. Сестра сама угощала их. Им подавали много разных блюд, и таких все вкусных, что у меня слюнки текли. Самое любимое и почетное блюдо, суп из свинины с лапшой. Ива, муж сестры, угощал всех домашним пивом, которое варили очень крепкое и держали в бочках в погребе, специально для рабочих. Водки не было. По случаю войны она была запрещена в продаже. Неимоверное количество подавалось всякой еды. Ведрами приносили холодный хлебный квас и пиво. Под самой крышей горели керосиновые лампы. Лица у всех были красные и потные, оживленные и возбужденные. Все говорили одновременно и голоса сливались в общий гул... После десерта, — сладких пирогов, стали петь песни. Сначала все пели одну песню общим хором. Но, по мере опьянения, каждый запевал свою, не слушая других, а то, что самому хотелось. На конце стола, где было потемнее сидели девки. А среди них сидел брат. Одна из девушек поила его из своего стакана пивом. Другая держала в пальцах кусочек жаренного поросенка и предлагала закусить. Знакомые бабы увидели меня и стали усаживать с собой:

— Садись Митревна! Ты ведь наша! Пособляла нам грести сено. — И каждая протягивала свой стакан, чтобы чокнуться

со мной. В голове стола, на председательском месте сидел староста по покосу и объяснял Иве:

— Иван Миколаевич не думай, што мы робим тебе ради денег. Нет! Мы любим тебя! Вот што! А деньги што!? Деньги — ништо... Нынче мы тебе сено поставили. А ежели што нам нужно, то придем к тебе, а ты нам тогда одолжение сделаешь. Вот оно как! А деньги — ништо!!

До позднего вечера под навесом, за столами, старые и молодые пели и разговаривали. И, пока не ушел последний человек, мы все время были с ними. Всех угощали, и каждого в отдельности. Только в одиннадцать часов мы сами сели ужинать. Но есть никому не хотелось; все понемногу закусили и выпили там под навесом, за общим угощеньем.

— Харитон! Ты кажется никого из девушек не желал обижать?! Со всеми выпил! — сказал Ива.

— А за что их обижать? Они — девушки хорошие!..

Сестра и Ива радовались, что полевые работы быстро подвигаются.

— Господа! Пора спать! Завтра ведь едем в церковь, — посоветовала я.

На следующее утро все встали довольно поздно. Пока напились чаю, оделись, да доехали, так попали в церковь к концу службы. Сестра взяла с собой Кадю, чтобы причастить его. А Таню, которой было шесть с половиной месяцев, оставила дома с няней. Обедню служил другой священник, не отец Николай. После проповеди священник сказал, что отец благочинный после молебствия о здравии будет служить общую панихиду по убиенным воинам и просит, чтобы молящиеся не расходились. После окончания обедни наш старенький отец Николай вышел в золотом облачении и стал служить молебен. Пел сельский хор. Не знаю почему, но мне стало грустно, точно это был не молебен о живых, а отпевание! После окончания молебна, мы подошли к кресту, а затем отец Николай ушел в алтарь и скоро вернулся в черной рясе и начал служить панихиду по воинам на поле брани живот свой положившим. Сразу послышались рыдания, всхлипывания. Сотни молодых, старых и детей стояли на коленях со свечами в руках. Вот, вот это и нужно им, там в общих могилах, убитых без покаяния, без причастия, зарытых без отпевания. А здесь, все сразу помолятся за них и поплачут. Пускай плачут все, все. Вот и отец Николай плачет; плачет и Капа, плачу я. И я вижу, как и брат вытирает бегущие по лицу слезы. Плачьте за всех тех, кто уже погиб! И за тех, которые еще погибнут...

После панихиды мы поехали на кладбище и там отслужили панихиду. Потом я пошла в земскую больницу, доктором которой был наш друг.

— Пожалуйста Тина приходи обедать. Не обижай попадью. Она вчера весь день готовила, хлопотала и сегодня напекла пирогов и ждет всех, — сказал отец Николай.

Больница стояла недалеко от кладбища и была обнесена изгородью. Это был целый поселок. Большое деревянное здание, где был приемный покой, амбулатория и больница на двадцать пять кроватей. Там же делали и несложные операции. Аптека давала лекарства больным совершенно бесплатно. Дом для врача; другой для фельдшера и акушерки. В самом дальнем углу двора — мертвецкая. Зимой и летом по воскресеньям с раннего утра и почти до вечера десятки телег стоят вокруг изгороди больницы. Это все приехали лечиться, воспользовавшись воскресным днем, крестьяне из дальних и ближних деревень. А если у кого лежит в больнице родственник, так и его навестить кстати. Болезни у крестьян все тяжкие, застарелые. Если кто попадет в больницу, так лежит там месяцами. Всякий мужик или баба, если заболеет, то сначала перемогается, не идет к доктору. Попробует свои домашние средства. Когда станет невмоготу, пойдет к «бабке». И эта бабка сколько еще мучает больного, пробуя на нем всякие снадобья, пока больная, или больной не свалится с ног. Только тогда уже его везут в больницу. Тоже самое и с хирургическими больными. Перелом кости или вывих, или лошадь лягнула, бревно придавило. Даже и в этих, часто тяжелых случаях, первым делом всегда зовут «бабку» или «костоправа». И только, когда начнется воспаление или гангрена, везут в больницу.

Когда я вошла в здание больницы, в приемной комнате было много ждавших очереди к доктору. На скамейках, на полу, вдоль стен, сидели молодые женщины, мужчины и дети всех возрастов. В комнате была духота, а в открытое окно роями летели мухи. Спавшие на коленях у матерей дети, беспокойно метались и плакали. Дверь, ведшая во внутрь больницы, была закрыта. Но, когда я вошла, эта дверь открылась и девушка-санитарка, в белом фартуке, назвала какую-то фамилию больного. Со скамейки встали двое, мужчина и женщина, и, поддерживая друг друга, пошли в коридор. Санитарка пропустила их и опять закрыла дверь. Когда я подошла к этим же дверям, за которыми скрылись больные, женщина, сидевшая около них сказала:

— Да там уж трое больных! Доктор занят!

— Я не больная. Мне нужно только сказать ему несколько слов.

В коридоре на меня пахнуло лекарствами. Он был почти темный; были открыты только две двери, из которых шел свет. Одна в аптеку, где аптекарь развешивал лекарство и заворачивал его в отдельные пакетики-порошки на один прием, а потом сложил их в стопку и, не надписывая, передал ждавшему у дверей мужику. — Три раза в день по одному порошку принимай. Запивай водой, — сказав это и передав порошки, фельдшер повернулся, подошел к стойке и опять стал развешивать лекарство для следующего больного. Немного дальше с левой стороны, в раскрытую дверь слышны голоса. Там кабинет доктора и он спрашивает что-то больного. В самом конце коридора, где было совсем темно, была еще одна дверь, ведущая в палаты больницы. Когда кто нибудь выходил, или входил туда, то в просвет двери видны были койки. Я прошлась по коридору и заглянула в кабинет доктора. У самой двери сидели те самые больные мужчина и женщина, которых, только что, вызвала санитарка. Перед столом сидела еще одна больная, а по другую сторону его — доктор. Он поднял голову и я ему помахала рукой. В коридоре было так темно, что доктор не узнал меня. Но в это время из палаты вышла женщина в белом халате, подошла ко мне и спросила, что мне угодно.

— Я бы хотела на минуту видеть доктора, если только это возможно! Я приезжая.

— Так идите прямо в кабинет. Он будет рад хоть немного передохнуть. С восьми часов, сегодня, принимает больных. А их еще хватит до вечера...

Мы вместе с ней вошли в кабинет. Но доктора за столом уже не было. А из-за закрытой двери слышен был его голос. Санитарка сказала, что доктор осматривает больную. Не прошло и десяти минут, как он вернулся.

— Тина Дмитриевна! Здравствуйте! Наконец-то вы собрались к нам! Слышал, что вы приехали, но повидать вас никак не удавалось. Идемте к жене, там и поговорим.

— Нет, я только на минуту зашла. Хотелось только поздороваться и узнать как вы поживаете. А сейчас меня ждут у отца Николая обедать. Все мои уже там. Не могу заставлять ждать себя.

— На долго-ли приехали? Где муж? Так хочется поговорить, расспросить обо всем, что там делается. Ведь вы были на фронте, всего навидались! Я, как-то, давно уж, видел Ивана Николаевича, так он мне рассказал, что бы оба на фронте работаете.

Мы вышли на двор и сели под дерево на скамейку. Доктор акурил.

— Вы курите? Хотите папиросу? Какая огромная и интересная работа для врача на фронте, — затягиваясь папиросой говорит доктор. А я тут все лечу застарелые болезни, одна на другую похожие. Прописываю порошки, да касторку. Но даже и результатов лечения никогда не знаю! Уедут в деревню и только изредка случайно услышишь, поправился ли больной или умер. В палатах лежат подолгу. Сначала заинтересуешься больным, ходишь к нему по два-три раза в день, следишь за ходом болезни. Но когда больной лежит пять, шесть недель, — один день лучше, другой хуже. Температура ползет по кривой, несколько десятых кверху, несколько книзу. Спросишь больного, как он себя чувствует и всегда один ответ: — Да, подходяще! Дай тебе Бог здоровья за твои хлопоты-то. — Я попросился на фронт, но мне отказали. Да и семья у меня большая. Куда уже мне ехать! А хотелось-бы! — мечтательно проговорил он. Но, вспомнив, что у него еще сидят с утра больные и ждут очереди, он стал прощаться со мной:

— Тина Дмитриевна, если останетесь еще здесь, приходите к нам. Мы будем очень рады.

— Нет, доктор; мы едем домой, сейчас же, как только пообедаем.

Мы распрощались: доктор пошел на свой фронт, а я — обедать к отцу Николаю. Матушка-попадья накормила нас стерляжьей ухой, налимьим пирогом, а на закуску были поданы грибы во всех видах: и маринованные крошечные рыжики, и рыжики жареные, боровики соленые, крошечные, не больше наперстка. Рябчики жареные, и они же маринованные. После обеда мы сидели у них не долго. Только-что приехали домой, няня сказала, что ко мне приходила Степанида. Ребенок у нее хворает.

— В прошлое воскресенье ездила в больницу, да видно не полегчало. Сходи уж! Сделай Божескую милость! Степанида-то шибко горевала, что не застала тебя. Она вот как жалеет девушку-то! Махонькая она еще, весной только родилась, а все же жалко... Пойди! Сходи...

— Что я могу сделать, чем помочь, раз доктор не помог?! Я ведь не доктор, и лечить я не имею права...

— Да, што ты, Господь с тобой! Какое-такое право нужно тебе? Помоги, да и только! Чать муж-то у тебя доктор?! Пойди! Пойди, пожалуйста... — Пришлось пойти. Все равно нянька не дала бы покоя.

— Да как я ее двор-то найду?

— Какая мудрость-то! Спроси кого ни на есть, всякий покажет, не столица ведь тут у нас!

Пошла. По дороге попался мальчик, шел к нам в усадьбу. Ему на вид было лет семь. Босой; пестрядинные штанишки висят ниже бедер, на одной пуговице; такая же рубаха, ворот расстегнут, рукава до локтей; волосы льняные, спутанные; мордочка грязная; глазки востренькие. Не доходя несколько шагов до меня, мальчик остановился на краю дороги, как бы пропуская меня.

— Здравствуй! Ты куда идешь? — спросила я. Молчит, опустив голову...

— Идешь играть к Каде? Ну, иди!.. — И я пошла дальше. Но сейчас же услышала позади шлепающие, быстрые шаги. Оглянулась... Мальчишка бежал за мной. Но, как только я повернулась к нему, он остановился, не добежав до меня.

— Что ты хочешь? — Опять опустил голову. Молчит. Я подошла и нагнулась к нему. — Где ты живешь? Где твоя мама? Э! Да ты не умеешь говорить! Ну, прощай, я пойду в деревню. — Я сделала несколько шагов и остановилась: — Послушай! Ты знаешь где живет Степанида? — Кивнул головой. — Пойдем, покажи ее двор. Я дам тебе пятак.

— А ты, дохторша? — еле слышно спросил он. Ты Тина Митревна?

— Ну да! Конечно я...

— Мамка послала меня за тобой. Ребенок у нас хворает шибко; животом мается, — вдруг осмелев заговорил мальчик толково, серьезно, как взрослый. Мы пошли.

— Кто болен-то? Брат, или сестра твоя?

— Сестра. Она маленькая еще.

— А отец где?

— На войну угнали.

— Мужики-то дома есть еще?

— Нету, — только дедушка, да я?

— Какой же ты мужик? Ты еще маленький...

— Мамка меня так зовет и дедушка, когда кличет помогать ему. «Данило», говорит, «пойди подержи лошадь, ты ведь уж мужик!» Мамка тоже. Когда будит утром, всегда говорит: «Вставай, вставай! Вон мужики-то встали уж все! И в поле поехали уже!» Когда тятенька был дома, он брал меня в поле, боронить. Вот наша изба, — сказал он, стрелой помчался вперед и скрылся во дворе. Сейчас же из дома вышла женщина, а с ней и мой провожатый.

— Здравствуйте! Это вы Степанида, у которой болен ребенок?..

— Я самая! Милости прошу в избу... — Мы вошли. Посреди избы висела люлька, в которой пищал ребенок.

— Что с ним? — подходя к ней спросила я. В люльке лежал живой трупик. Бледно-восковое личико, тоненькие ручки и ножки; от постоянного трения одной о другую, на пятках кожа растерта до мяса. — Понос у нее? Чем кормишь ее?

— Когда дома, — грудью. А так молоком коровьим, да кашей. Да она, почитай, ничего и не ест теперь. — Степанида показала молоко, которым она кормит ребенка. Оно весь день стоит в печке и стало совершенно красным, густым, как топленые сливки. Я объяснила, как могла, что это вредно для ребенка. Но, когда я дошла до указания, что молоко нужно разбавлять водой, то баба просто обиделась на меня.

— Пошто его разбавлять водой-то? Слава Богу, корова-то своя; молока-то хватит.

Через несколько дней девочка у Степаниды померла. Но практика моя не прекратилась. Меня звали все время: то к больному ребенку, то к взрослым. Я ходила по избам, как акушерка, с чемоданчиком, в котором у меня была самая простая аптечка взятая для себя: касторка, каломель, пузырек с каплями опиума, аспирин, хинин, иод, вата и бинты. Вся неделя прошла в хождении по избам.

Потом поехали на пруд ловить рыбу. Рыбы не оказалось совсем никакой! Поехали мы втроем — я, брат и Ива. Сестра была занята. Приехали мы к какой-то луже, покрытой травой и ряской. Кое-где и прямо целые кусты росли из воды. Брат не пошел ловить рыбу. — Я лучше посижу, да посмотрю сколько вы наловите стерлядей, — сказал он. — Ива и я, мы спустились к «пруду». Тут же, около берега, стояла лодка плоскодонка, чуть не до половины залитая водой. Одно широкое весло плавало в лодке. Ива взял весло и стал им выплескивать воду из лодки.

— Тина, садись на корму, там суше, — сказал он. — Подожди, я подам тебе руку. — Ива вошел в лодку, стал посреди нее, подал мне руку и я стала на дно прямо в воду!

— Ива, я промочила ноги!

— Ничего, вода теплая! Иди на корму и садись на скамейку. — Только я шагнула, держась за руку Ивы, как что-то слабо крякнуло под ногами... Еще один миг и мы уже стояли в воде, на дне пруда. Прогнившие доски в лодке не выдержали тяжести и провалились. На крик прибежал брат. Но, вместо того, чтобы помогать нам, он стоял на берегу и хохотал, как

сумасшедший... Вылезли мы из потонувшей лодки мокрые, грязные, пошли к тележке и поехали домой.

Мой отъезд назначен на воскресенье, с утренним пароходом. Сестра ужасно огорчена, но я не могу оставаться дольше. Мы все объездили, все посмотрели. Были на охоте, ездили в поле; видели, что снопов в поле много и урожай хороший. Все это было интересно и приятно. Но моя душа была далеко, там на фронте, где муж. Сестре-то хорошо! Ее муж с ней и никуда уезжать не собирается. В субботу привезли телеграмму от Вани: «Здоров, все благополучно целую твой Ваня». Казалось бы и тревожиться нечего! Жив, здоров! Чего еще нужно во время войны? Но на сердце не спокойно... Нет! Скорее туда, к нему!.. Брат собирается ехать на кумыс. Утром в воскресенье все мы встали рано. Но, все какие-то грустные, хотя утро было такое же прекрасное, как и вчера. Сели пить чай. А сестра плачет:

— Тина, пожила бы еще! Так грустно расставаться! Кто знает, соберемся ли мы еще когда нибудь вместе?!..

Вот, я уже и на пароходе. Сестра, брат, Ива и Кадя стоят на пристани. Сестра говорит мне ласковые слова и так сильно плачет, что у меня на душе становится все тяжелее. Но вот и свисток! Пароход едва заметно стал отходить от пристани... Кричат «последнее прости»... Машут платками... Родные мои! До свидания! Прощайте!.. Далеко уже осталась пристань. Хорошо видна еще только стоящая на горе церковь. Но мне показалось, что я еще вижу, как мелькает белый платок сестры... Пароход делает поворот, огибая островок, и сразу все скрылось, и село, и церковь на горе, и пристань, и Капин беленький платочек... Когда все это скрылось, то я почувствовала, что потеряла все и навсегда. Какая безграничная тоска... Долго я не могла успокоиться. Давно уже скрылись в ушедшей дали родные места, а я все стою на корме и смотрю туда, где остались мои близкие и тоже вероятно смотрят вслед моему пароходу?..

* * *

До Казани я доехала без всяких приключений. В Казани пересела на Волжский пароход. У меня была отдельная каюта с ванной. Но я не воспользовалась ничем. С утра у меня болела голова, а к вечеру поднялась температура. Я прилегла, чтобы согреться, но меня продолжало лихорадить, и я не встала с постели до самого Царицына. В первый же вечер температура поднялась выше сорока. На пароходе не оказалось доктора, был только фельдшер. Ночью кто-то входил в мою каюту не-

сколько раз, брал мою руку, щупал пульс. Утром температура не упала, а к вечеру опять поднялась еще больше. У фельдшера был растерянный вид человека, который не знает, что делать. Он спросил меня хочу ли я послать кому нибудь телеграмму, чтобы дать знать, что я больна. Я попросила спустить меня на берег в каком нибудь городе, где есть больница. Но по дороге больше не было городов, а ложиться в сельскую больницу я не хотела. Так я лежала в каюте между бредом и действительностью трое суток. Фельдшер давал мне только аспирин, да воду. В этом заключалось все лечение. Но молодость и здоровый организм побороли мою, может быть, опасную болезнь. Через трое суток наш пароход пришел в Царицын, где нужно было выходить и пересаживаться на поезд. В это утро температура немного упала, но я чувствовала страшную слабость и не могла не только ходить, но даже сама одеться. Фельдшер сказал, что, если бы ему разрешили, то он мог бы проводить меня до Минеральных вод.

— Пожалуйста! От кого это зависит? Спросите, я вам заплачу за все.

— Это зависит от капитана парохода. Я пойду спрошу его. — Он скоро вернулся и сказал, что капитан разрешил ему сопровождать меня. — Это потому, что ваш муж доктор и находится на фронте...

Пароход давно уже стоит у пристани, а я все еще сижу в каюте! Спрашиваю фельдшера почему мы не едем на станцию?

— А вот, как вся публика сойдет, и не будет больше толкотни, так мы и пойдем. Спешить некуда! До поезда еще времени много.

Наконец горничная одела меня и меня повели под руки, с одной стороны фельдшер, а с другой — горничная. Я была так слаба, что не могла даже стоять без посторонней помощи. Так меня довели и посадили на извозчика.

Когда мы приехали на станцию, пришли к поезду, а мой провожатый сказал что везет больную, то оказалось, что в поезде есть свой фельдшер. Он пришел и, обращаясь к моему фельдшеру, сказал: — Вам не надо ехать. Я так же могу смотреть за больной, как и вы. — Мы быстро пришли к соглашению, что двум фельдшерам делать нечего. Я поблагодарила пароходного фельдшера за его помощь и предложила ему деньги, но он отказался. — Я ничего для вас не сделал, а только исполнял свои обязанности. — Оба они, как две заботливые няни, уложили меня в кровать в отдельном купэ и новый фельдшер обещал «наведываться» ко мне. А если что нужно, звоните, я сейчас же прийду.

То-ли перемена климата, то-ли острый приступ болезни прошел, но я теперь чувствовала себя много лучше, чем утром, когда встала. За дорогу от Царицына до Минеральных вод я еще больше окрепла, температура спала. Поэтому, когда на станции Минеральные воды я не увидела Нины, которой была послана телеграмма, чтобы она встретила меня, я не очень огорчилась. С помощью фельдшера и носильщика я пересела в поезд, который идет в Пятигорск, совершенно не ожидая, что меня кто нибудь встретит и в Пятигорске. Здесь я подождала пока спешившая публика вышла. И только тогда мой носильщик не спеша вынес вещи, взял извозчика, усадил меня и через несколько минут я была уже дома.

На мой звонок вся прислуга и дети выбежали навстречу.

— Барыня поехали встречать вас, — сказала няня. Меня раздели и уложили в постель. Нина и Маня вернулись только к вечеру и, когда узнали, что я приехала, то страшно возмутились. По их словам они ходили и искали меня в каждом вагоне пока не убедились, что все пассажиры уже вышли из поезда. — А тебя не было! — закончила Нина.

— Ну, а теперь ты веришь, что я здесь лежу? — Ты получила мою телеграмму?

— Получила, но мы опоздали на поезд, который ушел на Минеральные воды. Мы решили тебя ждать здесь. И мы ждали! Но тебя не было!

Позвали какого-то знаменитого московского доктора, который практикует здесь только летом. У меня оказалось воспаление тонких кишек. Доктор предписал строгую диэту и выписал лекарства. Здоровье мое быстро стало улучшаться. Я получила от мужа несколько писем. Кажется у него жизнь без перемен! И слава Богу! Написала ему все подробно о своей болезни. Дети больше всего рады, что я больна. Играют у меня в комнате до тех пор, пока их не уведет няня. Нина и Маня живут, повидимому, весело, никогда не бывают дома. Возвращаются всегда поздно ночью. Всегда веселы, хохочут, спят долго. Встают утром поздно. Сейчас же одеваются и, веселые и нарядные, уходят на весь день до поздней ночи. За две недели, что я здесь, они завтракали дома не больше трех раз и ни одного раза не обедали дома.

Получила от Вани телеграмму: «Береги себя, прими все меры, пишу все инструкции, что делать. Пиши о здоровье часто».

Сегодня получила от него письмо. Полно инструкций, что делать, как питаться, какие принимать меры, лежать и не дви-

гаться, (а я уже встаю и хожу). Бедный мой Ваня! Он все еще беспокоится, а я почти совсем поправилась. Письма так долго идут! Хотя я ему писала, что меня лечит знаменитый по желудочно-кишечным болезням московский доктор. По немногу, доктор разрешает кое-что есть; моя диэта улучшается и расширяется. Вчера Нина и Маня пристали ко мне, что нельзя сидеть все время дома:

— Если ты будешь сидеть все время одна дома, то ты все лето не поправишься. Ешь рисовый отвар! Читаешь Ванины письма! Да от этого и здоровый человек заболеет! А уж больной — никогда не поправится. Идем лучше в цветник. Там ты увидишь публику, послушаешь музыку и сразу тебе станет лучше. В цветнике прекрасный ресторан; они приготовят для тебя все, что нужно. Идем, идем! Довольно тебе сидеть и киснуть.

Они так пристали ко мне, что даже поехали со мной к доктору на прием.

— Хорошо! Я спрошу доктора можно ли мне выходить и сидеть в саду.

Доктор, конечно, разрешил; только по вечерам не сидеть долго, если есть сырость. Но, Боже мой! Я так похудела, что ни одно платье не годится мне никуда. Все висят, как на вешалке. Пришлось позвать портниху и ушивать платья.

Цветник произвел на меня очень сильное впечатление. Как раз, когда мы приехали туда в двенадцать часов, играл оркестр. Масса солнца, цветов и нарядной публики! Мы пошли в ресторан, заняли столик. Я добросовестно заказала для себя самый скромный завтрак. А в меню было столько вкусных вещей! Но все запрещенных для меня... Мы сидели на террасе, слушали музыку и завтракали. Все скамейки около оркестра были заняты ранеными, которых здесь тысячи. В Пятигорске много госпиталей для выздоравливающих офицеров и солдат. Первый мой выход в свет закончился благополучно. Хотя я ушла домой очень рано, но Нина и Маня все же успели познакомить меня кое с кем из своих знакомых. На первый раз я довольно сильно устала и уехала домой, а они остались в цветнике. Дома я застала письма от сестры и брата:

«Тиночка родная, получила твое письмо. Меня очень тревожит твое недомогание. Что с тобой? Почему не пишешь? Давно уже ничего от тебя нет. Я осталась в усадьбе одна с детьми: Ива уехал на завод, Харитон на кумыс, от тебя нет писем. На душе тоскливо и как-то тревожно!» Это писала сестра. — «У меня есть собственная кобылица-кормилица», —

писал брат. — «Три раза в день эта кормилица приходит туда, где я лежу и калмык доит ее, а я, тут же, пью это теплое молоко. Лежу на кошме целый день и наблюдаю, как носятся табуны лошадей по степи. Трава высокая, маленьких жеребят едва в ней видно. Жара страшная! Но калмыки ходят в теплых халатах и в барашковых шапках. Таких как я — здесь много. Но мне жаль, что нет здесь тебя! Чудные лошади для верховой езды и бесконечные пространства для поездок. Пока не скучаю. Все ново и нравится», — закончил брат свое письмо.

По мере выздоровления меня стало больше тянуть к людям. Каждый день, после завтрака, я еду в цветник и сижу там, пока есть солнце. Всюду раненые. Много оживленных и бодрых, но много и таких, которых вывозят в креслах сестры и санитары. В Лермонтовской галлерее дамы Красного Креста шьют противо-газовые маски. Много дам приходит помогать им, как добровольцы. У меня быстро завязались новые знакомства среди них. Я пошла в комитет и попросила дать работу и мне. Председательница этого комитета, очень милая и приветливая Анна Михайловна Васильева. Всех вновь пришедших она ласково принимает и не спрашивает умеет ли шить, всем дает работу. Скоро стало приходить так много желающих помогать, что стали выносить столы из галлерей в цветник. С утра и до вечера работают. Одни уходят, а на их место приходят другие. — И целый день работа не прекращается. Вокруг площадки, на которой были расставлены столы для работы, сидели и раненые, греясь на солнце и разговаривая с дамами. Фотографы-профессионалы и любители, все время щелкали аппаратами, снимая нас и группами и в одиночку. А на другой день приносили карточки и предлагали их купить, а любители — просто дарили. Кого, кого там только не было! Даже очень богатые беженки из Лодзи и Варшавы. Все новости приходили в цветник из «первых рук»: как с театра военных действий, так и с поля флирта. И офицерские жены, матери, сестры и невесты, и просто не знающие, как убить время «курсовые», все всё знали! И кто за кем ухаживает, и у какой дамы какую награду получил муж и за что, и т. д...

Сегодня после завтрака я не пошла в цветник. Был дождь и я побоялась сырости. А в три часа пришел почтальон и принес письмо от Вани. Письмо ужасное! Хорошо, что никого нет дома. Я так плакала!.. Муж пишет, что его с транспортом посылают на Ванский фронт: «это, во-первых, страшно далеко в Турции, а, во-вторых, совершенно дикие места. Дорог нет! Шайки курдов стерегут русских из-за каждого камня. Транспорт буквально лепится по горам и обрывам. Одна двуколка упала

с обрыва и разбилась. С ней погиб и наш Энвер-паша. Собака ехала в этой двуколке и ее раздавило». Письмо было написано с похода. Не знаю, что делать! Сижу, плачу и молюсь, чтобы Бог спас его... У меня нервная потребность что-то делать, двигаться. Не могу сидеть. Пошла на телеграф и послала телеграмму, чтобы берегся... Теперь живу ожиданием писем. Их давно уже не было. Я чувствую себя здоровой. Не могу сидеть дома сложа руки и ждать писем. Пойду в цветник. Там у меня завязались новые, хорошие знакомства. Познакомилась с беженкой из Лодзи. Она полька, очень хорошенькая, жена крупного фабриканта. Мы с ней подружились. Сидим за одним столом и шьем маски, хотя обе не умеем шить. Около нашего стола все время толпились раненые и учили нас шить маски. Мы оказались очень способными ученицами и скоро стали преуспевать в нашей работе. Я научилась шить на машинке, а моя подруга иголкой: она пришивала тесемки к маскам, которые я сшивала на машинке. Наша председательница прямо не могла нахвалиться нами. Иногда мы всей группой шли завтракать тут же в ресторан, около Лермонтовской галлереи. Такие завтраки проходили весело и шумно.

Часто случалось, что я целыми днями не видела ни Нины, ни Мани. И вдруг, как то Нина вернулась одна и рано. Вид у нее был обиженный.

— Нина! В чем дело? Почему ты так рано вернулась домой?

Ах! Знаешь! Этот человек всюду меня просто преследует и совершенно отравляет мою жизнь.

— Так позови городового, и его заберут в участок! — говорю я.

— Да, нет же. Это я говорю об Алексее! Сейчас встретила в цветнике наших полковых дам. Они сначала спрашивали меня, получаю ли я письма от Алексея. Я сказала, что давно уже от него не было ничего...

— Так он ведь к немцам в плен попал! И притом очень странным, и совершенно необычайным образом! Приехал раненый Марков и рассказал. «После атаки полк отступил от наших окопов. А он остался там!! Он не был ранен! Вся его рота ушла! Его видели наши офицеры и кричали ему, что они отходят, чтобы он торопился за ними... Но он так и не вышел! Остался в окопе!»

— Понимаешь? Они так это говорили, точно Алексей нарочно хотел остаться в окопе и попасть в плен! Это ужасно! Точно меня по щеке ударили! Какой позор! У всех мужей ранят, или убивают! А мой Алексей сам в плен сдался... Теперь

я не могу людям в глаза смотреть... Хоть уезжай! Да, куда уедешь? Домой? Так теперь и в Баку все это знают уже! — Она бегала по комнате, жестикулируя и куря.

— Лучше бы убили его, чем такой позор для всех нас! — Она посмотрела на меня и, как бы оправдываясь, сказала: — Знаешь, этот позор ложится ведь и на твоего мужа!

— Ну, причем тут мой муж? Он не обязан отвечать за своих братьев.

— Но, я уверена, что об этом будут говорить и, что Ивану Семеновичу, конечно, будет неприятно слышать это.

— О чем будут говорить? Не заставлял же мой муж своего брата сдаваться в плен! Алексей даже не писал Ване ни одного раза...

— Нет! Он опозорил всю семью! — говорила она, продолжая ходить по комнате.

— Нина! Ты ведь не знаешь, что там было. Может быть у него был сердечный припадок и он не мог выйти из окопа, а солдаты не догадались вывести его? Ты думаешь в плену-то сладко жить?..

Но все эти разговоры скоро забылись. Да просто ей и некогда было долго возмущаться чем нибудь... Жизнь кругом кипела. Было столько развлечений, что времени не хватало ни на что. Утром в цветник, ужинать в Кисловодск. Едва успеешь переодеться только.

— Сегодня все приглашены на завтрак в Кисловодск. Поедем с нами!

— Как же я поеду? Меня-то никто ведь не приглашал. Да я никого и не знаю из тех, к кому вы едете...

— Ну, вот пустяки! Приедем — познакомишься. Тебя и так все знают! Мы говорили уже о тебе, что ты сидишь затворницей и оплакиваешь живого мужа. Всем хочется с тобой познакомиться. Ты теперь здорова! Можешь есть все! Почему тебе не поехать с нами?

Правду сказать, мне и самой хотелось поехать в Кисловодск. Там живет мать младшего врача Вани и он просил меня навестить ее и познакомиться. Так и решили! Когда надела новый костюм, который только что принесла от лучшей портнихи в городе, я почувствовала себя очень хорошо. Мне хотелось быть среди людей, слушать музыку, пение. Словом, мне хотелось жить так же, как жили все кругом меня!

Приехали в Кисловодск. На вокзале к нам подошли, какие-то элегантные мужчины, поздоровались с моими спутницами, как старые знакомые. Потом познакомили с ними меня.

— Наконец-то мы видим вас! А до сих пор все только говорили о вас! Как ваше здоровье? Кончили, наконец, болеть?

Мы пошли в курзал. Мыжчины подошли к столику, который был великолепно сервирован. Около двух приборов стояли в вазочках прекрасные розы. Сейчас же подошел метр-д-отель и получил приказ поставить прибор и для меня. Прибор поставили; еще букет свежих роз, которые, кажется были даже еще лучше, чем другие. Завтрак был великолепный. Оркестр играл чудные вещи и совсем не громко, а как-то мягко и грустно. Настроение у всех стало еще лучше. И, когда мужчины предложили, после завтрака, ехать на тройках к замку «коварства и любви», я сразу согласилась. Мы ехали на двух тройках. Экипажи удобные, а лошади так мчались по ровной степи, что дух захватывало. Но когда приехали к замку, то я совершенно разочаровалась! НИКАКОГО замка там и не было. Стояло низкое длинное здание, а на нем надпись «Ресторан». Рядом еще какие-то домишки, еще попроще! Не только не было нигде никакого замка, но даже и кабачек, заменявший его, был из плохеньких. Подошел какой-то человек и предложил, не хотим ли мы подняться на гору и посмотреть, где жила царица Тамара? — Конечно хотим! Идемте! — Пошли... Но когда увидели куда он нас ведет, сразу отказались от этого удовольствия. Никакой лестницы, и даже ничего напоминающего ее нигде не было! Надо было, держась за веревку, взбираться внутри узкой щели между двумя скалами, упираясь спиной в одну из них, и переступая мелками шагами по противоположной. Никто, конечно, не захотел продолжать эту безобразную гимнастику и все решительно отказались и от коварства и от любви! Мы походили, где можно было пройти свободно, и вернулись к нашим экипажам. Мужчины предложили зайти в ресторан, где готовят только кавказский шашлык и пьют настоящее вино. Но и это никого не соблазнило.

— Я предлагаю чай в беседке, — сказал Александр Павлович. Согласились на это, чтобы закончить нашу поездку к замку. Пошли в самую дальнюю беседку. Туда нам подали самовар и лимонад. Попили лимонаду, чая никто не хотел, жарко было, и поехали обратно в город. Приехали к парку. Я поблагодарила за поездку и стала прощаться со всеми.

— Куда вы уходите от нас? Мы еще обедать будем! — заявили мужчины.

— Спасибо. Я должна сделать визит одной даме.

— Какой теперь визит? Вечер на дворе, никого не застанете дома...

— Все равно, я должна непременно быть сегодня у нее.

— Послушайте, господа, у меня явилась прекрасная идея! Только, прошу вас, давайте сядем на скамейку и я изложу ее вам, — сказал Сергей Сергеевич.

— Я хочу предложить устроить пикник, — сказал он, когда мы уселись в парке. — Поедем к синим камням. Это далеко в ущельи, чудесное место, сосновый лес, речка. Возьмем повара, палатки. Я угощу дам охотничьим гуляшем. Поедем с ночевкой, посмотрим закат солнца и восход. — Он замолчал, выжидая, что ему возразят. — Место я знаю хорошо. Каждый год езжу туда. И повар у меня отличный. Для дам будет отдельная палатка и для мужчин тоже.

Первая ответила Маня. — Я думаю, это великолепно. Я никогда еще не была на синих камнях. Да и ты, Нина, тоже?

— Нет, я не была там. Мне кажется, что поездка будет очень интересной. Поедем, конечно!

— Для вас, Тина Дмитриевна, у меня есть отличный полушубок. Чтобы вы не простудились, мы вас вечером в него закутаем. — И не дожидаясь моего ответа он уже решил, что я тоже еду с ними.

— Но я не могу, спасибо. Я не поеду с ночевкой.

— Что вы! Как можно расстраивать компанию? Я только для вас и устраивал эту поездку!

— Как? Только для нее? — сразу раздалось со всех сторон.

— То есть для всех вас, дам, — поправился он поспешно.

— Ты, Тина, тоже едешь! Решено, что все мы едем на пикник! — заявила Маня.

— Теперь нужно решить когда! — сказал Александр Павлович.

— Ну это решайте вы, мужчины. Мы готовы ехать в любой день, — снова сказала за всех Маня.

— Хорошо. Для подготовки всего необходимого для пикника, нужно не больше двух дней. Как только все будет готово, мы сообщим вам.

Все согласились. Хотя я и не давала своего прямого согласия, но все решили, что я согласна и еду с ними. Я попрощалась, вышла из парка, взяла извозчика и сказала адрес куда ехать. Старый казак повернулся ко мне:

— Пожалуй сегодня можно проехать. Дождя не было. Но, если после дождя, так туда совсем нету проезда. А вы что, дачу хотите у Евсеихи снять?

— А разве ты ее знаешь?

— Я ее? Как же, знаю.

— Нет, я хочу только повидать ее и познакомиться с ней.. Ее сын, доктор, служит вместе с моим мужем на фронте.

— Знаю и его, очень хорошо. Выросли ведь здесь. Отец-то его был у нас войсковым писарем. Умер теперь. А мать, старательная женщина, собирала грошики и учила сыновей-то. Еще один у нее был, горбатенький. Да повесился. Пил он шибко! А умный был; учился в Петрограде. А летом вернулся домой и повесился... А вот и имение Евсеихи.

Я расплатилась с извозчиком и вошла в калитку. На длинном и узком дворе стояли три маленьких домика. К домикам вели, извиваясь, цементные дорожки. А между дорожками и домиками всюду было много фруктовых деревьев и цветов. Деревья еще молодые, но от тяжести плодов, их ветки склонялись почти до земли, и все были подперты палками и досками. Я залюбовалась этим игрушечным садом, где каждый кусочек земли был использован! Даже под деревьями были посажены цветы. Я так долго стояла и смотрела, что не заметила, как подошла какая-то женщина и спросила:

— Вам, что? Не квартирку ли нужно?

— Ах, тут так красиво! Точно в сказке! Нет. Квартиры мне не нужно, а я хочу видеть г-жу Евсееву.

— А я же и буду Евсеева! — сказала женщина.

— Да? Здравствуйте! А я жена доктора Семина, вместе с которым служит ваш сын. — Женщина сразу вся просветлела! Она до такой степени обрадовалась, что не знала что и сказать.

— Ах Ты Господи, Боже мой! Да пожалуйте в комнаты! Вот, как я рада! Сашенька писал мне, что вы здесь и можете придти ко мне познакомиться! «Жена», говорит, «моего начальника живет в Пятигорске». Но адреса не написал. А то бы я давно сама съездила к вам познакомиться. Рада очень видеть вас! — Она опять взяла мою руку и стала трясти ее.

Евсеева была еще не очень старая женщина. Но тяжелая физическая работа и плохая одежда делали ее старухой. На ней было ситцевое платье и грязный фартук. Волосы чуть с проседью, не причесанные. А руки у ней были, как у мужика, большие и грубые, точно она всю жизнь пахала землю и рубила дрова.

— Вот как я рада, что вы зашли ко мне, — усаживая меня на стул, снова говорит она. — Сашенька-то у меня единственный сынок. Был еще один, да помер. Пишет он, что очень доволен службой. И муж ваш ему нравится. Дай то Бог, чтобы и Сашенька мой ему понравился тоже. Он хороший мальчик! Тихий, добрый! Только одна беда, запойный он у меня! Пока не

пьет, — золотой! А как найдет на него этот запой, — образ человеческий теряет!.. Когда он дома живет, так я его запираю на эти дни. А вот, кто там за ним приглядит?!

Я чуть не упала в обморок от ее слов! Это настоящее несчастье!.. Воображаю, что они там вдвоем натворят!! Один пьет запоем! А другой — каждый день, хотя и не запойный!.. Я потеряла дар речи, совершенно не могла говорить! Даже эта старуха стала мне сразу противна! И ее сад потерял всякую прелесть в моих глазах!.. Когда я уходила, я больше им не любовалась. Старуха пыталась объяснять мне сорта и названия абрикосов, слив и груш, но я ее совсем не слушала и только спешила уйти скорее от нее. Все было заслонено для меня этим страшным словом «алкоголик»! Да еще и запойный! Бедный мой Ваня! Рок преследует его!.. Столько времени не было помощника! И вот прислали наконец... запойного пьяницу!.. Его надо было посадить в сумасшедший дом, а не на войну посылать! Чем он может быть полезен армии? Теперь для Вани спасения нет! Сопьется окончательно!.. Я поторопилась проститься, обещая, что еще зайду перед отъездом. Но в душе уже решила, что ни за что не хочу видеть больше эту женщину! Нарожала алкоголиков и запойных пьяниц! Да еще расхваливает их! Теперь и она сама, и ее сын, казались мне злейшими моими врагами... Я просто ненавидела их обоих и боялась их... Точно они замышляют погубить и Ваню и меня!..

Она показала, как пройти к вокзалу, по кратчайшей дороге, мимо дворца Эмира Бухарского и затем, по тропинке, уже прямо к вокзалу. Там стоял поезд, готовый отойти в Пятигорск. Я села и через несколько минут была в Пятигорске. Взяла извозчика и хотела ехать домой. Но, когда извочик выехал на главную улицу, я почувствовала, что просто боюсь очутиться сейчас в одиночестве. Решила послушать музыку и постараться забыть все, хоть на время. Первый раз я ехала вечером одна в цветник. Подъехав к входу в него, я услышала чудную музыку струнного оркестра. Парк был полон веселой, нарядной толпой. Меня сразу захватило ее настроение и я, как-то, сразу же забыла и старуху и ее сына. Кажется, я первый раз в жизни почувствовала себя действительно молодой. Так все здесь показалось мне красиво и радостно! Я шла как-то особенно легко ступая. Я чувствовала, что я молода, хорошо одета, и что все на меня смотрят и может быть даже любуются мною... Нежная музыка, слегка опьяняющий запах цветов и духов, сдержанный нервный смех, возгласы говорящих больше чем слова, и слова более выразительные чем их смысл, делали вечер каким-то волшебным... Я шла куда-то, не имея никакой цели, хотелось только быть среди людей... Сама того не замечая я свернула в бо-

ковую аллею. Тут было гораздо меньше света, но музыку слышно так же хорошо. На всех скамейках сидело по несколько человек. У скамеек виднелись костыли сидевших там раненых. Отовсюду несся оживленный разговор и смех. Я хотела уже вернуться опять на главную аллею, но услышала знакомый смех и сейчас же кто-то позвал меня:

— Тина! Иди сюда, мы здесь! — Я пошла на зов и увидела большую группу людей. На двух скамейках сдвинутых вместе, сидели несколько офицеров и мои подруги.

— Господа! Кто не знаком, знакомьтесь сами! — объявила Маня. Мужчины встали и поздоровались. Другие представились. Некоторых я уже знала по работам в Лермонтовской галлерее.

— Ты каким образом очутилась здесь? Мы были уверены, что ты в Кисловодске останешься ночевать, — сказала Нина.

— Раздумала. Может быть от Вани есть письмо? Вот и приехала.

— Не знаю! Мы дома не были.

Все офицеры были ранены и присланы в Пятигорск для общей поправки. Один ходил еще с палкой. Двое с костылями, некоторые были из Осетинского полка, а один, драгун, заявивший, что ему надоело сидеть без дела. «Хочется в свой эскадрон, — сесть на коня и опять гоняться за немцами».

— Ну, расскажите что нибудь из ваших боевых похождений? — попросила Маня.

— Что расскажешь? Я плохой рассказчик. Вот ротмистр Цугаев мастер рассказывать!

— Но, извините. Сегодня ваша очередь, ротмистр Олегин. Я вчера рассказывал! — заявил Цугаев. — Да кроме того, ваша дивизия ведь с первых дней войны попала на фронт. Вы значит, больше нас видели...

— Ну ладно. Вот какой был у нас однажды случай с немцами: в сражении под Лодзью отбили мы у них тяжелые пушки. Их было четыре. Ну, взять-то у немцев мы их взяли, а вывезти в тыл не можем! Во-первых, они страшно тяжелые, а их передки во время нашей атаки бежали! Значит надо как-то выкатывать их. А немцы с ближайших позиций держат весь этот участок под сильнейшим артиллерийским огнем! Эскадрон взявший пушки, охраняет их, но увезти не может. И все время несет ненужные потери. А тут еще пришло донесение, что подходит наша пехота и займет этот участок, а что мы должны отойти в резерв. Наш командир полка приказал оставить при пушках офицерский караул из желающих, с тем, чтобы вывезти их, когда бои кончатся. Вызвали добровольцев охранять пушки. Желающих было больше чем нужно. Командовать ими был назначен тоже доброволец, корнет Басов, и охрана расположилась

насколько возможно укрыто впереди батареи. Потери они начали нести сразу и одним из первых был убит корнет Басов. Его место тотчас-же занял другой молодой офицер. Но и он тоже был убит почти сейчас же. Готов был вступить в командование и третий. Но это запретили и вся охрана была отведена в более укрытое место.

— А что-же сталось с вашими тяжелыми пушками? — спросили мы все.

— Потом, когда немцев оттеснили дальше, мы вывезли две пушки, а другие две отдали пехоте бывшей рядом с нами. За первые месяцы войны наша дивизия отправила в тыл целый вагон немецких касок и разного кавалерийского оружия. Но вот никто не выносит немецких аэропланов; ни наши драгуны, ни пехота. Был еще один трагический, но и довольно забавный случай. Их было вообще много, но я расскажу только про один, чтобы не утомлять дам. В самом начале войны прислали в наш район аэроплан и с ним летчика-француза. Стояли мы тогда около одного местечка, а штаб наш был в самом местечке. Аэроплан охраняли солдаты. И вот француза послали сделать разведку. Все конечно вышли посмотреть, как француз полетит. Это было еще тогда ново. Пока он летел низко над местечком, все с интересом наблюдали за ним. Но, когда аэроплан стал набирать по кругу высоту, чуть не все солдаты, у кого только была винтовка в руках, открыли стрельбу по французу... И сбили его! Мало того! Когда он очень счастливо сел на землю довольно далеко от местечка, так его чуть не убили наши же солдаты! Прискакал драгун в штаб и докладывает, что немецкий аэроплан сбили, а летчика солдаты бьют. Начальник штаба, полковник Левандовский, как был выскочил из комнаты, сел на первую попавшуюся лошадь и к счастью доскакал во время и спас француза от расправы солдат. Картина была драматическая... Француз по-русски ни слова. Естественно был в бешенстве! А чем он больше злился и по-своему ругался, тем солдаты были больше уверены, что делают святое дело. Когда полковник Левандовский растолкал толпу солдат и ворвался в круг, то француз уже был в самом жалком виде...

— Что же с солдатами сделали? — спросили мы.

— Конечно ничего! Что можно было сделать! Потом сами они переполнились жалостью к нему и своей виновностью: «Кто ж его знает! Лопочет не по-нашенскому, не разберешь, ведь, его! Немец как будто? Они каждый день над нами летают»...

Мы так заслушались рассказчика, что не обратили внимания, что уже поздно. Оркестр кончил играть и ушел. Столики ос-

вободились. Аллеи опустели. Мы попрощались, взяли извозчика и поехали домой.

— Какие все интересные люди! И как интересно все рассказывают! — делились впечатлениями мои спутницы.

— Сегодня еще почему-то не было Кашукова. Вот рассказчик! Прямо душка! Мы тебя завтра с ним познакомим. Он одного полка с Цугаевым.

— Я не пойду больше вечером в цветник. Муж на войне, а я буду ходить и развлекаться!

— Не говори глупостей. Оттого, что ты будешь сидеть дома и лить слезы, война не прекратится. И мужу твоему не будет от этого лучше на фронте.

И вот, на другое утро, я опять была в цветнике, нарядная и беспечная... Пришла наша полька и мы все отправились завтракать, а после завтрака пошли шить маски. Мы с полькой так навострились в этом, что шьем скорее всех из наших знакомых дам. Кругом, куда ни посмотришь, в тени и на солнце сидят выздоравливающие раненые. Многие лежат на носилках, или в креслах. Сестры милосердия ходят между ними. Кому дают лекарство, кому молоко с печеньем, кому просто воду. В три часа, когда закрылась галлерея и работы прекратились, мы поехали на Лермонтовскую гору, а оттуда на «провал». Потом вернулись домой, отдохнули немного, переоделись и опять поехали на музыку в цветник. У самого входа в него стоял Цугаев. Увидев нас он очень обрадовался. Мы с ним прошлись немного. Кто-то со скамейки крикнул: — Добрый вечер! Пожалуйте сюда! Здесь есть место посидеть. Мы подошли и я опять увидела новое лицо. Это был офицер, молодой еще и очень красивый. Он хотел привстать, чтобы поздороваться с нами, но все накинулись на него: — Сидите! Сидите! — У него одна нога была вытянута и лежала на костыле. Все подходили сами к нему здороваться.

— Как вы себя чувствуете? Почему вчера не были в цветнике? — спрашивали мои приятельницы. — Нездоровилось вам?

— О, пустяки, немного поднялась температура и доктор не пустил. Вот и все. И совершенно напрасно не пустил! Я сегодня, когда встал с постели, чувствовал себя так, точно опять неделю пролежал в постели. Но сейчас — отлично!

Мы сели и конечно сразу же стали перебирать по косточкам каждого проходившего мимо нас. Потом попросили штабс-ротмистра рассказать что нибудь. В это время мимо нас шел какой-то раненый офицер и приветливо поздоровался с нашими мужчинами. Он шел опираясь, с одной стороны, на костыль,

а с другой на руку молодой дамы. Когда они прошли, наш новый знакомый сказал:

— Вот мы с ним одновременно были ранены. Это его невеста приехала повидаться с ним. Болтались как-то мы вокруг немцев и порядочно отравляли им жизнь. То подойдем так близко к их окопам, что они взбудоражатся и откроют по нам отчаянный огонь. То заберемся к ним в тыл, порубим и пожжем обозы. Словом, всячески мешали немцам жить спокойно. И вот однажды, неожиданно, вылетел из леса на нас немецкий эскадрон! Лошади у них громадные — «Во!» — он широко разводит во всю длину обе руки. — И в карьер на нас! Ну... Мы натурально повернулись к ним хвостами и тоже в карьер от них!.. Однако, куда там! Наши лошади «Во» — и он снова разводит руки, но не больше чем на пол аршина одна от другой... — Скачем! Через несколько минут у наших лошадей языки наружи «Во»! — он опять разводит обе руки, но шире, чем когда показывал рост своих лошадей. — Ну! думаем, пропали!.. Не уйти от немца! Нечего делать! Надо спасаться!.. Поворачиваем коней и карьером на немцев! В шашки! А немцы... Кругом марш и... к нам хвостами и больше чем карьером... Ушли таки от нас... Кроме тех, конечно, которые... не ушли...

— Вы в тот раз и были ранены? — спросила я.

— О, нет. Это случилось спустя некоторое время. На этот раз немцы загнали нас в болото и открыли по нас бешеный огонь, а лошади завязли в топи. Тогда много было раненых и людей и лошадей.

— Князь! Пожалуйте сюда! — закричал Цугаев, увидев в толпе вчерашнего драгуна Олегина. Мы потеснились и дали место и ему.

— Вам, кавалеристам, воевать легче, чем пехотинцам. Вас лошади возят, а тем нужно собственными ногами месить грязь, — сказала Нина.

— Ну, знаете, когда как! Другой раз мотаешься целый день; десять верст в одну сторону, двадцать пять в другую! Да под дождем! Весь мокрый, лошадь мокрая! Даже в сапогах вода! А ночь? Где она застанет полк, там и ночуем. Иной раз намотаешь повод коня на руку и ложишься прямо в грязь, под ноги лешади. Обыкновенно от каждого полка в нашей дивизии, вечером посылается офицер в штаб дивизии получать распоряжения на следующий день. Каждый молодой офицер, несмотря на понятную усталось после целого дня в седле, на разведке, а то и в бою, рад был случаю проехать в штаб за распоряжениями. Приедешь в штаб, который помещается тоже в какой нибудь халупе, с керосиновой, подслеповатой лампочкой. А там всегда

почти сухо и тепло. Начальник штаба, полковник Левандовский, всегда завален работой выше головы. В нашем кавалерийском корпусе было восемь полков, да конная артиллерия. Половина полков гвардейские, а одним из них, вдобавок, командовал Великий Князь, — кузен Царя. Каждому полку нужно указать все: где ночевать, где выставить сторожевое охранение, куда идти завтра утром и что делать. Пока он не продиктует нам весь этот длинный и сложный приказ, мы у него на шее. Иногда среди диктовки он засыпает, а мы, когда напишем фразу, которую он нам продиктовал, будим его: господин полковник, мы уже записали, что дальше? Он, не открывая глаз, продолжает диктовать нам дальше. Потом вдруг вскочит и говорит, — «господа офицеры давайте пить чай!» — Ну, тут вестовые приносят стаканы горячего чая, которого, по правде сказать, мы выпивали бесконечное число стаканов. Да! Хорошо было ездить за приказаниями в штаб! Во-первых, — высушились, во-вторых, — согрелись и попили чаю. И, наконец, привезли в полк последние новости и приказ. Но, как только выйдешь на двор, снова охватывает сырость и, не успеешь доехать до полка, опять весь мокрый. Пехота живет спокойнее. Пока нет атаки, сидит себе в окопе. Правда под ногами вода, но голову можно накрыть какой-нибудь рогожкой, да и прикурнуть, где нибудь в темном углу пока нет тревоги. А у нас — всегда смотри за лошадью — ее не бросишь. Поэтому-то, даже когда усталость и сон совсем одолевают, приходится ложиться у нее прямо под ногами. Один раз наш корпус три дня гоняли десятки верст по полям в дождь и снег! Все — лошади, люди, офицеры и штаб корпуса, словом, весь корпус промок до костей и оголодал до полного истощения. И вот, наконец, получили давно жданный приказ расходиться по указанным вблизи селениям для «приведения полков в порядок». Значит отдых, наконец! И не на несколько часов, и ни где и как попало, а может быть на три-четыре дня! И по домам и сараям!! Можно наконец обсушиться и отчиститься от грязи и мокроты!.. Полки разошлись по своим стоянкам и стали устраиваться как могли... А вслед за полками уже скакали ординарцы с приказом, что все офицеры приглашаются к польскому помещику на торжественный обед в его замок. Штаб наш находился уже там. Почистились, как могли и поехали. Темно! Хоть глаз выколи! Дождь льет еще сильнее, чем днем. Найти дорогу в полной темноте и под проливным дождем было не так легко, но все же мы попали к пану. Но тут попали в новую переделку! На огромном дворе стояли коновязи Туркменского конного дивизиона. Трудно себе представить более благородное и великолепное животное. Но еще труднее подой-

ти к нему! Все они — совершенно бешенные жеребцы, невероятно злобного характера. Они признают только своего хозяина, с которым выросли. Редкий туркмен сядет на чужого коня. Каждый ставит своего совершенно отдельно от других и привязывает его голову и заднюю ногу к кольцам железных кольев, вбитых крепко в землю. Как только мы въехали во двор эти лошади-звери стали визжать и лязгать цепями. Наконец мы устроили наших лошадей и смогли пройти в дом. Приходим, а там свет, тепло! Заглянули в огромную столовую — так и ахнули! Громадный стол был накрыт на всех офицеров. Роскошная сервировка! Лучшие вина! А с нас течет вода. Нам предложили переодеться и отвели даже комнаты для ночлега. Мы спросили старого камердинера, где наши старшие начальники: генерал Шарпантье и полковник Левандовский. Они оба оказались в ваннах. Ну, значит все благополучно! И мы разошлись по комнатам и стали приводить себя в порядок. Старый пан прислал нам белье, халаты, теплые туфли. Нашу одежду и обувь взяли сушить. Блаженство, да и только! И мы все теперь только думали, как бы поскорее добраться к столу. И даже немного трунили над нашим начальством, что долго плещутся в ваннах. Вдруг стук в двери и голос вахмистра: — «Ваше высокоблагородие! Где начальник штаба? Телефонограмма получена!» — Понимаете! Сердце так и упало! Неужели немцы? Неужели опять надевать мокрую амуницию?! Открываю дверь. Вахмистр стоит мокрый, грязный, под ногами лужа грязной воды. Подходит старый пан и спрашивает в чем дело. Я говорю, что сам еще не знаю, и что надо передать телеграмму начальнику штаба. — «Идемте я вам покажу его комнату», — говорит пан. Приходим. Я стучу в дверь — никакого ответа. Открываю дверь, вижу великолепная комната, прямо царская кровать, а на кровати лежит приготовленное, уже вычищенное, платье полковника. А полковника Левандовского все же нет и в этой комнате. Стучу в ванную. Тишина. Открываю дверь (не забудьте, что ведь война) и вижу полковника мирно спящим в ванне! Разбудил и передал телефонограмму. Он тут же ее распечатал прочел и сказал: — «Приказано немедленно выступать и быть к утру в «А»! Там получим важную задачу!.. Соберите офицеров-ординарцев в мою комнату, чтобы записать приказания».

— Бедные! — пожалела Нина. — Быть у пирога и уйти от него голодными!

— Ну, положим! От пирога-то мы голодными не ушли! Так пообедали и выпили у пана, пока нам подавали лошадей (часа через два), что и теперь всегда вспоминаем этот пир, хотя замок давно, давно уже сгорел, а пан где нибудь в плену у немцев... И потом, знаете, походная жизнь затягивает! Мне вот

надоело жить здесь! Тянет в полк, где все близко, все ясно и все дорого! Хорошо бы теперь пойти с разъездом. Чувствуешь, что и ты сам, и твой конь, и все драгуны с их лошадьми, все что-то одно целое, напряженное, как натянутая струна... Знаешь, что идешь на какую-то близкую опасность, но не боишься ее, а только хочешь быть в ней первым, быть хозяином в том столкновении, которое может произойти каждую минуту. До чего развивается звериное чутье, что слышишь другой раз за полверсты приближение человека.

— Хотелось бы здесь, на Кавказе, остаться воевать! Свои родные, знакомые места, — с грустью сказал Цугаев.

Все замолчали. Гуляющих на аллее стало меньше. Пора домой. Мы встали, попрощались и пошли к выходу...

На другой день, только мы встали, оделись и не успели еще уйти из дому, как приехал к нам Александр Павлович приглашать на завтра ехать на пикник.

— Все готово! Все мельчайшие мелочи, кажется предусмотрены. Сбор — в Кисловодске на вокзале в 11 часов утра.

— Так рано? Да мы еще спать будем в это время! — сказала Нина.

— Как же быть? Все распоряжения уже сделаны! Милые дамы! Один раз постарайтесь встать пораньше! Утро такое прекрасное. Ехать по холодку будет так хорошо!

— Хорошо. Я их разбужу чуть свет! И в одиннадцать часов мы будем на вокзале в Кисловодске, — решительно заявила Маня. Так программа и осталась без изменения.

Когда на следующее утро мы приехали в Кисловодск, наши кавалеры встретили нас на вокзале. Они были в элегантных охотничьих костюмах. Мы уселись на линейку, запряженную тройкой и поехали. Сначала ехали по парку, потом мимо Красных камней и наконец выехали на открытую, хотя и довольно волнистую равнину с видом на далекие горы, покрытые лесом.

Вот, мы едем туда, к этим горам, — сказал Сергей Сергеевич. А через час мы были уже на месте, у входа в замкнутую горную долину. Она была почти окружена высокими крутыми холмами, у подножия которых, на большой поляне были разбиты две палатки и большой навес, под которым стоял накрытый стол. Тут же, недалеко, текла речка, через которую были положены бревна для перехода на другую сторону. Когда линейка остановилась, Александр Павлович показал нам нашу палатку. В ней стояли три походные кровати с одеялами и подушками. С потолка свешивался фанарик с лампой. На стене висело зеркало.

— Вот, как шикарно! — сказала Маня. В это время заиграл рожок...

— Что это такое? — спросили мы все в один голос.

— Тревога! Немцы наступают на нас, — говорит Маня, — а может быть медведь!

— Нет, для боевой тревоги эти звуки слишком нежны, — сказала я.

— Ну, ты ведь у нас боевая дама! Нужно считаться с твоим авторитетом, — насмешливо сказала Нина.

— Дамы! Завтрак готов. Мы ждем вас! — позвал кто-то из мужчин из-за палатки.

— Так это они нас, дудкой-то, вызывали к столу! — говорит Маня.

— Конечно! Я сразу догадалась! — ответила Нина.

Мы вышли и пошли в столовую — под навес. Повар, в белом колпаке, стал раскладывать по тарелкам «гуляш», который мне совсем не понравился, но хозяева очень его хвалили. После обеда все собрались подниматься на гору смотреть пещеру, в которой, когда-то, какой-то разбойник кого-то убил. Я сразу же отказалась от этой экскурсии.

— Я буду сидеть здесь и смотреть на ваши гимнастические упражнения. — Пошли все, кроме меня. Маня захватила с собой плед. — Я в него завернусь и скачусь прямо тебе под ноги, — сказала она. Как только все они перешли речку, Сергей Сергеевич вернулся обратно.

— Я не могу оставить вас в одиночестве!

— Напрасно! Вы лишаете себя удовольствия! Мне же здесь хорошо. Я буду отсюда наблюдать за подъемом, а больше всего за спуском.

— Да, подыматься-то ничего! А спускаться будет трудно! В особенности в дамских туфельках. Я нисколько не лишаю себя удовольствия, что не пошел с ними; я много раз уже поднимался здесь и все достопримечательности пещеры знаю и видел достаточно. А с вами я рад посидеть здесь!

И мы стали наблюдать как они взбираются, цепляясь за каждый кустик, чтобы не упасть. Наконец они добрались до пещеры и вошли туда. Не надолго однако. Уже минут через пять они вышли оттуда и крикнули нам, что все видели: — Трупы убитых еще лежат здесь, а разбойники прячутся где-то недалеко. Сергей Сергеевич, дайте мне руку и помогите спуститься, — кричит Маня.

Нина и ее спутник стали осторожно спускаться зигзагами по скату горы. Маня постояла, посмотрела, а потом завернулась в плед, легла и покатилась вниз. Чем дальше она катилась, тем все быстрее!.. В несколько секунд она докатилась до речки

и только какой-то куст не дал ей свалиться в воду!.. Сергей Сергеевич бросился, чтобы помочь ей встать. Когда она встала, вид у нее был ужасный! Весь плед носил следы коровьего пастбища; волосы растрепались; шпильки, гребешки были растеряны по дороге! Но она хохотала, как сумасшедшая!..

— Скорее экспресса спустилась! — хохоча говорила она.

Нина и Александр Павлович спустились более благополучно, если не считать потерю каблука с новой туфли. Пошли в палатку и стали приводить себя в порядок. Потом решили смотреть закат солнца. Мы немного прошлись по поляне и опять услышали призывной рожок, который уже слышали давеча перед обедом.

— Вот и к ужину зовут! — сказал Сергей Сергеевич.

Мы опять пошли в столовую под навес. Рядом с ним горел костер и повар что-то жарил на вертеле. Есть не хотелось, но мужчины пили довольно много и подливали в стаканы дамам. После ужина кто-то предложил играть в ловитки. Преглупая игра! Ночью, когда даже и луна светит ярко, бегать по неровному лугу в туфлях на высоких каблуках, прямо невозможно! За мной погнался Сергей Сергеевич. Я с детства не выношу, когда за мной гонятся. Меня охватил страх и я с криком побежала от него!.. Я вбежала в нашу палатку и заперла дверь на крючек. Но Сергей Сергеевич со смехом просунул руку в отверстие и стал снимать крючек. Это было так страшно видеть, что я вонзила все пять ногтей моей руки в его руку и увидела, как из нее сразу брызнула кровь! Рука исчезла в отверстии, а через несколько минут прибежали Маня и Нина, спрашивая меня с тревогой, что случилось!

— Тина, что ты сделала с Сергеем Сергеевичем? У него из руки кровь льет!

Я объяснила им, что совершенно не могу выносить, когда кто нибудь гонится за мной. Нина пошла и извинилась за меня. Через минуту пришел и Сергей Сергеевич и тоже просил извинить его, что он напугал меня. Эта глупая игра испортила всем нам прекрасный вечер. Рука Сергея Сергеевича болела и была замотана носовым платком. Решено было ехать обратно в Кисловодск. Когда выехали из ущелья, луна была уже высоко. Вечер был прохладный и Сергей Сергеевич в знак мира укрыл меня своим полушубком. Но, когда мы пришли на вокзал, где было светло как днем, я увидела, что мой синий костюм стал совершенно белым. Он весь был покрыт белой шерстью, которую потом долгое время никак нельзя было отчистить. Домой мы вернулись поздно. Через несколько дней Сергей Сергеевич приехал приглашать нас на прощальный обед. Он уезжал в

Петроград в свое министерство, а Александр Павлович в свое имение.

Ваня пишет, что в первых числах сентября пришлет несколько человек из команды на Северный Кавказ, за покупками для команды. «Посылаю тебе Гайдамакина, чтобы тебе было ехать безопаснее. Мне нужно кое-что сшить. Когда вернешься в Баку, сходи к моему портному, закажи ему все по прилагаемому списку и привези».

Приближалась осень. Вечера стали прохладными и оставаться долго в цветнике уже нельзя было. И работы по шитью масок прекратились в цветнике и перебрались на зимние квартиры, в галлерею. Получила письмо от Гайдамакина: «Барыня! У нас баринова белья маловато стало. Так что пришлите. Или может сами когда привезете?»...

Пора уезжать домой и приготовляться к отъезду на фронт и к работе. Опять надо надевать коричневое платье, фартук и и белую косынку на голову. Пошла попрощаться с дамами, с которыми я шила маски. В цветнике пустовато. У раненых, которые сидели на скамейках лица все новые.

Сегодня уезжаю домой. Нина и Маня остаются еще в Пятигорске. По железной дороге беспрерывной лентой в обе стороны идут эшелоны с солдатами, лошадьми, повозками. И я сразу чувствую опять войну. Пролетевшая летняя комфортабельная жизнь была только временной передышкой и отдыхом от той напряженной и суровой страды войны, от которой я отошла, уступив настояниям Вани. Приехала в Баку. Там жара стоит еще сильнее чем когда я уезжала. Дома горничная сказала, что «Мими» пропала. — На другой день после вашего отъезда она убежала и больше не пришла домой. — Пришел Яша, рассказал все новости...

— У нас новая и очень хорошенькая квартирантка. Муж у нее тоже военный врач. Он уезжает на фронт и поручает мне охрану жены...

Хожу по магазинам. Нужно купить Ване белье; да и себе прибавить кое-что. Неизвестно когда еще удастся приехать сюда опять... Заказала для него две пары брюк и две суконные рубахи. Через неделю приехала Нина с семейством. Я рада! Дети каждый день приходят повидаться со мной. Иногда и ночевать остаются у меня. Только маленьких няня берет домой.

Приехал Гайдамакин от Вани. Спрашиваю его доволен ли муж, что приехал к нему помощник? — Не могу знать! Ничего не говорят...

Сегодня, совершенно неожиданно, пришла Нина, а с ней офицер Сальянского полка, приехавший в отпуск. Мы обрадовались ему. Думали узнать много обо всех, кого знали и вообще о войне на Западном фронте. Но он меньше всего хотел говорить обо всем этом.

— Приехал, как полагается по закону, отдохнуть от войны! Думаю, что с месяц проживу здесь. А вы, милые дамы, развлекайте меня, пока я жив! За этим ведь только и приехал! Хочу за этот месяц забыть не только то, что было, но и то, что еще будет! — Владинский, был холостяк и очень элегантный. Это его первый отпуск с объявления войны.

— Владислав Владиславович! Что вы знаете об Алексее? — спросила я.

— Собственно почти ничего! Каким-то образом Алексей остался в окопе когда полк, а с ним и его рота отошли от занимаемой нами позиции. Наши окопы заняли немцы и в них забрали и его! Вот и все!..

Они посидели недолго и ушли к Нине. Несколько дней после этого я никого не видела. Вдруг неожиданно пришли Яша, Нина и Маня и привели с собой новых квартирантов, познакомиться. Сам доктор мне понравился. Простой, веселый, но сдержанный. Но жена его — не очень! Кстати и некстати все время вставляет чуть ни в каждую фразу, — «У нас в институте». «У нас в Петрограде». «Когда папа был губернатором». — А во время разговора, как-то все поджимает свои тонкие губы, как бы считая недостойным открыть рот в незнакомом доме.

— Как вам нравится наш Баку?

— Мне очень не нравится! — заявила очень решительно докторша.

— А вам, доктор?

— Мне все равно! Я скоро уезжаю на фронт и меня все это совсем не занимает. Вот чему я рад, это что оставляю семью в вашем доме. И для детей хорошо и для жены! Я рад что мы познакомились с Ниной Ивановной и с Яковом Семеновичем. Жаль только, что вы уезжаете!

Доктор был прямо очарователен. Он запросто, без всякого приглашения наливал себе по очереди из всех бытулок и пил. Да еще и других угощал! Он был высокий и страшно худой. Жена же его — маленькая и довольно полная, без подбородка, с большими глазами и крошечным ротиком.

— Тина Дмитриевна спасибо за радушный прием! Будем знакомы, как хорошие друзья, — сказал доктор на прощанье.

Сегодня Нина звонила по телефону и передала приглашение Владинского на ужин: — он заедет сам к тебе, но просил предупредить тебя, чтобы ты не приняла какое нибудь другое приглашение. Ужин будет у Яра.

В день ужина Нина пришла и спросила меня какое я надену платье.

— Право не знаю еще.

— А как ты думаешь, что надеть? Этот ужин Владинский устраивает специально для нас.

— Кто тебе сказал это? Он сам?

— Ну, пойми! Мы ведь дамы его полка. А что ему за интерес приглашать, например, Маню, которую он совсем не знает!

— Разве она не будет на ужине?

— Я думаю, что она конечно будет там. Но мы для него все же представляем, конечно, больший интерес, чем она! Он говорил мне что я красива, как роза в полном расцвете перед увяданием.

— Слушай! Надевай то, что тебе больше всего хочется! И предоставь и мне такую же свободу. Это будет интересно для нас обеих.

— Хорошо! Будь готова к девяти. Он за нами заедет.

К девяти часам я была готова. Сама не знаю почему я надела черное кружевное платье. Оно было единственным черным платьем в моем гардеробе. До войны я терпеть не могла черных платьев. Но иногда приходилось бывать на официальных и обязательных обедах, на которые трудно было найти что нибудь более удобное. Еще слава Богу, что мы жили в городе в своем доме и были сравнительно свободны. Офицеры же, которые жили в казенных квартирах, при казармах полка и на глазах командира полка, обязательно должны были бывать каждую субботу в полковом собрании. Сам командир полка любил играть в карты, но очень заботился, чтобы всем было весело. В течение вечера он несколько раз выходил в танцевальный зал и смотрел как молодежь веселится, кто танцует и кого нет в зале. Молодые офицеры поэтому приходили в собрание, как на повинность. Пока командир играл в карты они сидели преимущественно в буфете, предварительно выставив «сторожевое охранение». Как только специальные наблюдатели дадут знать, что командир полка идет в зал, все офицеры выходят из буфетной и из всех дверей входят в танцевальный зал. Он подходит к одному из штабс-капитанов и спрашивает: — штабс-капитан Корешков, отчего вы не танцуете? Где ваша супруга? — Господин полковник, она в баню пошла. Наша очередь пришлась как раз сегодня. — Так как эта оговорка приводилась очень ча-

сто, то командир отменил баню для офицеров по субботам. Но когда в полк приезжал кто нибудь из высшего начальства, то всегда устраивали обед или ужин и непременно с дамами и с танцами. — Доктор Семин, я непременно отдам приказ, чтобы все чины полка жили в поселке, — говорил полковник моему мужу. — Что за вольность? Живут в городе! Не желают являться в собрание! Зал всегда пустой. Оркестр играет, а танцующих две пары.

Поселок Сальянского полка, стоял за городом. Это был настоящий городок! Все здания каменные, двухэтажные. Площадь, на которой стоит полковая церковь, широкие улицы; собственная баня для солдат и для офицеров и их семейств. Великолепное полковое собрание, с буфетом и столовой, которая вмещала не только своих офицеров, но и сотню гостей.

— Нет! Право нужно, чтобы все офицеры жили на моих глазах! А то я не знаю что делают мои подчиненные, которые живут в городе. Может быть они пооткрывали лавочки и торгуют мелочью?

Сам он никогда не пропускал ни одной субботы. А в понедельник в приказе непременно будет написано, что «в субботу вечер был очень оживлен, много танцевали и ужин прошел весело. Но командир полка не видел в собрании поручика В-го! И т. д...»

Когда муж перевелся в Сальянский полк, его предупредили, что для нас обоих обязательно бывать по субботам в собрании полка. Но, за дальностью расстояния я постепенно стала изменять этому обычаю и приезжала только на большие официальные обеды. И командир полка не приставал к мужу, зная, что трудно справиться с медициной. Старший же брат обязан был бывать каждую субботу. Но он всегда бывал там один.

— Вы что, опять один? — А где Нина Ивановна? — спрашивал командир полка.

— Не может, господин полковник. Ожидает прибавления семейства. — Проходит несколько месяцев.

— А вы опять один! Когда же наконец привезете жену? — снова спрашивает командир.

— Господин полковник, как только поправится!

— Читал в приказе, опять девочка! Ну что же, поздравляю.

В десятом часу пришла за мной Нина и Владинский. Я была готова. Мы вышли, сели в поджидавший нас фаэтон и поехали в ресторан Яр, который был совсем недалеко от нашего дома. Этот ресторан был самый лучший в городе; кухня, напитки, обстановка и кабарэ были великолепны. Как только фаэтон остановился, Владинский соскочил, помог нам выйти. Мы вышли в

подъезд и поднялись на второй этаж. Нас перегнал метр-д-отель, распахнув перед нами дверь. В комнате стоял накрытый стол, маленький диванчик, кресла в разных углах и еще одна дверь, которую нам показал Владинский: — Эта комната для вас, дамы. — Там был туалетный столик, зеркало, стул и тоже небольшой диван. Мы разделись. Нина оказалась в атласном, малинового цвета, платье, которое к ней очень шло. Оно было драпировано так искусно, что когда она садилась или шла, то нога открывалась до колена. Верхняя половина платья с большим вырезом спереди и сзади.

— Как хорошо, что ты надела это платье, я так люблю его, — сказала я, но вдруг невольно замолчала. На шее у нее была прелестная подвеска, которую я видела в первый раз. На тонкой платиновой цепочке висели три подвеска, один подлиннее, а два по бокам, покороче. Каждый подвесок состоял из трех бриллиантов, одного большого, больше чем большая горошина, и двух поменьше. Девять бриллиантов на платиновой цепочке! На нежной коже, обрамленной малиновым атласом, эта драгоценность выглядела и очень красивой и очень дорогой. И Нина была необыкновенно эффектна и очень привлекательна!

— Откуда у тебя такая прекрасная вещь? Я первый раз вижу ее на тебе. — Она прижала к губам палец, в знак молчания, хотя дверь в соседнюю комнату была плотно закрыта.

— Я это выиграла на пари... — Она показала на запертую дверь.

— Он проиграл это тебе?! Как это могло случиться?!

— Да очень просто! Как-то мы с ним обедали в ресторане, поспорили и он проиграл пари. Вот купил эту вещь и преподнес ее мне на память.

Я смотрела на нее в недоумении. Мы молчали...

— Что ты смотришь на меня так, точно я его ограбила и собираюсь теперь убить! — не выдержав моего взгляда сказала она.

— Не знаю, что ты дальше собираешься сделать с ним. Но я чувствую, что ты его ограбила! Это-то уж верно!.. Откуда у него взялись такие деньги? Он человек не богатый, это мы знаем, всегда жил только на жалование.

— Он сказал мне, что накопил много денег за это время. Он первый раз взял отпуск, а жалование все время получал большое. Но, довольно об этом! — Пожалуйста! Ты всегда готова испортить мне настроение, — вдруг обиделась она. — Идем! Ведь он ждет нас.

Мы вышли. Владинский сидел на диване повесив голову; вид у него был грустный.

— Простите, мы вас заставили ждать! А вы кажется заскучали, или задремали?

— Нет, не задремал, а заскучал. Вспомнил, что опять нужно возвращаться на фронт. И лезть в окопы. Опять атаки, смерти, ранения... — Он быстро встал, взял руку Нины и поднес ее к губам. — Но сегодня хорошо! Я счастлив! А что будет потом, не стоит говорить... Прошу! — Он пододвинул стул. Нина села. Потом подошел с другой стороны и так же усадил меня.

— Что прикажете милые дамы? Вот чудная русская водка, холодная как лед, рябиновка, зубровка... За Россию будем пить! За армию! Значит надо водки! — наливая говорил он.

Стол весь утопает в цветах. Лакей подает все новые кушанья и все новые бутылки. Когда он открывает дверь, чтобы войти, снизу, из общего зала, доносятся музыка и пение. Владинский придвинул свой стул совсем близко к Нине и целует ее руки все выше и выше. Сначала она сопротивлялась и не позволяла.

— Выше позволенного места целовать нельзя! — говорила она.

Но Владинский не соглашался: — А я хочу вот здесь! — показывал он выше локтя и целовал...

— Владислав Владиславович! Вы кажется забыли о моем присутствии?! — возмутилась наконец я.

— А что? Разве я позволил себе что нибудь неприличное? — И он брал мою руку и тоже целовал ее.

Создалось какое-то странное настроение. Точно время остановилось в нашей комнате, где сидели мы трое, забыв все, что творилось за этими стенами. Где-то стреляли. И от каждого выстрела падали и умирали такие же молодые люди, как и этот вот, временно получивший отсрочку... Владинский встал на колени перед Ниной и стал целовать у нее туфлю. Нина резко поднялась, отошла от него и села на диван. Владинский, не вставая с колен, пополз к ней и стал просить позволения поцеловать ножку. Нина была видимо смущена и не знала что делать... Она встала и сказала: — Идем домой! Поздно уже! — Но Владинский продолжал умолять хотя бы только об одном поцелуе!

— Уеду! Убьют! И никакого следа не останется от поцелуя! — говорил он. — А я, пока буду жив, буду вспоминать и хранить его в моем сердце! Владинский сидел на полу около дивана и казался жалким и смешным...

— Мы уезжаем, — повторила Нина.

— Нет, нет! Не уезжайте, прошу! — Тина Дмитриевна, — побудьте со мной! Мне так грустно. Я не хочу оставаться один. — Он встал, подошел к столу, налил вина и, подняв бокал,

сказал: — Мне так хорошо с вами! А если вы уедете домой, я буду чувствовать себя одиноким и несчастным. Уезжать на фронт в таком настроении очень тяжело. Через неделю я уеду в полк. Я чувствую, что больше никогда не вернусь сюда, — убьют!

— Бедный вы! — Я его поцеловала с жалостью, по сестрински. — Мне жаль вас очень. Но не всех же убивают и на фронте. И вы вернетесь живым и здоровым. И мы все опять будем кутить и вспоминать эти страшные и тревожные дни, которые будут уже далеко позади.

— Спасибо, милая Тина Дмитриевна! Хоть вы пожалели меня. Ниночка, пожалейте меня хоть вот также! — Нина его поцеловала. Он обнял ее за талию, крепко прижал и стал целовать. Я подошла к дверям и открыла их настежь. Из коридора ворвались звуки музыки, но скоро замолкли. Я постояла, послушала, но музыка не возобновлялась больше.

— Господа! Пора домой, поздно, — сказала я. Мы оделись и вышли на улицу.

— Пойдем пешком, прогуляемся, — предложила я. Но Нина отказалась, говоря, что она терпеть не может ходить, да еще ночью. Мы взяли автомобиль и через пять минут были у моего подъезда.

— Как я не хочу ехать домой! — сказал Владинский, — Поедем на Биби-Эйбат! Дождемся там восхода солнца. — Мы согласились. Предрассветная свежесть действовала возбуждающе. Спать не хотелось. Приехали на самую высокую точку над городом. Чудный вид на всю бухту, тишина. Город спит. Остров Нарген чуть виднеется во мгле, быстро тающей перед близким восходом солнца. В гавани видны сотни больших и малых пароходов. Но трубы их не дымят. Вон там, за Черным городом, небо уже порозовело. Скоро брызнули из-за моря первые лучи солнца. А еще несколько минут, и показалось и само солнце! Сразу все стало красновато-золотым. Остров Нарген еще несколько минут тому назад был бесформенной массой, а теперь уже отчетливо видны на нем новые бараки.

— Что это за постройки там на Наргене? Я первый раз их вижу — спросил Владинский.

— Там живут пленные турки, — ответила Нина. — Ну вот и видели восход солнца и спящий город! Теперь едем домой! Я страшно устала и хочу спать.

Приехав домой, мы поблагодарили Владинского и попрощались с ним. Он уехал, а мы поднялись в мою квартиру. Нина осталась у меня и легла на Ванину кровать.

Когда мы легли я ее спросила: — Зачем ты ему кружишь голову? Он влюблен в тебя, тратит на тебя деньги, точно на

кокотку. И меня еще втягиваешь в это грязное дело! Зачем я была нужна на этом ужине? Вам без меня было бы гораздо лучше. Это ты заставила его пригласить меня! Глупее чем на этом ужине я еще себя никогда не чувствовала. Я отлично видела, что я вам так же нужна, как пятое колесо в телеге.

— Ничего подобного! Он хотел непременно угостить ужином нас обеих. Я предложила ему пригласить и Маню, но он сказал, что ее присутствие будет его стеснять, так как он ее знает очень мало.

— Ну, довольно об этом! Давай спать! — Я проснулась в первом часу дня и позвонила. Когда пришла горничная, я сказала, чтобы она открыла ставни, а сама пошла в столовую. Через минуту слышу крик Нины: — Зачем открыли ставни! Я хочу еще спать! — Я послала ей кофе. Нина весь день пробыла у меня и ушла только после наступления темноты...

Получила письмо от Вани: «Когда будешь заказывать у моего портного вещи для меня, закажи и себе штаны и рубаху для верховой езды. Он без примерки сошьет тебе. У меня есть две верховые лошади: одну зовут «Чек», а другую «Шорник». «Шорник» очень большая киргизская лошадь, а «Чек» маленькая ростом, но с хорошим ходом, иноходец. Приедешь и сама выберешь какая тебе понравится больше».

На другой день пошла к портному, который знал моего мужа с тех пор, когда шил ему его первую гимназическую форму. Он знал всех братьев мужа и шил на них всех. Но, когда я сказала, что хочу брюки для себя, старик сразу обиделся: — Мы дамские «брюки» не шьем!.. — Мне долго пришлось его уговаривать. Наконец согласился. — Если принесете мерочку, то можно будет сшить, — сказал старик смягчившись. — Вашего супруга я знал вот каким. — Он протянул руку над полом и показал, какого роста был муж.

Муж пишет, чтобы я накупила больше съедобных вещей. «Здесь ничего достать нельзя. Город Ван разграблен, а жители разбежались кто куда». И вот опять Гайдамакин закупает всякую всячину, чтобы везти с собой.

— Барыня, если я вам не нужен, разрешите мне сходить в синематограф?

— Иди, конечно! Ты мне не нужен.

Только он ушел, пришла Нина: — Едем в театр, получили ложу.

— В какой театр?

— В Маиловский.

— Там опера! А что идет сегодня?

— Да, тебе не все равно, что идет?

— Кто купил ложу?

— Хорошо не знаю кто, но кажется Коженков.

— Я не пойду, я его и видела-то два раза, всего на всего!

— Ну так что? Не один же он там будет! Будут и другие. Но он очень симпатичный и простой человек. А добр, так прямо до глупости!

— И этот, с липкими волосами, будет там?

— Ты говоришь о Бакланове? Да будет. Но ты можешь не обращать на него никакого внимания. Хотя он и из рабочих, но старается казаться по меньшей мере вице-губернатором. Мы поедем с Яшей. Маня у меня. Ты будь готова...

И вот я опять еду нарядная. У подъезда театра сотни фаэтонов подъезжают вереницей. Городовые, в белых перчатках, покрикивают на фаэтонщиков: — Не задерживай! Не задерживай! Проезжай! — Из фаэтонов выходят молодые нарядные дамы и барышни, поддерживаемые под руки кавалерами. Когда мы вошли в ложу, я обвела взглядом весь театр. Все полно; все ложи заняты; в партэре ни одного свободного кресла. Много раненых. Вон напротив нас несколько лож занятых ими. Они все в халатах, это прямо из какого нибудь госпиталя или лазарета. Тут же с ними и сестры в белых косынках и в чистых халатах. Много раненых и в других местах, но те в офицерской форме, хотя у многих забинтованы головы, у других руки на перевязи, третьи с костылями. Многих, родственники или жены, поддерживают под руку. Дамы очень нарядные. А сколько драгоценностей! Всюду блестят бриллианты, жемчуга! На каждой армянке надето украшений на тысячи рублей.

Вместо увертюры, оркестр сыграл национальный гимн, который весь театр выслушал молча стоя. Как только опустился занавес последнего акта, наши мужчины стали торопить нас одеваться и выходить из ложи.

— Скорее! Идемте! Нужно занять фаэтоны пока публика не хлынула на улицу, — говорил Яша, держа меня крепко за руку.

— Мы отлично можем дойти пешком до дому. Ведь тут всего четыре квартала.

— Нет, нет! Мы едем ужинать в ресторан.

— Я не могу. Поезжайте вы, а я пойду домой.

— Ты одна не можешь ехать домой ночью. А я не могу везти тебя. Вся компания из-за этого расстроится. Поедем с нами! Это очень интересно. Ты ведь никогда там не видела программы? Чудное кабарэ! Да мы ведь не будем там долго, поужинаем, посмотрим программу и домой.

— Уговорили! Поехала!

Приехав в Яр, прошли по коридору в небольшую и узкую, повидимому заранее заказанную и приготовленную для нас, ложу, передняя часть которой была задернута толстыми портьерами. Посреди ложи стоял длинный, уже накрытый и уставленный закусками и бутылками, стол. Вдоль обеих стен стояли скамьи-диваны, на которых лежали мягкие тюфячки. Своей передней частью ложа выходила в общий зал, но, благодаря портьере, нас не было видно оттуда, тогда как мы, если бы захотели, могли, наблюдать в щелки, что происходит в зале.

Я этим и воспользовалась, раздвинула портьеру и в узкую щелку стала смотреть: прямо против нашей ложи была сцена, на которой танцевала шансонетка, высоко закидывая голые ноги. Зал был весь заставлен столиками, за которыми сидели дамы и мужчины. Многие были в военной форме. Под самой нашей ложей столики тоже были заняты. Пока я рассматривала сцену и зал, на стол были поданы горячие блюда и Маня потянула меня за руку.

— Давайте сначала ужинать и пить, а потом будем веселиться, — сказал Яша. — Ну что? Ведь тебе нравится здесь? Ты всегда сначала поломаешься, а потом рада. Небось твой муж не повел бы тебя сюда и ты никогда не узнала бы, что есть такие места!

К нам в ложу доносилась из зала музыка, пение и гул голосов. Давно уже выпили водку, съели жаркое и запили его обильно вином. Потом ели что-то сладкое и его тоже запивали вином.

— Эй, человек! — крикнул Бакланов и лакей, который должно быть стоял за дверью, вошел сразу. — Принеси-ка брат, закусочки, да чего нибудь тепленького выпить, скажем, хоть коньячишки и водченки! — Через несколько минут все было подано, и закуска, и бутылка коньяку, и бутылка водки. И опять все стали пить... Только теперь я заметила, что Маня ни на одну рюмку не отставала от мужчин. Через стол ко мне тянется с рюмкой Коженков и кричит: — Ну давай чокнемся, да поцелуемся! И я чокаюсь и протягиваю ему руку. И меня нисколько не удивляет, что меня называют на ты. Но он садится на свое место, обнимает Нину и говорит ей: — Краля ты моя! Давай поцелуемся!

— Целуй скорее, да уступи мне очередь! — говорит Бакланов, тоже обнимая Нину. В это время из залы до моего слуха долетели звуки любимого, модного в то время романса, «Ямщик не гони лошадей». Я отдернула портьеру и увидела на сцене молодую женщину которая пела. Я стала ей подпевать, но должно быть так громко, что когда я замолчала, то из ближайших лож и из-за столиков раздались громкие

аплодисменты и крики «браво ложа»! Я спряталась, но крики не прекращались. Вдруг дверь открылась и несколько незнакомых мужчин старались войти к нам. Лакей загораживал им дорогу и что-то объяснял. Яша сорвался с места, оттолкнул лакея и захлопнул дверь. Бакланов бросился за Яшей. Хотя дверь была и закрыта, но слышно было как за ней ссора все разрасталась.

— Наших бьют, пусти! — говорил Коженков Нине, которая сидела с краю и не пускала его.

— Сиди! Без тебя обойдется!

Но Коженков кричал все громче: — Бей их, бей! Я помогу!

— Замолчи ты, окаянный! — зажимала ему рот Нина...

Наконец Яша и Бакланов вернулись. — Сволочи! Пришлось объяснять им, что мы кутим с родственницами.

— А кто смел заглядывать сюда?! Пустите меня! Я морды всем разобью...

— Все улажено, не кричи! — сказала Бакланов. Но из залы еще хлопали и кричали. Яша стал протискиваться между мной и Маней, чтобы выглянуть в зал, но Маня оттолкнула его и сказала: — Пусти меня! Когда я выгляну, сразу все замолчат! — Она перешла на мое место, раздвинула портьеры настолько, чтобы высунуть голову, и стала раскланиваться: — Спасибо, спасибо! — Хлопки сразу прекратились и нас оставили наконец в покое.

— Давайте пить за одержанную победу над врагом! И за победителей!

Сколько времени еще пили и сколько выпили, не знаю, но вошел мэтр-д-отель и попросил Яшу в коридор. Когда он вернулся, то сообщил: — все разошлись, зал пустой, идемте в гостиную, там все для нас приготовлено.

— Рано! Мы еще водку не допили, — сказал Коженков. Перед каждым стояло по несколько рюмок водки и коньяка и стаканы с вином. Скатерть залита, куски балыка, вазочка с икрой, редиска, куски хлеба, блюдо с остатками жаркого, грязные тарелки, вазочки с растаявшим мороженым...

— Идемте из этого стойла! — снова сказал Яша. — Мы вышли поддерживая друг друга и спустились по лестнице в зал. Он был уже темный. Впереди нас шел лакей со свечей и освещал нам дорогу. Мы пришли в большую гостиную, посреди которой был накрыт стол, и горели в двух канделябрах свечи. В вазах стояли свежие цветы. Комната обставлена с ресторанной роскошью. Мягкая мебель, зеркала, ковры, пальмы. Сели за стол. На нем стояли фрукты, фисташки и на обоих концах стола из серебяных ведер со льдом торчали гор-

лышки бутылок шампанского. Лакей откупорил и разлил по бокалам.

— Чем закусывать-то? — спросила Маня. Яша протянул ей фисташки.

— А мне солененьких огурчиков! — орет Коженков. Он сидит теперь со мной рядом, а Яша по другую сторону. Напротив нас сидят Нина, Бакланов и Маня.

— Подать соленых огурцов! — снова орет Коженков.

— Ванька, брось, не ломайся, — говорит Яша, — обойдешься и без огурцов!

— Ну, ладно! К черту огурцы! — быстро соглашается он. — Но, чтобы в шампанском недостатка не было! Слышь? — оборачиваясь к лакею говорит он.

— Заготовили, не беспокойтесь, — ответил старый лакей.

— Подливай! Чтобы пустых бокалов не было! — опять приказывает Коженков лакею.

— Пей, милосердная! Не трусь! С нами не бойся, не выдадим! — протягивая ко мне полный бокал шампанского говорит Коженков. — Позовем, так сам полицмейстер сюда приедет и станет оберегать нас. Наш фронт покрепче, чем твой! — он неопределенно махнул рукой.

— Одним словом, работаем «на оборону»! Предлагаю тост за «оборону»! — кричит Бакланов, протягивая через стол свой бокал. — Всем наполнить бокалы и пить до дна. А ты спой нам так, чтобы за сердце щипало. Мы тебя не выдадим!

— Маня перегнулась через стол со своим бокалом, чтобы чокнуться со мной и напевала: «Тина, ты, Тина! От нас ты не уйдешь, а с нами пропадешь...» Все подхватили, стали напевать, чокаясь и разливая шампанское на стол и на мое платье.

Вдруг у Мани на голове вспыхнул ее шикарный султан из эспри. Она так далеко перегнулась через стол, что очутилась как раз над свечей для закуривания папирос, которая стояла около меня. «Пожар» быстро потушили, но от великолепного украшения остались одни черенки, которые она выдернула из головы и выбросила. И снова стали пить. Бакланов предложил выпить за погорелицу.

А Коженков сказал: — Так и быть! Пожертвую на погорелое место пятачек.

— Новое куплю, — сказала Маня. — Что нам рупь? Что нам два! Да и сто рублей не деньги...

Яша два раза куда-то уходил из-за стола и, когда возвращался, то таинственно переглядывался с Баклановым. После третьего раза объявил: — Едем, автомобили готовы. — Еще выпили подорожную и вышли. Я села с Яшей и Маней в один

автомобиль. Долго мы ехали, кружились где-то по незнакомым улицам. Яша не сказал никакого определенного адреса, а все время говорил: — вправо, влево, прямо.

— Куда мы едем? — спросила я.

— Кататься! — ответил Яша. — Стой здесь. Подождем их. — Оказалось, что второй автомобиль потерялся. Они поехали по другой дороге. Мы остановились около какой-то крепостной стены. Высокие и массивные ворота были заперты. Над воротами были окна, плотно закрытые ставнями. Нигде ни одного огонька.

— Куда мы приехали? — снова спрашиваю я Яшу.

— Подожди, сейчас. Вон они приехали. — И он вышел из автомобиля.

— Выходи, — сказала Маня, вышла сама и помогла выйти мне.

— Что это такое? Куда мы приехали? — подходя к нам спросила Нина.

— Да мы сами не знаем? — ответила Маня.

— Тише! — сказали подходя к нам Бакланов и Коженков. А Яша пошел к воротам и стал стучать в них особым образом. И сейчас же пониженным голосом позвал нас: — Тише! Идите сюда! — Мы подошли к воротам.

— Сейчас откроют. Только не шумите! — таинственным шопотом предупредил Яша. В массивных воротах осторожно открылась маленькая калитка и пропустила нас под темный свод ворот. Мы соблюдали полную тишину. Держась друг за друга в темноте, потихоньку шли на слабую полоску света. Яша огляделся и сказал: — Стойте здесь. Я сейчас вернусь! Я увидела квадратный дворик, кругом которого тянулась стеклання галлерея, обсаженная виноградом и цветами. Дом спал. Везде было темно. Только в одном окне нижнего этажа горела маленькая лампочка.

— Чего мы стоим? Что это за таинственный дом?! — спросила я.

— Тише! Одну минуту подождите, сейчас нам скажут можно ли идти дальше, — ответил Бакланов.

В эту минуту на верхней галлерее показалась фигура мужчины. Он перегнулся через перила и, не видя нас под воротами, но слыша наш разговор спросил: — Кто там? — Мужчина был молодой, очень хорошо одет, но должно быть выпивший.

— А! Наконец-то! — Доброе утро сеньор! — пропела я. Но мне не дали продолжать дальше. Кто-то зажал мне рот и оттащил меня вглубь темной подворотни.

— Что ты делаешь! Нельзя этого делать! Нас могут увидеть, а потом узнать на улице или в обществе!

— Идемте скорее! Путь свободный, — появляясь около нас, сказал Яша. Мы вышли из-под ворот и вошли в галлерею, где нас встретила пожилая женщина и повела в комнату. Мы очутились в длинной и узкой комнате. Вдоль стен стояли диваны, а посреди стол.

— Извините, что пришлось задержать. Некоторые гости еще не ушли и я боялась, чтобы вам не встретиться с ними, — сказала женщина. — Сейчас придут девушки и подадут вино.

Она вышла. А мы сразу почувствовали, что что-то неладно! Маня, Нина и я сели все три вместе на одну скамейку, которую нам подвинул Бакланов. Вошли «девушки»!! У одной была гитара. Они сели на диван и стали петь всякую ерунду. Все были безголосые, некрасивые. Принесли вино. Мы заметили, что в комнате не было ни Яши, ни Коженкова.

— Маня нагнулась к моему уху: — Ты понимаешь, где мы?..

— Неужели это дом терпимости?!.. Зачем нас сюда затащили!?.. Я в полном отчаянии!..

— Почему? Нужно все в жизни знать и все видеть! Посмотри! Здесь совсем нормальная обстановка! — Она обвела взглядом комнату и остановила его на стене, широко открыв глаза. Потом опустила их вниз и тихо сказала мне: — Не смотри на стену!..

Нина что-то говорила Бакланову и как-то смешно истерично всхлипывала: — Что это такое! Как вы смели привезти нас сюда!? Где Яшка?

В это время вошла женщина, отрекомендовалась нам «хозяйкой» и стала нас занимать, рассказывая, что ее «дом» — лучший в городе. — Я считаю моих «девушек» высоко-порядочными! Не вы первые приезжаете к нам посмотреть на нашу жизнь. Да, и не только для этого! Нередко к нам приезжают «на работу», такие же дамы как и вы!.. Они зарабатывают здесь деньги на наряды... — Я толкнула Нину...

— Где Яков Семенович? Найдите его немедленно и приведите сюда! — сказала Нина хозяйке. Но та, совершенно спокойно ответила: — он сейчас придет сам!

— Сейчас же найдите Яшку! Я здесь не останусь ни одной минуты больше! — обратилась Нина к Бакланову. Бакланов вышел и сейчас же вернулся, а с ним вошел и Яша.

Нина вскочила: — Едем! Это подлость привозить нас сюда! — сказала она идя к выходу из комнаты, но в дверях столкнулась с Коженковым.

— Ты куда? — загораживая ей дорогу, вскрикнул он.

— Подлость! Подлость привозить нас сюда! — отталкивая его говорит она.

Тот сначала опешил: — Да ты постой! Погоди, не пори горячку! На вот лучше денег пачку, — обнимая ее говорит Коженков. — Да мы еще вина даже не выпили! И уже уезжать!? — Но и я и Маня тоже встали и пошли к дверям: — Мы хотим ехать домой немедленно!.. — Все мужчины сейчас же согласились и мы тем же порядком вышли, соблюдая полную тишину, сели в автомобили, которые ждали нас все время. Теперь Нина, я и Яша сели в один автомобиль и поехали прямо домой, а Маня, Коженков и Бакланов поехали в другом. Они должны были завести Маню домой. Я села в угол автомобиля и закрыла глаза, чтобы не видеть больше этих ворот. Когда мы подъехали к моему подъезду, дворники уже подметали тротуар. Нина осталась у меня, а Яша пошел к себе.

Когда я проснулась, яркое солнце пробивалось сквозь ставни и освещало всю спальню. Это была моя самая любимая комната в моей квартире. В ней каждый предмет был выбран мною с любовью. Бледно-розовые обои, красного дерева мебель, кровати, зеркальный шифоньер, туалет, кресло и розовато-красный ковер. Все что здесь находилось я люблю, и все мне близко и дорого! Сейчас по всей комнате валяются мои и Нины платья и принадлежности туалета, разбросанные после возвращения из нашей вчерашней дикой поездки. Сразу встала у меня перед глазами, вся мерзость и пошлость, до которой я дошла! Как я теперь посмотрю в глаза Ване? Смогу ли я все ему рассказать, или буду всю эту грязь носить в душе?.. — Нина! Проснись! — Как она может спать так спокойно и мирно?.. — Проснись же, пожалуйста! Неужели тебя не мучает совесть! Как ты можешь спать! Ты помнишь, что было вчера?? Она открыла глаза и сначала ничего не могла понять. Потом вдруг быстро села.

— Боже! Неужели все это правда было!? Неужели это все было на самом деле! Неужели это не сон! Что мы наделали!! Ведь мы опустились на самое дно! А у меня дети! Муж в плену!.. — И вдруг она как-то неестественно захныкала и заплакала, но без слез.

— Что мы теперь будем делать! Как мы покажемся в обществе?! Я не могу поехать к Ване, не могу смотреть ему в глаза! Я знаю, что мне делать!.. Я должна покончить с собой!.. — вскрикнула я в отчаянии...

— Да ты с ума сошла, что ли?! — вскричала Нина и стала искать папиросы, чтобы закурить. — Да разве мы виноваты?!.. Разве мы сами туда поехали?!.. Ведь это все Яшка под-

строил в согласии с другими! И я уверена, что и Маня все знала заранее!.. А теперь мы из-за этого должны умирать?! Да с какой стати! Напоили нас и завезли в этот притон! Ты же видела, что Яшка чувствовал себя там, как дома! Он всех там знает и для них он там — свой человек!

— Все равно! Мы упали так низко, что ниже уже некуда! Ваня! Ваня родной! Прости меня! Я умираю!..

— А ты помнишь что говорила там эта старая ведьма?..

— Что?

— А, что такие же «дамы» как мы приезжают к ней не из любопытства «посмотреть», а просто «на работу»!

— Да, что же это такое! Как она смела с нами так разговаривать?!

— Нет! Теперь я прямо уверена, что Маня была в курсе дела; она любит подобные проделки! Ее хлебом не корми, а дай поглядеть какую нибудь пошлость и гадость. Я ее заставлю сознаться во всем!

— Хорошо. Но нам-то от этого не будет легче!..

— А в конце концов, Тина! Я начинаю задавать себе вопрос: что особенного в том, что мы были в этом доме?!.. Ведь наши мужья там бывали не один раз!.. И вовсе не из любопытства только!..

— Нет, не правда! Я не знаю, как твой Алексей, но Ваня никогда не был там, наверно!..

Мы надели халатики и пошли в столовую пить кофе. Вошел Гайдамакин, поставил кофейник.

— Писем от барина нет?

— Нет, нету, — как-то хрипло ответил он.

— Ты что — не здоров?

— Нет, здоров.

Нина посмотрела на него и сказала: — Что Гайдамакин с похмелья голова болит?

— Никак не, зубы у меня болят.

— Ты сходи сегодня же к зубному врачу, а то на фронте лечить трудно. Зубных врачей там мало, — говорю я.

— Пройдут сами, — мрачно ответил он.

Когда он вышел, Нина сказала: — Знаю я какие у него болят зубы; просто был пьян вчера, а сегодня с похмелья голова болит.

Нужно, как можно скорее уезжать отсюда! Иначе пропадешь с ними. Когда Нина ушла домой, я сказала Гайдамакину, что будем укладываться в дорогу. Кажется я все купила и для мужа и для себя. Последний вечер решила провести с детьми. Пришла к Нине задолго до их обеда. Дети очень обрадовались моему приходу.

— Тетя Тина! Мамы нет дома. А ты побудешь с нами? — спрашивали они меня.

— Да, а где мама?

— Она у дяди Яши и скоро придет.

— Хорошо. Я, дети, скоро уезжаю к дяде Ване. Что ему передать от вас?

— Скажи дяде Ване, чтобы он приехал на Рождество, — говорит Надя. — И ты, тетя, поцелуй его за нас.

— А правда, что турки убивают русских солдат? — спрашивает Таня.

— Правда.

— А дядя Ваня лечит турок?

— Лечит, когда привозят раненых или больных в госпиталь.

— А кто страшнее, — турки или немцы?

— Немцы, конечно! Ты ж знаешь, что они взяли папу в плен, — чуть не плача говорит Таня. Она очень любит своего отца.

— Тетичка, это правда, нам очень скучно без папы. Мамы дома никогда нет, папа в плену. И мы всегда одни.

— Ну, как одни? С вами ведь няня и Григорий...

— Да! Но, они чужие! Хоть бы скорее дядя Ваня приехал.

— Почему так долго дядя Ваня не едет домой?

— Война, — трудно уехать с фронта. Его не пускают.

— Тетя, мы играем в войну. Мальчики — солдаты, а девочки — сестры милосердия. Только никто не хочет играть в турок, потому что русские солдаты их бьют! Когда падают русские солдаты, — мы их поднимаем и лечим. А турок — нет.

— Это не правильно! Их тоже нужно подбирать и лечить!

— А ты, тетя, лечила турок?

— Конечно.

— А они страшные ведь?

— Нет. Когда они не стреляют, то не страшные! А просто такие же несчастные, как и наши раненые солдаты.

— Хорошо, тетя. Мы завтра расскажем всем девочкам, что турок нужно тоже лечить. Тетя, всем девочкам их мамы сшили формы сестер. А мы с Таней просто головы завязываем тряпочками, а на фартуки берем Лелины пеленки.

— Жаль, что я не знала этого раньше. А теперь у меня нет времени, а если бы вы сказали мне это раньше, я вам сшила бы настоящие фартуки и косынки.

— Тетичка, а ты не можешь сейчас сшить? Ведь они маленькие?

— Нет, теперь поздно. Спать пора!..

— Пора только для Мары и Лели. А мы можем еще посидеть, — сказала Надя. Но скоро пришла няня и объявила, что

нужно мыться и ложиться спать. Обе девочки смотрят на меня со слезами на глазах: — заступись тетя за нас, — хотят они сказать. Но вместо этого говорят совсем другое.

— Ложитесь дети. А я посижу около вас пока вы не заснете.

— Ты нам расскажи что нибудь о войне и перекрести нас. — Это говорит Таня, которая просто не может никогда заснуть пока ее не перекрестят «на сон». Когда нет дома мамы, то она просит няню. — Няня, перекрести меня! Завтра мама тебе отдаст твой крест обратно...

Долго я сидела около них. Чем больше я рассказывала, тем больше они расспрашивали, а сна ни у кого ни в одном глазу!

— Тетя, а как турки стреляют? А как они попадают в плен? А кто страшнее, — турки или немцы? — И так бесконечно.

— Тетя поцелуй еще раз. Тетя перекрести меня покрепче, — просит Таня.

— Ну, довольно, дети! Теперь уже все сделано крепко и много раз! Спокойной ночи! Спите. — Хочу уже уходить, но неожиданно оказывается, что «мы забыли тебя поцеловать для дяди Ванички». Снова поцелуи, крепкие, и многочисленные, которые нужно отвезти дяде Ване. Наконец отцеловались и выхожу в столовую. Няня собирает детскую посуду.

— Заснули? — спрашивает она.

— Нет еще! Но меня отпустили.

— Они любят разговаривать о войне, о плене. С тех пор, как отец-то попал в плен, как только стану укладывать спать, сейчас же начнут расспрашивать, как живет папочка в плену. Скучают поди? А только сказать не могут, — закончила няня. В это время вошла Нина.

— Дети легли спать? Ты здесь?

— Да, я приходила попрощаться с детьми. Завтра уезжаю.

— Неужели завтра?

— Да, если ничего не помешает.

Дети услышали голос матери и стали кричать: — Мама, мама! Иди перекрести нас! — Нина ушла и скоро вернулась. — Идем к Яше. Там у него играют в карты.

— Идем. Мне нужно попрощаться со всеми. Мы прошли по двору, поднялись на второй этаж и вошли в гостиную, где за карточным столом сидели пять мужчин и Маня Кассер. Вокруг стола, прямо на полу стояли бутылки и стаканы. На столе перед каждым игроком лежали стопки денег. Посреди стола, небрежно брошенные, лежали сторублевки. Как только банкомет увидел нас он прикрыл рукой деньги и заорал во все горло:

— Привели! Ну идите сюда. Вот около меня счастливое место! — Но я сразу заявила, что играть не буду и стала здороваться со всеми. Яша сидел мрачный. Стопка денег перед ним была меньше чем у других; видно ему не везло. Кроме Коженкова и Бакланова, были еще двое новых гостей. Один был Митя Байков, такой же беспутный кутила, как и Яша. А другой Костя Руфин, который не имел никаких определенных занятий, а жил на средства богатой «тети». Он был еще с гимназических лет поклонником Нины.

— Садись! Что можно предложить выпить? — сказал Яша.

— Спасибо. Ничего не надо! Я пришла попрощаться. Завтра уезжаю к мужу, на фронт. У меня еще много дела сегодня. Даже укладываться еще не кончила. Я быстро попрощалась со всеми и ушла домой.

На другой день, когда все было готово и отправлено на вокзал, я поехала к отцу Нины чтобы попрощаться и с ним.

— Хорошо делаешь, что уезжаешь! Тут добром у них не кончится! Все пьянствуют, веселятся! Всем море по колено!.. У Нины муж в плену! Россия в несчастии! А им хоть бы что! Дети брошены на няньку. А мать сидит день и ночь, в Яшкином притоне!.. Ты уж, пожалуйста расскажи Ивану Семеновичу все, что он тут проделывает. Иван Семенович на фронте, Алексей в плену! Теперь полная им свобода! Все прямо «с ума взбесились»! Все кабаки полны народу. Стыдно мимо них по улице ходить! Все пьянствуют, кутят! Жены бросили мужей, мужья жен. Куда мы идем! Чем все это кончится — прямо не представляю себе! И откуда у всех столько взялось денег? До войны все жили скромно. Прислуг не имели, ели одно блюдо. Матери сами нянчили своих детей! Вот у меня живет квартирантка. Была простая женщина; муж служил в управе, получал тридцать пять рублей в месяц. И жили совсем не плохо! Мать сама мыла, стирала, кормила ребят, шила на себя и на них. И вдруг стала барыней. Мужа забрали на войну не то чиновником, не то прапорщиком. Словом, он стал получать большие деньги! Ну, жена сейчас же наняла какую-то девку, накупила нарядов, приказала называть себя не иначе, как «барыней»! Теперь только и слышно целый день, как она кричит на эту девку: — Дура! Дура! Я этого не хочу! Я барыня! — Не стала сидеть дома, бросила смотреть за ребятами. А муж здесь, тоже защеголял в галифе и, когда встречался, так говорил не иначе как: «Мы — офицеры». Потом его куда-то послали, а жена стала получать большие деньги, особенно против того тридцати пяти рублевого оклада, который получал ее муж до войны. Пешком эта «барыня» ходить перестала, но и фаэтонщикам платить не любит.

Приедет на фаэтоне, сунет татарину двугривенный и бегом от него в калитку! Фаэтонщик за ней! — Мадам, мадам! Это мало! Далеко вез! — Тут она загнет такие словечки, что ни одна барыня о существовании их никогда и не подозревала! Но конечно, в первую очередь: — Ах ты, татарская рожа! Да мой муж офицер! И кровь проливает свою для защиты отечества! А вы тут денежки наживаете! Нахальная татарва! — Татарин-фаэтонщик посмотрит со злобой на эту «мадам», подберет вожжи, с презрением сплюнет и уедет. Это мы теперь каждый день наблюдаем. А ведь раньше не только никогда она не ездила на фаэтонах, а и пешком-то в город ходила один раз в месяц, когда муж получит жалованье! Вчера, ее старшенький мальчик выпил поташ из бутылки, которая стояла на кухне. Керосинщик только-что налил, а девка еще не успела убрать бутылку. Мать еще спала, как и полагается «барыне». Слышу крик ребенка! Я был в подвале, как раз под их квартирой. Я побежал туда. Мать с растрепанными волосами, не одетая, мечется по кухне с мальчиком на руках. Льют на него воду, молоко, а у него изо рта идет кровавая пена! Он весь выгибается от боли. Я увидел бутылку от поташа на полу залитом ядовитой жидкостью и сразу понял, что случилось. Надо как можно скорее везти в больницу! Сам побежал на улицу, нашел фаэтон, усадил на него мать с ребенком. Она, как была с растрепанными волосами, так и поехала, только надела платье на ночную рубашку. В больнице ее оставили вместе с ребенком. Сегодня я ходил спрашивал девушку, как мальчик. Она говорит, что еще жив, но очень плох. Доктор говорит, что помрет.

Я собралась уходить. Иван Яковлевич пошел за какой-то знаменитой фуфайкой для мужа, — Вот подарок Ивану Семеновичу от меня! Замечательная Егерьская фуфайка! Лет, никак, двадцать пять как куплена. Все берег ее, чтобы хорошему человеку подарить. Теплая, легкая! Пускай носит на здоровье...

— Иван Яковлевич, может быть она вам самому пригодится? А я для Вани накупила всего довольно...

— Нет, нет мне не надо. А дарить больше некому.

— Ну, спасибо! Я передам ему.

— С каким поездом уезжаешь? Я может быть приду проводить тебя...

Пошла от него пешком и совершенно неожиданно встретила жену офицера Кабардинского полка. Вид у нее был совершенно больной. Лицо измученное, одета во все черное... Неужели убит муж?! Но спросить, конечно, не посмела. Это была такая хорошая и дружная пара и у них тогда был уже сын лет семи и новорожденная дочь. Средств не было никаких, кроме офицерского жалованья.

— Как вы очутились здесь в Баку?

— Я служу на железной дороге. Меня перевели из Тифлиса. Вот хожу и ищу комнату, или маленькую квартиру. Я здесь пока одна. Дети остались у сестры в Тифлисе. Но я не могу без них жить! Хоть-бы Сережу выписать пока! Но у меня нет даже комнаты! А Сережа ходит в гимназию, ему нужно учить уроки; нужно место где спать. Я сама пока живу на вокзале. Мне разрешили спать в той же комнате, где мы работаем днем. Как только все служащие расходятся по домам, я остаюсь полной хозяйкой в комнате. Сплю на диване. Но для Сережи это не годится, жить без своего угла... Хоть-бы скорее найти какую нибудь комнату и выписать Сережу!

— Неужели это так трудно?!

— Для меня очень трудно! В городе есть комнаты и квартиры сколько угодно! Но дорогие — мне не по карману...

— Как досадно, что мы не встретились раньше! Я сегодня уезжаю на фронт к мужу! Но вы непременно зайдите к нам в дом и спросите брата моего мужа какие есть в доме свободные комнаты, или квартиры. У нас вообще не сдают по одной комнате, но я скажу брату, что вы жена офицера Кабардинского полка! Этого будет достаточно, чтобы брат сделал все, что только возможно и даже невозможно.

— Спасибо! Но я теперь уже не кабардинка. Муж убит еще весной. Я его похоронила в Тифлисе. Все, что у меня теперь есть, это дети! Сережа — портрет отца. — У нее задрожали губы и по худым и бледным щекам потекли слезы. — Не могу я жить без детей! Я совершенно становлюсь ненормальной, когда их нет около меня. Не могу ни спать, ни есть. И не могу работать как следует. Меня могут выгнать со службы. А у меня нет других средств, кроме моего жалования. А когда дети со мной, я спокойнее, могу думать и работать.

— Где теперь кабардинцы?

— На западном фронте. Много убито наших офицеров! Капитан Ваксман убит. Он был тяжело ранен, заразился столбняком и умер. Его похоронили на фронте. Оба Строевы отец и сын убиты.

Я не могла слушать дальше это страшное перечисление имен близких когда-то людей... — Я очень тороплюсь! До свидания! Зайдите же. Сегодня у меня много еще работы дома... — Быстро и коротко попрощалась и пошла домой.

— Барыня, все готово! Билеты куплены, багаж сдал. Поезд отходит в шесть тридцать.

— Хорошо, еще время есть.

Пришли Нина, Яша и Маня. Яша принес бутылку вина, открыл и разлил вино по стаканам. — Ну выпьем. Гладенькой дорожки тебе, — говорит Яша.

— Скатертью дорога, ты хочешь сказать?

— Все равно; разница небольшая!

— Ну, спасибо за все! Смотрите за нашей квартирой! — Я отпила немного вина, поставила стакан, посмотрела кругом и пошла в маленькую гостиную надевать шубу.

— Тина, нужно присесть перед отъездом, — сказала Маня.

— Ах, правда! Я забыла. — В семье у нас это делается всегда. Хотя на секунду, но все сядут и перекрестятся перед тем, как выйти из дому. Прощаться начинают только после этого. Почему я сегодня забыла? Никогда ведь не забывала! Мы все сели. Но мне это показалось сегодня чем-то искусственным, странным! Вот, такой пустяк, а больно кольнуло сердце!

Приехали на вокзал. Народу так же много, как и в предыдущие разы. Сначала отошел поезд на Ростов — Москву; потом швейцар возвестил: — Первый звонок, Тифлис — Батум!.. — И вот наконец, слава Богу, все осталось позади! Я еду к Ване!.. Наконец!.. А в этом Яшкином кабаке пускай все хоть обопьются!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Цена 4 долл. 50 цен.

Склад издания:

RAUSEN BROS.
142 East 32nd Street
New York 16, N. Y.